

WARHAMMER
40,000

EMPEROR'S MERCY

Blistering SF action set in the nightmare future of the 41st Millennium

HENRY ZOU

Annotation

Спустя несколько лет после событий на Сирене инквизитор Ободайя Росс и его помощник Сильверстайн направляются в Миры Медины с целью поиска древних артефактов времен Эпохи Отступничества. Тем временем войска Хаоса под командованием архиеретика Хорсабага Моу вторгаются в суб-сектор матереваясь найти её же артефакты для своих собственных темных целей. Армия Броненосцев Хорсабага захватывает имперские миры один за другим, а за командой Росса охотятся убийцы, направленные высокопоставленными чинами имперского командования, замыслившими предательство...

- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)

- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [ГЛАВА 26](#)
- [ГЛАВА 27](#)
- [ГЛАВА 28](#)
- [ГЛАВА 29](#)
- [ГЛАВА 30](#)

- [ГЛАВА 31](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Милость Императора

ПРОЛОГ

ПЕРВЫЙ десантный корабль упал на городском базаре. Он врезался в землю со страшным грохотом, который был слышен в терракотовых долинах далеко за городом.

Подняв тучу пыли и обломков, корабль пробороздил ряды чайных ларьков и тележек торговцев пряностями, его пятидесятитонный корпус несло вперед силой инерции. Наконец, корабль протаранил один из многоквартирных домов, окружавших торговый район, разрушив весь нижний этаж.

Когда город встряхнуло, как от удара землетрясения, у людей, толпившихся на узких улочках базара, вырвался

пронзительный вопль паники. Улицы
начали заполняться бегущими в смятении
людьми, как рекой, вышедшей из берегов.
Из-за тесно стоящих зданий и нависающих
крыш не было возможности бежать или
хотя бы увидеть, что происходит. Тучи
охряно-желтой пыли от каменной кладки
древних зданий поднялись непроницаемой
стеной вокруг места падения.

Когда это произошло, Винимус Дахло
трудился у своей чайной тележки. Он с
профессиональной ловкостью держал
чайники со сладким черным чаем над
железной решеткой, и не видел падения. Но
он его почувствовал, сильная дрожь прошла
по позвоночнику до самого основания
черепя. Когда Дахло поднял взгляд,
покупатели, стоявшие или сидевшие на
стульях вокруг него, все указывали руками
в одном направлении и возбужденно
кричали.

Они указывали куда-то вдоль улицы.
Куда-то за брезентовые навесы, за кучи
мешков с зерном, разноцветных шелковых
тканей, фарфоровой посуды и сушеных
фруктов. Туда, где узкая улица была

взрыта каким-то гигантским снарядом, упавшим с неба.

Дахло бросил свою чайную тележку без присмотра, что было совсем не характерно для человека, столько благородного, как он. Охваченный внезапным страхом, он проталкивался сквозь толпу, вытягивая шею, чтобы взглянуть на царившее вокруг разрушение. Торговцы, рабочие и толпы женщин в шашках, оставив свою работу, начали собираться вокруг места падения.

Когда огромное облако пыли начало оседать, их взору открылась глиняная металлическая капсула, лежавшая в развалинах. Она была похожа на некий подводный аппарат, вытасченный на берег, где металлическая обшивка была покрыта ржавчиной и окалиной.

Никто не знал, что это и что с этим делать. Нага была пограничным миром Коридора Медина, и единственными воздушными судами, посещавшими ее порты, были корабли Улперута, ввозившие десятину тканей, керамикой и пряностями. Возможно, поэтому, когда в

брюхе странного корабля с шипением гидравлики открылся люк, толпа только подошла ближе.

Однако Винилус Дахло начал проталкиваться назад. Его не захватило возбуждение любопытствующей толпы. Что-то — возможно, горячее покалывание в затылке, или ощущение спазмов в животе — что-то предупредило его, что здесь что-то не так.

Из люка выбралась бронированная фигура, словно новорожденный детеныш некоего ужасного чудовища. Сначала показалась голова, гүтановидная по форме, но полностью покрытая полосами какого-то металлического сплава. Потом из люка появилось туловище, облаченное в кольчугу и кирасу из железных лепестков. Одновременно на обоих бортах корабля начали открываться другие люки, и из них вылезали новые бронированные фигуры. У началась бойня.

Она началась с одного выстрела, эхом раздавшегося в настороженной тишине, воцарившейся на базаре. Лазерный разряд поразил молодую девушку. Она безжизненно

понихла, тела тех, кто стоял рядом с ней, не давали ей упасть, а по толпе волнами начала распространяться паника. Вопли ярости и смятения, прерываемые треском лазерных выстрелов, разорвали тишину, стоявшую лишь секунду назад.

Высоко над городом новые десантные корабли мчались к поверхности, пронзая облака. В охряном небе Наги десятки кораблей превратились в сотни, сотни — в тысячи.

МЕНЕЕ чем в двух километрах от базара, на стенах крепости городского гарнизона нес службу 22-й дивизион ПВО Наги. Даже с помощью своих приборов наблюдения они не могли видеть бойню на рынке. Но солдаты заметили розовые и багровые вспышки лазерных выстрелов издалека, и от одного этого зрелища потели ладони и сжимались челюсти. А в облаках над ними корабли, подобные тому, что упал в торговом районе, сыпались с неба, как листья осенью.

Грозные установки счетверенных автотопушек поднимались над уступчатыми

террасами и многоэтажными домами. Как и большинство военной техники на Наге, пушки были устаревшими, и хранились в арсенале больше по привычке. Сами орудия представляли собой зенитные установки типа «Онагр». Притупившая, но надежная местная разработка, каждый 50-мм ствол оборудован пневмоприводом. Темп стрельбы до 6000 выстрелов в минуту по воздушным целям на малых высотах. Установленные на плоских крышах и минаретах большинства наганских городов, «Онагры» были основным оружием Ополчения Синдиката — СНО Наги, применявшимся для поражения и воздушных, и наземных целей.

Майор Мейс Чанта, командир 22-го дивизиона НВО, ничего сейчас так не хотел, как обрушить этот ливень огня на странные чужие корабли, падающие с небес. Стоя на круглой платформе, с которой открывался вид на город, майор смотрел в бинокли, как странные объекты со злобещей грацией падают на городские районы.

— Какие приказы из штаба дивизии? —

спросил Чанта.

— Ждать дальнейших указаний, сэр, — ответил вокс-связист. Этот ответ Чанта получал все время за последние сорок минут, и, в действительности, не ожидал услышать что-то иное. Чужие корабли падали с неба, как дождь, зловеще чернея в янтарных облаках, но солдатам было приказано ждать.

Дивизион был развернут с возможностью ведения огня с перекрытием участков, батареи «Онагров» установлены на господствующих высотах города. Всего под командованием майора Чанты было сто двадцать солдат, одетых в стеганые камбезоны из саржи цвета хаки — униформу Ополчения Синдиката. Высокие воротники этих толстых стеганых курток защищали нижнюю часть лица от постоянных пыльных бурь. Солдаты были горожанами-ополченцами, им приказали прибыть к месту службы менее сорока минут назад, когда первые корабли вошли в атмосферу. Но мобилизация проводилась неуверенно, в обстановке всеобщего смятения и неопределенности

нерешительной стратегии обороны.

Чанта от волнения закусил нижнюю губу, привычка, от которой он не мог избавиться с детства. На этот раз он закусил губу до крови. По профессии Чанта был бухгалтером, он унаследовал эту профессию от отца благодаря хорошему образованию и общественному положению. Но Мейс Чанта не был солдатом; его руки привыкли держать не оружие, а перо, были покрыты не мозолями, а чернилами. Здесь было не место для него. Вокруг Чанты в напряженной тишине собрались солдаты 22-го дивизиона, некоторые просто смотрели в небо, другие ждали от майора приказов.

Приказов не было. Нага была маленьким пограничным миром в Лузитанском суб-секторе на Восточной Окраине, и воинская доблесть не была самым важным качеством для ее жителей. Военное командование планеты пребывало в затешательстве, и не могло обеспечить решительное руководство солдатами, занимавшими боевые посты у устаревших орудий из арсенала Наги.

Большинство его подчиненных в первый раз прибыли на свои посты не глядя на Чанту, и они ничего не могли сказать им. А корабли продолжали падать.

— Повтори мне в точности, что они сказали, почему нам нельзя открыть огонь? — спросил Чанта связиста. Он уже спрашивал его об этом, но ему нужно было услышать это снова.

— Сэр, аппаратура дальнего обнаружения не может идентифицировать приземляющиеся объекты. Хотя, возможно, это десантные корабли, предварительные меры обороны не могут быть предприняты без полной идентификации, сэр.

Чанта уже не слушал. Назвать сенсорную аппаратуру Наги архаичной было бы изрядным преуменьшением. Проржавевшие антенны станций обнаружения, расположенных на вершинах песчаных дюн западного континента Наги с трудом могли обнаружить даже присутствие корабля, не говоря уже о том, чтобы идентифицировать его.

Чанта посмотрел в небо, словно в поисках некоего божественного знака. Увидел он его или нет, зрелище кораблей, повсюду сыпавшихся с неба на его планету, заставило его принять решение.

— Капрал, передайте приказ всем батареям открыть огонь, — приказал майор Чанта.

— Сэр? — переспросил вокс-связист, на его лице отразилось смятение.

— Приказываю открыть огонь. Быстрее, капрал, — сказал Чанта, натягивая стеганый воротник цвета хаки на лицо. Он не хотел, чтоб солдаты увидели его окровавленную нижнюю губу, кровь уже испачкала его форму цвета слоновой кости под галбезоном. Никогда в жизни майор Чанта еще не испытывал такого страха. Если он ошибся, это ему чертовски дорого обойдется, но если он прав, то это уже не имеет значения.

ГЛУБОКО под поверхностью Нагиз подземное хранилище вздрагивало от ударов. Всеобщая катастрофа не обошла туннели и хранилища, сетью

раскинувшиеся по континентом,
несмотря на глубину, на которой они
находились. Песок сыпался с балок, когда
многочисленные удары продолжали
терзать поверхность мира. Содрясение
чувствовалось глубоко в катакомбах, в
которых находились библиотеки, и даже
еще глубже, в архивах. Помещения для
писцов тоже страшно трясло. Казалось,
сама планета разваливается на части.

Эльхем Метигес, старший
архивариус, уже начал опасаться худшего.
Стеллаж с книгами в триста метров
высотой, начал опасно трястись,
содрогаясь на своих деревянных опорах,
таких старых, что они стали пепельного
цвета. Том «Движения звезд»,
девятистолетнего альманаха, слетел с
полки в семьдесят метров выше, у
северного входа в хранилище. Книга со
свистом пролетела мимо Метигеса и
разбилась о кафельный пол рядом с ним,
разлетевшись вихрем пергаментных
листочков.

-- Метигес! Метигес! Что
происходит? -- воскликнул богослов Амаго.

— Я... — начал архивариус. Но он не знал, что ответить на этот вопрос. Метигесу было уже за пятьдесят, и большую часть своей жизни он был хранителем книг. Многие считали его эрудитом, человеком энциклопедических знаний. Если кто-то на Наге и понимал, что за катастрофа сейчас происходила на поверхности, то Метигес, вероятно, был одним из таких людей. Но он не хотел сеять панику.

— Землетрясение, конечно, — солгал он.

— Не может быть! Эта часть хранилища не находится близко к разломам или зонам субдукции! — закричал богослов, хватаясь за рукав льняной рубашки Метигеса.

— Вы знакомы с работами Алоуизия Спара?

— Нет...

— Прекрасно. Тогда вам абсолютно нечего волноваться, — съязвил Метигес, освобождая рукав.

— Но Метигес, некоторые говорят, там наверху идет бой! Там война? Но

почему?

Эльхем Метигес глубоко вздохнул. Возможно, другие уже знали, или, может быть, они читали те же тексты, что и он. Библиотеки в лабиринтах катакомбного пространства Наги служили главным архивом Миров Медины. Хотя в них хранилось все, от военной поэзии эпохи, предшествовавшей Ереси, до данных по товарообороту в суб-секторе за последний месяц, была и такая вероятность. Работы Алоуизия Спара были не слишком известны, но все архивисты в душе обожали приобщаться к тайному знанию.

-- Зачем кому-то сражаться за Миров Медины, как не ради Старых Королей Медины? -- серьезно произнес Метигес.

Амадо встряхнул головой и расстелся.

-- Старые Короли Медины -- это же миф, сказка.

-- Тогда зачем, Амадо? Вы же ученый человек. Или вы не знаете? Нага -- маленькая планета пограничного сектора. Она не имеет ни стратегического значения, ни сколько-нибудь значительных

ресурсов.

Теперь архивариус схватил Аладо за
рукав.

-- Алоузий Снар предупреждал нас о
Старых Королях Медины. Он предсказал,
что они могут принести в наш мир войну
со звезд. Почему вы смеетесь?

-- Потому что это детские сказки!
Реликвии Эпохи Отступничества,
спрятанные и забытые на одном из Миров
Медины? Нет даже никаких
правдоподобных сведений о том, что это
такое, и где они могут быть! Чистая
выдумка!

-- Алоузий Снар ничего не выдумывал.
Он знал законы неизбежности. Если
Старые Короли были потеряны в Мирах
Медины, неизбежно кто-то попытается
найти их, сейчас или через сто тысяч
лет.

-- Кто был этот Алоузий Снар?
Пророк?

-- Нет. Военный тактик. Лорд-
генерал Эпохи Отступничества.

-- Ах, -- кивнул Аладо, явно
шошеломленный.

Метигес отпустил его рукав. Его речь прервалась, когда в хранилище из коридоров катакомб стали входить другие работники архива. Некоторые из них кричали, некоторые плакали, другие потрясенно молчали, глядя остекленевшими глазами.

— Они здесь! Война! На Нагу пришла война!

Но всеобщему ступору это было и так ясно.

Прежде чем Метигес смог расслышать что-то еще, какофонию криков заглушил страшный грохот с поверхности. Три стойки с книгами рухнули, две у северного входа, и одна рядом с западным, сотрясаемые деревянными опорами уже не могли их держать. Стометровые полки опасно закачались, и книги хлынули с них потоком. Лавина прозы, поэзии, и исторических документов погребла под собой всех, кто находился в хранилище.

К своему счастью, Эльхет Метигес быстро потерял сознание. Он не слышал криков своих утирающих коллег и гробовой

тишины, последовавшей за ними.

В СТРАШНОЙ давке в толпе Винилус Дахло потерял свои счеты. Его чайная тележка тоже была опрокинута, но ее можно было починить. А счеты были очень дороги ему. Они были вырезаны из ароматного красного дерева, это был подарок жены. Его жена два года копила деньги на этот подарок, собирая их в помятой консервной банке, спрятанной в колыбели их дочери.

Он искал счеты, ползая на четвереньках в желтой пыли, поднятой паническим бегством толпы. Люди непрерывным потоком бежали по улице, опрокидывая лотки и прилавки, толкаясь и падая. Торговец, несущий клетки с декоративными птицами на шесте, споткнулся о ноги Дахло. Негаленко, продавщица гончарных изделий жалобно плакала, ее глиняная посуда была разбита и затоптана толпой. И сквозь весь этот шум непрерывно слышался треск выстрелов.

Дахло в своих поисках пришлось

двигаться против течения толпы, наконец, он заметил, как в известковой пыли мелькнуло резное дерево. Пригнувшись и защищая голову руками, Дахло рванулся сквозь толпу. Спотыкаясь, он пробился через остатки чье-то ларька с косметикой. Маленькие банки с красками — красной для губ, фиолетовой для глаз, кремовой для щек — были все раздавлены. Давление толпы было таким сильным, что Дахло едва не сбили с ног и оттащили назад на несколько метров.

Отчаянно пробивая себе путь в давке, Винимус Дахло увидел свои счета на земле. Лак немного стерся с них, но в остальном они были невредимы. Он бросился к ним, и, схватив, прижал дорожкой подарок к груди. Когда Винимус уже повернулся, чтобы бежать обратно, вдруг чья-то сильная рука схватила его за украшенный бисером воротник куртки и швырнула на землю.

Он тяжело упал на спину. Падение оглушило Дахло, ему понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. У него, что он увидел, затопило его сердце

медяным ужасом.

Над ним стоял один из бронированных убийц.

Он был высоким и мощным, облаченным в тяжелые слои кольчуги и металлических пластин. Это был монстр, дикий и свирепый. На его бронированной груди висели многочисленные патронташи и подсумки с боеприпасами и гранатами.

Но что больше всего ужаснуло Дахло — это его голова. Его голова была словно обмотана железом. Полосы металла покрывали ее всю, от верхней части черепа до нижней челюсти, с небольшим отверстием для рта и узкими щелями для глаз. Дахло видел, что из щелей между железными полосами сочится гной.

Нарочито медленно облаченный в броню убийца поднял кулак в латной перчатке. К ее тыльной пластине был приварен тридцатисантиметровый шип, и убийца неторопливо занес его над своей жертвой. Дахло был уверен, что под железными пластинами чудовище улыбається.

— Пожалуйста, лучше застрели меня.

прохрипел Дахло, и тут же пожалел об этом. Он ведь всегда представлял себе, что его последние слова будут спокойными и мудрыми.

ТРАССИРУЮЩИЕ снаряды
врезались в стратосферу, облака разрывов покрывали небо, как клочья перламутра. Несмотря на отчаянное сопротивление, корабли продолжали падать на поверхность. Десятки их были сбиты зенитным огнем, рассыпаясь в небо пылающими обломками. Но еще десятки продолжали лететь к поверхности сквозь оранжевые сумерки, и приземлялись в огромных тучах пыли.

Майор Чанта, присев за щитом «Онагра», поворачивал механический прицел, четыре ствола извергали в небо потоки огня. Его наводчик был убит. Теперь противник обстреливал их позиции с земли. Захватчики продвигались в Центральную Нагу, сняв оборону наземных частей Ополчения Синдиката. Вокс-связь молчала. Большая часть города горела.

Насколько майор знал, он остался

самым старшим по званию офицером в этом районе. Его дивизион ПВО сделал все, что мог, но этого было совершенно недостаточно, даже если бы они открыли огонь раньше. Массовая высадка войск противника была абсолютно сокрушительной. Уставы и наставления СНО никогда не готовили к чему-то подобному. Повсюду, до самого горизонта, город наводняли вражеские войска.

Все это было так оглушительно, так страшно. От постоянного грохота орудий у Чанты звенело в ушах. Ослепительные вспышки разрывов обжигали глаза. Неудивительно, что майор Чанта не заметил, как солдаты противника обошли позиции дивизиона по крышам с фланга и атаковали расчеты орудий в рукопашной схватке. Продолжая вести огонь, майор не замечал, как его «Онагры» захватывались противником один за другим. Совсем близко от него, в тридцати метрах, «Онагр» батареи «Дельта» был захвачен солдатами Великого Врага, наводчики и заряжающие сброшены с платформы на крыши внизу.

--- Капрал, свяжитесь со всеми батареями и выясните их обеспеченность боеприпасами. Они заканчиваются? -- приказал майор Чанта, продолжая стрелять.

Ответа от вокс-связиста не последовало.

--- Капрал? Подтвердите? -- повторил майор. Ответа не было.

Майор Чанта почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Он медленно обернулся. И то, что он увидел, было самым жутким зрелищем, которое он видел когда-либо.

Кaprал Анан был мертв. Его тело держал на руках один из воинов Великого Врага. Бронированный убийца медленно раскачивался, сидя на корточках и что-то напевая. Он развлекался, вырисовывая узоры на земле кровью капрала.

--- Ты что делаешь?! -- закричал майор Чанта со смелостью, которой на самом деле не чувствовал.

Броненосный монстр посмотрел на Чанту. Его голова была вся закрыта пластинами металла, и невозможно было

понять, какие эмоции отражаются на его лице. Боец Великого Врага дернул головой, почти насмешливо, и поднялся на ноги. Из ножен, висевших на одном из ремней на груди, он вынул изогнутый мечете.

Майор вскочил с ковшеобразного сиденья «Онагра» и схватил первое попавшееся оружие. Это оказалась палка для наказания солдат. Пятидесятисантиметровая дубинка из полированной твердой древесины, которая выдавалась всем офицерам Ополчения Синдиката Наги. Она не была настоящим оружием, но Чанта надеялся, что и этого будет достаточно.

Тяжело дыша, Чанта ударил дубинкой. Противник отбил удар своим мечете, и, шагнув вперед, пробил защиту Чанты. На руке бронированного монстра оказалось лезвие, укрепленное на железной пластине вдоль предплечья. С силой надавив мечете, противник полоснул лезвием на предплечье по животу Чанты.

Тонкое, как бутага, лезвие прорезало саржу галбезона, на мундире цвета

слоновой кости под ним расплылось яркое пятно крови. Чанта, всхлипнув, отшатнулся, и его колени подогнулись. Все было кончено. Вражеский воин прыгнул на него, нанося удары лачете снова и снова.

ДОЛЖНО БЫТЬ, его заставил очнуться топот солдатских ботинок. Или грубые голоса, по-военному четко выкрикивающие отрывистые приказы. Так или иначе, Эльхем Метигес медленно приходил в сознание, слыша шум и голоса врагов, ворвавшихся в его архив.

Он не мог двигаться. Его позвоночник был согнут в таком положении, что при каждом мучительном вдохе лопатки, казалось, вонзались в легкие с обжигающей болью. Он был погребен под книгами, тысячами и тысячами книг. Том «Саговодства Западного Архипелага Нагу» врезался в его почки. Метигес знал, что это именно та книга, потому что искусные медные украшения на ее обложке были слишком острыми. Хороший архивист помнит такие вещи.

Вокруг раздавались резкие голоса на

языке, которого Метигес не понимал. Это был человеческий язык, но такой, с которым ему не доводилось встречаться за все годы работы в архиве. По тону и модуляциям Метигес мог только предположить, что это язык Хаоса.

Мысль о том, что слуги Хаоса обыскивают лабиринты архива, за который он отвечал, наполнила душу Метигеса мучительным страхом. Он боялся не за себя — его молодость давно прошла, старые больные кости давно хотели покоя, и он был готов встретить свою участь с порожденным мудростью спокойствием. Нет, его рациональный разум боялся за миры Медины.

Война, по крайней мере, полномасштабная, не терзала звездное скопление целых четыре тысячи лет. Но сокрушительная ярость атаки, которой подверглась Нага, говорила о чем-то большем, нежели просто нападение пиратов. Это была настоящая война.

Метигес знал, что за такие незначительные пограничные миры, как Нага, никто не будет сражаться без

важной причины. Нет, войны ведутся только тогда, когда выигрыш стоит цены, уплаченной за победу. Коридор Медины не был стратегически важным маршрутом суб-сектора. Это не укладывалось в разуме Метигеса.

Через несколько секунд блестящий интеллект Метигеса пришел к заключению. Что бы ни было причиной нападения на Нагу, это -- лишь средство к достижению цели. И эта мысль наполнила его еще большим страхом.

Метигес знал, что он должен сделать. Не позволить врагам найти то, что они ищут, что бы это ни было. «Выжечь всю землю и не оставить врагу ни одного зерна, ни одного плода» -- цитата одного из любимых военных философов Метигеса. У него не было иного выбора.

Преодолевая боль при каждом вздохе, Метигес потянулся рукой сквозь кучи книг, пока его пальцы не коснулись пояса. Ему понадобилось некоторое время, чтобы схватиться за газовую лампу, висевшую на поясе. Освободив ее из-под книг, Метигес

открыл заслонку и включил газовый конденсатор. Затрещал крошечный огонек.

Сначала ничего не произошло. Но потом пламя коснулось листов хрупкого манускрипта рядом с лампой. Они загорелись, пламя охватило соседние книги, и вскоре в архиве полыхал огромный столб огня в шестьдесят метров высотой.

Старый Эльхел Медигес, старший архивариус, умер быстро. Он сжег десять тысяч лет имперской истории и литературы, некоторые книги были уникальны и потеряны навсегда. Но, сделав это, он нанес удар захватчикам, лишив их того, что они искали. Нага погибла, но, возможно, Медина будет жить, ее история продолжится и будет написана снова.

СООБЩЕНИЕ инквизитору Ободайе
Россу было крайне срочным, доставленным прямо из Орго Еретикус. Его доставил механический голубь в конверте из вощеной бумаге, запечатанном алой печатью -- знаком высочайшей власти Инквизиции.

Письмо было настоящим приглашением прибыть на Конклав Медины, собиравшийся в связи с «катастрофой локального масштаба». Это был такой способ Инквизиции дать понять своему агенту, что у него нет выбора. По опыту Росс, чем более недооценивалась ситуация, тем более апокалиптической она могла оказаться. Сам факт, что сообщение было доставлено из Коридора Медины военным фрегатом за три недели полета, подчеркивал его важность.

Так вышло, что сообщение не могло прибыть в более неподходящий момент. Росс в течение нескольких месяцев расследовал дело о заговоре предателей среди олигархии и управляющей администрации Звезд Бастиона. Большею частью это была скучная бумажная работа, бесконечные часы изучения документов, гроссбухов и прочих сведений. И вот его расследование принесло плоды. Росс наконец-то вычислил заговорщиков среди узкого круга элиты милитократии Бастиона.

Но теперь Росс не сможет принять

участие в операции по их захвату. Сообщение из Орго Еретикус прибыло, как это бывает с большинством таких сообщений, в самое неподходящее время, когда Росс уже чистил оружие, готовясь к операции в окружении суровых бойцов Внутренней Гвардии, которым не терпелось обрушить возмездие на заговорщиков. Гвардейцы стесались, утешая инквизитора, похлопывая его по спине и пожмая руки, но это никак не могло повлиять на тот факт, что Росс не увидит плоды своего тяжелого труда. Уникакие проклятия и ругательства не могли изменить этого. Но это все равно не удерживало Росса от ругательств и проклятий.

К тому времени, когда Росс отправился в трехнедельное путешествие от Звезд Бастиона к Коридору Медин, вторжение врага в Миры Медин бышевало уже пять месяцев. На этой стадии война, по словам инквизитора Росса, достигла воистину апокалиптических масштабов.

Воинство Великого Врага ураганом

смерти пронеслось по системе, сметая неподготовленное имперское сопротивление. Это были Броненосцы, корсары Восточной Окраины, последние шесть столетий периодически нападавшие на судоходные маршруты Миров Мегины. Но теперь они собрали армию невиданной до сих пор численности, и сражались, как единая сплоченная сила под командованием Хорсабага Моу. По данным разведки численность войск противника оценивалась не менее чем в семь миллионов.

Полки Кантиканской Колониальной Гвардии, представлявшие собой главные силы Имперской Гвардии в Мирах Мегины, насчитывали не более девятисот тысяч солдат, включая различные вспомогательные части и нестроевых. В первый же месяц войны Кантиканская Колониальная Гвардия потерпела серию последовательных поражений в пограничных мирах. Имперские войска понесли тяжелые потери, Верховное Командование пребывало в страхе и растерянности, весь фронт был на грани

разгрома.

Еще более пугающими были сведения, полученные разведкой, что Броненосцы — лишь авангард сил Великого Врага. Семь миллионов Броненосцев Хорсабага Мору были наконечником копья армады Хаоса, готовой вторгнуться из-за пределов Восточной Окраины.

По этой причине имперские подкрепления сосредотачивались в соседних системах Скопления Стаи и Звезд Бастиона. Медина имела малое стратегическое значение для суб-сектора. Несмотря на население в шестнадцать миллиардов человек, Коридор Медины был, фактически, отдан в жертву врагу.

ГЛАВА 1

Посреди эллиптического полумесяца Коридора Мегины пришвартовался на высокой орбите имперский 9-й Патрульный флот.

Пять десятков кораблей сияли в розоватых искрах звездного света, кружившихся, как триллионы пылинок. Фрегаты, похожие на зазубренные клинки, и величественные имперские крейсера, с корпусами, напотивавшими копыта, выстраивались в оборонительный ордер. По меркам флота это соединение никоим образом не являлось большим. В глубинах космоса флотилия казалась слабой и уязвимой, теряясь на фоне дылчатой бесконечности галактических

түманностей.

Флагманом 9-го флота был «Карфаген», гранд-крейсер более девяти километров глиной. Это был старый корабль, даже по имперским стандартам. От позолоченного клиновидного носа до гофрированной обшивки блоков реакторов варп-двигателей гранд-крейсер демонстрировал угасающую элегантность прошлых эпох.

С начала вторжения армады Хаоса в Миры Медины, «Карфаген» стал руководящим центром упорного имперского сопротивления. Сейчас на его борту, в огромном ангаре объемом в кубический километр, ждал лорд-маршал Варуга Кхмер. Ему не нравилось, когда его заставляют ждать, особенно на борту его собственного корабля. Его раздражало, что человек его звания должен потеть в угнетающей жаре ангара, среди простых солдат и рабочих.

Под стрельчатými арками ангара погрузочные сервиторы, гудя сиренами, перегружали припасы с грузовых транспортеров. Рабочие команды,

покрываясь потом, трудились в ремонтных отсеках и заправочных пунктах. В дополнение к пандемониуму ревущих сирен, грохота механизмов, криков приказов и угдушливой жары добавлялся рециркулирующий воздух из вентиляционных труб, что раздражало лорда-маршала до бесконечности. Кипящая злость, исходившая от Кхтера, была столь ощутимой, что члены экипажа и даже сервиторы старались обходить его подальше.

Стратосферный челнок, прилета которого он ждал, опустился на палубу ангара почти шесть минут назад. Но никто из него не вышел. Кхтер уже в шестой раз посмотрел на свои роскошные часы на золотой цепи, вынув их из кармана.

— Если он не вытащит свою задницу оттуда, прежде чем я досчитаю до десяти, я пристрелю его, — прорычал лорд-маршал. Его телохранители, высокие и сильные офицеры военной полиции, застеснялись. Впрочем, некоторые застеснялись из страха.

Лорд-маршал Кхмер физически выглядел не слишком внушительно. Он был ниже среднего роста и довольно худощавого телосложения для человека за шестьдесят. Но он держался с таким достоинством, словно нес королевскую мантию на плечах. Несмотря на невысокий рост, было в его внешности что-то тревожное, даже пугающее. Это чувствовалось во всем, до малейших деталей. Его движения были хирургически точными, каждый жест был быстрым и четким. Кхмер был настолько преисполнен напряженной внутренней силой, что, когда он сжал руки за спиной, кожаные перчатки издали скрипяще-стонущий звук.

Казалось, так много неистовой энергии и страсти сосредоточено в столь небольшом сосуде, что от него словно сыпались искры, как от перезаряженного аккумулятора лазгана.

Наконец с фюзеляжа челнока с шипением гидравлики на палубу опустился трап. Лорд-маршал Кхмер напрягся. Его двенадцать телохранителей стояли как сторожевые псы, разминая мышцы под

своей прорезиненной облегающей формой и броней.

Инквизитор Обогайя Росс
прогулочным шагом вышел из люка челнока. Он явно не спешил. Росс был толстым человеком — для инквизитора. Его лицо было красиво углиненным. Хотя он прибыл в зону военных действий, на нем не было ни доспехов, ни военной формы. Вместо этого он был обнажен до пояса, в белых брюках для верховой езды и низких кожаных ботинках, его тело было гибким и мускулистым. На коленях были толстые кожаные наколенники, на руках — боксерские перчатки.

Кхтер немедленно его возненавидел.

— Лорд-маршал! Я немного увлекся тренировкой. Надеюсь, что не заставил вас ждать, — сказал Росс, проходя сквозь ряды телохранителей.

Разозленный лорд-маршал в своей пышной парадной форме, весь в золотых аксельбантах, сияющих медалях и расшитом золотом бархате, смотрел на толстого инквизитора с нескрываемым отвращением. Кхтер ожидал большего.

Обогайя Росс был вызван сюда Конклавом
Унквизиции, чтобы оказать содействие в
военных усилиях по обороне Миров
Медины. Лорд-маршал и до того
испытывал серьезные сомнения в
уместности вмешательства Унквизиции в
военные усилия. И этот новоприбывший
только укрепил его сомнения.

-- Заставили. И это станет
прецедентом в отношениях между
Имперским Верховным Командованием и
Унквизицией? -- сердито ответил Кхмер.

-- Считайте, как вам угодно, сэр.

Росс сейчас был на расстоянии
вытянутой руки от лорда-маршала.
Унквизитор двухметрового роста
возвышался, как великан, над невысоким
Кхмером. Фаланга офицеров военной
полиции соткнула ряды. Их огромные
щиты и силовые глубинки были опущены, но
явно готовы к бою.

-- Не было необходимости приводить
такой комитет по встрече, лорд-маршал.

-- Росс кивнул на полицейских.
Телохранители были скрыты
оскорблением, таким, которого

инквизитор не мог не заметить.

— Вы своих привели, — Кхмер указал на человека, который вслеп за Россом вышел из челнока.

Бастизель Сильверстайн небрежно отмахнулся. Он был высоким подвижным человеком лет сорока. Худощавый, как гончая, одетый в пальто из искусственно выделанной кожи пираназатора, он производил впечатление сурового воина-аристократа. В руках он держал автомат с оптическим прицелом — самозарядную винтовку, окрашенную в камуфляж под стилизованную листву.

Он высокомерно шагал по палубе, едва удостоив взглядом могучих военных полицейских.

«Инквизиторский агент», подумал Кхмер. Видимо, еще один из пешек Конклава. Насколько знал Кхмер, эти агенты не были солдатами, а значит, им нельзя было доверять. С него и так уже было достаточно этого инквизиторского цирка на борту «Карфагена», и ему надоело это терпеть.

— Сразу прояснил один вопрос,

инквизитор. Я не хочу видеть вас здесь.
Как и кого-либо другого из вашего
Конклава, -- заявил лорд-маршал.

-- О, это вполне понятно, -- ответил
Росс, ничуть не смутившись.

Кхтер продолжил:

-- Но Магистр Войны Соннен
приказал моему штабу сотрудничать с
Конклавом Медины. Конклав прислал сюда
вас. Не пугайтесь у меня под ногами, и
тогда мы сможем наладить
сотрудничество, понятно?

Ободайя Росс вытер льяняным
полотенцем пот со своих мускулистых
плеч. Казалось, этот разговор совсем ему
неинтересен. Наконец, он посмотрел на
лорда-маршала и моргнул.

-- Можете подать мне чистое
полотенце?

Лорд-маршал Кхтер напрягся.
Незаметно от всех он так сжал в руке свои
часы, что по стеклу циферблата пошли
трещины. И командующий, и инквизитор
были известны своим нравом, и события
могли развиваться по-иному, если бы в
этот момент не появился Форг Гүрион.

-- Ободайя! Добро пожаловать на борт! -- воскликнул инквизитор Форг Гүрион, подходя к ним, его аугметические ноги лязгали по палубе.

-- Мастер Гүрион, -- сказал Росс, низко поклонившись старшему инквизитору.

Лорд-маршал прочистил горло.

-- Гүрион. Я приветствую нашего уважаемого гостя. Мы тут пришли к общему соглашению, -- сказал он, со змеиной улыбкой глядя на Росса. -- Жду вас на нашем штабном совещании вечером в шесть часов. Не опаздывайте.

После этого лорд-маршал Кхмер повернулся с отработанной ловкостью строевого офицера, и угалился, сопровождаемый телохранителями.

-- Вижу, сотрудничество у вас тут развивается более чем успешно, -- пошутил Росс, когда командующий покинул ангар.

Гүрион устало пожал плечами.

-- Дипломатия -- не самая сильная сторона лорда-маршала, но его действия как командующего безупречны. Нам нужны такие опытные и храбрые офицеры, как он.

если мы хотим пережить эту кампанию.

--- Все настолько плохо?

Гүрион мрачно посмотрел на него.

--- Пойдем, Ободайя. Тебе многое нужно узнать.

КАЮТА, отведенная Гүриону, могла когда-то называться роскошной. Большой салон в кормовой части крейсера, там, где располагались офицерские каюты, не ремонтировался, наверное, с первого полета «Карфагена» шесть тысяч лет назад. Внутри каюта была освещена голубовато-оранжевым светом фонарей. Стены были обиты бархатом, украшенным цветочными узорами, когда-то яркие цвета ткани потускнели, ставшись кремовыми и желтоватыми оттенками. Огромные шкафы, кресла с подлокотниками и стулья с изогнутыми ножками, богато украшенными деревянной резьбой. В центре каюты стоял огромный рояль, его деревянный корпус был вручную разрисован узорами в виде тысяч птиц и стилизованных растений.

Инквизитор Росс подошел к

Клавесину, на декоративной крышке которого лежала карта Миров Медины. Карта была древняя, настоящее произведение искусства, созданное несколько столетий назад, на ней были изображены три главных мира Коридора Медины — Кантика, Холпеш и Аригун — в окружении окраинных миров. Тонкий пергамент карты был испещрен заметками и комментариями Гүриона, написанными от руки.

— Мы проигрывает войну, — сказал Гүрион, ставя пластинку на фонограф. Ударяющей трубы слышались звуки «Симфонии старых времен» Франчески. Это была та же симфония, которую Гүрион включал в своем командирском БТР, когда он возглавил контрреволюцию лоялистов на Скарбарүсе восемь лет назад. Росс тогда только что получил звание инквизитора, и служил под командованием Гүриона, руководившего общей операцией ордосов. Резкие, напряженные композиции Соломона Франчески напояли ему о долге и верности.

— Проигрывает или уже проиграли? —

спросил Росс.

— Пограничный мир Нага захвачен противником пять месяцев назад. После этого силы Хаоса обрушили удар на окраинные планеты Медины.

Гурион и Росс склонились над картой. В гылчатом свете газовых фонарей Росс только сейчас заметил, как сильно постарел его начальник. Гурион выглядел усталым и болезненно бледным. Для Россона он всегда был закаленным ветераном, почти две сотни лет безупречно служившим Унквизиции. Его позвоночник был сломан и укреплен аугметикой во время Нагения Пятой Республики в Корсиканском суб-секторе. Ноги ниже бедер были потеряны в Орфейском Восстании и заменены аугметическими протезами из гофрированной меди, проводов и фибромускулов. И все же он выглядел еще более старым, чем его помнил Росс.

— Нага захвачена. Пали Ниневия, Вавилон и Тарсис. Все окраинные планеты захвачены силами Хаоса. Имперские войска отступили, перейдя к войне на истощение в центральных мирах Медины.

- Кантике, Аригуне и Холпеше.

-- У как идет кампания в центральных мирах?

-- Судя по информации о живой силе, снабжении и положении войск противника, имперские войска не смогут удерживать центральные миры больше трех месяцев.

Выражение лица Росса потрачнело.

-- Тогда, похоже, мы тут зря тратим усилия. Почему бы не отвести войска и флот к Звездам Бастиона и не укрепить оборону там?

-- Верховное Командование все время твердит мне об этом, но нет. Я полностью убежден, что если бы целью противника были Звезды Бастиона, они просто обошел бы Миры Медины. Эта группа планет не представляет никакой стратегической важности для суб-сектора.

-- Тогда я не понимаю вас, -- признался Росс.

-- Великий Враг сражается за эти планеты по какой-то причине. Ему нужна Медина -- по какой-то причине. Вот почему и был созван Конклав. Обстоятельства, логика и данные

разведки подтверждают, что Великий
Враг ищет Старых Королей Медины. Ну
же, Росс, мне не нужно объяснять это вам.

Росс медленно кивнул, подняв брови.

-- Старые Короли Медины. Реликвии
святого дала Императора. Созданные ради
власти над мирами и утраченные в бездне
прошлого цивилизации, -- процитировал он
строку из древнего исторического
документа Медины.

-- Да, Ободайя. Наша задача здесь -- в
сотрудничестве с военной разведкой
собирать сведения, которые помогут
узнать нам природу и местонахождение
этих реликвий, и передать их Имперскому
Верховному Командованию.

Росса это все совсем не убедило.
Похоже, они готовы схватиться за любую
соломинку.

Ширма, закрывавшая часть каюты
Гуриона, отодвинулась. Вошла молодая
женщина, с медленной и осторожной
грацией ступая по ковру. Она была одета в
ярко-желтый обтягивающий костюм, на
застежке ее высокого воротника была
приколота инквизиторская инсигния.

— А, она пришла вовремя. Это инквизитор Фелис Селетина, — сказал Гүрион, представив вошедшую и жестом приглашая ее подойти.

Росс любезно поклонился и протянул руку.

— Инквизитор Росс, рада вас видеть. Лорд Гүрион говорил о вас только хорошее, — сказала она, пожав руку Росса своими обеими руками.

Росс рассматривал ее оценивающим взглядом джентльмена. Она была невысокой, и красивой в обычном смысле тоже не была. Скорее, Селетина была хрупкой, изящной, и выглядела почти как девочка. Ее рыжевато-светлые волосы были уложены в короткую стильную прическу, а в центре ее пухлых губ было вставлено кольцо. Росс решил, что она красива сдержанной, необычной красотой на грани идеальной.

— Он говорил только хорошее? Наверное, тогда он вынул немного больше, чем обычно, — беспечно отмахнулся Росс.

— Вовсе нет. У человек имеет право быть любопытным.

-- Может быть, вы немного сдержите
свое любопытство и не забудете
отпустить мою руку, -- улыбнулся Росс.

Селетина отпустила его руку,
стуженно прикусив губу.

Гүрион прочистил горло.

-- Инквизитор Селетина лишь
недавно получила свое звание. Я не
сомневаюсь в ее способностях, но мне бы не
хотелось посылать ее на Кантику
расследовать это дело в одиночку. Я хочу,
чтобы с ней отправился кто-то более
опытный, ибо мы не можем позволить себе
рисковать. Она будет твоим помощником.

-- Погодите, сэр. Я еще не согласился
на это, -- сказал Росс.

Гүрион, явно угрученный, не говоря ни
слова, подошел к клавишам и стал
рассматривать карту. В оранжевом свете
фонарей его лицо казалось усталым и
измученным. Это было лицо прямых линий
и углов, казалось, что его выступы
спрямлены сильными ударами. Росс знал,
что лорд Гүрион прошел через многое и
получил немало шрамов за две сотни лет
службы Императору. И все-таки Росс

никогда не видел, чтобы его старший коллега испытывал такой мучительный, едва сдерживаемый страх.

--- Сегодня ночью будет военный совет. Ты придешь. Сейчас, когда ты знаешь то, что знаю я, я верю, что ты примешь правильное решение. Я бы не вызвал тебя сюда, если бы сомневался, --- убежденно сказал Гүрион.

ГЛАВА 2

ПЛЕНАРНЫЙ Совет был органом с неограниченными полномочиями по руководству военной кампанией в Мирах Медины.

На нем присутствовали высшие офицеры Имперской Гвардии и Флота, представители военного командования от соседних регионов, и, конечно, инквизиторы. Среди присутствующих была заметна даже огромная фигура костодесантника, представителя ордена Каменных Перчаток, судя по гербу на его наплечнике. Воин Астартес стоял неподвижно в своей темно-красной броне, как безмолвная крепость.

Это было собрание, далекое от

вышности и великоления губернаторских советов, на нем доводились до сведения указания, инструкции и данные разведки. Представители губернаторов и других политических структур сюда не приглашались. Это было не место для бюрократов.

По этой причине Пленарный Совет собирался в оперативном пункте на борту «Карфагена». Это был командный пункт, созданный специально, чтобы при необходимости принять самых высокопоставленных военных и политических лидеров суб-сектора.

Оперативный пункт представлял собой большой зал с куполообразным потолком, защищенный дополнительной броней и расположенный в носовой части гранд-крейсера. Стены и потолок из ребристого кератита выглядели весьма спартански по сравнению с высокомерной элегантностью конструкции «Карфагена». В качестве сидений здесь были стальные скамьи, расположенные U-образными ярусами вокруг гололитического проектора. Зал не был освещен, лишь от

проектора исходило эфирное сияние. Суровая, аскетическая обстановка зала отражала прямую, резкую и беспощадную позицию военного командования. Здесь действительно был руководящий центр всех военных усилий кампании.

Инквизитор Росс облачился в свои спатейские боевые доспехи. Он решил, что при таких обстоятельствах это будет благоразумно. Хромированные пластины брони добавляли ему уверенности под неодобрительными взглядами суровых офицеров Гвардии.

Совет начался с подробного доклада о текущей обстановке: работа военной промышленности, ситуация с горючим, боеприпасами, продовольствием, всесторонний анализ потерь. Офицеры обсуждали эти вопросы в сжатой, краткой военной манере, их слова звучали резко и четко, как выстрелы. Росс внимательно слушал, не вмешиваясь в обсуждение. Учитывая по тому, что он услышал, ситуация действительно была исключительно тяжелой. Казалось, все участники Совета согласны с тем, что кампания в Мирах

Медины фактически проиграна. Уцелевшие имперские войска должны быть отведены, чтобы укрепить оборону стратегически важного региона Звездного Бастиона.

Во время обсуждения флотский адмирал поднялся и показал всем пачку обгоревших бумаг.

— Это дневник капитана пехоты, найденный в траншеях на Ниневию. Здесь содержатся сведения о тактике войск Великого Врага, которые могут представлять интерес для нашего собрания.

Адмирал пролистал бумаги, вода по нему текла, пока не нашел строку, которую искал.

«День 62-й. Противник каждый день выстраивает перед нашими позициями захваченных в плен мирных жителей Ниневию. Их казнят так, чтобы мы видели это из траншей, и укладывают трупы рядами. По моим подсчетам, все жители города мертвы, и их тела лежат перед нами. Среди тех, кто не был убит — здоровые молодые мужчины. Их угнали в

рабство, и судьба их неизвестна. Все это ужасно. Я очень хочу домой»

Когда адмирал закончил читать, среди собравшихся послышался тревожный шепот. Даже Росс, которому доводилось много где бывать, еще не сталкивался с войной таких масштабов.

— Капитан погиб вскоре после этого, когда его полк — 161-й Кантиканский — был уничтожен в ходе наступления противника. Этот дневник был найден, когда уцелевшие части Кантиканской Гвардии эвакуировались с Ниневиц, — бесстрастным голосом объявил адмирал, прежде чем сесть на свое место.

Форд Гүрион дождался своей очереди говорить. Инквизитор медленно поднялся, он выглядел величественно в глинном плаще из углеродно-керамитового поливолокна. Бронированный плащ сиял медью в свете гололита.

— Господа, как вам всем известно, по приказу Ордо Еретикус, в котором я имею честь служить, был созван Конклав, дабы выяснить, какие цели преследует Великий Враг в этом суб-секторе, и

соответственно, не позволить ему этих целей достигнуть. Сегодня прибыл последний из приглашенных членов нашего Конклава -- инквизитор Ободайя Росс.

На секунду несколько десятков отнюдь не дружелюбных пар глаз встретили взгляд на Росса. Их обращение трудно было не заметить.

Гурион невозмутимо продолжал.

-- Далее, оперативники нашего Конклава непрерывно работали все эти месяцы, анализируя информацию относительно Старых Королей Медины.

Один из офицеров спросил из зала:

-- И вы хоть немного приблизились к ответу на вопрос, что собой представляют эти мифические Старые Короли? Или где надо копать, чтобы найти их?

Гурион вежливо покачал головой.

-- Пока еще нам неизвестна ни их природа, ни их местонахождение. Однако, анализируя имеющиеся данные, мы смогли получить некоторые новые сведения. Согласно источникам, Старые Короли появились не менее двенадцати -- и не более двадцати тысяч лет назад. В

галактическом пространстве доимперской эры многие дальние колонии человечества посещались теми, кого источники называют «Древними Разумными». Они приносили с собой поклонение звездам и созвездиям, и познания в математике, астрономии и технологии. У людей перенимали их поклонение небесным телам.

Флотский офицер погнул руку.

— Что это за источники? — спросил он лишенным интереса голосом.

— Старые священные тексты, народные предания, но прежде всего доклады разведки, собранные во время первой Войны Освобождения, когда имперские флоты вернули Миры Медин под власть человечества. Разведка флота установила, что, когда Древние Разумные по каким-то причинам покинули Миры Медин, они оставили своим подданным некий прощальный дар. Это был объект поклонения людей Медин. Он известен под многими именами — Старые Короли, Древняя Звезда, Страж Медин. Согласно сведениям, полученным разведкой, эта

реликвия должна была уничтожить врагов
Медины во время великой беды.

— Однако, похоже, что эти дары не
помогли мединским еретикам в борьбе с
имперским крестовым походом. Ведь
теперь это имперская территория. Разве
ты не сокрушили этих варваров тысячи
лет назад? — возразил другой офицер.

Невзирая на их скептицизм, Гүрион не
потерял спокойствия.

— Мы смогли только установить,
что, согласно священным текстам,
Старые Короли спрятаны на одном из
центральных миров Медины.
Специалисты-историки считают, что
Старые Короли были объектом поклонения
в доимперской культуре Медины, и
предполагалось, что, когда звезды и
магнитные свойства звездной системы
будут находиться в определенном
соответствии, Старые Короли могут
быть пробуждены из своего бездействия и
возродиться под именем «Звездных
Королей».

Но залу прокатился стех. Гүрион,
однако, оставался невозмутим.

— У меня также есть пикт-снимки с разведывательных кораблей, и на них ясно видно, что на поверхности планет, захваченных противником, проводятся крупномасштабные раскопки.

Он показал на гололите нечеткий пикт-снимок, сделанный с большой высоты. Росс, прищурившись, глядел на черно-белое изображение карьеров раскопок, которые, судя по сравнению с близлежащими объектами рельефа местности, достигали километра в глубину.

Гурион показал несколько разных пиктов.

— Мы полагаем, что рабы, захваченные противником после вторжения, используются для проведения раскопок на этих планетах. А это позволяет сделать вывод, что Великий Враг активно что-то ищет.

Он увеличил изображение орбитальных снимков нескольких захваченных миров. Противник так активно проводил раскопки, что они врезались в экваториальные линии планет, как следы ногтей. Большинство

карьеров, казалось, опоясывают всю
окружность планеты.

После нескольких секунд задумчивой тишины встал сам лорд-маршал. Когда он заговорил, было видно, как дергается покрасневший шрам на его лице.

— Это же Хаос, они действуют без системы и логики. Мы не можем надеяться понять их, и, конечно, мы не можем основывать свою стратегию на их безумии. Вы предлагаете нам схватиться за соломинку? Планировать ведение кампании, основываясь на каких-то мифах?

Слова маршала были встречены аплодисментами. Росс заметил, что даже гигант в силовых доспехах — костодесантник — слегка подался вперед, по его лицу было видно, что ему интересно услышать ответ инквизитора.

Росс на его месте, вероятно, не удержался бы от того, чтобы помахать инквизиторской инсигнией, наполнив Варуге о своих полномочиях. На самолете, у него руки так и чесались сделать это. Но ответ Турюона напомнил Россу, насколько он еще молод и неопытен по

сравнению со старшим коллегой. Полномочия сами по себе не могут заменить два столетия опыта или холодный, спокойный ум ветерана.

Гурион с непоколебимым спокойствием примирительно поднял руку.

— Господа, пожалуйста. Я лишь хочу подтвердить то, что сказал вначале. Мы знаем, что Коридор Медины не представляет стратегической важности для суб-сектора. Мы знаем, что противник использует рабов для проведения крупномасштабных раскопок. Нам все это известно, — Гурион сделал паузу, обведя глазами аудиторию, ожидая, не захочет ли кто-то его опровергнуть.

— Если не принимать во внимание Старых Королей, остается вопрос, почему авангард сил Хаоса атаковал Медину. По крайней мере, имперские войска должны защищать центральные миры, пока мы не выясним, какие цели преследует противник. Это все, о чем мы просим.

Баруда открыл рот, чтобы возразить, но его прервал вдруг раздавшийся звук ударов металла о

металл. Казалось, что это молот ритмично бьет по наковальне.

Все присутствующие повернулись к аплодирующему костодесантнику. Эхо от ударов керамитовых бронированных перчаток, защищавших массивные руки воина Астартес, звучало в зале. Огобрительно кивнув бритой головой, костодесантник даже слегка поклонился, чтобы выразить уважение Гүриону.

Лорд-инквизитор поклонился в ответ и вернулся на свое место рядом с Россом. Когда другой офицер поднялся и начал зачитывать доклад о положении сгорючил, Росс прошептал Гүриону:

-- Полагаете, вы их убедили?

Гүрион фыркнул.

-- Разумеется, нет. Но я обосновал свою точку зрения. Кроме того, если ничего больше не поможет, я вобью вот это им в глотку, -- он покачал на цепочке инквизиторскую инсигнию.

Росс удивленно поднял брови. Он должен был знать. Это было одно из основных правил, которым обучали всех кандидатов в Инквизицию -- действуй

гибко, но если нужно, переверни весь мир с ног на голову. Его учителя называли это «быть улыбающимся пиранагатором».

Реакция Росса вызвала улыбку у Гүриона.

— Друг мой Росс, тебе еще многому предстоит научиться в плане инквизиторской дипломатии.

ИНКВИЗИТОР Росс снял затвор со ствольной коробки разобранного плазменного пистолета, проверяя смазку.

Части пистолета Mk III «Солнечная Ярость» были аккуратно разложены на кровати Гүриона. Ствол, выступ боевого взвода, узел спускового механизма, узел затвора. Оружие было чудовищной мощности, скорострельный плазменный пистолет, отделанный пластинами сияющей меди.

Несмотря на страшную огневую мощь, пистолет был изысканным и утонченным оружием, и это в нем восхищало Росса больше всего. Оружие сродни жемчужине с мощью армейского ствола. Собрав пистолет и спрятав его в кобурку,

Росс продолжил проверять свое снаряжение.

Он сделал разминку, проверяя гибкость спатейских боевых доспехов. Подвижные пластины серебристого металла были подогнаны так, чтобы абсолютно не ограничивать движения. От наплечников до наголенников, броня была создана, чтобы смещать и отклонять баллистические свойства удара.

Удовлетворенный состоянием брони, Росс надел сверху доспехов табард из мозаичных обсидиановых чешуёй. Когда он двигался, крошечные пластинки психореактивного обсидиана звенели, как чешуя морской змеи.

И в последнюю очередь он проверил работу силового кулака. Надетый на правую руку, силовой кулак издавал низкое гудение. Это было старинное оружие, серебристо-синяя силовая перчатка времен Танской войны, очень удобная. Меньше и легче, чем стандартные силовые кулаки, используемые имперскими офицерами, эта элегантная силовая перчатка была захвачена Россом как трофей в арсенале

наркобарона на Санс Гавирии, когда Росси
еще служил следователем. Ценитель
искусств, джентльмен и знаток
древностей, наркобарон во многом был
похож на Росси. Он обладал прекрасным
вкусом и имел пристрастие к изысканным
и в то же время практичным
артефактам.

Бастизель Сильверстайн тем
временем тоже готовился. Он поставил
свой багаж рядом с богатым буфетом
Турриона и начал разбирать свое охотничье
снаряжение, иногда делая глоток старого
брашна. Для Сильверстайна это был
вопрос выбора подходящего инструмента
для работы.

Вокруг
были разложены
скорострельные арбалеты, охотничьи
винтовки, снайперские глинооствольные
лазганы, пистолеты, стреляющие из лап, и
и даже гарпунное ружье. Охотник взял из
чемодана автоган схемы «булл-пан»,
тонкий и удлиненный. Повертев оружие в
руках, проверив его вес и баланс,
Сильверстайн покачал головой, положил
автоган обратно и взял снайперскую

винтовку с оптическим прицелом. Она была гораздо глинее, ее приклад окрашен в серо-зеленый камуфляж. Сильверстайн проверил спусковой механизм, снял предохранителя и проверил затвор. После этого он нажал спуск снова, с громким щелчком. Удовлетворенный, Сильверстайн проглотил братица и отложил винтовку.

Всегда одевавшийся со вкусом, охотник был одет в сшитое на заказ пальто из зеленой кожи пирангатора и высокие сапоги, начищенные до зеркального блеска. Сверху пальто он неохотно надел стандартный гвардейский бронежилет, который сам окрашивал в лесной камуфляж. Охотник никому не доверял заботу о своем снаряжении.

Застегнув охотничий пояс, Сильверстайн начал укладывать в его многочисленный подсумки различное снаряжение — комбинированный шнур, ауспекс, транквилизаторы, боло, и повесил на пояс большой зазубренный охотничий нож. Довольный, Сильверстайн встал и подпрыгнул, прислушиваясь, не шумит ли на нем снаряжение. Он двинулся

тихо, как охотящийся кот.

Циквизитор и его охотник молча продолжали поправлять ремни, застегивать пряжки и укладывать боеприпасы, открывая и закрывая большие зловещего вида чемоданы. Они не оглянулись, когда в каюту зашли Гүрион, Селетина и кантиканский офицер.

-- Вы собираетесь начать войну? -- спросил Гүрион.

-- Нет. Только поучаствовать в ней, -- ответил Росс, не оборачиваясь. Сейчас он был занят, пытаясь развязать зубами какой-то узел на снаряжении.

Гүрион кивнул.

-- Поведешь оперативную группу на Кантику?

-- Если именно там я нужен.

-- Я знал, что ты согласишься, Ободайя.

Росс краем глаза оглянулся на незнакомца -- молодого штабного офицера, сопровождавшего Гүриона. Хотя, судя по знакам различия на поясе, это был капитан, он явно был слишком молод. Коричневый фетровый френч был ему

велик, белое кепи сидело на голове как-то неловко.

-- А это что за юный щеголь? -- спросил Росс, кивнув на капитана.

-- Капитан Лейос Прагал, сэр! -- доложил парень, с военной дисциплинированностью, глядя прямо вперед.

Гурион улыбнулся Россу извиняющейся улыбкой.

-- Капитан Прагал будет твоим адъютантом. Он отличный стрелок, и обладает боевым опытом.

-- Каким именно боевым опытом? -- резко спросил Сильверстайн.

-- Э... я... хм, участвовал в стычках с бандитами на Кантике, -- сказал Прагал.

-- С какими бандитами? -- не отставал Сильверстайн.

-- С разбойниками во внутренних районах, -- ответил Прагал.

-- У этих кантиканских бандитов один автоган на пятерых, -- сказал Росс Сильверстайну.

Прагал, выпятив грудь, гордо сообщил:

— Кроме того, я выбиваю 95 из 100 на стрельбище.

— Стрелять по мишени на стрельбище это одно. А когда у тебя над головой рвутся снаряды и противник бежит на тебя с огромным топором — это совсем другое, — объяснил Сильверстайн, заряжая патроны в магазин.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — ответил Прагал. — Но меня назначили к вам не для того, чтобы усилить боеспособность вашей группы, а для связи с кантриканским командованием. Я могу позаботиться о себе.

Росс вздохнул. Гүрион тоже не выглядел особо довольным. Последнее, что Россу было нужно — неопытный офицер в его команде. Но если это хоть как-то поможет сгладить разногласия с Верховным Командованием, Росс готов был потерпеть. Кивнув капитану Прагалу, он вернулся к своему снаряжению.

Гүрион, осторожно обойдя челооданы, уселся в кресло.

— Прежде чем вы отправитесь, я должен сказать, что Конклав уже

направил на Кантику одну оперативную группу под командованием Маркуса Делаканта. Они были там почти с самого начала.

Росс, укладывая в футлярные кейсы инструменты для плазменного пистолета, посмотрел на Гурона.

— Я знаю Маркуса. Но зачем тогда ты там нужен? Или я что-то пропустил?

— Мы полагаем, что они погибли.

— Ага, — сказал Росс, выражение его лица не изменилось.

— Верховное Командование не может связаться с Кантикой последние двадцать семь дней. И примерно такое же время Конклав не может установить астронавтический контакт с группой Делаканта.

— Понятно.

— Росс, пожалуйста, послушай меня. Если ты готов отправиться на Кантику, нам нужно, чтобы ты нашел Делаканта и сообщил сведения относительно обстановки на Кантике.

— Это уже лучше, сэр, — улыбнулся

Росс.

— Я свяжусь с тобой через астропата на рассвете пятого дня по кантуканскому времени. Пусть Селелина будет готова к передаче астропатического сообщения. Если связь установить не удастся, я буду повторять сообщение каждый второй день в течение недели. Если вы не ответите после этого...

— Можете считать, что мы мертвы, — закончил Росс.

— Будь серьезнее, Ободайя, — сказал Турион отеческим тоном. — Мы не можем полагаться на случайности. Ты направляешься прямо в логово зверя. Ты уверен, что готов к этому?

Росс вынул из кобуры «Солнечную Ярость» и зарядил пистолет фюзионной канистрой. С привычной легкостью, стравив немного газа из вентиляционного отверстия, он поставил оружие на предохранитель.

— Да, лорд Турион, я готов и я отправляюсь. Тем более, я уже собрался, и отказываться сейчас было бы неудобно.

ГЛАВА 3

ВУРСА ПРАЙМ пала. Шиббоэт пал. Уберия пала. Города-государства Кантики погубили, и Центральный Вураганг не был исключением.

Хотя Кантика была опорой обороны Коридора Медины, ее вооруженные силы не выдержали натиска врага. В масштабах суб-сектора Кантика не обладала стратегической важностью, но в пределах системы мир был единственным защитником Медины. Мир, полный древностей, казавшийся с орбиты шаром из пожелтевшего пергамента, испытал на себе всю ярость удара главных сил Великого Врага. Мощная молниеносная атака не позволила полкам Кантиканской

Колониальной Гвардии сформировать организованную оборону. Кантуканская Гвардия состояла в основном из легкой пехоты, ее части были разбросаны по всей системе, и не смогли даже временно замедлить сокрушительное наступление Великого Врага.

Вторжение началось четыре месяца назад с точечного удара с целью прощупать имперскую оборону. Десант, высаженный с рейдеров типа «Гончая», пробившихся сквозь линию патрулей имперского флота.

Корсары Хорсабага Мдоу — броненосцы, опытные в искусстве десантных операций, — захватили плацдармы на берегу Кантуканского залива. Численность вражеских войск, в основном пехоты, оценивалась в сто пятьдесят тысяч солдат.

На одиннадцатую неделю вторжения морг-генерал Дрей Гравина записал в своем дневнике:

«Великий Враг, решившись на высадку десанта, сосредоточил свои войска вдоль линии наших береговых укреплений.

Нашим намерением является лишить противника доступа к внутренним стратегическим маршрутам. Это может быть достигнуто сосредоточением наших сил в береговых крепостях на востоке и севере Кантиканского Залива. Это предоставляет благоприятную возможность позволить противнику истощить силы в атаках наших укреплений».

В данном случае это было именно то, на что рассчитывал Великий Враг. Силы Кантиканской Гвардии были растянуты вдоль берега, чтобы противостоять этому отвлекающему удару. На шестнадцатую неделю вторжения Броненосцы начали высадку с воздуха в незащищенных внутренних районах Кантики. Легионы механизированной и моторизованной пехоты и боевых машин высаживались прямо в городах. Значительная часть кантиканских континентов была покрыта городской застройкой, и эти глиняные и терракотовые города стали главной целью Врага.

События, которые последовали за

этим, вошли в историю как Зверства. По более поздним оценкам, общее число военнопленных и гражданских, убитых в течение первых двух недель оккупации, превысило четыре миллиона.

Имперский миссионер по имени Вильнев делал пункт-записи и собирал другие свидетельства Зверств. Он погиб, но его записи позже были обнаружены имперской разведкой. Печально известные записи Вильнева показывали массовые захоронения и колонны рабов, которых вели в пустыню, вероятно, для работ на раскопках. Лорд-генерал Гравина был публично казнен. Солдаты Великого Врага протащили его тело в парадном мундире со всеми наградами по улицам административного района.

Хуже всего были дневники и письма мертвых граждан, найденные на пепелищах. На обгоревших страницах дневника была запись: «Боюсь, что сойду с ума от всего этого ужаса и мерзости». Вчера оккупанты нашли школу, в которой прятались местные дети. Их погрузили на грузовики и вывезли из города. Я не знаю,

что стало с этими детьми. Они кричали «Спасите нас!», когда проезжали мимо нашего дома».

Падение Кантики, важнейшего из центральных миров Коридора Медины, обозначило начало конца имперских военных усилий.

Росс видел клубы дыма над руинами Бүраганга, глядя из иллюминатора стратосферного челнока. Зрелище опустевших развалин и воронок от бомб было напоминанием, что он теперь на территории противника.

Челнок резко снизился. Сейчас он летел над самой поверхностью воды Кантиканского залива, чтобы уменьшить вероятность обнаружения вражескими радарами. Пилот-сервитор вел машину так низко над водой, что за турбинами челнока оставался след пара и кипящей воды. На горизонте Росс видел Бүраганг, главный город-государство Кантики, возвышавшийся, как тысячеэтажная пирамида.

С ревом двигателей челнок скользил

над водой вдоль западного побережья
Бураганга. Это был модифицированный
флотский шестидесятитонный челнок, его
вооружение было снято, чтобы установить
заситители выхлопов, средства
радиоэлектронной борьбы и
дополнительные топливные баки. Снаружи
челнок был похож на метательную
стрелку, с заостренной, как игла, кабиной
и четырьмя массивными двигателями.
Его гладкий, острый профиль имел
минимальную эффективную поверхность
рассеяния, а заситители выхлопов
затрудняли его обнаружение в
инфракрасном спектре, делая его почти
невидимым для средств наблюдения
противника.

Они летели вдоль дамбы, огромного
сооружения, укреплявшего берег на
протяжении пятидесяти километров.
Челнок пролетел вдоль нее почти сорок
километров, пока пилот-сервитор не
обнаружил пролом в дамбе, и провел
челнок в него, на высоте не более двадцати
метров над уровнем моря.

Челнок летел так быстро, что Росс с

трүдом выдерживал силу инерции. Виг за иллюминатором мелькал слишком быстро для его глаз. Он едва успел заметить очертания кантиканского города, постройки террактового и медного цвета, возвышавшиеся пирамидальными ярусами.

Облик города определяли его строители — каменщики. Строя без отвесов и спиртовых уровней, они, казалось, импровизировали. Здания выглядели странно, с тупыми углами, изогнутыми парапетами и наклонными стенами, это придавало городу головокружительный вид. Между строениями протянулись лестницы, соединявшие разные уровни города, от минаретов на самых верхних ярусах, до окаменевших рун на глубине нескольких километров под землей.

Продолжая свой рискованный полет на предельно малой высоте, челнок оказался среди развалин нижнего Бүраганда. Археологическая пустошь простиралась по склону, усыпанная каменными обломками с верхних ярусов города. Руины, похожие на

слотанные зубы, пронеслись мимо, так опасно близко, что, когда челнок пролетал рядом с ними, они, казалось, шептались. Наконец, челнок сделал крутой вираж, перевернувшись почти кверху брюхом, прежде чем резко сбросить скорость у деревянного каркаса строения, державшегося на грыхлых столбах. Росс не мог определить, что за здание это было раньше, вероятно, часовня, судя по медному куполу. Как бы то ни было, проржавевшая медь могла дополнительно защитить челнок от обнаружения радарными противника.

Рев двигателей челнока перешел в мягкое турлыканье, когда пилот-сервитор сбросил скорость. После посадки он деактивировал все системы челнока. Медленно, в молчании, члены группы Росса вышли из пассажирского отсека, держа оружие наизготовку.

Инквизитор Росс вышел первым, низко пригнувшись, его спатейские боевые доспехи позволяли двигаться без всякого шума. Заняв позицию за грудой обломков, Росс достал из кобуры плазменный

пистолет и оглядел окрестности. Повернувшись к челноку, инквизитор подал знак, что все чисто.

Следующими вышли капитан Прагаль и Сильверстайн. С тренированной четкостью они сбежали по трапу, раскрошенный камень хрустел под их ботинками. Они заняли позиции на флангах Росса. Последней появилась Селетина, одетая в свой ярко-желтый обтягивающий костюм, странно выглядевший среди развалин.

— Пригнуться! — прошипел Росс. Селетина неловко присела, внезапно осознав, что в руинах среди скелетов зданий может прятаться сколько угодно невидимых убийц.

— Сильверстайн, определи наше точное местоположение, — приказал инквизитор, глядя на отблески пожара на горизонте. Для Росса верхний Бүраганд казался лишь силуэтом во тьме, нагромождением разрушенных зданий, но для охотника с его аугметическими линзами он выглядел по-другому.

Охотник встал, желтые линзы

аугментических зрачков сузились, наводясь на отдаленные цели. На периферии зрения начали мелькать данные анализа расстояния до цели, метеорологической обстановки и сигналов движения.

+++ Бүраганг, Верхний город, Кантика. Расстояние до цели -- 7255 метров. Тепловое излучение высокое, ветер сильный, сигналы движения: 41% +++

-- Сир, я засек множество сигналов движения, возможно, это вражеские патрули. Если мы направится к северовостоку, то сможем обойти большинство из них, -- сказал Сильверстайн.

Росс кивнул и повернулся к остальным.

-- Последнее известное местонахождение Делаханта -- фортификационный гарнизон в Верхнем Бүраганге, примерно в семи километрах к северу. Туда мы и пойдем. Сейчас это вражеская территория, так что сохраняйте бдительность и двигайтесь быстро. Понятно?

Другие члены команды сняли оружие с предохранителей и кивнули. Поднявшись,

они пошли через руины к горящему
Верхнему городу. Вдалеке раздалось эхо
выстрелов и криков, которое уносили
порывы ветра, поднимавшие облака
темного неба.

Они вошли в опустошенные,
изуродованные артиллерийским огнем
остатки крепости. Пляц за
терракотовыми стенами был покрыт
воронками и усыпан шрапнелью и
осколками. Снаряд попал в центральную
башню, и строение обрушилось внутрь, как
сплюснутая грудная клетка. Кровь и
смерть впитались в пористую землю, и
пелена дыма все еще висела в воздухе.

Сильверстайн шел впереди, его
бионические зрачки то расширялись, то
сужались, отслеживая цели. Снайперская
винтовка висела на плече охотника, ее
камуфляж сливался с зеленым цветом
кожаного пальто. Пригнувшись и
перемещаясь перебежками, Сильверстайн
был похож на охотничьего пса,
выслеживавшего добычу.

В пятнадцати шагах позади за ним

следовали Росс и Селетина. Росс выглядел еще более высоким и стройным в своей спятейской броне и обсидиановом табарге его любимых госнехах. Он двигался широкими шагами, госнехи ничуть не мешали ему, а, казалось, напротив, лишь подчеркивали грациозность его движений.

Рядом с Россом шла Селетина, сжатая в обеих руках громоздкий огнеметный пистолет. Запасные канистры с огнестесью висели на поясе и портупее вместе с аптечкой и другими снаряжением.

Последним шел капитан Прагал, держа у бедра лазган с прижатым штыком. Оружие было кантиканского образца, заметно глинее, но при этом тоньше стандартного лазгана, с прикладом и цевьем из низкосортной древесины. Капитан был одет в стандартную кантиканскую форму — коричневый кавалерийский мундир, широкие серые бриджи, ботинки с брезентовыми обмотками. На его темноволосой голове было характерное для кантиканских полков круглое белое кепи с

плоским верхом и козырьком.

Через каждые несколько шагов капитан поворачивался, наводя лазган на пустой плац. Во рту он держал кусок жевательного табака и медленно жевал его.

Инквизитор Росс изучил историю Кантуканской Колониальной Гвардии, прежде чем лететь сюда. Было бы грубо с его стороны не сделать этого. Кантуканские полки, хотя и не слишком известные в Империи, были главной военной силой в системе Медины, которую они защищали вместе с локальными СНО. Как и история планет, которые они защищали, их прошлое было окутано древностью. Первые полки Колониальной Гвардии были набраны шесть тысяч лет назад из кантуканских лоялистов, сражавшихся на стороне Империи во время Войны Освобождения. Темнокожие племена пустыни, которые поддержали Империю во время Освобождения, получили потом почетное право основать полк Имперской Гвардии и защищать весь этот регион. Во времена

имперской колонизации Миров Медины
этим солдатам приходилось участвовать
лишь в стычках с пиратами приграничья
и незначительными набегами ксеносов
Восточной Окраины. Ничто в их долгой
истории не могло подготовить их к войне
таких масштабов против бесчисленных
легионов Хаоса.

Нигде не было видно никаких следов
Делаканта. Казармы во внутреннем дворе
форта были пусты. Команда Росса
осторожно вошла в блокгауз, тишину
нарушал лишь хруст разбитого стекла под
ногами. В крепости не было никаких
признаков жизни.

Внутри казармы пятна засохшей
крови покрывали стены, запеклись в углах
и трещинах на кафельном полу. Кругом
валялись стреляные гильзы и
аккумуляторы лазганов. Койки были
перевернуты, некоторые из них, очевидно,
использовались для создания
импровизированных укрытий, их
металлические рамы были искорежены и
обгорели. Здесь явно шел упорный бой. В
одном углу казармы за импровизированной

баррикадой из мешков с зерном стоял
тяжелый стаббер, из которого стреляли
до последнего патрона. Ствол стаббера
деформировался от перегрева, под ним
была рассыпана куча медных гильз.
Несомненно, гвардейцы здесь оказали
ожесточенное сопротивление врагу.

Росс выглянул из разбитого окна во
внешний двор. Он увидел трубы солдат
гарнизона -- сто двадцать человек --
повешенные на зубцах стен. Росс, будучи
агентом Орго Еретикус, видел много
жестокостей, но так и не смог к ним
привыкнуть. Это зрелище было
отвратительно, и он знал, что капитану
Прадалу еще больше это видеть. Здесь
висели тела его соотечественников,
раскачиваясь на ветру. Хотя капитан не
знал их лично, это были его братья по
оружию. Росс ощутил тяжкую скорбь.

-- Живые цели! В юго-восточном углу
крепости, -- сообщил Сильверстайн.
Немедленно все четверо бросились на пол.

Доспехи Росса лязгнули, ударившись о
кафель. Правой щекой инквизитор попал в
лужу наполовину засохшей крови. Она была

еще вязкая, и ощущалась как масло на коже. Тихо выругавшись, Росс прополз к Сильверстайну.

-- Сколько их там?

-- Как минимум трое, судя по датчику движения. Возможно, больше. Взглянуть еще раз? -- спросил Сильверстайн.

-- Нет, я сам, -- сказал Росс. Плазменный пистолет в руке завибрировал, когда инквизитор снял его с предохранителя. После этого Росс осторожно глянул в разбитое окно с торчавшими из рамы грязными осколками.

Разумеется, охотник был прав. Росс заметил, как что-то мелькнуло между гвүля приземистыми складскими постройками, не более чем в пятидесяти метрах от казармы. Потом еще движение, на этот раз ближе, и явно по направлению к казарме. Росс увидел достаточно. Он снова присел и подождал остальных.

-- Противник. Они собираются прижать нас здесь. Мы можем либо прорываться из крепости через плац, либо... подождать.

-- Я предлагаю подождать, по крайней мере, пока мы не выясним, сколько их там. Иначе нас всех перебьют на открытом пространстве, -- испуганно сказал капитан Прагал. Остальные выразили согласие.

-- Хорошо. Селетина, Прагал, прикрывайте это окно. Сильверстайн, за мной, -- приказал Росс, перебираясь через перевернутые койки. Он быстро оглядел возможные точки входа в казарму. Кроме основной двери и центрального окна на внутренний двор здесь не было других входов.

Они сидели в напряженной тишине, глаза насторожены, челюсти сжаты. Росс не сводил взгляда с двери. Это была тонкая металлическая дверь, настолько искореженная и издырявленная пулями, что ее невозможно было закрыть. Она висела открытая, покосившись на петлях, и Росс ждал, когда в ней мелькнет хоть какой-то признак движения. Слева от него сидел Сильверстайн, положив снайперскую винтовку на чемодан. Дыхание охотника было спокойным, он заметил свой пульс и расслабил мышцы. Иногда он поглядывал в

прицел снайперской винтовки, на секунду закрывая глаза и снова открывая, чтобы проверить настройку. Россу хотелось бы чувствовать себя так же спокойно.

-- Слышите? -- прошептала Селемина. Ее голос показался таким громким, что Росс вздрогнул.

Вскоре они тоже услышали шаркающие звуки шагов по грязному полу. Сначала они были едва слышны, но становились все громче. Кто-то бежал к казарме. И явно не один.

Вдруг дверь дернулась. Палец Росса скользнул на спусковой крючок пистолета. Инквизитор поднял оружие, держа его обеими руками. В дверном проеме возник силуэт, темный на фоне солнечного света. Росс прицелился в него, мозг уже отдал приказ руке нажать на спуск...

-- Не стрелять! Не стрелять! -- закричал Сильверстайн. И в ту же секунду охотник инстинктивно выстрелил. В последний момент он успел изменить положение винтовки, и пуля ушла в потолок. Грохот выстрела был оглушительным.

Росс застыл в замешательстве. Его плазменный пистолет грозил в руке. Вздохнув, инквизитор остановился, взглядываясь в силуэт в дверях. Его глаза привыкли к свету, и он, наконец, смог разглядеть фигуру в дверном проеме. Это был кантиканский солдат.

Гвардеец изумленно смотрел на них, стоя в дверях. Росс подумал, что сейчас, наверное, на их лицах одинаково потрясенное выражение. Солдату было не больше 17-18 лет; он был еще не настолько взрослым, чтобы у него начала расти борода. Его форма была грязной и изорванной, один рукав коричневого фетрового мундира был оторван, а на серых бриджах не было обмоток. Судя по поясу со знаками различия, Росс заметил, что этот гвардеец был в звании капрала.

— Мы свои, — наконец произнес молодой гвардеец, опустив кантиканский плазган. Позади него появилось еще несколько солдат в кантиканской форме, таких же грязных и усталых. Другой кантиканец отогвинул в сторону молодого капрала. Этот гвардеец был гораздо

старше, с густыми усами. На его поясе были знаки различия старшего сержанта. Он смотрел на Росса, не зная, что следует сделать в такой ситуации, пока не заметил на левом наплечнике Росса эмблему Инквизиции. Увидев ее, сержант облегченно вздохнул.

--- Слава Императору. Вы инквизиторы, --- прошептал он.

Росс спрятал пистолет в кобур и поднялся в полный рост. Он выглядел весьма впечатляюще и был более чем на голову выше всех кантуканцев. Несколько солдат даже отступили на шаг или два.

--- Я инквизитор Ободайя Росс из Ордо Еретикус. Это моя команда, --- сказал Росс. Краем глаза он заметил, что Сильверстайн и Прагал не опустили оружия. Учитывая обстоятельства, это была разумная предосторожность.

--- Сержант Тал Асинграй, Кантуканский 6/6-й пехотный полк.

Капитан Прагал поднялся со своей позиции у окна.

--- Сержант, вы дезертиры? - спросил он, сжимая в руках лазган.

Сержант заметно напрягся.

— Нет, сэр. Мы продолжаем сражаться.

— Сражаться? Кантика пала, — мрачно заметил Прагал.

— Да, Кантика пала. Но некоторые из нас еще сражаются. В подземельях под городом создаются ячейки сопротивления. Мы немного можем сделать, но делаем то, что можем, — ответил сержант.

Реакция капитана Прагала была неожиданной. Он бросил лазган, оставив его висеть на ремне, и крепко обнял старого солдата. Росс мог только предположить, что чувствует капитан, узнав, что его родина не погибла, что его народ все еще сражается. Возможно, у них еще был шанс.

Кантиканцы, вошедшие в казарму, пожали руку капитану и называли своим именем. Для офицера было необычно так товарищески вести себя с нижними чинами, но и ситуация не была обычной. Росс подождал, пока выражения радости немного утихнут, прежде чем заговорил.

--- Госнога, это первые хорошие новости, которые я слышал за несколько недель. Но войска Великого Врага полностью контролируют поверхность планеты?

Сержант Асинграй бросил взгляд на внутренний двор, где на стенах висели трупы солдат гарнизона, и дальше, в сторону города, которым сейчас владеет враг.

--- Здесь не безопасно. Пойдем с нами в подземелья. Мы сможем поговорить там.

ГЛАВА 4

КОГДА люди колонизировали Миры
Медины много тысяч лет назад, на
засушливых равнинах они воздвигли
большие города. Это были древние
строения из глины и известняка,
образовавшегося из морских раковин давно
вытерших обитателей океана. В течение
столетий города постепенно разрушались
от пыльных бурь и беспощадного солнца,
пока на скелетах старых городов не
начинали строиться новые. Этот
естественный цикл продолжался
тысячелетия, пласт за пластом построек,
города не только расширялись, но и росли
вверх, а под ними образовались обширные
подземелья, многоэтажные лабиринты

древних строений, достигавшие пяти километров в глубину.

Там, в четырех километрах под поверхностью Верхнего Бураганга, инквизитор Росс встретился с бойцами имперского сопротивления. В глубинах подземного лабиринта, по которому они шли, строения были такими древними, что срослись с природным камнем. Заросли плесени в глубине становились все больше и гуще.

Росс освещал путь тусклым голубым сиянием включенной силовой перчатки. На одной ступеньке Росс споткнулся и нечаянно ударил силовой перчаткой по стене из тесаного камня, пробив ее. За стеной оказался дом, в который люди не заходили как минимум семь тысяч лет. Дом был пуст, в нем остались лишь жаленкие предметы повседневного быта, которые лежали нетронутыми все эти тысячелетия под слоями пыли и белой плесени — керамические вазы и тарелки, рассыпающиеся остатки украшенной медью кровати, бирюзовые от патины. Внимание Росса привлекло священное

изображение аквилы на гальной стене. Стилизованный двуглавый орел из черного камня покоился внутри ниши из пористого, осыпающегося хлопьями дерева.

Россу хотелось очистить аквилу от паутины и плесени, но, подумав, он решил не делать этого. Если что-то покоилось в таком виде уже тысячелетия, не ему нарушать его покой.

После двух часов спуска по лабиринту во тьме и пыли, Росс подумал, что они наконец-то пришли. Он увидел пласт древних построек, которые, разрушаясь, образовали что-то вроде ущелья около 250 метров длиной. Уступы ущелья были усыпаны зданиями, такими старыми и окаменевшими, что они срослись с поверхностью планеты, образовав ячеистую сеть пещер. Над головой, опираясь на каменные колонны, покоился другой пласт руин, словно свод собора. Когда инквизитор и его спутники вошли в это подземное ущелье, Росс скорее почувствовал по запаху, чем увидел, признаки устроенного здесь лагеря. Он чувствовал запах варящейся похлебки.

химического топлива для костров и человеческих тел.

— Это здесь, — сказал сержант Асинграй, указав на каменные жилища.

Судя по количеству костров и собравшихся здесь беженцев, Росс предположил, что в этом небольшом подземном поселении нашли убежище более тысячи человек. Мужчины, женщины и дети дрожали от подземного холода, кутаясь в лохмотья и одеяла, их лица были истощены от голода. У старой малокалиберной автомашки за бруствером из мешков с песком сидел кантиканский гвардеец. Эта огневая точка, защищавшая вход в устье ущелья, была единственным укрепленным пунктом в лагере.

Росс устало потер лицо руками. Ситуация была поистине прискорбной. Он надеялся увидеть что-то большее, возможно, подземный штабной бункер или хотя бы некое подобие эффективной ячейки сопротивления. Похоже, его задание — собирать информацию на кантиканском фронте — закончилось, даже не начавшись. Кантика была полностью разгромлена.

— Сержант, я не хочу больше тратить время. Мне нужна информация о поражении на Кантике. Расскажите мне все, что знаете, — приказал Росс.

— Похоже, вы разочарованы, инквизитор. Но мы не побеждены, еще нет, — ответил Асинграй. — А на ваши вопросы может ответить наш командир. Я знаю, он очень хотел бы поговорить с вами.

Он повел их через поселение, и когда Росс проходил мимо людей, он начал понимать, что имел в виду сержант. Несмотря на температуру почти ниже нуля и нехватку еды, женщины в расшитых бисером шальях танцевали и били в талбурины. Усталые мужчины грелись у костров, делясь друг с другом последними сигаретами. Хотя их одежда была изорвана и лоснилась от грязи, люди вели себя с достоинством. Когда Росс и его спутники проходили мимо, за ними побежал мальчик не старше четырнадцати лет. Его лицо было истощенным, волосы спутаны, но в глазах горела неугасимая ярость. Хотя у него даже не было обуви, он держал в руках

лазган.

--- Кантика жива! --- закричал он, подняв оружие над головой.

--- Воистину так, --- улыбнулся Росс. Он начал понимать.

Наконец, они подошли к человеку, разливавшему похлебку в тиски беженцев. Он выглядел довольно импозантно, с львиной гривой волос и густыми черными бровями. Аккуратно подстриженная борода подчеркивала решительную линию челюсти, и, когда он встретился взглядом с Россом, его глаза были крепнево-серого цвета. Этот человек напомнил Россу лица, изображенные на имперских пропагандистских плакатах.

--- Это наш выборный лидер, Шах Гешива.

Росс ожидал увидеть военного, но Гешива был гражданским. Тем не менее, он носил кожаные патронташи и тяжелый автотан с магазином револьверного типа с привычной легкостью. Увидев незнакомцев в своем лагере, Гешива осторожно передал черпак и ведро с похлебкой ближайшей женщине. Когда он подошел к Россу, на его

лице явно выражалось недоверие. Словно
Гешива не верил, что инквизитор и его
спутники настоящие. Он внимательно
посмотрел на Росса, прежде чем
обратить взгляд на Селетину. После чего
Гешива покачал головой и провел рукой по
своей львиной гриве.

— Мастер Гешива, я и мои спутники
из плоти и крови, можете не сомневаться,
— сказал Росс, протянув ему руку.

— Доктор. Доктор Гешива. До войны я
был врачом, но сейчас я просто Гешива, —
ответил лидер беженцев, пожмая руку
Росса, — Приятно знать, что Империя не
забыл о нас, — добавил он, больше для себя,
чем для Росса.

Росс поклонился.

— Я инквизитор Росс из Ордо
Еретикус. Это моя коллега, инквизитор
Фелис Селетина.

Селетина тоже поклонилась,
улыбнувшись.

— Нам очень важно знать, что о нас
полнят. Пожалуйста, у меня столько
вопросов, и мне так нужны ответы... не
согласитесь ли вы присоединиться ко мне

и выпить чаю?

— Показывайте дорогу, — сказал Росс. Сейчас он заботился лишь о том, чтобы Гешива не возлагал на них несбыточных ожиданий. Ожиданий, которые двое инквизиторов, охотник и молодой капитан едва ли стогу оправдать.

ПАЛАТКА доктора Гешивы представляла собой всего лишь брезент, натянутый на каменном уступе на скате ущелья. Натриевые лампы, подключенные к балластному генератору, разгоняли своим светом вечную тьму.

Росс присел на мешок с песком, скрестив ноги. Его спутники поступили так же, устроившись на мешках с песком, расставленных вокруг деревянной доски, уложенной на ящик из-под боеприпасов. Брезент, натянутый над головой, был привязан конопляными веревками и увешан медицинскими принадлежностями. По обычаю Гешива предложил гостям еду — сухари, разваренные в воде до состояния жидкой каши, пайковый тюбик соленого жира и банку консервированной рыбы.

Люди здесь голодали, и Росс не хотел лишать их и без того скудной пищи. Хотя он был голоден, он собирался отказаться от еды, но Гешива широко улыбнулся ему.

-- Ешьте, ешьте! -- энергично предложил Гешива. Сам он не ел, и, кажется, уже несколько дней.

Росс неохотно добавил немного соленого жира в кружку с сухарной кашей. Обменявшись обеспокоенными взглядами с Селетиной, он понял, что она разделяет его мысли. Она попробовала немного каши из своей помятой оловянной кружки. Никто не притронулся к драгоценной банке с рыбой. Гости съели свои порции, но от добавки отказались. Росс проглотил остатки каши и поблагодарил хозяина. Когда кантиканский обычай гостеприимства был исполнен, Гешива прочистил горло.

-- Имперская Гвардия спасет нас? -- задал он самый главный вопрос.

-- Простите, доктор Гешива, но Верховное Командование сейчас в затруднении относительно Кантики. Мы даже не знаем, что здесь происходит.

Связь между планетой и 9-м флотом прервалась двадцать семь дней назад. Мне придется ответить вопросом на ваш вопрос: что здесь случилось?

-- Посмотрите вокруг, инквизитор. Вот это и есть Кантика. Враг отобрал у нас наш мир, а выживших загнал в подземелья. Вокс-системы не работают. Никакой связи нет. Насколько мы знаем, мы можем быть последними выжившими.

Росс помолчал, обдумывая информацию.

-- Разгром был таким внезапным, таким сокрушительным. Как противник смог разгромить вас? Это были... -- Росс попытался найти правильные слова, -- ... это были... Старые Короли Медины?

Шах Гешива слегка наклонился вперед, словно не расслышал Росса.

-- Вы имеете в виду, мифические Старые Короли? -- он усмехнулся. -- Нет.

Откинувшись назад, он мягко покачал головой.

-- Враг сражался упорно, но наши бойцы были еще упорнее. Боевой дух был высок, и мы все делали что могли для

защиты нашего мира. Женщины вязали
одеяла, заготавливали еду для солдат...
Мы думали, что сможем продержаться, --
Гешива замолчал, ком в горле мешал ему
говорить.

-- Но месяц назад еще сотни тысяч
вражеских солдат обрушились на нас с
небес, высаживались колонна за колонной
бронетехники и механизированной пехоты.
Наши истощенные гарнизоны
продержались только два дня...

-- Значит, они еще не нашли Старых
Королей, -- прошептал Росс.

-- Простите мою прямоту,
инквизитор, но Великий Враг терзает
Миры Медины именно ради того, чтобы
найти их, -- сказал Гешива.

Росс был изумлен. Проницательность
доктора поразила его. Он посмотрел на
Селемину, но она тоже была слишком
шошеломлена.

-- Не удивляйтесь так, инквизитор. Я
все-таки не дурак. Зачем еще начинать
полномасштабную войну за этот
захолустный Коридор Медины, если не
ради чего-то очень важного? -- Гешива

невесело улыбнулся.

-- перейдем к следующему вопросу. Инквизитор Маркус Делакант прибыл на Кантику шесть месяцев назад с целью поиска информации о Старых Королях Медины. Его последнее известное местонахождение установлено по маяку, передающему сигнал бегствия, в развалинах форта, где сержант Асинграй нашел нас. Может быть, Делакант в вашем лагере?

-- Простите, инквизитор, нет. В подземелья с поверхности ведут тысячи ходов, туннелей и люков. Если он еще жив, то здесь его нет.

Росс обдумал все услышанное. Ситуация была угрожающей, но тот факт, что Кантика была завоевана без использования древних артефактов, как ни странно, ободрил его. У Росса и его группы было время узнать, что случилось с Делакантом, используя это поселение как временную базу. Еще многое надо было сделать.

-- Вы слышите? -- спросила Селетина, вдруг вскочив на ноги. Ее внезапное

движение прервало размышления Росса.

Сначала Росс подумал, что Селемина, псайкер канна-уровня, почувствовала что-то, чего он не заметил. Но вскоре он понял, что тоже слышит это -- галекий лай собак. Росс повернулся к Гешиве, но доктор уже встал со своего мешка с песком, схватившись за автоган. Этот жест отнюдь не уменьшил тревогу Росса.

-- Вас выследили? -- спросил Гешива.

Прежде чем Росс успел ответить, доктор выскочил из палатки. Лай становился громче. Громче и ближе.

-- За мной, -- приказал Росс своей команде. В ответ послышался лязг заряжаемого и снимаемого предохранителей оружия. Не оглядываясь, Росс вышел из палатки.

Снаружи поселение было охвачено паникой. Костры были потушены, палатки убраны. Беженцы прятались в каменных пещерах, унося с собой детей и стариков. Росс заметил десяток вооруженных добровольцев, бегущих в противоположном направлении -- к входу в ущелье. Росс

последовал за ними, направляясь к
автомашке у входа в ущелье.

Он услышал, как кто-то прокричал
приказ погасить свет. Огромные
прожекторы, освещавшие поселение,
немедленно отключились. Росс бросился на
землю рядом с автомашкой, когда все
вокруг накрыла тьма. Он тяжело упал на
живот.

Тишина воцарилась в поселении так
же внезапно, до этого как началась паника.
Глазам Росса понадобилось некоторое
время, чтобы привыкнуть к темноте, но
во флуоресцентном свете подземных
лишайников он смог разглядеть темные
силуэты. Недалеко залег Гешива,
заметный по очертаниям львиной гривы и
бороды. Слева от Росса занял позицию
Сильверстайн, целясь из своей снайперской
винтовки — на аугметические глаза
охотника никак не повлияло отсутствие
света. Вместе с кантиканскими
добровольцами они сформировали линию
обороны, на протяжении пятидесяти
метров, если не больше, защищавшую
узкий вход в ущелье и его западный фланг.

Росс, прищурившись, взглядывался в темноту, и с трудом рассмотрел гуманоидные силуэты, взбирающиеся на насыпь из камней и обломков перед ними. Враги, остановившись на вершине этого каменного холма, смотрели прямо на них. Сейчас их вполне можно было поразить огнем стрелкового оружия. Росс тихо выругался, глядя на них, пока они смотрели, казалось, прямо на него. Они были так близко... Росс даже слышал, как они говорили друг с другом хриплыми гортанными голосами.

Гешива, повернувшись, прошептал:

-- Карательные отряды Великого Врага. Они прочесывают развалины в поисках бойцов имперского сопротивления. Не двигайтесь.

Росс затаил дыхание, вжимаясь в землю. Несколько силуэтов отделились от отряда на насыпи и начали осторожно спускаться.

-- Сир, я насчитал пятнадцать. Пять приближаются сюда, -- прошептал Сильверстайн.

-- Собаки? Что насчет собак?

— Это боевые псы, не ищейки. Я обнаружил семь из них на расстоянии ста двадцати метров дальше вверх, и не похоже, чтобы они учуяли нас. Здесь нет ветра.

— Будь готов и жди приказа, — велел Росс.

Солдаты противника перебирались через обломки зданий и рухнувшие колонны. Теперь они были так близко, что Росс мог разглядеть резкие очертания их бронированных фигур, металлические лепестки и венцы на их плечах и руках. Трое из них были вооружены лазганатами, остальные двое несли фонари и тыкали в развалины глиняными металлическими пиками.

Росс закрыл глаза и сжал кулаки. На его верхней губе выступил пот. Белые лучи фонарей металась туда-сюда, иногда проходя в опасной близости от позиции кантиканцев. Наконец, когда по счету Расса прошло пятьдесят восемь мучительных секунд, вражеские солдаты повернулись, направившись назад. Они снова начали взбираться на насыпь, рыча

что-то на своем языке. Ругались они, или докладывали своим командирам -- Росс не мог понять. Еще несколько раз бросив взгляд в сторону ущелья и спрятанного в нем убежища, воины Великого Врага скрылись за насыпью.

Росс глубоко вздохнул. Он и не заметил, что все это время почти не дышал. Кантуканцы ждали еще несколько секунд, взглядываясь во тьму, потом начали подниматься из своих укрытий.

-- Обычный патруль, -- сказал Тешива.

Все уже поднялись, но Сильверстайн все еще лежал на земле. Росс взял его за плечо и встряхнул.

-- Бастиэль, ты в порядке?

Охотник посмотрел на Росса, ошеломленно торгая своими бионическими глазами.

-- У них нет лиц... -- сказал он.

-- Бастиэль?

-- Я видел их. У них нет лиц, -- повторил Сильверстайн, вставая. В первый раз за почти десять лет службы Росс видел его таким потрясенным. Охотник на ксенотварей, бесстрашно

сражавшийся с кракенами и карнодонатами,
был испуган зрелищем истинного лица
Великого Врага.

Он в ловушке и спасения нет.

Когда инквизитор Маркус Делакант очнулся, это была первая мысль, которая пришла ему в голову. Он попытался сесть, но боль в сломанном бедре пронзила его, как раскаленная игла. Делакант упал на бок, и его стошнило на холодный, мокрый каменный пол.

Он пытался вспомнить, где он находится. Оглядевшись вокруг, он увидел, что лежит на полу в каком-то темном зале. Зал был уставлен брусьями из полированного дерева, на них рядами, как выпотрошенные туши, висели цилиндрические кожаные мешки. На стене была фреска, расписанная яркими

краскати -- стилизованное изображение борющихся обнаженных атлетов. Делакант догадался, что это спортивный зал.

Но он не помнил, как попал сюда. Его последние воспоминания были о том, как он пытался скрыться от карательных отрядов, убегая по улицам Верхнего Бурганга. Ступно он вспомнил, как столкнулся с вражеским солдатом на мотоцикле. Именно тогда он и сломал бедро.

Делакант оперся на дрожащие руки и заметил большой керамический таз с водой. Несомненно, его поставили сюда, чтобы атлеты могли утолять жажду из него. Но сейчас все атлеты были мертвы. Делакант вспомнил их койки в казармах, красные от крови, когда он пробирался сюда. Это воспоминание было самым четким.

Мучительно медленно Делакант потянулся к тазу с водой. Но расколотые кости отозвались такой болью, что он едва не потерял сознание. Он бессильно повалился на пол, его горло было слишком

духит даже для тошноты.

Совершенно разбитый, инквизитор лежал, даже не моргая. Он уже помышлял о том, чтобы покончить с собой, и обдумывал эту мысль некоторое время. Но наконец, Делахант принял иное решение. Подняв левую руку, он прижал к губам свое инквизиторское кольцо, и начал говорить. Простое с виду бронзовое кольцо несло инквизиторскую эмблему. Когда Делахант говорил, его слова преобразовывались в данные, записывавшиеся с помощью микроскопических кварцевых проводников в инквизиторской инсигнии. Поток информации шел по схематическим каналам, зашифровывался, трансформируя звуки в закодированные символы.

В его состоянии это был тяжкий труд. Иногда теряя сознание, медленно и с огромным усилием, Делахант записывал все, что он мог вспомнить с того момента, как прилетел на Кантику.

НАСКОЛЬКО Росс мог сказать, уже наступило утро. Шел только второй день его пребывания в подземных руинах, а он

уже потерял чувство дня и ночи. Единственная причина, по которой он думал, что уже утро — он чувствовал себя очень уставшим. Его глаза жгло от недосыпания, а голова страшно болела.

Он и Селетина не спали всю ночь, пытаясь установить психическую связь с Делакантом, но безуспешно. Психическое напряжение было не только изнуряющим, но и опасным. По очереди они, отделившись от телесной оболочки, парили в вихре психической сущности над минаретами Бураганга. Угроза быть атакованными другими психическими сущностями, особенно на планете, захваченной силами Хаоса, была очень велика. И пока один из инквизиторов пытался установить связь с Делакантом, другой охранял его, будучи в готовности вмешаться и прийти на помощь, если возникнет необходимость. Ночь тянулась медленно, попытки установить психическую связь давались с все большим трудом, усталость брала свое. Росс проглотил три таблетки мелатонина, но даже это не помогало сохранить ясность ума.

Селетина заснула, растянувшись на холодном каменном полу. Она по-прежнему была одета в ярко-желтый обтягивающий костюм и высокие ботинки, ее волосы растрепались, упав ей на лицо. Возможно, психический потенциал Селетины соответствовал эта-уровню, но пока она была еще молода и считалась очень способным псайкером капна-уровня. Как следствие этого, ей пришлось взять на себя большую часть усилий. После третьей попытки Селетина так устала, что с трудом могла говорить.

Они прятались в рұинах дома кантуканского стила с плоской крышей, оказавшегося в этом ущелье вечностью назад. Дом так оброс отложениями мела и известняка, что стал похож на каменную раковину. Но крайней мере, в рұинах можно было найти покой и уединение, необходимые для псайкерской медитации. Тешива оказался любезным хозяином, предоставив им пластиковое покрывало и угольную печь для обогрева.

Росс осторожно укрыл покрывалом спящую Селетину. Ей необходимо было

отдохнуть, и Росс не хотел ее бдуть. Он устроился в крошечной каменной хижине, усевшись, скрестив ноги, на древних каменных плитах. Он принял еще две таблетки мелатонина и мысленно приготовился к новой попытке установить психическую связь с Делакантом. На этот раз Россу придется действовать одному.

Росс позволил своему разуму плыть, как лодке по течению. Он воспарил, как незримый луч света, и видел сверху себя и Селенину. Он уже устал, и течения Эмпирей угрожали навеки унести его в бездну. Россу пришлось напрячь все силы, чтобы преодолеть их. Укрепив свой внутренний взор, он начал подниматься...

Сначала он медленно поднимался сквозь пронизанные ходами и пещерами ярусы подземных рун. И на каждом из окаменевших пластов Росс чувствовал следы, оставленные призраками. Он пролетал сквозь самые древние пласты кантуканской истории, видел дворцы династии правителей — имперских губернаторов, увенчанный куполом. Он понимал чувства генерал-губернатора.

погавившего мятеж кочевников. Генерал-губернатор приказал похоронить живыми мятежников и их коней шесть тысяч лет назад. Это чувство было горьким.

Он поднимался сквозь пласты одноэтажных домов, построенных из глиняных кирпичей, и покрытых мозаикой из красного, коричневого, бирюзового камня. Хотя сейстическое давление уже давно превратило эти дома в обломки, Росс чувствовал запах их очагов. Маслянистый аромат готовящейся пищи был так силен, что Россу захотелось остаться здесь ненадолго. Но он летел дальше вверх, набирая скорость.

Скоро подземные пласты рун с их приливом ощущений остались позади, и Росс вырвался на поверхность. Сразу же вся ярость и безумие города, растерзанного войной, обрушились на него, угрожая разорвать его разум. Приливная волна лютой жестокости и парализующего ужаса захлестнула его ментальную защиту. Если бы не долгое время обучения у лучших психо-гуэлянтов Ордо Еретикус, Росс умер бы, не выдержав этого. Он

укрылся за ментальной броней, внутренне сосредоточившись. В четырех километрах под поверхностью физическое тело Росса согнулось, и его сердце едва не остановилось.

Он чувствовал ужас семей, прятавшихся в погребах и подвалах, угнетающее, безнадежное отчаяние тех, кто просто ждал смерти. Что хуже всего, он чувствовал опьяняющую ярость свирепствовавших в городе Броненосцев. Он видел их черные ауры, страшные и тошнотворно злые. Они заполняли город, как чума, как орда смеющихся призраков.

Росс знал, что не выдержит здесь долго. Он летел низко, скользя над беспорядочным нагромождением многоквартирных домов. Он мчался над богато украшенными строениями из терракоты и тяжелой меди, и вскоре достиг главного канала Бурганга. Взор его разума искал хоть какие-то признаки присутствия Делаканта — мысль, крик о помощи, хоть что-нибудь.

Росс старался изо всех сил. По сравнению с Селетиной он был не таким

сильным псайкером, но то, чего ему не хватало, он восполнял волей и концентрацией. Как и тело, разум можно тренировать. Медитация, психо-гүэли, и даже просто головоломки -- все это инструменты тренировки разума, так же, как тренажеры, упражнения и гүета помогают тренировать тело. Росс регулярно тренировал и тело и разум, и достиг псайкерских способностей омикрон-уровня.

Обыскивать город квартал за кварталом было очень тяжело. Делахантам нигде не было. Вместо этого Росс заскользил над центральной площадью Бүраганда, вытощенной миллионатами морских раковин -- узор мозаики напоминал звезды и планеты Коридора Медины. Когда-то это была главная базилика и форум Бүраганда, а сейчас Броненосцы сгоняли сюда кантиканских пленников, чтобы позже направить их на раскопки. Страдание и безнадежность этих несчастных, которых ударами и уколами пик гнали на площадь, были так тучительны, что у физического тела

Росса стали лопаться сосуды, и кровь потекла из глаз и носа.

Это было слишком, и на секунду Росса потерял контроль и едва не впал в кому. Он отчаянно пытался удержаться — одинокий цветок, сопротивляющийся буре. «Еще один полет», решил Росс. Сувзив зону поиска до района вокруг форта, где Делакант оставил аварийный маяк, Росса нарисовал над ней круг.

В четырех тысячах метров под землей тело Росса согнулось в приступе судорог. Кровь текла по его лицу. Она текла из носа, ушей, глаз, из каждой поры на коже. Атмосфера чудовищной бойни пожирала его.

Не в силах больше поддерживать свою психическую форму отдельно от тела, Росса решил вернуться. Он уже начал удаляться от конических шпилей и бронзовых крыши Верхнего Бураганда. Но вдруг он что-то заметил — едва ощутимую психическую искру, кто-то активировал инквизиторскую печать. Росс остановился, затаив эфирное дыхание. Он попытался найти этот знак

снова, и на этот раз он был более
осязаемым. Глубоко под огромным
амфитеатром в торговом квартале
Верхнего Бураганга, Росс почти смог
дотянуться и коснуться его. Это должен
быть Делакант...

Отбросив осторожность, Росс
рванулся вперед, как хищная птица.
Приняв форму психического копья, он
влетел в амфитеатр и направился к
казармам в западном крыле комплекса.

Пролетавшись сквозь каменные
колонны психическое копье влетело в
спортивный зал. Там у стены лежал
инквизитор Делакант. Он был без
сознания, и его отчаяние было слишком
ощутимым, но он был жив.

Росс привел его в чувство резким
ментальным сигналом.

«Маркус Делакант?»

— Это я... — прохрипел инквизитор.
Он моргал, пытаясь разглядеть Росса, как
человек, смотрящий на солнце. Делакант
не был псайкером, и не мог его увидеть.
Несмотря на кровотечение и спазмы, Росс
собрал последние ментальные резервы, и

вызвал образ, который Делакхант мог узнать. Это был образ Росса в юности, когда они с Делакхантом учились в Схолопрогениум. Он появился перед глазами Делакханта -- подвижный высокий подросток Ободайя Росс, облаченный в форму Схолы на несколько размеров больше.

«Маркус, это я, Ободайя»

-- Старый мерзавец... Как давно это было? Шестнадцать, семнадцать лет назад? -- устехнулся Делакхант сквозь сломанные зубы.

«Слишком давно, Маркус. Я знал, что ты здесь, ты слишком крутой, чтобы просто так сдохнуть, варн выплюнет тебя обратно».

-- Если бы... Я не знаю, сколько мне еще осталось. Весь город просто кишит солдатами Великого Врага. Я слышу, как они ломаются в дверь...

«Знаю, Маркус. Я вижу это. Скажи скорее, где именно ты находишься?»

Делакхант пожал плечами.

-- Думаю, в Галерее Восьми Ветвей. Это старый спортивный комплекс для

борцов в торговых кварталах Бұраганда.

Кажется, я как-то стог сюда заползти.

«Продержись до заката, дружище. Мы вытащим тебя»

-- Подожди, Росс...

«Маркус? Быстрее, я теряю сознание»

Росс уже почти минуту не дышал.

Началась гипоксия, и углекислый газ отравлял кровь.

-- Росс, если я вас не дождусь, вся информация, которую я нашел -- в моем кольце.

«Ты нашел Старых Королей?»

Делахант покачал головой.

-- Я даже не знаю, что это. Я расскажу все, что мне известно, когда вы придете сюда, если, конечно, враг не доберется до меня раньше.

«Мы найдем тебя раньше, Маркус. Найдем».

После этого у Росса уже не оставалось сил. Он прервал психический контакт, слишком быстро и резко для его ослабленного состояния. Задыхаясь и корчась в судорогах, он рхнул на каменные плиты.

КОГДА Бастиэль Сильверстайн
нашел Росса, инквизитор стоял на
колених, откинувшись назад и выгнув
спину. Его лицо было покрыто засохшей
кровью.

Он выглядел так, словно был уже
мертв. Но крайней мере, так подумал
Сильверстайн, пока его аугметика не
обнаружила, что пульс еще есть. Охотник
бросился вперед, подхватил Росса и помог
ему сесть.

-- Сир, что случилось? -- спросил
Сильверстайн.

Росс моргнул и неразборчиво
проборкотал:

-- Я в порядке... просто установил
психический контакт...

Сильверстайн помог ему опереться о
стену и поднес оловянную кружку, от
которой шел пар.

-- Я принес вам немного чая.

-- Спасибо... -- Росс взял кружку
обеими руками и, переведя дыхание, сделал
небольшой глоток чая. Это был слабый
дешевый чай, какой давали гвардейцам, но

его горечь улучшила настроение Росса.

В этот момент проснулась Селемина. Она сбросила покрывало и машинально поправила волосы. Когда она заметила Росса, ее глаза расширились.

Росс поднял руку, прерывая возможные вопросы, прежде чем она их задаст.

--- Спокойно. Я в порядке, но сейчас важно другое.

--- Росс...

--- Тсс. Делахант жив, и я знаю, где он. Приведи Гешиву, посмотрим, какую помощь он может нам предоставить. Мы пойдем за Делахантом сегодня ночью.

ЕСАУЛ обычно был совсем не против того, чтобы стоять часовой на крыше. Там всегда была возможность застрелить какого-нибудь раба, достаточно глупого, чтобы бродить по улице после наступления темноты. Глядя вниз со своего поста на крыше самого высокого дома, Есаул чувствовал себя почти богом. С начала вторжения он собрал впечатляющую коллекцию ушей и зубов, украсив ими ремень своего добытого в бою лазгана. Но ему хотелось еще.

На молитвенных башнях-минаретах пробило двенадцать часов. Гролкоговорители на минаретах и в альковах храма когда-то оглашали улицы

пением святых имперских гимнов и
молитв. Сейчас все изменилось. Сейчас из
динамиков раздавались заклинания
Хорсабага Моу на гортанном низком
готике. Это были страшные, угрожающие
звуки, их воющие интонации и злобную
монотонность не могли заглушить даже
статические помехи.

Эти заклинания, звучавшие на
безмолвных улицах покоренного города,
сильно деморализовали непокорных
жителей и бойцов сопротивления. Звуки
так хорошо отражались от медных и
бронзовых крыши города, что эхо звучало
несколько минут. Есаул слушал эти звуки
с удовольствием. Он достал из одного из
многочисленных подсумков на доспехах
сигарету с обскурой и закурил.
Наслаждаясь чудовищным пением, Есаул
глубоко затянулся наркотическим дымом.

Завитки дыма вырвались из щелей
его металлической маски. Из-за сухих
жарких дней и холодных ночей пустыни
кожа под маской воспалилась. Есаул
небрежно потыкал штыком в щели маски,
чтобы уменьшить зуд.

Взрүз что-то мелькнуло в тенях на улице внизу. Сразу же забыв про скуку и зүд, Есаул, перегнувшись через край, глянул с крыши на улицу. Еще раз затынувшись обскурой, он смотрел сквозь дыл во тьму внизу. И снова үвидел это: кто-то, выйдя из тени под стеной, бросился бежать. На секунду Есаул подумал, не галлюцинация ли это от обскуры. Но нет, вскоре к двоим бегущим по улице присоединился третий.

Отбросив окурок, Есаул взялся за оружие. Лазган на сошках был установлен на краю крыши так, чтобы с нее можно было простреливать всю улицу. Судя по тому, как спешили эти неизвестные, это могли быть тародеры. Есаул устроился поудобнее, прижавшись щекой в маске к прикладу. Глядя в прицел, он следил за бегущими силуэтами. В перекрестие попала спина одного из тародеров. Есаул приготовился выстрелить, объявив этим ничтожеством о своем присутствии. Он снова был богом, а они — его игрушками.

Внезапный удар по затылку прервал его приятные мысли с такой силой, что Есаул едва не үронил лазган с крыши.

Захваченный врасплох Броненосец перевернулся на спину, прикрыв руками голову, и следующий удар пришелся на его ржавые наручи. Его противник не прекращал атаку, стоя над лежащим Броненосцем и нанося удар за ударом.

В тусклом лунном свете Есаул смог разглядеть того, кто напал на него. Это был человек в гражданской одежде, но с оружием и военным снаряжением — явно боец сопротивления. Есаул убил уже достаточно их, чтобы узнать в темноте еще одного.

-- Эшүлк! -- прорычал Броненосец. Яростный ближний бой был его стихией, из его левой бронированной перчатки выгвинулось спрятанное в ней лезвие — одно из многих в его доспехах. Есаул сбил с ног противника, и теперь они поменялись местами. Сразу же свободной рукой в железной перчатке Есаул схватил врага за горло и приготовился нанести смертельный удар.

Но не успел. Невидимый нож пронзил его горло. Сильные руки запрокинули голову Броненосца, и штык-нож вонзился

под железную маску.

ВЫСОКО на крыше партизан просигналил рукой, что все чисто. Часовой снят.

Росс просигналил в ответ, и его группа развернула строй, держа под прицелом улицу. Это была узкая, тесная и извилистая улица, ведущая к торговому кварталу. Росс и Сильверстайн укрылись за обломками тележки торговца фруктами, покрашенной в синий цвет и позолоченной. Пока они прикрывали улицу, Селетина и капитан Прагал проскользнули мимо них, держась ближе к стенам магазинов и мастерских по краям улицы. Они прошли мимо мастерской портного, часовщика, парикмахерской — все пустые и покинутые. На свисающих карнизах, как фонари, висели птичьи клетки, когда-то наполненные певчими птицами. Сейчас птицы были мертвы, их трупы высохли.

За командой инквизитора шли бойцы сопротивления, держа под прицелом крыши. Гешива позволил взять на задание

пятнадцать партизан-добровольцев. Это были смелые, упорные люди, которые хорошо знали город. До войны большинство из них было мирными горожанами, которые жили и торговали в этом самом районе, но месяцы войны закалили их и превратили в бойцов.

Один из добровольцев, юноша, который потерял руку от взрыва гранаты, тяжело шагал рядом с Россом. Инквизитор знал, что его звали Танзиль, и до войны он был учеником ткача ковров. Теперь он больше не сможет ткать ковры, даже если Кантика снова будет свободной. Сейчас к его жилету, слишком большому для его узких плеч, были пришиты карманы для патронов, а в своей единственной руке он сжимал таб-пистолет.

— После этой улицы мы выйдем на открытый базар, а за ним как раз и будет амфитеатр Бұраганда, — прошептал Танзиль.

Росс кивнул и сделал знак рукой, приказав партизанам идти вперед, чтобы прикрыть следующую секцию улицы. Селелина и Прагал прикрыли следующую.

Так с осторожностью они продвигались, пока не достигли перекрестка.

Добровольцы прошли вперед, половина из них заняла позиции, держа оружие наизготовку, чтобы прикрыть огнем разведчиков, скрывшихся за поворотом. Спустя некоторое время, разведчики вернулись. Росс не мог разобрать, что там происходит, но, казалось, что партизаны тихо спорят между собой.

-- Что они там делают? -- спросил Росс Сильверстайна.

Охотник пожал плечами.

-- Сейчас узнает, -- сказал он, кивнув в сторону Танзиля, который уже бежал к ним.

Парень махнул обрубком руки и покачал головой.

-- Путь заблокирован, мы не сможем пройти.

-- Что значит «заблокирован»? -- спросил Росс.

-- Баррикады. Противник забаррикадировал выход на площадь. Камни, обломки, колеса, колючая проволока -- баррикады около двадцати

метров в высоту. Думаю, нам придется вернуться и поискать другой путь.

Росс красочно выругался. Потом выругался еще раз.

— Не все так плохо, инквизитор. Скацкая мастерская моего хозяина в пятистах метрах отсюда, если пройти назад. Там через черный ход можно выйти на соседнюю улицу. Мы сможем добраться до амфитеатра оттуда, — заверил его Санзиль.

— Ну ладно. Тогда беги, — ответил Росс.

Команда Росса начала мучительно медленное продвижение обратно по тому пути, по которому они шли сюда. Они не успели далеко уйти, когда услышали низкий рев двигателей — тактическая осторожность была более чем оправдана. Партизаны начали шепотом передавать предупреждение вдоль линии.

Сначала Росс не понял, что за басовитый гул нарушил тишину ночи.

— Вражеский патруль, прячьтесь, — прошептал один из добровольцев. Предупреждение шепотом передавалось по

колонне.

Но прятаться на узкой улице было некуда. Росс увидел приближающийся свет фар и прожекторов. Лучи ярко-белого света пронзали тьму. Шелковый прах ночи вокруг внезапно стенился ослепительным сиянием. Они были в ловушке.

Росс подскочил к ближайшему окну, закрытому деревянной решеткой. Ударом плеча инквизитор проломил ее и ворвался внутрь, упав на колени в облаке пыли. Это оказался маленький книжный магазин. Полки были опрокинуты, вырванные страницы книг устилали пол. Ряд узких окон выходил на улицу. Еще двое партизан вскочили в помещение и, сорвав решетчатые ставни, приготовились стрелять, устроившись с оружием на подоконнике.

Первыми появились мотоциклисты, моторы их машин ревели как цепные пилы. За ними следовали два легких грузовика — патрульные машины серо-белого цвета со следами грязи и ржавчины. В их кузовах помещались два отделения Броненосцев и

своры боевых псов.

Большинство партизан было застигнуто на улице. Открыв неприцельный огонь, они пытались найти укрытие. Патрульные грузовики остановились почти рядом с партизанами, и противник начал высаживаться. Первыми рванулись из кузовов боевые псы, громадные рычащие мастиффы. За ними с лязгом и грохотом прыгивали Броненосцы.

Росс выстрелил из плазменного пистолета. Мини-сверхновая плазменная заряда испепелила Броненосца, выпрыгивавшего из кузова, расплавив его доспехи и фактически приварив к раме грузовика. Из углубления в стене напротив Росса Селетина и Прагал обстреливали противника.

Чей-то выстрел разбил прожектор на первом грузовике, и все вокруг погрузилось во тьму. В наступившей тьме Росс видел лишь сверкающие лазерные разряды и вспышки выстрелов автоганов. Сквозь шум боя он слышал рычание псов, рвавших что-то мягкое и мокрое.

-- Если не отвлечь их, мы покойники, -- сказал Сильверстайн. Он занял позицию рядом с Россом, темнота ему ничуть не мешала.

Прежде чем Росс смог возразить, Сильверстайн сжал его руку.

-- Я вернусь к вам еще до рассвета. Держите вокс-канал открытым.

И охотник выскользнул через окно на улицу.

На секунду он задержался, гвумя точными выстрелами сняв гвух мотоциклистов. Пули с мягкой оболочкой просто сорвали их с мотоциклов. Едва сбавив шаг, Сильверстайн пересек улицу, направившись туда, где под треугольной аркой группа партизан была прижата огнем противника. Еще несколько точных выстрелов по вражескому патрулю дали бойцам сопротивления передышку, в которой они так нуждались. Сильверстайн и несколько кантиканцев, выскочив из укрытия, бросились прямо на врага. Оставшиеся партизаны отступили туда, где прятался Росс, и знаками показали, что можно следовать дальше.

Противник был отвлечен, а именно это и нужно было Россу. Не теряя времени, инквизитор выпрыгнул на улицу. Что произошло дальше, он почти не помнил. Он едва видел спину бегущего впереди человека. Во всеобщем смятении Селетина схватила его за руку, и Росс крепко держался за нее, стараясь не отстать на бегу. Они продирались через ряды фанерных прилавков, взбежали вверх по ступенькам, едва не падая в темноте. Однажды что-то с треском сломалось под ногой Росса, и инквизитор едва не вывихнул лодыжку. Он надеялся, что кантиканцы, бегущие впереди, знают, куда они направляются.

После очередного головокружительного подъема по хрупким деревянным ступенькам, они выбрались через люк на крышу. Партизаны сразу же начали уходить по крышам, но Росс успел бросить взгляд на улицу вниз. Там, внизу, прямо под ним, были машины карательного отряда. Еще дальше он увидел вспышки выстрелов -- это мог быть только Сильверстайн и последовавшие за

ним добровольцы. А еще дальше был виден яркий свет прожекторов — новые машины противника подходили к месту боя. С болью в душе Росс отвернулся, понимая, что ничем не может помочь Сильверстайну, и начал подниматься по крышам.

Преодолев ряд террас, они, наконец, спустились по восточной трубе в узкий переулочек. Дорожка для пешеходов была не больше девяти сантиметров в ширину, и оканчивалась рядом неровных ступенек. Путь освещала натриевая лампа на проволоке. Это место воняло желчью и мочой.

— Сюда, быстрее, — сказал Танзиль.

Остатки их отряда, выстроившись в неровную колонну, последовали за юношей. Вскоре поблизости — слишком близко — послышался злобный рев моторов.

Зал собраний на борту «Карфагена» был огромен, его сводчатый потолок украшали гобелены и знамена. Тяжелые скамьи, обитые кожей, были расположены ровным восьмиугольником, окружая

возвышение в центре. Стены зала являли собой истинный триумф имперского величия -- мозаика из глазированных плиток изображала исторические сцены времен, предшествовавших Воссоединению, ярко сверкавшие в бледно-голубом свете. Из трехсот тысяч плиток не было двух одинаковых -- труд, который занял у гениального художника Жоржа Севилля почти половину столетия.

Здесь лорд-маршал Кхтер выступил перед собранием самых важных и влиятельных людей этой звездной системы. Присутствовали девятнадцать генералов, во всем блеске и величии парадной формы, двенадцать командиров дивизий, два десятка высших чинов Имперского флота, лучшие полковые командиры и представитель Оффиции Ассасинорум. Собравшиеся здесь люди обладали достаточной властью для того, чтобы уничтожать миры.

Штабные кадеты суетились между скамьями, разнося напитки и закуски. Несмотря на роскошь и величие зала, деликатесов здесь не было -- только

солдатские пайки. Офицеры ели то же, что и солдаты, и меньшего от них не ожидалось. Серебряные лотки были наполнены сухарями, а на подносах из лучшего серебра были сырые луковицы и консервированная рыба. Даже в хрустальных графинах было лишь крепкое пиво, которое выдавалось солдатам по полпинты в день. Воистину суровые времена.

Лорд-маршал Кхтер подождал, пока разнесут подносы и офицеры усядутся. Он начал свою речь спокойно и размеренно, благодаря великолепной акустике его голос был слышен всем в зале.

— Братья по оружию, я созвал военный совет, чтобы рассмотреть стратегические вопросы, касающиеся кампании по обороне Миров Медин. Слишком долго командование проявляло нерешительность, и было подвержено внешнему влиянию.

Послышались вежливые аплодисменты. Некоторые офицеры одобрительно затопали сапогами по полу. Лорд-маршал поднял руку, призывая к тишине, и продолжил:

-- Наши солдаты сражались храбро и
безупречно. Но мы не можем отрицать,
что наша стратегия истощения
противника ведет к проигрышу войны.
Главная наша задача -- остановить
наступление войск Хаоса. И единственной
возможностью добиться этого в
настоящем положении является
тактическое отступление. Я считаю,
что мы должны направить все силы на
удержание Звезд Бастиона. Для этого нам
следует отступить на соединение с
прибывающими имперскими
подкреплениями во внутреннем суб-
секторе.

Это заявление собравшиеся
встретили потрясенным молчанием.
Кхмер ожидал этого. Среди тех, кто
сидел здесь, многие были верны ему, но
некоторые придерживались иной точки
зрения, и были склонны согласиться с
требованием Унквизиции защищать
Медину.

Для того чтобы умирить этих
инакомыслящих, лорд-маршал уже
разработал план. Он специально пригласил

Сюда некоторых офицеров, которые, как ему точно было известно, не были верны ему. Это будет возможность преподать им урок.

И точно, высокий худой бритоголовый офицер с лицом, покрытым шрамами от лба до подбородка, встал со своей скамьи. Судя по знакам различия на поясе, это был бригадный генерал, командир 29-й Кантуканской бригады легкой кавалерии. Кавалерист прочистил горло, прежде чем говорить.

— Сэр, если позволите мне сказать, приказ инквизиции запрещает нам отступить. Конклав требует, чтобы мы удерживали Миры Медины всеми доступными средствами, пока инквизиторы не узнают, какие цели преследует Великий Враг в Медине. Разве не является нашей главной задачей не позволить врагу добиться своих целей?

— Нет, бригадный генерал, я не позволю вам нести чужь! И я не собираюсь губить свою армию ради каких-то старых сказок! Конклав Медины не делает ничего полезного, лишь подрывает наши усилия по

обороне суб-сектора. Сядьте и не стучайте
людей, -- прошипел Кхмер.

-- С уважением, сэр, приказ
Инквизиции вполне ясен. Защищать
Коридор Медины. Как бы ни было
неприятно это говорить, Конклав
является здесь высшей имперской властью,
-- ответил офицер.

«Дурак упрям, но это мне на руку»,
подумал Кхмер.

-- Я здесь высшая имперская власть!
Это мои люди и мой корабль! Я разберусь с
Гурионом и его бродячим цирком, понятно?

-- Да, сэр, -- сказал кавалерист сквозь
зубы. Прижав кепи к груди, он сел на
скамью.

Казалось, воздух в зале стал холоднее
на несколько градусов. Офицеры
зашептались. Некоторые, судя по их
взглядам, готовы были согласиться с этим
бригадным генералом.

-- Друзья мои, поймите, что я совсем
не хочу оставлять врагу наш дом, наши
тиры. Но у нас нет выбора. Гражданским
не придется делать тот выбор, какой
должны сделать мы. Наш долг --

защитить Император, и мы не сможем
исполнить его, если бесполезно погибнем
здесь. Нам следует укрепить оборону Звезд
Бастииона, чтобы остановить
наступление главных сил Великого Врага.
Кхмер ждал, когда выскажутся
недовольные, зная, что ловушка для них
уже готова. И действительно, со скамьи
снова поднялся тот же бригадный генерал.

— Это наша родина, сэр. Вы говорите,
что мы должны позволить Великому
Врагу уничтожить наш дом, мы должны
нарушить приказ Инквизиции — волю
самого Бога-Императора. Я считаю это
отвратительным и не приму в этом
участия.

Это было именно то, на что надеялся
Кхмер. Теперь наступила развязка. Зал
затих. Лорд-маршал Варуда Кхмер
толчал долги десять секунд. Он даже
сосчитал их про себя. Наконец, его рука
метнулась к кобуре, он мгновенно
выхватил лазерный пистолет и
выстрелил офицеру в грудь.

Лицо кавалериста исказилось от
шока. Он был мертв еще до того, как сполз

обратно на скамью, его глаза и рот были еще открыты. Никто не произнес ни слова. Собравшиеся здесь военачальники многое повидали, но случившееся потрясло даже их.

Лорд-маршал наконец нарушил тишину.

— Помните. Я здесь высшая имперская власть.

Он достал шелковый платок из нагрудного кармана и аккуратно протер пистолет, прежде чем спрятать его обратно в кобурю. Зал все еще молчал, когда Кхтер подошел к переднему ряду и протянул руку представителю Оффицио Ассасинорум.

Облаченный в кателеолиновый маскировочный костюм, менявший цвет во всех спектрах серого и черного, ассасин казался призраком смерти. Он пожал руку Кхтера, показав всем, что считает его союзником. Это был еще один блестяще срежиссированный спектакль, недвусмысленный знак собравшимся здесь представителям командования.

— Братья по оружию, ради победы в

этой кампании я принимаю полномочия
высшей имперской власти в этом регионе,
во имя Бога-Императора. Если кто-то
хочет возразить -- говорите сейчас.

Как и ожидал Кхмер, никто не
произнес ни слова.

ГЛАВА 7

ПРОШЛО только три часа после полуночи, но уже начинался рассвет. Тройные солнца уже окрашивали горизонт из темно-синего в янтарный, укорачивая тени и прогоняя тьму. Дневная жара скоро сменит ночную прохладу.

По расчетам Росса, у них было тридцать минут, чтобы добраться до своей цели и вернуться в подземелья. Самое большее — сорок минут. К счастью, Галерея Восьми Ветвей уже была видна. Это был естественный амфитеатр, стадион в форме полумесяца, встроенный в обрывистый изгиб среди красных, белых и оранжевых скал. Ступенчатые ряды скамей возвышались над овальной ареной.

покрытой стесью соли и песка. На этой арене лучшие борцы Медины сражались ради развлечения тысяч зрителей. Здесь же они приняли свой последний бой, когда оккупанты окружили и перебили их всех.

Команда Росса, пройдя по периметру стадиона, вошла в тренировочные залы и казармы, расположенные в крыльях Галереи. Это был комплекс палестр и жилых помещений спартанской обстановки, где атлеты тренировались и спали.

Танзиль и капитан Прагал шли впереди, за ними Росс, а за инквизитором следовали остальные бойцы команды. Они прошли центральный двор комплекса палестр, прямоугольную площадку, окруженную колоннадой. Колонны были во множестве по всему периметру двора, формируя галереи, которые вели в обширные тренировочные залы.

Каждый зал осматривали с методической точностью. Группа двигалась быстро, силуэты бойцов сопротивления мелькали между колоннами, скользя мимо бань, боксерских

груш и зирь. В каменных стенах были
вырезаны прекрасные фризы,
изображающие атлетов и их святых
покровителей. Броненосцы явно уже
побывали здесь, осквернив стены
богохульными надписями, которые
выглядели бы почти по-детски, если бы не
были написаны кровью.

По изображениям атлетов, Росс
видел, что они практиковали
традиционную мегинскую борьбу. Росс
всегда интересовался боевыми
искусствами, с тех пор, как еще в
детстве, в Схоле Прогениум начал
заниматься кулачным боем.

Как боец-рукопашник, Росс уважал
жестокое искусство мегинской борьбы. В
ней запрещались удары кулаками и ногами.
Вместо этого удары наносились
предплечьями, локтями, коленями и
головой. Большинство боев были
короткими и беспорядочными, и обычно
заканчивались нокаутом одного из бойцов.
Росс жалел лишь, что его первая встреча
с этим спортом состоялась в таких
прискорбных обстоятельствах.

Страшнее всего оказалось то, что они увидели в казармах. Амлеты спали здесь на соломенных матах, кругом осталось множество их личных вещей -- книги, одеяла, часы, молитвенные пергаменты и даже пикт-снимки родственников.

Когда Росс и его люди шли по этим казармам, они видели запекшуюся на полу кровь и осколки. Капли крови засохли на фото-пиктах и занавесках. Едва узнаваемые останки людей разлагались на полу, трупное зловоние вцеплялось в ноздри и липло к небу. Навыки следователя помогли Россу понять, что здесь произошло -- защитники пытались запереться в своих казармах, но солдаты Великого Врага забросали их гранатами. Броненосцы упоенно предавались разрушению, и почти ничего здесь не осталось невредимым.

-- Видите, инквизитор? -- спросил Прагал, указав на землю.

Росс посмотрел и сначала не разглядел ничего. Но подойдя ближе туда, куда указывал Прагал, он увидел свежий кровавый след, более яркий, чем засохшая

коричневая кровавая корка вокруг. Красная
среди запекшихся кровавых сгустков,
свежие капли крови вели по галерее в
боковой коридор. Они были едва заметны.

— Делахант? — спросила Селетина,
присев, чтобы изучить кровавый след. Ее
голос звучал приглушенно из-за платка,
который она прижимала к лицу.

— Весьма уместное предположение,
Мадам. Можно только надеяться, что это
он, — сказал Росс. Этот кровавый след был
от легкой раны, возможно, небольшого
разреза или прокола. Едва ли это было
опасное ранение, тем не менее, Делаханту
нужно было оказать помощь. Необходимо
было найти его как можно скорее, и
последние несколько метров Росс
преодолел бегом сквозь ряды
четырёхгранных колонн.

Обогнув вход, он увидел инквизитора
Делаханта, лежащего освежеванным на
плитках пола.

Росс остановился, застав дыхание.
Кто-то добрался до Делаханта раньше
них. Судя по тому, как было положено его
тело, он был оставлен здесь специально.

чтобы его нашли. Должно быть, это ловушка. Кто-то разыгрывал здесь свою игру и был на шаг впереди. Глаза Росс расширились от изумления, когда он внезапно осознал это, и вдруг что-то мелькнуло на периферии его зрения — какие-то призрачные силуэты приближались к его команде, обходя с флангов. Росс открыл рот, чтобы закричать, но его бойцы так и не услышали слова «засада».

Его заглушил грохот очередей автоматического оружия. Росс успел упасть на землю, когда стоящего рядом с ним партизана срезало очередью. Над головой свистели пули. Одна пуля попала в наплечник, пробив доспехи и проникнув под броню. Вращаясь в ране, кусок металла разрывал плечо. «Пули с экспансивной выемкой», мелькнула мысль в мозгу Росс. Выругавшись, он нырнул вперед на локтях и коленях и спрятался за резервуаром с водой. Только оттуда он смог разглядеть нападавших, появившихся из-за колонн.

Росс ожидал увидеть солдат Великого Врага, но вместо этого увидел

нечто совсем иное — самых опасных и смертоносных наемников суб-сектора, если не всего Сегментума Ультимата — орфратинцы, так называемые Чистокровные. Евгенически выведенные люди с длинными конечностями, облаченные в обтягивающие кожаные костюмы. Их появление здесь никак не могло быть случайностью. В полутьме они двигались как сияющие призраки, меняя оттенки от коричневого до розовато-лилового и багрового. На ремнях и портупеях несли они все необходимое для их ремесла: боеприпасы, пистолеты, катушки шнура, медикаменты и другое снаряжение. Фонари на их оружии освещали темный зал слепящими кругами света.

Каждый наемник был вооружен автоматом EN-Scar. Матово-черные карабины разрывали воздух грохотом выстрелов. Выдвигаясь на позиции, наемники вели прицельный огонь одиночными выстрелами с перекрытием участков.

В углу тренировочной арены, за

штабелем деревянных манекенов
Чистокровные установили тяжелый
стаббер на сошках. Стрелок-орфратинец
обстреливал зал и коридор продольным
огнем, прижав бойцов Росса на открытом
пространстве. Сияющие трассеры
очередей прорезали темноту.

Паника отнюдь не была привычным
состоянием для инквизиторов. Они
действовали от имени Бога-Императора,
и их редко можно было застать врасплох в
столь уязвимом положении. Но сейчас
слова «уязвимое положение» были явным
преуменьшением опасности ситуации.
Селетина спряталась за каменной
стойкой, пули со скрежетом били в камень
и вонзались в деревянные руки и ноги
манекенов. Выстрелы щербили стену,
украшенную фреской, позади Росса, обдавая
инквизитора осколками камня и
известковой пылью. Двое из шести бойцов
сопротивления были уже мертвы. Прадала
нигде не было видно.

Но более чем шок и ярость от
внезапного нападения, Росса поразили тот
факт, что эту засаду устроили не

солдаты Хаоса. Орфратинские Чистокровные, генетически улучшенные представители касты воинов с Орфратиса, с начала кампании в Мирах Медины сражались на стороне Империи. Используемые имперским командованием для проведения специальных операций — способность, которой так не хватало Кантуканской Колониальной Гвардии — эти наемники, насколько было известно Россу, подчинялись Верховному Командованию Имперской Гвардии. Но сейчас они напали на команду инквизитора. И каковы бы ни были их мотивы, они выполняли свою работу чертовски хорошо.

Их огонь был таким яростным, что Селелина не могла сосредоточиться, чтобы собрать ментальные силы для психической атаки. Она медлила, охваченная странной для нее нерешительностью. Расстегнув подсумок на портупее, она взяла из него гранату. Судя по желтой маркировке Муниторума, граната была осколочная. Селелина выдернула чеку и покатила гранату по

полу, как мяч для крокета, после чего снова нырнула в укрытие и зажала уши руками.

«В укрытие!»

Она теленатически направила этот приказ прямо в мозг своим спутникам.

Росс, стрелявший из плазменного пистолета по наемникам, скрывавшимся за колоннами прямо перед ним, едва успел броситься в укрытие, прежде чем граната взорвалась. Взрыв с грохотом сотряс зал. Россу показалось, как будто кто-то сильно хлопнул его по спине. Вражеский огонь ослабел на несколько секунд.

Это и было нужно Селетине. Она немедленно воздвигла перед врагом иллюзорную стену, превращая тьму зала в бесформенную бездну, вызывающую тошноту и головокружение. Это был ее любимый трюк, и в темноте этого было достаточно, чтобы сбить противника с прицел и вывести из равновесия. Даже Росс, прятавшийся вне радиуса действия, был захвачен его эффектом.

Только тогда Селетина выскочила из своего укрытия и заявила о своем

присутствии выстрелом огнемета. Струя
жидкого огня с ревом разрезала тран,
выжигая Чистокровных из их укрытий.
Селелина убила пятерых, прежде чем
давление в стволе огнемета ослабело и
пламя исчезло. Второй раз нажав на спуск,
она заставила орфратинцев рассыпаться и
бежать в поисках нового укрытия.
Огненное копье пронзало тьму, осветив зал
ярким янтарным светом.

«Святой Трон, женщина. Ты не
говорила, что можешь быть настолько
опасной!» — теленатически сказал Росс.

«А если бы я сказала, ты бы поверил?»
— Селелина завершила мыслефразу
звонким девичьим стехом.

«Нет», признался Росс себе. «Не
поверил бы». На самом деле, ему до сих пор
было трудно в это поверить. В резких
тнях, освещенная пламенем огнемета,
Селелина в своем ярко-желтом
обтягивающем костюме и амуниции с
военным снаряжением была похожа на
школьницу, играющую в пикт-граме.

Но эта хрупкая девушка, лишь
недавно получившая звание инквизитора, в

одинокую обратила в бегство не менее сорока тренированных убийц самой устрашающей репутации -- орфратинских Чистокровных.

-- Отступить и выйти из боя! -- приказал капитан Прагал, внезапно появившись неизвестно откуда и стреляя из лазгана очередями. Перехватив инициативу, уцелевшие партизаны, стреляя на ходу, последовали за ним к выходу из галереи, по которой они вошли сюда. Шедшие последними двое кантиканцев остановились у выхода, прикрывая огнем Селетину и Росса.

«Пора уходить», мысленно позвала она.

Росс вынырнул из укрытия и уже собрался бежать к выходу, но вдруг остановился.

«Нет! Подожди, не сейчас!»

Он развернулся и бросился к телу Делаканта. Психически он чувствовал, как Селетина убеждает его скорее уходить. Орфратинцы уже приходили в себя после псайкерской атаки, по-военному четко выкрикивая приказы и координаты целей.

Цх огонь возобновился, становясь все более плотным и точным.

Росс был уже близко к Делаханту. Он увидел обожранное тело своего старого друга, лежащее у стены, его шея была выгнута назад под неестественным углом, руки распростерты, как у мученика. Позади Росс слышал, как в огнемете Селетины с фырканьел и хрипом догорают последние остатки огнестеси. Скоро три десятка орфратинцев расстреляют его и Селетину на этом открытом пространстве. В голову пришла нелепая мысль, как шесть сомен туль разорвут его тело.

В этот момент из-за колонны выскочил орфратинец и врезался в Росса. Они оба тяжело рухнули на каменный пол. Росс оказался прижат к полу тяжелым корпусом наемника. Сейчас он понимал, как выведение породы профессиональных убийц стало основой экономики Орфратиса. Орфратинец был рожден для боя. Как и его отец, и отец его отца, это был продукт тщательного генетического отбора касты воинов. Таким образом, в

генетической чистоте продолжалась династия высоких, гибких и беспощадных убийц.

На углиненном лице наемника, прижавшего Росса к полу, не выразалось никаких эмоций. Из подсытка на плече он достал лоток тонкой проволоки. Отработанным движением Чистокровный накинул проволочную петлю на шею Росса. Схватившись за руку наемника, чтобы не позволить ему затянуть петлю, Росс поднял силовой кулак.

Силовая перчатка времен Танской войны с гудением включилась, окутавшись голубоватым сиянием.

Проволока врезалась в кожу Росса, разрезая ее так чисто, что даже крови не было видно. Но инквизитор успел ударить силовым кулаком по ребрам наемника до того, как проволока перерезала артерии. Силовые кулаки прежде всего предназначены для пробивания брони. Росс по опыту знал, что силовой кулак может пробить даже бортовую броню танка. Против незащищенной же плоти он действовал так, что и думать об этом

было страшно. Расса буквально заляпало
размазанными внутренностями
орфратинца.

Росс отбросил выпотрошенное тело и
пробежал последние несколько метров до
Делаханта. Глаза мертвого инквизитора
были еще открыты и, казалось, их
остекленевший взгляд выражал упрек. Росс
не успел спасти Делаханта, как обещал.

— Прости... — прошептал Росс. Он
склонился над телом Делаханта,
выключив силовой кулак, и сразу же увидел
блеск кольца с инквизиторской печатью.
Росс дернул за руку Делаханта, и кольцо,
скользящее от крови, оказалось в его ладони.

В это время огнемет Селетин
израсходовал последнюю канистру
огнестеси.

«У меня кончились боеприпасы»,
телепатически сообщила она.

Росс резко развернулся и потчался к
выходу из галереи. Краем глаза он увидел
фалангу наемников, оцетинившуюся
стволатами автоганов. Три пули едва не
содрали с него скальп. Он подхватил
Селетину, держа ее за талию, и

продолжил бежать. Еще одна пуля попала в сегментированные броневые пластины живота. Броня приняла удар, поглотив кинетическую энергию. Доспехи не были пробиты, хотя на животе должен остаться большой синяк.

Когда до выхода оставалось меньше десяти шагов, Росс увидел, как выстрелом сразил одного из партизан, прикрывавших отступление. Молодой человек, бывший клерк из дворца губернатора, повернулся, ударившись лицом о стену, из его шеи хлынул фонтан ярко-алой артериальной крови. Росс выскочил из галереи и побежал дальше.

Он оказался у жилых барачков. Выжившие — капитан Прагал и молодой Танзиль — выскочили из своих укрытий, как только увидели Росса.

— Туда, мы прорвемся через тренировочные залы, — указал Танзиль.

Росс кивнул и отчаянным жестом приказал им бежать. Позади он услышал, как последний уцелевший партизан повернулся и несколько раз выстрелил по входу в зал, где их подстерегла засада.

Несомненно, наемники бросятся в погоню. Орфратинцы дорожат своей репутацией. Росс продолжал бежать, не упуская из виду мелькающий впереди силуэт Танзиля.

--- Теперь ты можешь отпустить меня, --- сказала Селемина.

Росс забыл, что несет ее на плече, и ее голова бьется о его бронированную спину. Он немедленно опустил ее на пол.

--- Прошу прощения, я не хотел...

Селемина прижала палец к его губам.

--- Сейчас не время для многословия.

--- Но я...

--- Тсс. Ты слишком много говоришь.

Партизан, прикрывавший отступление, отчаянно затахал и муркати, призывая двигаться дальше. По извилистому туннелю они направились к выходу из комплекса тренировочных залов.

Когда они выбрались из комплекса, ночь уже прошла, наступил день. Росс увидел, что они оказались на самой арене. Три солнца уже взошли, словно красные угли, тлеющие над горизонтом. С трудом переводя дыхание, ошеломленные своей неудачей, бойцы инквизиторской команды

шли через стадион обратно, в захваченный
врагом Бүраганг.

БАСТУЭЛЬ Сильверстайн подгал в патронник последний патрон. У охотника мелькнула мысль оставить последний патрон для себя. Но он был слишком упрямым. С усталой отрешенностью Сильверстайн поднял оружие и сделал последний выстрел по врагу.

Пуля, выпущенная с минарета, возвышавшегося над улицей на пятьдесят метров, пролетела по диагонали над крышами домов. Нацеленная на отряд броненосцев, блокировавших квартал, она попала в одного из вражеских солдат, присевшего за своей патрульной машиной. Пуля вошла ему прямо в лоб и вышла из затылка в фонтане брызг крови и мозга.

раскрыв железный шлем Броненосца, как
цветок.

Сильверстайн присел за балконным
ограждением молитвенной башни.
Раздался ответный залп — чего и ожидал
охотник, пули яростно застучали в
кирпичную стену над головой. Отложив
ставший бесполезным автомат,
Сильверстайн оперся на красные кирпичи
балкона и вздохнул.

— У кого-нибудь еще остались
патроны? — спросил он.

Шесть бойцов сопротивления
покачали головами. Они израсходовали все,
что было у них в карманах, мешках и
подсумках. Они предельно устали и были
истощены. Сейчас было только раннее
утро, но солнца Медины уже иссушали
город опаляющей жарой. Обезвоживание,
усталость и жара начинали брать свое.

Эта осада длилась уже почти пять
часов, с тех пор, как Сильверстайн и
несколько партизан отделились от
остальных, чтобы отвлечь противника.
Враг упорно преследовал их, и они
потеряли троих по пути сюда. Казалось,

что патрули Броненосцев и боевые псы жгут их за каждым углом. Они укрылись в самой высокой молитвенной башне торгового района Бұраганда и там заняли оборону. Точность их огня заставила солдат Великого Врага организовать настоящую осаду, блокировав весь район и стянув сюда ближайšie патрули.

В последний час, когда боеприпасов осталось совсем мало, партизаны просто отгали оставшиеся патроны Сильверстайну, предоставив ему отстреливать врагов, окружавших минарет. По их предположениям, Сильверстайн израсходовал за это время не менее двух сотен патронов. Почти все его выстрелы попадали в цель, неся смерть врагу.

Некоторое время они ждали. Противник больше не стрелял, словно проверяя — нет, провоцируя их ответить огнем. Но у них ничего не осталось, и скоро враг это поймет.

— Как думаете, скоро они догадаются пригнать танк и сровнять с землей всю эту штуку? — спросил Гоа, бывший рабочий

литейного цеха. Ему было уже за шестьдесят, и он страдал от солнечного удара больше других. Когда он говорил, его глаза были закрыты, голова безжизненно свисала.

— Нам повезет, если мы погибнем от огня артиллерии. Но они не доставят нам такого удовольствия, — сухо ответил Сильверстайн.

И как будто в подтверждение этих слов они услышали, как Броненосцы ломают ворота на первом этаже башни чем-то вроде тарана. Резкие голоса выкрикивали приказы на непонятном языке.

— Они идут, — Сильверстайн пожал плечами.

Шесть партизан начали готовить к бою штыки, но Сильверстайн просто сидел молча, положив руки на колени.

Охотник чувствовал странную отрешенность и какую-то необычную апатию. Он и хотел бы ощущать тот же мотивирующий страх, что и его спутники, но не мог. Тяжелые шаги воинов Великого Врага, поднимающихся по

винтовой лестнице, должны были вызвать какую-то панику, если не ужас, но Сильверстайн не чувствовал ни того, ни другого. Возможно, тридцать лет на службе Инквизиции лишили его нервы чувствительности. Возможно, годы его юности, когда он работал загонщиком, загоняя крупных хищников для старших охотников на своем родном мире Вескепине, закалили его. Мальчики быстро взрослеют, когда им приходится выгонять огромных клыкастых волков из логова с помощью одной лишь палки. Многие вещи его просто не волновали. Сильверстайн расстегнул костяную пуговицу на кармане пальто и, достав из кармана сигарету, понюхал ее, надеясь, что у него еще осталось время закурить.

Броненосцы ворвались на верхнюю площадку, воя и рыча от жажды крови. В первый раз Сильверстайн видел их при свете дня. Они были дикого, зверского вида, одетые в беспорядочную смесь кольчуг, кирас, бригандин и пластинчатой брони. Некоторые были вооружены автоматистолетами, другие лязганати.

Сильверстайн даже заметил у одного картечный мушкет.

Они бросились на балкон. Сильверстайн закрыл глаза, не желая рассматривать их с помощью своей биоптики с такого близкого расстояния. Он не хотел, чтобы последним зрелищем в его жизни были подробные данные об этих хаоситах.

-- Танг этай!

Смертельного удара не последовало. Властный голос приказал им остановиться. Сильверстайн достаточно работал с Имперской Гвардией, чтобы понять, что это приказ, отданный офицером. Медленно, охотник открыл глаза.

Воины Великого Врага стояли на расстоянии вытянутой руки. Они возвышались над ним, как железная стена. Биоптика Сильверстайна вдруг стала тизгать и давать помехи, и охотник не знал почему. Раньше аугметика никогда не подводила его. Словно машинные духи не хотели передавать такую картину в его мозг.

Глядя в глаза Хаоса, шесть кантиканцев бросили оружие и опустились на колени. Адреналин боя ушел, и их нервы просто сгали. Для них все это было уже слишком.

— Кетор авул, кетор эшек авул, — произнес офицер Хаоса странно веселым голосом на своем непонятном языке. Полевой командир Броненосцев являл собой страшное зрелище. Высокий и гибкий, он был облачен в кирасу из броневых пластин, покрытых шипами, к поясу кираса суживалась, переходя в бронированный передник, из-за чего Броненосец был похож на разъяренную гадюку. В отличие от его подчиненных, металлические полосы, которые были прикреплены к его шлему и полностью закрывали его голову, были украшены узорами в виде симметричных переплетений, доходящих до центра головы. «Что-то вроде офицерских знаков различия», подумал Сильверстайн.

Офицер Великого Брага рассматривал их, с любопытством склонив голову набок. Внезапно он метнулся вперед и схватил Гоа за горло.

Пожилой партизан был так измучен, что не отреагировал на это, даже когда его вздернули на ноги. Одним быстрым движением Броненосец сбросил старика с балкона.

Сильверстайн встал. Он хотел умереть стоя. Вражеский командир повернулся к нему. Схватив охотника за лацканы кожаного пальто, Броненосец перенес его через ограждение балкона. Сильверстайн смотрел вниз с пятидесятиметровой высоты. Внизу на мостовой лежал Гоа, под ним растекалась лужа крови.

Но Броненосец не сбросил его. Он остановился, заметив значок на воротнике пальто. Маленькая серебряная булавка в виде инквизиторской инсигнии ярко блестела на солнце.

-- Ты ценной пес мертвого Императора? -- спросил Броненосец на низком Готике.

Сильверстайн сжал зубы и не сказал ничего.

-- Оргэй ангхиари инквизит, -- сказал командир своим подчиненным. Судя по их

угрученному виду, Сильверстайн понял, что им не разрешат убить пленных здесь и сейчас.

-- Я наик Ушкибал. Наик -- мое звание. Ушкибал -- мое кровное имя. Но ты не сможешь называть меня ни по званию, ни по имени. Это святотатство, и мне придется убить тебя. Я говорю это потому, что пока не хочу убивать тебя. Понятно? -- металлический резонанс его голоса выразительно передал угрозу.

-- Засунь кулак себе в задницу, -- сплюнул Сильверстайн.

-- Хорошо. Хорошо. Ты быстро учишься, цепной пес. Посмотри, как долго ты протянешь. Думаю, мои командиры захотят поговорить с тобой.

-- Я не инквизитор. Я охотник, -- ответил Сильверстайн.

-- Все равно. Ты носишь знак, значит, у тебя есть ответы, -- устехнулся наик. Повернувшись к подчиненным, он отдал серию приказов на своем языке.

Броненосцы, кулаками и пинками уложив партизан на пол, начали связывать им руки и ноги проволокой.

-- Амел буряш! -- прорычал командир.
-- Они нужны мне целыми для вопроса. Я
съем лицо каждого, кто пустит ил кровь
без моего разрешения.

УЖЕ третью ночь они провели,
скрываясь. Росс был покрыт запекшейся
кровью -- частью его собственной, но в
основном вражеской. Кирпичная пыль, песок
и сажа покрыли его доспехи коркой цвета
грязных зубов. Усталость превысила все
пределы, сухожилия, казалось, готовы были
разорваться, мускулы пульсировали от
боли.

Свое текущее местонахождение Росс
также представлял себе довольно смутно.
Он предполагал, что они спрятались в
вентиляционной шахте какого-то
полуразрушенного многоквартирного дома
в Верхнем Бурганге. Но даже в этом он
не был уверен, потому что ни в одном
месте они не остеливались задерживаться
слишком долго. Карательные отряды
Броненосцев весьма тщательно вели
патрулирование. Однажды, на второй день,
их едва не поймали. Испытывая отчаянный

голог, они решились обратиться в
полуразрушенный амбар в поисках
продовольствия. Но вместо этого
наткнулись прямо на патруль
Броненосцев. Им едва удалось спастись. На
наголенниках Росса остались следы
клыков боевого пса в подтверждение этого.

И все же эти страдания были чисто
физическими. Разум Росса все еще не мог
дойти от шока последних семидесяти
двух часов. За это время он потерял
Бастизэля Сильверстайна, отряд
кантиканских партизан, отправившихся с
ним на задание, был почти полностью
уничтожен, и сейчас приходилось
прятаться в каком-то грязном подвале,
надеясь, что Броненосцы не найдут и не
убьют их здесь. Ягу на его раны добавлял
тот факт, что он не мог даже
представить, кто мог нанять
орфратинских Чистокровных, чтобы
организовать такую хорошо рассчитанную
засаду. Он перебирал все варианты,
пытаясь найти ответ, но никаких хоть
немного логичных или просто разумных
версий найти не мог. Единственным

правдоподобным объяснением было предательство. Предательство внутри его собственной команды. В том положении, в каком Росс находился сейчас, об этом даже думать было невыносимо.

В этом пандемониуме мыслей ясной была только одна — он не может сейчас покинуть Кантику. Хотя Селемина упорно настаивала на возвращении, Росс отказывался улетать с планеты, потерпев такое поражение и ни на шаг не приблизившись к истине. Росс умел быть упрямым, и оперативная группа была под его командованием. Они остались хотя бы для того, чтобы собрать сколько возможно информации, которая была целью их задания.

— Я принесла тебе немного супа, — сказала Селемина. Она пробралась сюда по туннелю, одной рукой держась за сточную трубу над головой, чтобы сохранить равновесие. В другой руке она держала фляжку, из которой шел пар, — Это всего лишь концентрат, но сегодня ночью холодно.

Росс поблагодарил ее и взял фляжку.

Глотнув супа, он откинул голову назад. Теплый металл так приятно грел замерзшие руки. Суп, хотя и из нестандартного гвардейского пайка, был совсем неплохим. Густой и соленый, он нежного напоминал вкус консоме. Но лишь нежного.

Селетина присела рядом с Россом, чтобы устроиться в тесном туннеле, ей пришлось упереться ботинками в противоположную стену. Возможно, на Росса действовала усталость, но в фосфоресцирующем сиянии газовых фонарей Селетина выглядела особенно прекрасной. В химическом свете профиль ее лица казался удивительно хрупким и изящным. Даже кольцо в губах — украшение, которое никогда не нравилось Россу — придало ей особенно невинный вид. Росс не сразу осознал, что любит ее.

— Ты знаешь, нам нельзя здесь оставаться, — сказала Селетина.

— Мы подождем еще двенадцать часов. Если Сильверстайн не свяжется с нами... — Росс замолчал.

— Росс. Мы больше не можем здесь оставаться. Я уже устала бегать и прятаться. У нас не осталось еды и почти не осталось воды. Мы должны вернуться на «Карфаген» и доставить Конклаву кольцо Делаканта для расшифровки. Это единственный разумный вариант.

— В любое другое время и в любом другом месте я бы согласился с тобой. Но сейчас, когда от нашего задания зависит столь многое, мы не можем покинуть Кантику, пока не убедимся, что Старые Короли не попали в руки Великого Врага. Мы еще не закончили здесь.

Росс не был уверен, сколько в этой его речи пустой бравады, а сколько его обычного упрямства. Но он просто не мог допустить этого сейчас. Его учитель, ныне покойный инквизитор Лист Вандеверн упрекал Росса за то, что он был слишком импульсивен и слишком легко поддавался эмоциям. Сначала этот недостаток едва не помешал Россу получить звание инквизитора. Но за годы инквизиторской службы внутренний инстинкт не раз пригодился Россу. У

сейчас инстинкт говорил ему, что нельзя возвращаться к Конклаву ни с чем, поджав хвост, как побитый пес, из-за пары перестрелок. Высаживаясь на планете, захваченной силой Хаоса, Росс должен был ожидать, что в него будут стрелять. Вообще-то это часть инквизиторской работы. Или, возможно, он просто не мог сейчас мыслить нормально.

— Росс, это идиотизм. Прости, но это так, и иначе я это назвать не могу. Но крайней мере, мы должны двигаться, потому что нам нельзя долго оставаться здесь, — возразила Селемина.

Росс заметил, что когда она была расстроена, она не могла смотреть ему в глаза. Она отводила взгляд и нервно кусала кончики пальцев.

— Я обещал Сильверстайну, что буду ждать в этом районе, когда он выйдет на связь.

— Росс. Пожалуйста. Ты сам сказал, что мы здесь не закончили. Как ни больно это говорить, речь не о Сильверстайне. Конклав приказал нам узнать, существуют ли древние артефакты на

Кантике.

При этих словах Росс глубоко вздохнул. Она была права, и он знал это. Они должны улетать — или продолжить выполнять задание. Улететь Росс не мог, так что особого выбора не было.

— Пойдем, — согласился он.

— Я рада, что ты согласен, потому что у капитана Прагала есть отличный план!

Росс застесался, в первый раз за эти четыре дня.

— Пожалуйста, расскажи.

— Ты слышал выстрелы артиллерии в последние несколько дней?

— Нет, — признался Росс.

— А я слышала. У наш бравый капитан тоже. Это означает, что противник еще с кем-то сражается. То есть, можно предположить, что где-то в регионе еще ведут бои имперские войска. Капитан Прагал рискнул выйти на связь на имперской частоте. Он очень профессионально работает с вокс-связью, и не думаю, чтобы противник успел засечь наш сигнал. Это может произойти,

только если мы захотим этого.

-- У?

-- У он связался с ними! Батальон Кантуканской Гвардии сражается примерно в двадцати километрах к северо-западу от Бураганга.

-- У нам придется идти двадцать километров пешком по вражеской территории?

-- Нет. У вот почему план так хорош...

КАРАТЕЛЬНЫЙ отряд с грохотом мчался по пустой улице, мощные дизели хищного вида машин грозно ревели. Два бронированных грузовика, покрашенные в грязно-белый цвет, сопровождались двумя патрульными машинами, с рычанием извергавшими из выхлопных труб облака дыма. Патрульные машины были приземистыми тупоносными четырехколесными вездеходами с открытым пассажирским сиденьем. Узамбразуры броневое щита торчал ствол тяжелого стаббера, за щитом сидел стрелок. С начала Эверств характерный

вибрирующий рев двигателей патрульных машин стал самым пугающим звуком в ночи. Партизаны и беженцы метко прозвали машины карательных отрядов «хищники и ищейки».

Пролчавшись по разрушенным войной улицам 9-го квартала Бүраганга, машины резко затормозили у большого многоэтажного здания. Весь фасад здания осел, отделившись от конструкции, как толстая бумага, обнажив погнутые балки и опоры.

Кто-то передавал сигнал бегствия на имперской частоте. Броненосцы прослушивали эту частоту с тех пор, как разгромили Кантуканскую Гвардию. Сигнал шел из этого самого здания.

Солдаты карательного отряда высаживались из своих машин, проверяя оружие и подтягивая патронташи, как только спрыгивали на землю. Два полных отделения — двадцать опытных убийц — быстрым шагом направились к главному входу. Странно, что хотя стена вокруг была почти полностью разрушена, дверь и дверная рама остались невредимы.

Командир отделения — наук — сбил замок своей латной перчаткой, остальные Броненосцы построились за ним в колонну, подняв оружие.

Внутри сквозь пробоины в стенах проникали лучи лунного света. Третья взвешивания обрушилась, словно разрезанная поперек. На седьмом этаже на самом краю уцелевшего пола стояла детская колыбель, одна ее железная ножка висела над пустотой.

Наук направился к источнику сигнала с успехом в руке. Сигнал был ясный и четкий, его источник находился на расстоянии не более пятидесяти метров. Скоро, как ожидал наук, еще одна партизанская ячейка на себе испытает, как опасна длительная передача vox-сигнала на вражеской территории. Наук навел крупнокалиберный автомат на угловатые тени впереди.

Карательный отряд прошагал по главному коридору. Где-то прорвало сточную трубу, и весь нижний этаж был по лодыжку залит грязной водой, смешанной с теплом и содержимым канализации.

Большинство дверей в доме были сорваны с петель, внутренние помещения разграблены. Мебель разбита и выброшена в коридор, хрупкие мокрые деревянные обломки хрустели под ногами.

Писк ауспекса вдруг перешел в пронзительный визг. Впереди дверь закрывала вход в котельную дома, расположенную в подвале. Вокс-сигнал шел оттуда, в этом Броненосцы были уверены.

Они принесли таран из прочного металла весом тридцать килограмм. В последний раз проверялось оружие. Броненосцам так не терпелось приступить к убийству, что из-за металлических пластин, покрывавших их лица, слышался возбужденный лязг зубов. Схватившись за таран, Броненосцы обрушили его на дверь. Дерево с хрустом расколосось, как раздробленная кость.

Карательный отряд ворвался в котельную. Наик вошел первым, размахивая пистолетом в поисках целей. Но, едва войдя в помещение, он заметил две вещи.

Во-первых, котельная была пуста, в

ней был только вокс-передатчик военного образца. Он стоял на полу в пятне лунного света и передавал сигнал о помощи по имперским вокс-каналам. Во-вторых, на дверь была поставлена простейшая мина-растяжка. Кусок провода, прикрепленный к двери, был соединен с ретнем, связывавшим несколько гранат. Когда дверь выломали, натяжением провода из гранат выдернуло чеки с хорошо слышным щелчком.

Когда наик это заметил, было уже поздно. Он даже не стал предупреждать солдат об опасности, а просто развернулся и попытался выскочить обратно. Но не успел.

Гранаты взорвались с оглушительным грохотом. Тысячи противопехотных поражающих элементов — шариков разорвали в клочья все содержимое котельной. Мгновенно стены, покрытые штукатуркой, стали похожи на пористую губку. Солдаты Великого Врага, ворвавшиеся в помещение, были накрыты градом разлетевшейся шрапнели. Взрывной волной выбило в доме все окна, которые еще не были разбиты, и окна в

грузных домах на улице.

ЗВОН разбитых окон послужил сигналом. Росс выскочил из укрытия в сточной канаве во дворе рядом с домом. Остальные бойцы его группы последовали за ним.

Выглянув из-за стены, они увидели машины карательного отряда, стоявшие перед зданием. Росс побежал к бронированному грузовику, зная, что его сейчас вполне могут подстрелить до того, как он добежит. Выстрелов не последовало, и Росс запрыгнул в открытую дверь машины. Оказавшись в кабине, он повернулся и втащил за собой Селетину. В зеркало заднего вида он увидел, что капитан Прагал и двое партизан залезают в кузов.

Внутри грузовика воняло машинным маслом и аммиаком. Росс был рад, что еще слишком темно, чтобы видеть внутренности кабины в подробностях. Потянувшись под приборную доску, он нащупал там ключи зажигания. Они были еще теплые. Росс повернул их, и

двигатель грузовика взревел, как
разбуженный зимой медведь. Фары
включились, пронзив темному двутя
лучами тусклого белого света.

Грузовик пришел в движение, сначала
тяжело и неуклюже. Росс повел машину
вперед, вдавив педаль газа. В боковом
зеркале Росс увидел, как из здания,
шатаясь, вышел Броненосец, оглушенный,
раненый, но свирепо размахивающий
лазганом. Капитан Прагал уложил его
огнем метким выстрелом. После этого
капитан по очереди прострелил большие
колеса патрульных вездеходов-«ищек».

— Вперед, сэр, пошли-пошли-пошли! —
крикнул Прагал, стукнув по задней стенке
кабины.

Словно пробудившись окончательно,
грузовик рванулся вперед, подняв тучу
пыли. Когда стрелка потряскавшегося
спидометра добралась до цифры 70 км/ч,
квартал уже остался далеко позади.

ЛОРД-МАРШАЛ Кхмер сидел в
своем кресле, погруженный в мрачные
раздумья, когда адъютант доложил о

прибытии орфратинского элиссара.

Шелковые ширты, закрывающие дверь в его каюту, неслышно отодвинулись в стороны с помощью сложных механизмов. В каюту вошел Аспет Фьюр, почтительно поклонившись на пороге. Как и других членов его клана, у Фьюра была бронзовая кожа и тусклые оливково-зеленые глаза, что выдало в нем Чистокровного, продукт достижений евгеники. Обтягивающий костюм из змеиной кожи цвета сени подчеркивал его мощную мускулатуру. Несомненно, он был настоящим бойцом, хотя из вежливости и оставил все оружие и снаряжение за дверью, кроме автоматистолета «Люгос» в кобуре у бедра.

Кхтера это все не слишком впечатлило. Он даже не потрудился встать с кресла. Для него орфратинцы были всего лишь варварами-наемниками. Они действительно вели происхождение от воинов-варваров субарктических регионов Орфратиса времен предшествующих воссоединению с Утнериумом. Это были те же дикари,

которые поклонялись небесным питонам и
воздвигали колонны из раскрашенных
костей врагов десять тысяч лет назад.
Сейчас вся экономика Орфратиса зависела
от капитала, зарабатываемого его
знаменитыми наемниками.

-- Приветствую вас, лорд-маршал.
Вы, кажется, не в настроении, поэтому
изложу все кратко.

Лорд-маршал поднял бровь. Похоже,
варвары выбрали посланника, который
умеет говорить связно и не рычать между
словами.

-- Я слушаю, -- сказал Кхтер.

-- Восемьдесят часов назад была
проведена атака по первостепенным целям
в Бұраганге, Кантика. Ваш информатор,
внедренный в группу целей, обеспечил моих
агентов достаточными разведданными. К
сожалению, атака имела лишь
ограниченный успех. Главная цель еще не
уничтожена...

-- Заткнитесь! -- взревел лорд-
маршал, вскочив с кресла, на его шее от
гнева вздулись вены. Он опрокинул
туалетный столик из атласного дерева

шоколадного цвета. Это было настоящее произведение искусства, созданное покойным Туссенот Пилоном в стиле раннего Возрождения. Столик был инкрустирован мозаичным узором из желчужин; радужные переливчатые узоры напоминали играющих херувимов. Кхмер проломил сапогом нижний ящик.

— Вы знаете, что это значит? Ваша некомпетентность, неспособность ваших людей могут стоить мне всего! Вы знаете, с кем мы имеем дело? С проклятой Инквизицией! Здесь нет места для ошибки!

— Кстати, лорд-маршал. Вы не потрудились сообщить нам перед заключением контракта, что целью является полноправный инквизитор. Столь высокий риск требует повышения начальной цены не менее чем на 800%.

Кхмер чуть ли не пеной исходил от ярости.

— Я нанял вас, идиотов, ожидая, что вы способны выполнять свои обязательства. И теперь вы ждете, что я после этого буду иметь с вами дело?

Орфратинец пожал плечами.

— Мы не задаем вопросов. Мы сражаемся, проливаем кровь и ожидаем полной оплаты. Таковы правила, лорд-маршал.

— Не в этот раз. Думаете, я позвал вас сюда, чтобы услышать о ваших неудачах? Я о них уже знаю. Мне давно известно, что ваши люди опозорились.

Орфратинца это явно застало врасплох. В первый раз на его благородном лице отразилось замешательство.

— Тогда зачем этот спектакль? Почему вы потребовали встречи, если знали ответ?

Кхтер искривил губы в холодной устешке.

— Потому что у меня тоже есть для вас новости. Я хотел посмотреть, как вы на них отреагируете.

Орфратинец шагнул назад. Его пальцы легли на кобурю пистолета. Шелковые ширмы позади него раздвинулись, и за ними оказалось целое отделение офицеров военной полиции, вооруженных дробовиками и парализующими дубинками.

Лорд-маршал театрально прочистил горло.

— Я хочу сообщить вам, Аспет Фьюр, что двенадцать часов назад войска гарнизона Кантиканской Колониальной Гвардии на Орфратисе, атаковали владения вашей компании. Ваша сеть уничтожена, и те немногие из вас, кто еще остался на свободе, сейчас скрываются. Ваши преступления, в том числе сотрудничество с Великим Врагом и убийство инквизитора, дают мне право пресечь деятельность вашей организации и принять соответствующие карательные меры.

Орфратинец покачал головой в немом изумлении, не веря своим ушам.

— Жаль, что пришлось сделать это. Но молчание стоит дорого, — сказал Кхмер, повернувшись спиной к наемнику.

ПОСЛЕДНИЙ

батальон

26-го

артиллерийского полка Кантиканской
Колониальной Гвардии вел бой уже
тридцать один день. С начала Зверств
1200 солдат 26-го полка оборонялись в
комплексе пещерных храмов в двадцати
километрах к западу от Бұраганда.

Они держались даже тогда, когда
сокрушительное наступление
механизированных колонн Броненосцев
раздавило 90% сил Кантиканской Гвардии.
Каждый день солдаты Великого Врага
штурмовали этот грубый вулканический
утес более чем трехсотметровой высоты.
Каждый день огнем стрелкового оружия и
артиллерии из пещер кантиканцы

отражали их атаки.

Равнина, поросшая низкими кустарником, не представляла противнику никаких укрытий. Эрозия выветрила близлежащие рвы и скаменелости. Луквицеобразные суккуленты росли в промежутках созданных человеком геоформ. С тех пор, как гвардейцы укрепились в комплексе пещерных храмов, они прозвали это место Барбаканом. Три тысячи трунов хаоситов, устилавших прерию вокруг, подтверждали, что это прозвище заслужено.

Изымая огромные клубы дыма, 60-фунтовые орудия обстреливали позиции броненосцев, беспокоя их огнем и провоцируя на самоубийственные атаки. Тяжелые орудия сотрясали пещеры своей отгачей, посылая снаряды за канал Эрбус в пяти километрах отсюда.

Хотя от постоянных атак и обстрелов противника погибло уже 592 гвардейца, батальон продолжал сражаться. Солдаты 26-го полка упорно оборонялись, несмотря на тот факт, что

ил уже нечего было оборонять. До войны батальон дислоцировался здесь с целью защиты единственной автомагистрали, связывавшей Бұраганг с западными городами-государствами, а теперь это уже не имело значения.

Ранним утром тридцать первого дня инквизитор Ободайя Росс и его свита нашли убежище в укреплениях Барбакана. Захваченный грузовик они бросили за периметром обороны. Из суетерия они подожгли машину, прежде чем оставить ее за колючей проволокой.

Инквизитор и его люди, шатаясь и хромя, взбиравшиеся на эскарп, были ранены в локотья, окровавлены и едва живы от усталости. Они брели к ближайшему бункеру, расположенному в пещере, где находился аванпост, вмещавший не более трех-четырех человек.

Бункер был замаскирован травой и укреплен бруствером. Солдаты Прасаг и Бұакав вышли из пещеры навстречу Россу. Увидев гвардейцев в кантиканских коричневых мундирах и поясах со знаками

различия, инквизитор поднял свою инсигнию. Усталость сковала его, не позволяя ничего сказать. Он уронил инсигнию в пепел и упал на одно колено.

РОСС не знал, сколько времени он проспал. Он даже не помнил, как заснул. Когда он проснулся, три солнца уже наполняли пещеру ослепительно белым светом.

Росс увидел, что лежит в маленькой пещере, на некоем подобии кровати из пустых ящиков. Его спатейская кираса была снята и лежала рядом, как пустая скорлупа. На бедрах и ногах по-прежнему оставались элементы доспехов, но выше пояса на нем была лишь хлопчатобумажная рубашка, затвердевшая от пота. Плазменный пистолет был на своем месте — в кобуре на плече.

Моргая от яркого света, Росс встал. Он поторщился, когда в напряженных конечностях вспыхнула боль от молочной кислоты в мышцах. Поверхностный осмотр выявил синяки на ребрах, незначительные ранения и перелом ноги в

нижней части. Учитывая, через что он прошел, Росс мог считать, что ему очень повезло.

Оглядевшись вокруг, он увидел, что находится в искусственной пещере с гладким полом и низким потолком. Не сразу он вспомнил, что оказался в некоем храмовом комплексе, расположенном в сети пещер, и до войны это место было объектом паломничества. Небольшие священные предметы и жертвоприношения Богу-Императору, исполненные по обету, заполняли стены грота -- глиняные аквилы, цветные свечи, четки, цитаты из священных книг на полосках пергамента.

Хромая, Росс подошел к выходу из пещеры и посмотрел на Барбакан, находившийся прямо под ним. Это был пологий утес из серого и белого, как слоновою костью, камня, покрытый зарослями колючих кустов, тростника и шипастыми толстыми кактусами. В некоторых местах склон переходил в почти вертикальные обрывы -- голые, каменистые, крутые и неровные. На плато, как гнезда гигантских птиц,

располагались артиллерийские батареи, стволы тяжелых «Сотрясателей» смотрели на горизонт.

— Хорошо спали, инквизитор? — спросил капитан Прагал. Росс обернулся и увидел, что кантиканец вышел из туннеля в задней части пещеры. Офицер побрился и соскреб с лица большую часть кровавой грязи. Его голова и левая рука были перевязаны.

— Как после битвы палками, — сказал Росс, протирая лицо руками. Куски засохшей крови и грязи прилипли к ладоням.

— Добро пожаловать, инквизитор. Вы долго не приходили в сознание, — рядом с Прагалом появился второй кантиканский офицер. На его поясе были знаки различия полковника, но он был слишком молод для такого звания. Бритоголовый офицер с толстой шеей и квадратной челюстью был больше похож на бандита, чем на полковника Имперской Гвардии. Когда он говорил, его голос звучал резко и хрипло, или от курения, или от порохового дыма. Его суровой манере подходило и то и

грудое.

-- Спасибо, полковник...

-- Полковник Галбурян, командир 26-го артполка, -- представился офицер.

Они пожали друг другу руки. Рука полковника была твердой и мозолистой от многих лет работы с тяжелыми снарядами и оружейными механизмами. Россу стало стыдно за свои ухоженные руки.

-- Капитан Прагал уже сообщил мне о вашем положении. Не знаю, чем мы можем помочь, но если чем-то можем, не сомневайтесь, я сделаю все возможное, -- хрипло сказал полковник, достав из-за уха сигарету и ловким привычным движением закурил ее.

На самом деле Россу сейчас было бы достаточно немного пищи или хотя бы просто воды, и тряпку, чтобы вытереть засохшую кровь и грязь с лица. Но у него были более важные задачи.

-- Мне нужен шифровальный аппарат. Стандартный военного образца подойдет, у вас такой где-то должен быть.

Полковник с наслаждением затянулся

сигаретой и кивнул.

— Я так и думал. Ваша коллега, Селламини, кажется, ее зовут, сказала, что вам может понадобится шифровальный аппарат. Он у нас в главном штабном бункере.

— Отлично. Вы весьма расторопны, полковник, — сказал Росс, с трудом поднимаясь на ноги.

— Приходится. Мы же все еще живы, не так ли? — Гамбурян усмехнулся, пожав плечами и держа в зубах сигарету. — Могу я еще что-то сделать для вас?

Росс устало вздохнул.

— Да, полковник. Могу я попросить у вас сигарету?

КОГДА Росс говорил о шифровальном аппарате военного образца, он забыл, что «военного образца» часто означало устаревший, изношенный и, возможно, неисправный.

Шифровальный аппарат оказался тяжелым мощным когитатором, скрытым глубоко в недрах Барбакана. Его фарфоровый корпус стал лохматым от

ыли, валы и клавиши потрескались и потускнели. Несколько сомен ржавых кабелей тянулись из-под его корпуса, как щупальца морского чудовища. Росс за все годы службы никогда не видел такого когитатора.

Не облагая ни терпением, ни склонностью к работе с техникой, Росс доверил большую часть работы Селетине. Она, казалось, была в своей стихии, нажимая на педали и крутя шестеренки и ручки настройки. Машина загудела, и цветок из слоновой кости на передней панели корпуса начал вращаться, сигнализируя об активации дешифратора. Росс, желая принести какую-то пользу, попытался заняться кабелями.

--- Чем скорее ты перестанешь стоять у меня над душой, тем скорее мы начнем расшифровку, --- предупредила его Селетина.

Росс пробормотал извинения и, усевшись на импровизированную скамью из фанеры и пустых ящиков из-под боеприпасов, удовольствовался ролью наблюдателя. Селетина вставила кольцо

Делаханта в центральный разъем аппарата, направив данные в логические схемы когитатора. Другой рукой она придерживала ленту бумаги, выходящую из рта фарфорового херувима, лицо которого украшало боковую панель корпуса машины.

-- Готово? -- спросил Росс, глядя со своей скамьи.

-- Нет. У кольца Делаханта уровень доступа «магжента», а этот аппарат просто старый хлам. Его логические схемы должны понять код, который зашифрованы данные, и полиалфавитную подстановку. Остальное ты можешь представить.

Росс непонимающе посмотрел на нее. Селелина встала, уперев одну руку в бедро, и укоризненно постучала затшевыми сапогом по земле. Она переоделась, сменяв свой обтягивающий костюм на хлопчатобумажную рубашку и мешковатые кантиканские бриджи. Они были так ей велики, что ей пришлось свернуть их чуть ли не вдвое и туго затянуть на своей тонкой талии.

шелковым шарфом. Рубашка тоже была так широка, что ее концы Селемина завязала узлом на животе. Росс подумал, что сейчас она похожа на танцовщицу из улья. Ее взгляд обратился к нему.

— Это значит, что придется подождать.

— Ладно. Мы можем подождать, — сказал Росс.

И, словно опровергая его слова, бункер внезапно вздрогнул. С потолка посыпалась пыль и песок. Росс своей диафрагмой почувствовал, как трясется земля.

— Нас атакуют? — спросила Селемина. Ее изгибое настроение исчезло. Она схватила свою портупею, висевшую на балке потолка.

— Вряд ли это вражеская артиллерия, — ответил Росс.

Пещеру снова встряхнуло, загрожали стены, укрепленные мешками с песком.

— А что же тогда?

— Наша. Гвардия обстреливает противника.

Его слова были заглушены тремя последовательными разрывами, их грохот

эхот раскатился в пещерах Барбакана.

Скоро в штабном бункере начали собираться кантиканские офицеры. Аппаратура вокс-связи, занимавшая целую стену пещеры, зашипела и зажужжала. Из нее динамиков слышались звуки выстрелов и крики приказов, смешанные с треском полех.

Росс поймал за рукав пробежавшего мимо капитана.

— Как обстановка? — спросил инквизитор.

Капитан посмотрел на него так, словно это был риторический вопрос.

— Ну... мы сражается. Снова. Броненосцы опять атакуют, переправились через канал Эрбус и сейчас наступают через ничейную землю.

— И часто это бывает?

— Каждый чертов день, — последовал ответ.

КАПИТАН Прагал увидел противника первым. Молодой офицер вызвался добровольцем на один из передовых постов в пещере, из которой

простатривались северные подходы к Барбакану, и был там, когда увидел их пехотинцы противника в молчании лезли вверх по крутому каменистому склону.

В магнокуляры он разглядел, как они ползут по нагромождениям вулканического камня, пробираясь сквозь редкую поросль горного кустарника. Они умело использовали скудные укрытия, взбираясь по каменистым осыпям и цепляясь за чахлую сухую растительность. Сначала Прагал заметил лишь десятерых, потом увидел двадцать, пятьдесят, еще больше. Целая рота Броненосцев поднималась на склон в строю колонны.

Прагал обернулся к двоим гвардейцам, стоявшим на посту вместе с ним, и передал одному из них магнокуляры, а сам бросился к вокс-аппарату. Но в этом уже не было необходимости. Противник открыл огонь первым. Ракета, выпущенная, вероятно, из переносной установки, с визгом пролетела над головой, оставляя дымный след. Она не попала в цель и взорвалась в сорока метрах выше по склону, среди обломков

скал.

Так воины Великого Врага объявили о своем появлении. С диким ревом Броненосцы вскочили в полный рост и бросились в атаку. Прагал видел, что здесь не менее четырех или пяти пехотных рот полного состава. Враги появлялись из-за укрытий и неровными рядами бежали вверх по склону, быстро сокращая двухсотметровую дистанцию. Но позади рядов пехоты, поднимая тучи пыли, через канал Эрбус двигались механизированные колонны. Именно боевых машин Броненосцев больше всего боялся Прагал.

Сразу же по противнику открыли огонь три позиции узла обороны — два бункера, расположенных в пещерах, и один бетонный ДОТ. Капитан Прагал занял место за тяжелым болтером в оружейном окне. Болтер весом 40 кг трясся, как промышленный бур, хотя Прагал налег на него всем весом. Тупоносые снаряды с грохотом вылетали из короткого ствола.

— КН-1! Это наблюдательный пост №8. Пехота противника наступает по

северному берегу! — прокричал рядовой Чалдери в микрофон вокса. Он присел рядом с Прагалом, одной рукой придерживая цепи, другой держа у рта микрофон.

Броненосцы уже достигли первой линии обороны — трех полос проволочных заграждений. Прагал выпустил в них очередь болтерных снарядов с расстояния пятьдесят метров, взметнув облако кровавых брызг и металлических осколков доспехов. Противник отвечал огнем лазганов.

Поле зрения Прагала начало суживаться, превращаясь в туннель. Он почувствовал метановый запах физелина, когда его оружие выбрасывало дымящиеся стреляные гильзы. Попадание из лазгана разбило пустой ящик из-под боеприпасов рядом с ним. Горячие осколки дерева брызнули во все стороны, некоторые вонзились ему в щеку.

— Давайте, подходите, уроды! Это той гол! — крикнул Прагал, с перекошенным от ярости лицом нажимая на спуск, грохот выстрелов заглушил его слова.

Глядя в прицел, Прагал расстрелял Броненосца, пробиравшегося через заросли кустарника. Болтерный снаряд разорвал цель в фонтане крови и сухих листьев. Следующий выстрел прошел мимо, попав в камень. Но это было не важно. От разрыва болтерного снаряда во все стороны полетели осколки камня, убив больше Броненосцев, чем прямое попадание.

Капитан продолжал стрелять, а рядовой Чатгри заправлял патронную ленту в патронник болтера. Стреляя длинными очередями, Прагал игнорировал стандартное требование экономить боеприпасы и стрелять короткими прицельными очередями. Слишком много было врагов.

Выше по склону начали стрелять и из других пещер, организовав сильный заградительный огонь. Болтеры, автомашки и тяжелые стабберы грохотали так оглушительно, что Прагал уже ничего не слышал, кроме звона в ушах.

--- ... веселитесь без меня... ---
послышался чей-то голос, звучащий приглушенно, будто говорили сквозь толщу

воды. Прагал смог разобратъ только обрывки фразы. Обернувшись, он увидел, что инквизитор Росс вышел из туннеля в тыльной части укрепления.

-- Еще нет, сэр, вы пропустили только вступление! -- крикнул в ответ Прагал. По крайней мере, он думал, что сказал именно это. Сам он не слышал своих слов.

Тем не менее, он был прав. Наступление пехоты было лишь прикрытием. Пехота Броненосцев расстреливалась огнем тяжелого оружия, погибая на проволочных заграждениях. Но уже в полукилometре отсюда была видна приближавшаяся бронетехника. Рычаг мотора и изрыгая клубы дыма -- не менее пятидесяти патрульных машин, вооруженных бронированных грузовиков и «Хилер» при поддержке полного эскадрона легких колесных танков КТ-5 «Нагальщик». Восьмиколесные танки, защищенные дополнительной броней, сверкавшие металлом и белой краской, маячили вдаль, подобно призракам.

-- ...танки испортят нам все веселье...

-- произнес Росс. Гвардейцы, зажатые в тесноте оружейного окна, сопроводили эти слова красочными комментариями. Сейчас Прагал даже был рад, что из-за грохота выстрелов плохо слышал.

-- Можешь погбить их? -- прокричал Росс в самое ухо Прагала.

Прагал повернул тяжелый болтер, поймав в прицел огни из быстро приближавшихся КЛ-5. Он выпустил длинную очередь, ощутив, как отдача сотрясает его плечи. Болтерные снаряды били в лобовую броню танка, разлетаясь множеством маленьких взрывов. Кроме дыма и царапин на броне, для танка это не имело никаких последствий.

Несмотря на сильный огонь, бронетехника врага продолжала атаку. Сейчас, когда до позиций кантуканцев оставалось около трехсот метров, колонны машин начали перестраиваться в некое подобие кавалерийского развернутого строя. К ним устремлялись светящиеся трассеры, пули и осколки стучали по броне. Несколько патрульных вездеходов и бронированных грузовиков загорелись, их

топливные баки взрывались, разбрасывая пылающие обломки.

Вражеский огонь усиливался, терзая позиции Гвардии. Сейчас противник был прямо перед ними. Нехота Броненосцев высаживалась из своих машин, бросаясь на склон, прямо навстречу имперскому огню. Справа от позиции Прагала легкий танк поравнялся с передовым бункером. Башня «Нагальщика» начала разворачиваться, наводя на укрепление автомашку.

-- Надо уходить! -- прокричал Росс. Он схватил Прагала за воротник и оттащил его от болтера. Прагал не видел, что произошло дальше. Да этого и не надо было видеть. КЛ-5 открыл огонь, и капитан скорее почувствовал, чем услышал, как километры кинетической энергии раскалывают роксит 30-сантиметровой толщины.

В ПОЛУКИЛОМЕТРЕ выше залпы вражеского огня накрывали верхний ярус линии обороны. Брустверы из бревен и кирпичные укрепления разрушались, не выдерживая действия тяжелых снарядов.

Селетина бросилась на землю, когда лазерный разряд с треском влетел в пещерный бункер. Он проделал аккуратное отверстие в паломнической святыне у задней стенки пещеры. Кувшины, свечи и статуэтки посыпались с каменной полки.

— Противотанковое оружие, какое-нибудь, дайте сюда! — крикнула Селетина с восторгом солдатам, прятавшимся с ней в укрытии. В панике она забыла всякое подобие грамматически правильной речи.

— Вы уверены? Противник слишком далеко, инквизитор, только зря потратите боеприпасы, — прокричал в ответ солдат Джагдеш.

— Да, да! Давайте скорее, — махнула рукой Селетина, и Джагдеш погполз к ней с реактивным гранатометом. Конечно, он был прав: с расстояния 500 метров ракета, скорее всего, не попала бы в цель и ушла по спирали, но у Селетины был другой план.

— Заряжай, — приказала она, задумчиво закусив губу. Джагдеш держал гранатомет, а солдат Джанзук заряжал его. Когда они отдали оружие ей, они смотрели на нее так, словно считали ее

абсолютно сумасшедшей.

Подняв гранатомет на плечо, Селетина выглянула за бруствер. Она видела вспышки выстрелов из замаскированных оружейных окопов, бункеров и укрепленных пещерных храмов. Она видела, как Броненосцы высаживаются из своих машин и бросаются в атаку. Отсюда они были похожи на крошечных серебристых жуков.

Селетина поправила прицел, настраивая угол и расстояние. Взведя ударно-спусковой механизм, она прицелилась. Пуля врезалась в бруствер рядом с ее плечом, но Селетина была слишком глубоко в психотрансе, чтобы заметить это. Положив гранатомет на бруствер, она поймала в перекрестие легкий танк КТ-5, находившийся уже на расстоянии двухсот метров от позиций гвардейцев и быстро приближавшийся.

-- Осторожно! Реактивная струя! -- предупредила она.

Оружие выстрелило с глухим хлопком. Струя раскаленного газа ударила в заднюю стенку пещеры, уничтожая

безделушки, принесенные паломниками.
Ракета, щелкнув стабилизаторами,
попала к цели, оставляя за собой
дымный след. Более двухсот метров она
летела точно к цели, пока не начала
терять скорость и отклоняться в сторону.

Селетина, сосредоточившись,
потянулась к ракете психосилой и, поймав
ее телекинезом, вернула на прежнюю
траекторию. Она чувствовала жужжание
стабилизаторов так, словно держала
ракету в руках. Ракета описала петлю,
прежде чем ее снова удалось направить на
КП-5. Селетина нацелила ее в башню, и
ракета сделала то, для чего была
предназначена. Она пробилась броню, и танк
сотрясло мощным взрывом. Башня была
сорвана. Люк в борту открылся, и из танка
выскочили охваченные пламенем члены
экипажа. Рухнув на камни, они корчились,
как жуки на булавках, потом затихли.

-- Вот так, -- выдохнула Селетина.
И, словно в ответ, залп снарядов
автоматушки врезался в стену над ее головой.
Инквизитор и солдаты успели скрыться в
туннеле запасного выхода, и сразу же град

снарядов обрушился на бункер в пещере, который они занимали секунду назад. Пещера обрушилась за ними с сейсмическим грохотом, содрогаясь, словно от скорби.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ штабном бункере, скрытом глубоко в недрах Барбакана, на командном пункте полка кипела активность. Связисты сидели у вокс-станций, крича в микрофоны, один громче другого. Батальонные командиры ходили туда-сюда, отдавая приказы, спотыкаясь о ящики с боеприпасами, и перекрикивая друг друга. Сквозь прочный камень ощущалась вибрация от взрывов сверху. Единственная натриевая лампа качалась на проволоке, отбрасывая пляшущие тени.

Росс и Прагал вошли на КН по одному из множества туннелей сообщения. За собой они тащили рядового Чамгри, который плакал от страха, подняв трясущиеся руки над головой, словно уже сдавался в плен.

-- Полковник Гамбурян! -- крикнул

Росс, подкрепив голос психическим усилением, чтобы быть услышанным в этом пандемониуме.

Из группы офицеров, собравшихся вокруг стола с картой, взглянул Гамбурян. Полковник снял свой кавалерийский френч, и с его бригаей свисали подтяжки. На груди и рукавах его рубашки выступили пятна пота. Офицер отошел от группы своих коллег.

-- Инквизитор. Как дела?

-- Автопушку не убедили мои манеры джентльмена. А в остальном все прекрасно, спасибо. Как обстановка?

-- Обстановка под контролем. Ничего такого, с чем мы не сталкивались бы раньше, -- ответил полковник, доставая сигарету.

-- Сэр, бункеры по периметру захватываются противником, -- вмешался Прагал.

-- Как и ожидалось, капитан. Оборонительные позиции на северном и восточном валах заняты моторизованной пехотой противника. Я уже приказал артиллерии обстреливать периметр.

пока наша пехота отходит глубже в Барбакан. Поверьте мне, бывало куда хуже. И, словно подтверждая слова полковника, раздался низкий грохот артиллерийских орудий, как приглушенный гром. Глубоко в недрах пещерного комплекса казалось, что это лавина срывается вниз по склону.

Бой продолжался и после захода солнца, постепенно затихая. Еще три раза Броненосцы предпринимали попытки наступления — механизированные колонны вместе с пехотными взводами. И каждый раз они сталкивались с отчаянным сопротивлением, падая рядами под яростным градом имперского огня. Не раз Броненосцы захватывали позиции первой линии, очищая бункеры гранатами и огнеметами. Одному отделению Броненосцев даже удалось прорваться в сеть туннелей Барбакана и вырезать расчет орудия, прежде чем их всех перебили.

Кантиканцы сменяли друг друга на боевых постах, грожа от притока

адреналина, с остекленевшими глазами и сведенными от усталости пальцами. Всего они выпустили более шестидесяти тысяч снарядов, ракет, пуль и лазерных зарядов. К вечеру атаки Броненосцев стали ослабевать, и враг начал отходить к темнеющему горизонту.

Непрерывные атаки на северном и восточном направлениях нанесли кантиканцам серьезные потери. В числе убитых был майор Агаджан, заместитель командира батальона. Он и еще пять старших офицеров осматривали позиции в перерыве между атаками, когда один минометный снаряд убил их всех. Для батальона это была невосполнимая потеря. Всего 26-й полк за этот день потерял убитыми 41 человека. Раненых было гораздо больше.

СЕЙЧАС на поле боя было тихо. На следующее утро противник не проявлял никакой-либо активности, не было даже артиллерийских обстрелов и газовых атак. Но все же Росс был слишком измучен усталостью от последнего боя, в его ушах до сих пор звенело. Ночью звон в ушах был таким сильным, что Росс не мог заснуть, и сейчас он был очень рад тишине. Сражение за Барбакан было куда более жестокой и ужасной осадой, чем он мог представить.

Он стоял на плато Барбакана, глядя на простиравшуюся внизу каменистую равнину, тянущуюся вдаль, как растянутая серая простыня. На такой

высоме ветер свистел в пластинах
доспехов, от его порывов онемели уши и
нос. Ветер нес тонкую пепельную пыль с
мертвых равнин между Бұрагандом и
западным берегом, колючую и холодную. До
войны путь к пещерным хратам был
известен как Лестница Паломника.

Больше его не было. Трупы воинов
Великого Врага ұсыпала склоны, как
выброшенные на берег рыбы, висели на
колючей проволоке, были разбросаны среди
каменей. Темные выжженные круги и
рваные кратеры ұродовали землю. Поле боя
было серым и безмолвным, по нему еще
стелились клубы дыма, как и на каждом из
полей сражений, которые когда-либо видел
Росс. Но Кантика была по-своему иной.
Здесь не было надежды; закончившееся
сражение напоминало спектакль после
того, как занавес уже опущен. Окружающая
атмосфера была спокойной,
созерцательной и предельно мрачной.

Здесь ему предстоит умереть.

Росс подобрал осколок крестня и
швырнул его вдаль, к горизонту, туда, где
собирались войска Великого Врага. Там

четыреста тысяч воинов Губительных
Сил предавались грабежам, разрушениям и
убийствам. Его работа здесь была
закончена. Он сообщит Конклаву то, что
успел выяснить, и ему позволят умереть
здесь — по крайней мере, умереть с
достоинством, бросая вызов врагу.

Он услышал шаги на ступеньках
туннеля, ведущего на плато. Росс подумал,
что это Селетина возвращается с
данными шифровальной машины, но это
была не только она.

Люк, замаскированный колючими
кустами, скользнул в сторону. Из люка
вылез полковник Гамбурян, как всегда с
сигаретой. За ним вышла Селетина, держа
в руках пачку бумаг.

— Отсюда чудесный вид, — сказал
Росс, снова поворачиваясь и глядя вдаль.

— Всегда приятно посмотреть на то,
как мы им всыпали, — кивнул Гамбурян,
подойдя к Россу на краю плато.

— Сколько наших погибло сегодня,
полковник?

— Только что, пять минут назад, в
лазарете умер капрал Алмас. Ему

оторвало ногу танковым снарядом, и бедняга умер от потери крови. Считая его, у нас сегодня сорок один убитый.

— О... — сказал Росс, его плечи заметно поникли.

Гамбурян протянул ему маленький конверт из воценой бумаги.

— Не хотите закурить? Вы просто ужасно выглядите.

Росс застесался, услышав столько прямое замечание офицера, и взял сигарету. Он уже давно не смотрелся в зеркало, и боялся, на что он будет похож, когда, наконец, посмотрит.

— Откуда вы их вообще берете? — вздохнул Росс.

Сначала здоровяк даже смутился.

— Пожертвования паломников. Вы удивитесь, сколько паломников приносили в дар храму табак, чтобы заслужить милость Бога-Императора.

Инквизитор фыркнул.

— Император помогает.

Шуршание бумаги напонило ему с присутствии Селетины. Росс заметил, что в последнее время его разум

становился все более рассеянным. Это было совсем на него не похоже. Он повернулся и почтительно поклонился.

-- Весьма невежливо с моей стороны. Прощу прощения, мадам, вы хотели что-то сказать?

Она кивнула, ее лицо было странно равнодушным. Протянув Россу пачку бумаг, Селетина сказала:

-- Я расшифровала текст записи Делаканта.

Росс взял бумаги и рассеянно пролистал их, почти не читая.

-- Что там? -- спросил он, подняв взгляд.

-- Похоже, Делакант считал, что Старых Королей не может быть на Кантике.

Росс пожал плечами.

-- Я тоже так думал.

-- Ты? -- удивленно спросила Селетина.

-- Если бы они здесь были, ты не думаешь, что Великий Враг уже нашел бы их? Кантика в их руках уже больше месяца.

-- Я нашла кое-что важное в его материалах, -- сказала Селемина. Пролистав страницы, она нашла то, что искала, и показала Россу.

-- Вот. Он пишет: «С определенной степенью уверенности, судя по историческим данным и геологическому строению, можно утверждать, что эти артефакты времен Войны Освобождения не находятся на Кантике. Скорее, миф о Старых Королях стал опорой культурной самобытности, так укоренившись и в истории и в легендах планеты, что стало трудно отделить миф от реальности»

-- Что это значит? -- спросил полковник Гамбурян.

-- Это значит, что наша задача здесь выполнена. Старые Короли, вероятно, находятся на одном из других центральных миров, полковник, а другими мирами занимаются другие члены Конклава.

-- Так куда мы отправимся отсюда? -- спросила Селемина.

Росс некоторое время думал над этим. Не над тем, что им дальше делать.

Нет, это он уже решил. Он думал над тем, как сказать это Селемине.

-- Мы остаемся здесь. Не сомневаюсь, полковнику пригодится наша помощь.

-- Мы... остаемся? -- повторила Селемина. Казалось, ей трудно произнести эти слова. Даже полковник Гамбурян был удивлен. Окурок вынул из его пальцев, и, кувыркаясь, полетел, подхваченный ветром.

-- Да. Конечно. Мы инквизиторы. Мы сражаемся с врагами человечества, пока не утрем. Таково наше предназначение. Мы принимаем это, когда становимся тем, кто мы есть. И какую пользу принесет наше бегство? -- сказал Росс. Он не мог оторвать в глаза Селемины. Вместо этого он не отрывал взгляд от горизонта.

Селемина молчала. Судя по выражению ее лица, она была совсем не готова услышать такой ответ.

-- Инквизитор. Вы не должны делать этого, -- сказал полковник.

-- Нет, должны. Да и какой у нас еще выбор? Мы не сможем добраться до стратосферного челнока. Мы окружены

здесь. Лучше погибнуть, сражаясь, чем
убегая, как побитые псы.

— Это из-за Сильверстайна?— резко
сказала Селетина.

Росс ничего не ответил.

Селетина мягко покачала головой.

— Позволь мне поговорить с Гүрионом.

— Если считаешь нужным. Но не
думаю, что у нас есть какой-то выбор.
Там, четыреста тысяч убийц не согласны
с твоими прогнозами, — Росс указал вдаль.

— Я... я понимаю твою логику. Но я
спрошу лорда Гүриона, когда буду сообщать
ему о результатах нашей миссии, —
сказала Селетина, уступая ему, хотя и
явно сомневаясь.

— Как хочешь, — сказал Росс.
Затянувшись сигаретой, он отвернулся, не
говоря больше ни слова.

ЧЕРЕЗ час после полуночи, когда
ночь была особенно тихой и прохладной,
Броненосцы атаковали снова. Из тьмы
перерии выступили ряды пехоты,
прикрываемые с флангов быстроходными
патрульными машинами, образовавшими

что-то вроде клещей с большим охватом. Передовые бункеры, едва восстановленные после дневного боя, открыли огонь по противнику с расстояния не более пятидесяти метров. Над ними артиллерийские батареи на гребне Барбакана не стреляли, их стволы смотрели угрожающе, но молчали. Военпасов было слишком мало, чтобы расхотать их на что-то менее серьезное, чем бронетехника.

По отзывают гвардейцев, участвовавших в бою рядом с ним, инквизитор Росс сражался с неистовой яростью. Он повел взвод из тридцати человек в контратаку, с прижкнутыми штыками. Они сдлали широкий обход, чтобы зайти во фланг клещей. Броненосцев и помешать их наступлению продольным огнем. Кантуканцы под командованием Росса сражались как люди, которым уже нечего терять. Это казалось самоубийством, не защищенные броней гвардейцы на открытой местности против бронированных патрульных машин. Они стреляли из гранатометов, и, когда

закончились боеприпасы, бросились в
штыковую атаку. Это был кровавый,
жестокий бой. Лицом к лицу с врагом.

Солдаты 26-го полка видели, как Росо
проломил силовым кулаком моторное
отделение патрульной машины.
Циквизитор разорвал легкую броню в
средней части машины и расстрелял
экипаж в кабине. Видимость была плохой,
и солдаты сражались почти вслепую,
наноса удары по тяжелым черным
силуэтам.

Несмотря на малочисленность бойцов
Росса, контраатака помешала
наступлению Броненосцев, на недолгое
время задержав их у проволочных
заграждений. Через восемь минут
Броненосцы отступили, отогнанные
обратно во тьму залпата лазганов.

СЕЛЕТИНА села, скрестив ноги, и
сделала несколько глубоких расслабляющих
вздохов. Было очень трудно
сконцентрироваться, когда снаружи
пещерного бункера постоянно шел бой. А с
тех пор, как она оказалась здесь, бой почти

не прекращался. И с этим она ничего не могла поделать.

Она из всех сил пыталась найти наиболее подходящую для ее задачи пещеру. После недолгих поисков она обнаружила небольшую пещеру глубоко в самом сердце Барбакана. Здесь стояла ярко раскрашенная статуя святой из папье-маше, украшенная венками из колосьев и толпивенными четками. С начала войны святая делила свою часовню с ящиками с боеприпасами и бочками с горючим. Когда-то Кантика была прекрасной планетой, и Селемина печально подумала, что ей хотелось бы посетить этот мир до войны. Если бы...

Медленно Селемина вошла в медитативное состояние. Отдаленный грохот выстрелов и взрывов затих. Она была в трансе. Температура в пещере стала понижаться. Свечи, расставленные геометрическими узорами, вдруг все погасли. Дыхание Селемины, ровное и ритмичное, паром клубилось в холодном воздухе.

Мягкая тишина наполнила часовню.

Святая, стоявшая на коленях, с руками, протянутыми для благословения, смотрела на Селетину стеклянными глазами. На щеках святой появились капли воды, пропитывая бумажную кожу и смывая краску с лица. Когда сознание Селетины покинуло ее тело, последнее, что она увидела — бумажная святая, плачущая в молитве.

С ЛЕВОГО борта «Карфагена» свет тройных солнц Медины проникал сквозь ставни высоких арочных окон. Судя по положению солнц, на Кантике уже начинался рассвет.

В каюте Форда Гүриона хронометр, установленный на кантиканское время, пробил три часа. Гүрион сидел в глубоком кресле с подушками и высокой спинкой. Из-за аугметических ног Гүрион редко испытывал необходимость сидеть, но часто присаживался просто из вежливости, или чтобы его гости чувствовали себя спокойнее. А сейчас было очень важно, чтобы человек, сидевший в кресле напротив него, чувствовал себя

спокойнее.

-- Желаете выпить? -- спросил Гүрион, кивнув на стакан в руке. Впрочем, в жестах не было необходимости: его собеседник был слеп.

-- Нет, благодарю вас. Алкоголь искажает ясность разума, -- сказал человек с ввалившимися пустыми глазницами. Вышитые глинные одеяния, свешивавшиеся с подлокотником кресла, сиявшие яркими оттенками изумрудного цвета, указывали на его принадлежность к агентам Астра Телепатика.

-- Ах да, конечно. Я каждый раз предлагаю вам выпить, не правда ли?

-- Да, последние два раза, когда мы пытались.

-- Будем надеяться, что на этот раз нам повезет больше, -- сказал Гүрион, морщинки в углах его глаз выдавали его волнение.

-- Если пожелает Император, -- произнес астронавт своим монотонным голосом.

После этого астронавт еще плотнее укутался в свои одеяния, откинувшись на

спинку кресла. Его голова склонилась вперед, и долгое время он сидел очень тихо. Казалось, что псайкер задремал. Вдруг, несмотря на обогреватель с железной решеткой, в каюте стало холоднее на десять градусов. В воздухе запахло озоном.

Гүрион испытывал беспокойство, но не из-за холода. Из-за астроната. За свою более чем вековую службу в Инквизиции Гүрион много раз имел дело с астронатами, но легче от этого не становилось. Из-за того, что они так корчились и бились в своем трансе, их лица искажались от мучительной боли... Или, возможно, из-за того, что их разум путешествовал через варп. Гүрион всегда считал, что в этот момент единственный барьер между ним и чудовищами варпа — глаза астроната. Когда астронат вдруг судорожно выгнетесь, открыв рот, его глаза распахнутся, и из них хлынет варп...

Гүрион выпил стакан и встряхнул головой, чтобы отогнать ненужные мысли. Терпкий пряный и землистый террүар

марочного Мюспельского вина укрепил его чувства. На всякий случай Гүрион положил на колени маленький никелированный автоматостолет, и стал ждать, поглядывая на хронометр.

-- Гүрион... -- прошептал астронавт после долгого молчания.

Гүрион внутренне содрогнулся. Когда астронавт говорил, это был не его монотонный голос, к которому инквизитор привык. Это был мягкий ритмичный голос Фелис Селетины. И это всегда тревожило Гүриона. Кто-то когда-то объяснил ему, что при астронавтической связи посредник становится одним целым с вестником, отправляющим послание, копирует его эмоции, голос и даже язык тела. Но для Гүриона, который не был псайкером, это не стало выглядеть менее пугающим.

-- Гүрион... -- позвал голос Селетины.

Старый инквизитор склонился ближе, сервомоторы в его бедре зажужжали.

-- Да, да, Фелис, это я. Форг Гүрион.

-- Гүрион. Я не знаю, безопасно ли сейчас проводить сеанс связи. Здесь очень шумно. Очень шумно и ярко... Нужно, чтобы

вы услышали о том, что стало нам известно, -- произнес астронавт.

-- Конечно. Расскажи мне, дорогая, -- кивнул Гүрион. Взяв с полки инфопланшет, он приготовился записывать услышанное позолоченным стилусом.

-- С чего начать?

-- С самого начала, дорогая.

Слово за словом, Селетина рассказывала о том, что им удалось узнать. Она рассказала о судьбе Делаканта, о его поисках и о падении Кантики. И, что самое главное, она сообщила, что на захваченной врагом планете нет Старых Королей. Можно сделать вывод, что они спрятаны на одном из двух других центральных миров Коридора Медины. Когда астронавт закончил говорить, Гүрион обнаружил, что так сжимает подлокотник кресла своей аулметической рукой, что продавил кожаную обивку, оставив на ней следы пальцев в виде маленьких полумесяцев.

-- А как там вы двое? Вы в порядке? Как Ободайя?

-- Росс... Я в порядке. Но инквизитор

Росс хочет остаться и погибнуть здесь, на Кантике. Он говорит, что нам некуда бежать, и мы должны умереть, сражаясь... Я... -- начал астронавт.

Гүрион покачал головой.

-- Нет, нет, нет! Это недопустимо.

Вы нужны Конклаву.

-- Я тоже так подумала, -- сказал астронавт голосом Селемины. Гүрион не был уверен, но ему показалось, что псайкер издал вздох облегчения.

-- Нет. Селемина, слушай внимательно. Инквизитор Вандус Барк на Аридуне обнаружил нечто крайне важное для наших поисков. Мы не можем рисковать, передавая информацию по вольт-связи или через астронавта, и мне нужно, чтобы Росс и оперативная группа «Бдительность» отправились на Аридун. Неважно, как вы туда доберетесь, просто отправляйтесь как можно быстрее. Вандус Барк в Храме Зуба на континенте Антилло. Это все, что могу тебе сказать, и боюсь, что, возможно, сказал уже слишком много. Вы сможете встретиться с ним?

— Мы попытаемся, — сказал астронавт, пожав плечами, так, как это сделала бы Селелина.

— Это все, чего ожидаю, Селелина. Попробуйте добратся туда за две недели. Вангус будет ждать вас.

— Да, лорд Гүрион. Я должна идти, — сказал астронавт, октавы его голоса колебались между мужским и женским голосом.

— Будьте осторожны, — попросил Гүрион. Он крепко пожал руку астронавту, и сразу же почувствовал себя глупо из-за этого.

РОСС ждал новостей от Селелины уже некоторое время. Испытывая гүрные предчувствия, он пытался занять свой разум другой деятельностью. По приказу полковника Гамбүряна Росс и батальонные командиры направились провести инспекцию передовых укреплений.

Росс следовал за Гамбүряном из бункера в бункер, беседуя с солдатами на постах, хваля их за успешные действия в

недавнем бою и делясь сигаретами. Это была обычная офицерская инспекция. Но она также помогла ему реалистично оценить сложившуюся ситуацию. Гвардейцы очень устали, их нервы были напряжены до предела непрерывными боями. Некоторые еще держались хорошо, привыкнув к постоянной угрозе вражеской атаки; с другими было хуже, их руки тряслись, на лицах застыло бессмысленное выражение. Запасы, особенно чистая вода, заканчивались, и случаи дизентерии стали обычными. Если Великий Враг не убьет их здесь, то убьют голод и болезни.

В пещерном укреплении, обозначенном как бункер 2-2, в центре линии укреплений, за тяжелым стаббером, укрытым маскировочной сетью, они нашли утирающего человека. Это был капрал по имени Набхан, и он утирал от гангрены. Завернувшись в одеяло и сжатая в руках лазган, гвардеец добровольно вызвался на боевой пост в бункере 2-2, чтобы держать там оборону, пока не утрет. Обезвоживание и гангрена превратили капрала в бледное призрачное подобие

человека. Полковник Гамбурян, присев рядом с гвардейцем, дал ему несколько таблеток допамина. Больше Росс ничего не мог сделать для него.

Когда Гамбурян наливал воду в крышку от фляжки для Набхана, Росс услышал стук по балке, поддерживающей туннель. В пещеру вошла Селемина, пригнувшись, чтобы не удариться головой о балку.

-- Астронавт лорда Гүриона связался со мной, -- сказала она, закусив губу.

-- Хорошо. Что говорит Конклав? -- спросил Росс. Для человека, который, не дрогнув, шел под вражеский огонь, он был странно взволнован.

-- Ну, в свете наших последних находок, Гүрион приказывает нам прибыть на Аригүн и...

-- Абсолютно исключено, -- прервал ее Росс.

Его ответ явно потряс Селемину. Ее глаза приобрели тот особенный розовый цвет, который появляется перед слезами, скорбный рубиновый оттенок, из-за которого она казалась странно уязвимой.

Росс ощутил укол вины.

— Прошу прощения, если был невежлив. Я имел в виду, что мы не сможем покинуть Кантику. Противник охотится за нами с самой высадки. Лучше мы сразимся с ним здесь.

Взгляд Селетины стал более твердым.

— Росс, я не хочу умирать здесь. Нам еще слишком многое нужно сделать.

— Я понимаю, как ты сейчас себя чувствуешь, но у нас нет особого выбора. Мы уже сделали то, что должны были сделать.

— Прости, Росс, но вряд ли ты понимаешь. Я слишком молода. Я должна чего-то достигнуть...

Но Росс понимал. Он помнил свою первую инквизиторскую миссию на Сирене в 866. №41. Оказавшись между восстанием сепаратистов и ксеноугрозой уровня «Альфа», он едва не погиб на своем первом задании. Фаталистическая часть его характера говорила, что он должен был погибнуть на Сирене, и каждая секунда его жизни с того времени — отсрочка.

гарованная Богом-Императором.
Инквизитор не может действовать
эффективно, если бюджет слишком
обеспокоен своим самосохранением. Он
всегда так считал.

Росс подошел к Селемине и коснулся
кончиков ее волос. Он и сам не знал, почему
он сделал это. Это был неловкий жест, но
он подействовал успокаивающе.

-- Как бы то ни было, Селемина, мы
не можем покинуть планету. Посмотри
вокруг. Мы в осаде. Враг окружает нас со
всех сторон, и мы не сможем добраться до
нашего челнока. Наша работа здесь
закончена. Больше мы ничего не можем
сделать.

-- Есть одна идея, инквизитор, --
решиительно сказал полковник Гамбурян.
Он стоял у входа в пещеру, пытаясь зажечь
сигарету. Закурив, он подошел к Россу
четкой офицерской походкой, и некоторое
время задумчиво молчал, прежде чем
продолжить.

-- 26-й полк может выйти из
Барбакана и атаковать противника.
Выйдем все, до последнего солдата. А вы и

ваша группа сможет покинуть Барбакан
пог прикрытие нашего наступления, ---
сказал полковник спокойным, сдержанным
голосом.

Росс, сочетая в себе ум ученого и
хитрость мошенника, весьма редко
терялся, не зная, что сказать. Но сейчас он
действительно просто не знал, что
ответить на это. Полковник Гамбурян
продолжил, прежде чем Росс успел хоть
что-то возразить.

--- Будет реалистами, инквизитор. У
нас кончается продовольствие, вода, и, что
самое главное, боеприпасы. Каждый день я
теряю все больше людей. Сколько мы еще
продержимся? Две недели? Месяц? Это
уже не важно. То, что вы сможете сделать
для суб-сектора гораздо важнее того, что
той последний батальон может сделать
здесь.

--- Я не могу послать ваших людей на
смерть для того, чтобы спастись самому,
--- прошептал Росс.

--- Мы уже мертвы, Росс. О нас никто
и не вспомнит, если вы не выберетесь
отсюда. Так позвольте нам уйти в сиянии

славы. Последняя яростная атака, разве это не прекрасно? — застегнулся полковник.

Росс задумался, не зная, что ответить. Конечно, он прав. Проклятье, они оба правы. Инквизитор не должен жить в страхе смерти, иначе он не сможет служить Императору. Доктрина Инквизиции учит этому. Но его наставник, старый инквизитор Лист Вангеверн учил его, что умерев глупой смертью, он не принесет пользы Империи. Размышления Росса были прерваны слабым голосом капрала Набхана:

— Сэр... если будет последняя атака, можно я пойду со своим взводом? — прохрипел Набхан, его глаза неподвижно смотрели на каменный потолок пещеры.

— Сынок, если будет последняя атака, я уж точно не запрещу тебе в ней участвовать, — ответил полковник Гамбурян. И, повернувшись к Россу, он широко улыбнулся.

ПОСЛЕДНЯЯ атака была назначена на 6:00 тридцать шестого дня осады.

В 5:00 солдаты 26-го полка -- 525

человек — начали последнюю проверку снаряжения. У подножия Барбакана прапачные солдаты, построившись, примыкали штаны и поправляли свои брезентовые ремни. В вещевые мешки они укладывали подсумки с патронами, гранаты и по два запасных аккумулятора к лазгану.

В 5:30 полковник Гамбурян в последний раз проверил готовность батальона. Пять сотен его солдат стройными рядами стояли по стойке «стирно» в своих коричневых тундирах и высоких белых кеши, к которым он так привык за двадцать лет службы. Они стояли посреди открытой прерии и ждали, когда враг заметит их, гразня его своим присутствием. Полковник подумал о своей жене, которую он не видел с начала Зверств, и которая никогда больше не пощупит над его хмурым видом и не уберет прилипшую нитку с его тундира. Он думал о ней, и эти мысли укрепляли его решимость.

В 6:00 Гамбурян приказал атаковать. Развернутым строем батальон двинулся в

атаку, с каждым шагом все быстрее. Трубили горнисты, офицеры свистели в оловянные свистки. Гвардейцы хриплыми голосами прокричали боевой клич, когда было поднято полковое знамя. Знамя с саблей и скакунот Кантиканской Гвардии и вышитым венцом 26-го артиллерийского полка гордо взвилось на свежем восточном ветру.

В это время Росс, Селетина, и весьма неохотно последовавший за ними капитан Прагал покинули Барбакан. Они направились на запад к побережью, держась канала Эрбус. В пути им много раз приходилось прятаться, чтобы избежать встречи с войсками Броненосцев, двигавшимися в противоположном направлении — на штурм комплекса пещерных храмов. Когда бой закончился, Росс и его группа уже покинули опасную зону. Местные командиры Броненосцев были так поглощены желанием покончить с 26-м полком, что одинокий челнок, взлетевший с западного побережья, не привлек их внимания.

Росс не видел этого последнего боя на

раскаленной равнине, покрытой сухой травой и похожими на клыки камнями. В гуще боя батальон построился в большое оборонительное каре два человека в глубину. В первый раз Броненосцы сражались с защитниками Барбакана на столь близком расстоянии. Воинов Великого Врага охватило хищное ликование, они яростно бросились на гвардейцев, которые так долго и мужественно сопротивлялись. Броненосцам не терпелось заполучить головы и уши врагов. Даже экипажи легкой и тяжелой бронетехники выбирались из своих машин с клинками и ударным холодным оружием. Каждый военачальник и каждый младший командир Броненосцев в радиусе двадцати километров направил своих солдат в бой. Не менее восьми тысяч Броненосцев пешком, на бронетехнике и легких машинах, собрались на равнине у Барбакана.

Несмотря на сокрушительную атаку врага, кантиканцы держались как непоколебимый бастион. Они стояли твердо, плечом к плечу, сформировав фалангу.

щети и вшивуюся стволами лазганов,
тяжелого оружия, автомашек и
гранатометов. Они создали
двухсотметровую зону смерти, скашивая
нахлынувшую на них пехоту Броненосцев.

Невзирая на ранения в ноги и верхнюю
часть туловища, полковник Гамбурян
продолжал командовать батальоном. В
последние моменты боя, когда
кантиканская фаланга была пробита,
разорвана, и начала рассыпаться, Гамбурян
пытался в одиночку прикрыть разрыв в
строю. Полковник погиб, лежа за
дымящимся от перегрева тяжелым
болтером. Он получил тринадцать
ранений, но окончательно добила его пуля,
прикошетом попавшая под подбородок.

Гвардейцы сражались, сдерживая
атаку врага восемнадцать минут, хотя
Броненосцы несколько раз прорывали
кантиканское каре. Много лет спустя эту
сцену изобразил масляными красками
знаменитый художник Никколо
Баттиста. Сияя яркими цветами на
потолке собора Святого Соломона на
Священной Терре, она сохранила память в

истории о солдатах 26-го полка
Кантуканской Колониальной Гвардии.

КЛЕТКА, где их держали, была холодной, ржавой, вызывающей головокружение...

Сильверстайн уже не помнил, сколько времени он пробыл в плену. Он уже много дней был прикован к решетке, вместе с пятью кантиканцами. Их клетка была по размеру не больше обычного грузового ящика Муниторума, и висела под потолком грузового дока, раскачиваясь как маятник. Из-за ее конструкции в ней не было пространства, чтобы сесть или хотя бы опуститься на корточки, и, когда его товарищи по несчастью двигались, чтобы сдвигать было хоть немного легче, клетка раскачивалась, вызывая тошноту.

Их охранники иногда бросали им объедки, в случайное время и без всякого подобия регулярности.

Все, что знал Сильверстайн -- они находятся на борту костяного корабля в полете. Это был огромный войсковой транспорт Великого Врага, куда-то направлявшийся. Эльтебер обещал Сильверстайну, что их доставят «на обед» к Хорсабагу. Кто такой этот Хорсабаг и где он находится, Сильверстайн не знал. Тем не менее, охотник поклялся сбежать при первой возможности. Он и его товарищи бесконечно обсуждали возможности побега. Это было единственное, что помогало не сойти с ума.

Однажды, через несколько дней -- или, возможно, недель -- их путешествия, надсмотрщик -- Броненосец, дернув рычаг, с лязгом опустил клетку на палубу. Надсмотрщик был облачен в кольчугу и гофрированную мантию из легких железных пластин. Небрежно положив на плечо огромную двуручную булаву, он вошел в клетку и выбрал Варима -- часовщика с

крепкими руками, который был хорошим стрелком из лазгана. Без предупреждения Броненосец ударил шипастой булавой по голове Варима. Быстрый мощный удар окатил всех облаком кровавых брызг.

Потом Броненосец просто запер клетку и ушел. Не было ни причины, ни провокации, ни предупреждения. Они снова были подняты в своей клетке на лязгающих цепях вместе с окровавленным трупом Варима. Во время этой казни никто не произнес ни слова. Сильверстайн, прижатый к трупу, не мог отвернуться. Его биоптика наблюдала, как тело постепенно остывает, и показания пульса исчезают, обращаясь в ничто.

АРИДУН, самый малый из Миров Медины, был одновременно и молодым и древним. Шесть тысяч лет назад на планете произошло массовое вымирание форм жизни. Атмосфера подверглась эрозии, и тройные солнца стали выжигать планету, испаряя огромные океаны и запекая почву пылающим жаром. Эти перемены породили новую флору и фауну.

эволюционирующую и процветающую в суровой окружающей среде. Это был новый рассвет жизни, начавшийся лишь шесть тысяч лет назад.

Пепельные равнины были усыпаны доисторическими останками, раздробленными костями и окаменевшим прахом оттенка поблекшей сени. Где-то когда-то были океаны, отложения соли из испарившейся воды образовали соляные равнины.

В южном поясе, среди сухих саванн и дюн, был основан центр имперской колонии. Здесь климат был достаточно умеренным, чтобы в нем могли расти тысячекиллометровые заросли саговников, папоротников и гинкго.

Здания здесь были более древними, чем имперская колония. Города, известные как Цепь Крепостей, сформировали линию укрепленных пунктов, растянувшуюся вдоль южной саванны. Всего в ней было двадцать три города-государства — Перкасса, Аргентум, древний Барсид, мертвая Ангкора, и еще девятнадцать других, расположенных в линии на

расстоянии двадцати километров друг от друга. Крепостная стена глиной, высотой в четыреста километров соединяла укрепленные города в единую оборонительную линию. Эта линия - стена и вал из песчаника и известняка, и была известна как Цепь Крепостей. Бомбарды и мортиры грозно смотрели из бойниц стены, протянувшейся вдоль горизонта, как каменная гряда. Это был единственный бастион цивилизации и, фактически, жизни на Аригуне.

Удивительно, но мало населенный и охраняемый небольшим гарнизоном Аригун пострадал от войны меньше всех других миров Коридора Медины. До сих пор, по неизвестным причинам, нападения Великого Врага носили характер разведки боем. Высадка войск Броненосцев была ограниченной; разведка Кантиканской Гвардии оценивала силы противника максимум в 70 000 солдат, судя по имевшимся в его распоряжении десантным кораблям. Но даже и так средствами НВО Цепи Крепостей удалось рассеять большую часть этих кораблей и отогнать их от

населенного южного пояса на много километров в районы Островов Клетки и выжженных пустошей.

И в этом умеренном поясе, в девятой крепости Цени -- Аргентуме -- Росс и оперативная группа «Бдительность» нашли Храм Зуба.

РОСС разглядел складки шелкового халата сапфирового цвета, прекрасного покроя, который он часто надевал во время отдыха. Они прибыли на Аридун меньше недели назад, но было удивительно, как после принятия ванны, бритья и нескольких дней сна, война на Кантике стала казаться прошлым многолетней давности. Росс вышел на крышу храма, чувствуя, как теплые глиняные черепицы согревают его ноги. С крыши над невысокими храмовыми стенами открывался прекрасный вид на саванны южного пояса. Последние два дня храмовые священники предлагали Россу проводить медитацию на стенах храма, чтобы восстановить силы. Это был мудрый совет, ибо сам пейзаж здесь, казалось,

помогал изгнать из разума сомнения и
страхи. Вдали участки зеленых зарослей
покрывали окрестности Цени Крепостей.
Узкие каноэ плыли из болот по каналам в
город, направляясь в торговые районы. Еще
дальше, наслись стада зауроподов, серых
рептилий с глинными шеями и толстыми
ногами. «Сильверстайну понравилось бы
охотиться здесь», подумал Росс.

Храм вполне соответствовал своему
названию, напоминая по форме коренной
зуб человека. Здание было полностью
построено из глины, и представляло собой
круглое основание, увенчанное кольцом
минаретов около сорока метров в высоту.
Каждый год до начала сезона дождей на
старые стены намазывалась новая глина.
Лишь мастера из городской гильдии
штукатуров считались достойными этой
работы.

Работа начиналась в благоприятный
по предзнаменованиям день, определяемый
наблюдением за звездами, религиозными
дебатами, и когда глина в каналах была
подходящей плотности. Фундамент храма
благословлялся священными молитвами —

стесью имперских псалмов и местных заклинаний. Каждая фаза реконструкции отмечалась ритуалом.

Когда-то лишь пристанище для монахов, сейчас Храм Зуба был чем-то вроде санатория, обслуживаемого священниками святого Солиаса. Это было тихое место для лечения, его залы и внутренние дворы были заполнены отдыхающими больными. Инквизитор Барк не мог выбрать более подходящего места для встречи. После тяжких испытаний прошлого месяца это было меньшее, что он мог сделать, чтобы быть в состоянии исполнять свои служебные обязанности. Росс провел в храме два дня, и большую часть этого времени крепко спал.

Питание местной здоровой пищей — рисом, сваренным в бульоне из птицы — восстановило его силы, и его раны заживали.

— Тебе лучше? Ты выглядишь трачным.

Росс обернулся и увидел, что Селетина вышла из темной двери в

коническом основании минарета. Как и Росс, она несколько дней назад сняла свое боевое облачение, и до сих пор его не надевала. Сейчас она надела платье-рубашку белоснежного цвета, ее воротник был отделан белым кружевом. Она была освеженной и отдохнувшей, и Росс подумал, что она выглядит просто потрясающе.

Он любезно поклонился.

-- Селетина. Я в порядке, спасибо.

Она плавной походкой приблизилась к нему и притворилась, что снимает нитку с его воротника.

-- Не ври, Росс. Ты определенно не в порядке. Что с тобой?

Росс вздохнул. Хотя сначала он подумал, что Селетина слишком молода и неопытна, чтобы быть инквизитором, теперь он считал иначе. Она была умна и проницательна, возможно, даже больше, чем он. Более того, несмотря на свою обманчивую внешность, она была чертовски хороша в бою. Турцион подобрал ему хорошую спутницу.

-- Эта засада... -- начал Росс, --

Противник, это были не хаоситы. Хуже того, они знали, что мы идем туда.

— Ты подозреваешь утечку информации, — сказала она прямо.

— Я подозреваю, — сказал Росс, осторожно выбирая слова, — что кто-то очень высоко в Имперском Командовании хочет нашей смерти. Согласно всем отчетам, Орфратинские Чистокровные использовались Имперским Командованием для операций в тылу врага с начала кампании по обороне Миров Медины.

Селетина сторщила нос и задумчиво прикусила кольцо в нижней губе. Это было выражение, к которому Росс странным образом привык.

— Ты подозреваешь, что утечка идет от капитана Прагала?

— Да, он самый вероятный подозреваемый.

Селетина задумалась над этим.

— Или, возможно, это я? Я же была там.

Росс застеснялся. Он вдруг осознал, что Селетина стоит очень близко к нему. Так близко, что он чувствовал аромат ее

косметики, с оттенками цитруса и свежего молока.

--- Если ты хотела убить меня, почему не убила до сих пор? Ты могла застрелить меня в любой момент.

Она снова сморщила нос.

--- Или, может быть, это Сильверстайн? Я не хочу никого обидеть, Росс, но все сходится. Прости.

Это предположение испугало Росса. Он и подумать не мог, чтобы Сильверстайн, старина Бастиэль, его самый доверенный агент, мог выдать его наемникам. Однако Сильверстайн ушел от них перед засадой, возможно, не в тех обстоятельствах, которые сам бы выбрал, но все же ушел.

--- Да, определенная вероятность есть.

Но...

--- Но?

--- Было бы бесчестно с моей стороны позорить друга, возможно, уже погибшего, такими подозрениями. Я был бы низким человеком, если бы думал так.

Селетина кивнула.

--- Я бы тоже тогда думала о тебе

хуже. Не заставляй меня делать это.

Росс отвернулся. Вдали он увидел, как стая крылатых рептилий лениво кружит в солнечных потоках. Когда он снова повернулся к Селетине, он уже успокоился.

— Ты еще что-то хотела мне сказать?

Она улыбнулась.

— Да. Инквизитор Барк ждет тебя с тех пор, как мы сюда прибыли. Он сказал, что вам с ним нужно многое наверстать в спортивном зале.

— В спортивном зале?

— Конечно, — сказала она, взяв его за руку. — Он уже ждет тебя там.

ОНА вела Росса за руку по винтовым лестницам и извилистым коридорам храма.

Наконец они вошли в крытый внутренний двор, прилегающий к основному зданию. Хотя храм было уже четыре тысячи лет, спортивный зал был недавним дополнением, сделанным гильдией штукатуров. Гимнастические

бревна, кони и перекладины стояли на твердом глиняном полу, а кольца и брусья свешивались с потолка, словно странные плоды. Все они служили превосходными инструментами для восстановления сил, но сейчас, ранним утром, спортзал был пуст.

Здесь был только инквизитор Вангус Барк, разминавшийся в центре спортзала. Хотя со времени окончания Схольм Прогениум прошли десятилетия, Росс мгновенно узнал его — молодого человека с телосложением борца. Его бычья шея и широкие плечи переходили в узкую талию, стянутую поясом. Борцовское трико, которое он носил, оставляло открытыми руки, бугрившиеся мускулами и покрытые татуировками. Если бы Росс не знал Барка, он принял бы его за бандита.

Барк выполнял растяжку, когда Селетина и Росс вошли во двор.

— Ободайя! Святой Трон, ты ужасно выглядишь, — улыбнулся Барк, сжав Росса в объятиях с сокрушительной силой.

— Я был лишен тех удобств, которыми ты наслаждался тут последние

месяцы, — ответил Росс, крепко пожимая ему руку.

— Да уж, я ознакомился с отчетами. Туррион хорошо проинформировал меня о ваших злоключениях.

Росс пожал плечами, почти отстраненно. Оглядев спортзал, он понял, что уже не помнит, когда проводил свою обычную тренировку по кулачному бою и гимнастике.

— Как обстановка здесь? В смысле, на Аригуне, — спросил Росс.

Барк разминался, сгибая руки в запястьях и растирая их, чтобы разогреть.

— Я расскажу тебе, пока ты потренируешься.

Это был в некотором роде их ритуал. Это было почти соперничество, еще со времени, когда они были учениками Схольм Прогениум. В то время Росс был чемпионом по кулачному бою в своей группе. Он был легким, но очень быстрым бойцом. Многочисленные победы Росса, нокаутировавшего противников более тяжелого веса и на несколько лет его

старше, до сих были источником легенд в
дормиториях Схолы Прогениум.

Барк был смелым и агрессивным
бойцом. Он был отлично знаком с военной
«самозащитой без оружия» — линейной
системой рукопашного боя, разработанной
для гвардейских полков Кагии и
окружающих ее суб-секторов. Его жесткий
военный стиль дополнялся высоким
уровнем мастерства ученика Схолы
Прогениум. Основу его арсенала приемов
составляли удушения, захваты и броски.

— Прошло много лет, Вандус. Или ты
действительно стал лучше, или стал
слишком самоуверенным, — заметил Росс.
Он принял фронтальную боевую стойку,
широко расставив ноги и подпрыгивая на
носках, как танцор. Ведущий кулак он
держал прямо вперед, как фехтовальщик
оружие. Его оппонент Барк встал в
изготовку к бою, полуприсев, обе руки
подняты перед лицом.

— Все еще практикуешь эту ерунду
для слабаков?

— Это благородное искусство, —
огрызнулся Росс. — А ты собираешься

дальше издеваться, или наконец
расскажешь, что происходит на Аригуне?

Барк осторожно шагнул вперед.

-- На Аригуне война. Но по сравнению с
бойней на других планетах региона, не в
таких масштабах. Великий Враз
высадил много войск, но их численность и
близко не сравнится с тем, что он бросил
на другие центральные миры.

-- А что насчет моторизованных
частей Броненосцев? На Кантике они
раздавили пехоту Гвардии. -- Росс
подчеркнул свой вопрос, выполнив обманное
движение ногой и нанеся односторонний
двойной удар кулаком.

Удары застали Вандуса врасплох,
поразив его в нос. Рыча, как раненый бык,
Вандус выполнил уход вправо.

-- Войска противника здесь
представлены в основном пехотой.
Бдительные силы НВО Аригуна
ограничили их зоны высадки пустынями
как минимум в трехстах километрах от
Южной Саванны.

Воспользовавшись преимуществом,
полученным в результате опережающих

ударов, Росс скользнул вперед, и, разворачивая правый кулак, нанес прямой удар. Кулак с убедительным треском врезался в верхнюю челюсть Барка. В ответ Барк нанес верхний боковой удар, в полной мере задеиствовав массу тела.

Росс шагнул назад. Предплечьями, поднятymi как столбы, он выполнил двойной наружный блок, захватив ударную руку Барка. Это был прием, известный как «вязкие руки». Помимо множества вариантов ударов искусство кулачного боя содержало тщательно разработанную технику из пятидесяти одного приема, блоков и отбивов. Росс полагал, что достиг совершенства уже в сорока из этих приемов. Выведя Барка из равновесия этим блоком, Росс отошел, разорвав дистанцию боя.

-- А как вообще идет кампания в Медине? Оборона системы еще держится? -- спросил Росс между резкими вдохами.

-- Хуже, чем мы предполагали. Из полудюжины окраинных миров только Синоп еще не захвачен противником, но и там в течение последних недель идут

тяжелые бои. На Холлеше мы уязвили в войне на истощение, и у нас не хватит сил, чтобы выиграть ее.

Барк попытался провести захват и бросок, упав на колени и вытянув руки. Росс ожидал захвата -- и Вандус получил еще несколько скоростных ударов в челюсть и нос.

-- Тогда вопрос: зачем моя группа здесь? Гүрион сказал, что я вам нужен, -- сказал Росс, его дыхание становилось более тяжелым. Чтобы не позволить Барку сократить дистанцию, он выполнял обманные радиально симметричные движения ногами, нарушая тактические планы оппонента.

-- Потому что я потребовал вашего присутствия.

-- Я польщен, гүржище, -- сказал Росс, прямым ударом впечатав кулак между глаз Барка.

На скулах и переносице Вандуса начали появляться ярко-красные рубцы. Он встряхнул головой, чтобы прояснить ее, и продолжил говорить, словно ничего не почувствовал.

— Я тут уже шесть месяцев и много чего успел накопать. Моелу агенту, ксеноархеологу, стало известно о некоем ценном артефакте, которым сейчас владеет один коллекционер древностей на Холпеше, и он собирается продать этот артефакт на аукционе.

— Ты считаешь, что нашел Старых Королей?

Барк пожал плечами.

— Скорее всего нет, но этот артефакт более древнего периода, чем эпоха Войны Освобождения, и, возможно, он выведет нас на что-нибудь. Агенты инквизитора Цоакима связались со мной, и, кажется, они считают, что это достаточно важное дело. Я им доверяю, так что пока это самая важная зацепка, которая у нас есть.

Барк резко шагнул вперед и попытался снова выполнить захват. На этот раз Росс развернулся на пятках и провел серию ударов в голову Барка. Шесть ударов за одну секунду. Несмотря на толстую мускулистую шею, Барк был заметно оглушен. Он бросился вперед,

нанося удары кулаками, локтями и коленями. Два бойца обменялись сериями мощных ударов.

-- Холпеш -- почему этим не займется инквизитор Уоаким? Он же возглавляет команду Конклава на Холпеше, разве нет? -- тяжело дыша, сказал Росс, выполняя уход от удара.

Барк сократил дистанцию и стремительно атаковал. Он нанес боковой удар подъяеом стопы, но Росс быстро шагнул назад, и удар не достиг цели. Оказавшись в уязвимом положении, Барк прикрыл корпус, и Росс выполнил серию ударов в открывшуюся голову. «Корпус -- голова, корпус -- голова», в точности как его учили.

-- Ты не слышал? -- фыркнул Барк между ударами Росса. -- Инквизитор Уоаким погиб. Три недели назад механизированные войска Великого Врага перешли в скоординированное наступление на континентах внешнего шельфа на Холпеше, -- Барк на секунду остановился, пропустив мощный хук в ребра. -- 4-я и 12-я дивизии Кантуканской Гвардии

разгромлены. В числе убитых и Уоакит.

Росс был потрясен. Мрачная новость так его поразила, что он пропустил захват и бросок Барка. Его ноги оторвались от земли, и тело тяжело рухнуло на утоптаный глиняный пол. Росс ошеломленно моргнул, падение выбило воздух из его легких. Вестибулярный аппарат был охвачен головокружением. Селетина что-то испуганно крикнула, но Росс не слышал, что именно.

Потом он начал задыхаться. Барк сдавил предплечьем шею Росса, задействовав массу своего тела. Удушье перекрыло сонные артерии. Кровяное давление в сосудах головы так повысилось, что Росс чувствовал, как грозят носовые пазухи. Он начал терять сознание.

-- Победа за мной, -- прорычал Барк, с трудом вдыхая воздух. -- Это удушье Эзекиля. Касркины научили.

Давление внезапно ослабело. Барк отпустил шею Росса, и кровообращение начало возвращаться в норму. Откатившись в сторону, Барк лег на

спину, тяжело дыша.

-- Уоаким мертв? -- прохрипел Росс.
Приподнявшись на локтях, он закашлялся.

Кивнув, Барк указал на Селемину.

-- Трое нас -- все, что осталось в распоряжении Гүриона. Во всяком случае, поскольку дело касается Конклава.

-- Когда мы летим на Холпеш?

-- Как можно быстрее. Завтра я отправляюсь с караваном зауроподов к Марке Эригү и свяжусь с ксеноархеологом. Если вы чувствуете себя лучше, можете сопровождать меня.

Услышав это, Селемина встала с гимнастического коня, на котором сидела.

-- Караван зауроподов? Я еще не ездила на них, -- сказала она.

Росс покачал головой.

-- Мне нужно, чтобы ты осталась здесь и пристотрела за капитаном Прагалом.

Селемина была явно удручена этим, но уступила.

-- Вандүс, а мы не можем добраться туда на поезде? Я слышал, на Аригүне отличная система железных дорог, --

спросил Росс.

Инквизитор Барк заметно помрачнел.

-- Поезда сейчас не используются. Железные дороги оказались слишком узкими для атак противника.

-- Разве силы Броненосцев не восстановлены за демаркационной линией в районе Островов Клетки и западных пустошей? -- спросила Селетина.

Сказанное ею было правдой. Большая концентрация лазерных батарей и другие средства НВО отогнали десантные корабли противника в район Островов Клетки. По данным разведки многочисленные острова сейчас были заняты морскими силами Великого Врага. Группы подводных лодок, морских барж и бронекатеров заполняли проливы Островов Клетки, их трюмы были набиты грузами и солдатами. Имперские авианосцы на демаркационной линии обстреливали их огнем тяжелой артиллерии, но в основном морские корабли Броненосцев действовали беспрепятственно, свободно высаживая

войска на берега континентов Аригүна.

-- Большая их часть. Но Броненосцы -- налетчики. Их небольшие отряды постоянно атакуют имперские коммуникации. По крайней мере, если мы поедем на зауропогах, нас не остановит уничтожение противником участка железнодорожного пути. С начала вторжения Броненосцы подорвали уже 1200 километров железных дорог.

Росс трачно кивнул. Они имели дело с особым противником. Броненосцы были прежде всего налетчиками, и лишь потом солдатами. Даже когда у них не было численного превосходства, как сейчас на Аригүне, они наносили несоразмерный ущерб гражданской и военной инфраструктуре.

-- Тогда вооружается и готовится к путешествию? -- спросил Росс.

-- Я бы не стал покидать южный пояс, не обладая серьезной огневой мощью, -- решительно заявил Вандүс.

Росс собирался застегнуться, но увидел, что его друг говорит абсолютно серьезно.

ИХ переправили на планету вместе с их клеткой на борту брига-лихтера, под конвоем эскадрильи истребителей-перехватчиков. На борту бригада их охраняла сотня ветеранов-Броненосцев — суровые, покрытые шрамами бойцы, украшенные многочисленными военными трофеями. Пленные видели, что их считают действительно ценной добычей.

Когда охранники выгнали их на трап, Сильверстайн поторчился от непривычно яркого солнечного света. Он уже потерял счет дням, в течение которых его держали в клетке, и его аулетика реагировала болезненно. Линзы расширились, чтобы лучше видеть при

слабом освещении, и сейчас внезапный поток солнечного света едва не ослепил его.

Когда бионика его глаза перенастроилась, и зрение вернулось в норму, Сильверстайн почти пожалел, что он не ослеп. Он увидел, что находится в военном лагере Великого Врага.

Зрелище перед ним казалось воплощенным кошмаром. На выжженной соленой земле располагалась огромная стоянка техники. Они выжгли целый квадратный километр пространства, превратив землю в чернеющую рану. Среди колес и гусениц машин были развернуты бивуаки и маскировочные сети. Это был полевой парк техники Броненосцев — легкие танки КЛ-5 «Нагальщик», «Химеры», «Агские Псы», патрульные вездеходы и восьмиколесные грузовики стояли неподвижно, словно спящие хищники. Пленных построили под наблюдением сторожевых башен, поднимавшихся на решетчатых опорах.

Пелена химического дыма от топлива и горящего пластика висела в

воздухе. Над лагерем возвышались два
уродливых деревянных идола, каждый семь
метров в высоту. Вырезанные грубыми,
резкими ударами, идола изображали
жуткую картину: похотливо
ухмыляющийся демон, с языком,
свесившимся ниже пояса, вырывает ребенка
из утробы беременной женщины. Неким
сверхъестественным образом, эти идола
казались самым пугающим зрелищем,
которое когда-либо видел Сильверстайн.

ПЛЕННЫХ прогнали вдоль
периметра лагеря, окруженного земляным
валом высотой по грудь человеку. Солдаты
Великого Врага смотрели на них. От
одной лишь мысли о том, что на него
смотрит так много оскверненных Хаосом
глаз, на спине Сильверстайна выступал
холодный пот. Некоторые из Броненосцев
злорадно смеялись, изображая жестами
перерезанное горло.

Игнорировать их было невозможно.
Сильверстайн с видом холодного
безразличия расправил золотой кант на
своей грязной куртке. Когда он в детстве

сопровождал отца на охоте, он часто думал, что если закрыть глаза и не увидеть зверя, то зверь, возможно, не увидит его. Он вспомнил свой детский инстинкт и закрыл глаза. Сильверстайн не был трусом, нет. Он просто пытался остаться в здравом уме.

— Ухүн, үхүн! — прорычал Броненосец в ухо Сильверстайна. Толкнув пленного, его мучитель указал на кузов бронированного грузовика. Сильверстайн разгладил воротник, и смело встретил взгляд Броненосца. За такую дерзость Броненосец ударил его по почкам и, схватив за шиворот, зашвырнул в кузов грузовика. Скорчившись от боли, Сильверстайн скорее почувствовал, чем увидел, как другие пленные, сгавливая его своей массой, набиваются в грузовик.

Люк в задней части кузова захлопнулся, стало темно, как в закрытом шкафу. Задыхаясь от жары и зловония, в крошечной темноте, Сильверстайн, напрягая слух, расслышал рев заводившихся двигателей других машин. Он предположил, что это охрана конвоя. Их

везли куда-то, какая бы судьба ни была и
уготована. Снаружи кто-то с силой
хлопнул по борту грузовика, удар гудко
прозвучал в кузове. За ним послышались
приглушенные раскаты стеха, и грузовик
сдвинулся вперед.

Сильверстайн не мог сделать ничего,
лишь смотреть и ждать своей участи.

Было светлое влажное утро, когда
двое инквизиторов перебрались через
риффы. Росс приложил руку к глазам,
чтобы защитить их от света тройных
солнц, глядя на необычное средство
передвижения, оживавшее его. Во всех
своих путешествиях он не видел ничего
подобного.

Караван зауроподов готовился
отправляться в путь в сырой болотистой
низменности на окраине города. Рентилии
были огромными и серыми, некоторые из
самцов достигали шести метров в холке.
На их глиняных гибких шеях росли гребни
перьеобразных шипов.

Росс насчитал восемь животных в
сбруе, на их спинах качались пассажирские

платформы. Зауроподы издавали звучный трубный рев из внутричерепных полостей. Россу этот звук показался одновременно пугающим и величественным, словно медные рога, звучащие где-то в океане.

Суетясь под их колоннообразными ногами, караванщики поправляли попоны из яркой ткани, разукрашенные бисером, кистями и звенящими серебряными дисками. В качающихся плетеных паланкинах на спине некоторые животные уже несли десятки погонщиков, торговцев и охранников. На богато украшенной платформе на спине первого зауропода в караване Росс увидел характерный силуэт тяжелого стаббера с ленточным питанием.

— Вандус, ты всегда путешествовал со вкусом, — насмешливо сказал Росс, увязая в грязи начищенными сапогами своего спатейского господина.

— Если хочешь, всегда можешь прогуляться пешком, — ответил Барк, взбираясь по веревочной лестнице, свешивавшейся с бока зауропода.

Инквизитор Барк, как всегда

эксцентричный, был облачен в такое снаряжение, какого Росс раньше никогда не видел. В некотором роде это было типично для Ордо Ксенос. Барк был одет в обтягивающий костюм защитного оливково-зеленого цвета, но с живота он был защищен громоздким бронекостюмом. Его торс, руки и плечи были покрыты толстой броней с торчащими кабелями. Воинственный силуэт бронекостюма подчеркивался огромными бронированными кулаками с поршневым приводом на обеих руках. За каждым кулаком были размещены многочисленные стволы крупного калибра, расположенные в группах по восемь. Но внимание Росса привлекло не вооружение, а молочно-зеленая эмаль, покрывавшая бронекостюм, и его странно органические очертания.

-- Технология ксеносов? -- спросил Росс, взбираясь по лестнице.

Барк весело расстелялся.

-- Не совсем. Я получил этот бронекостюм от некоего знатного дома с верхних уровней одного улья.

-- И с моей стороны было бы мудро не

спрашивать, что это был за благородный
дом?

Барк подмигнул ему.

— Уменно так. У меня было
подозрение, что они могут иметь кое-
какие дела с ксеносами тау — но
достаточно безобидные, чтобы я не
обратил на них внимания. Они были очень
благодарны и подарили мне этот чудесный
боевой костюм.

— Ты становишься слишком мягким.

— А ты — слишком закослелым, —
ответил Барк.

Росс покачал головой, уstraиваясь в
скрипящем паланкине.

— Ты играешь с огнем, Вандус. Уже за
одно это я мог бы отправить тебя по
трибунал ордосов.

— Нет, если я убью тебя раньше, —
застеялся Барк, сгибая руки в
сегментированной броне.

Росс собирался ответить, но
щелканье бичей погонщиков и рев
зауроподов заглушили его слова.
Покачиваясь, огромные животные
медленно двинулись вперед, и вскоре стена

Цени Крепостей исчезла вдали.

НА ПОЕЗДЕ путешествие заняло бы не больше трех часов, но действия противника вынудили отказаться от использования железных дорог. На зауропогах путь занял большую часть дня. Но Росс не считал это время потраченным напрасно. После несчастий предыдущих недель он наслаждался видом открывшейся перед ним страны.

Всюду Росс видел наступление новой эры в эволюции планеты. Они шли по биотическим рифам, расползавшимся по бухтам побережья — бесконечные километры шелестящих зарослей хвощей, папоротников, саговников и хвойных растений. Но он видел и остатки прежней экосистемы. Монолитные соляные равнины, когда-то бывшие дном горячих океанов, тянулись на горизонте кристально-белыми полосами. Сланцевые расселины, красный песчаник морского дна и кальцитовые равнины были могилами существовавшей здесь раньше экологической системы.

Самым пугающим были покинутые города, безмолвно стоявшие на их пути. Когда тысячи лет назад солнца изменились, Ардгун был охвачен ураганами, наводнениями и жарой, выпаривавшей воду из земли. Давно заброшенные, эти города поднимались на горизонте как иссохшие скелеты, почерневшие от древности.

Дважды по пути они встречали стаи хищных рептилий размером с собаку. Привлеченные теплым запахом людей и шагами зауроподов, сотрясающими землю, рептилии следовали за караваном на осторожном расстоянии. Охранники каравана стреляли из лазганов, чтобы отогнать их.

— Это пагальщики, они только и могут, что кусать за пятки. Опасаться стоит не их, а когтистых крикунгов, — сказал Барк. Закованной в броню рукой он передал Россу позолоченную подзорную трубу и указал вдаль.

Росс уже слышал о них. Эти животные были хорошо известны тем, кто интересовался местной фауной. Разумеется, Росс, будучи любопытным и

эрүдированным человеком, но рисунки не могли передать всей свирепости этих хищников. Глядя в подзорную трубу, Росс видел группу нелетающих птиц, большими шагами вприпрыжку бежавших к южному краю горизонта. Даже на таком расстоянии они казались огромными, гораздо больше, чем имеет право быть любая птица.

-- А что насчет противника? -- спросил Росс.

-- НВО Цени Крепостей отогнала десантные корабли Броненосцев далеко в пустоши. Угрозу здесь представляют небольшие диверсионные отряды противника, -- ответил Барк.

Теперь Росс понимал, как Аригун смог избежать худшей судьбы, по крайней мере пока. Окружающая среда не благоприятствовала передвижениям больших масс войск, особенно с плохо организованным снабжением. Это была раскаленная пустыня, совершенно бесплодная и лишенная укрытий.

Росс откинулся на сиденье, вытирая лоб. После полудня воздух был сухим и

неподвижным. Даже в тени их похожего на пагоду паланкина температура доходила до сорока градусов. Росс не привык к такой жаре, и, что еще хуже, он уже начал сильно жалеть о том, что надел свою спатейскую броню. Металл, раскаляясь, заключил его в кокон обжигающего жара.

--- Этот ксеноархеолог, как удалось замечать его сюда, в зону военных действий? -- проворчал Росс, больше глядя на себя.

--- На самом деле это часть сделки. В обмен на помощь я обещал ей безопасный транспорт из Коридора Медины. Она прилетела на Аридун, чтобы изучать новый цикл истории, и оказалась здесь как раз в тот момент, когда началось наступление Великого Врага.

--- Она?

--- Да. Профессор Маглен де Медичи из университета Катон-Руж.

Услышав это имя, Росс щелкнул языком. Ему были отлично известны работы профессора де Медичи. Она была выдающимся ксеноархеологом, лучшим специалистом по этому вопросу в звездной

системе, если не во всем суб-секторе. Она была автором множества научных трудов, в том числе «Трактата о доимперском человеке» и «Исследований ранней истории Восточного Прегела». Росс восхищался ее подходом к теме исследования и красноречием, с которым были написаны ее работы.

Росс часто думал, что если бы не был инквизитором, то стал бы ученым. Удивительно, его увлечение знаниями прошлого было больше чем просто хобби, а его большое поместье на Арлоне было больше похоже на библиотеку. Для Росса знания были страстью. Его восхищала идея воина-ученого с тех пор, как он прочитал о королевстве Гойосеон, существовавшем в древности на Терре, и о касте Рыцарей Цветов, или «цветочных юношей». Эти юноши с раннего возраста обучались искусству каллиграфии, стрельбы из лука, театральному искусству и верховой езде. Они являлись собой симбиоз воинского искусства и великолепного образования, и были символом духовного баланса среди древних

азиатских царств Терры. Росс долго хранил романтическое восхищение этими рыцарями, и даже теперь, несмотря на то, что стал старше, часть его продолжала восхищаться их добродетелями.

ОКАМЕНЕВШИЙ лес Эриду находился в восьмистах километрах от демаркационной линии, как раз на полпути между южными саваннами и пустошами, где собирались силы Великого Врага. Росс и Барк слезли с заурногов на краю леса и дальше пошли пешком.

Окаменевший лес был похож на парк скульптур из расплавленного, растекшегося камня. Кобальтово-синие колонны возвышались как огромные шахматные фигуры. Всюду, куда бы Росс ни бросил взгляд, он видел следы застывшего времени: застывший отпечаток листа на камне, окаменевшие ветви и раковины на дне высохшего моря, позвоночник какого-то вымершего животного, возвышавшийся над осадочной породой.

Усохшие деревья без листьев,

Некоторые до шестидесяти метров в высоту, образовывали над головой паутины из своих хрупких, легких ветвей. Некоторые деревья переливались сияющим перламутровым блеском. Солнечный свет, проникая сквозь ветви, испещрял землю узорам, словно мозаичный пол.

Под зарослями древесных лишайников Росс увидел команду Маглен де Медичи, проводившую раскопки в таленной узкой теснине. Рабочие были местными жителями, сильно загоревшими от постоянного пребывания на солнце. Должно быть, это были безнадежно нищие сельские батраки, потому что другие аристократы после начала войны не стали бы покидать защищенный южный пояс.

Когда инквизиторы подошли к месту раскопок, навстречу им бросились полдюжины человек. Вместо колбине зонтов цвета хаки, которые носили рабочие, эти люди были одеты в черные костюмы-тройки и темные льняные визитки. На их поясах висели позолоченные лазерные пистолеты на золотых цепочках. К их лацканам были приколоты значки

имперской администрации Аригүна --
печатать губернатора.

-- Стоять! Ни с места! -- кричали они.

Росс едва удержался, чтобы не
расхохотаться. Эти напыщенные
желанные щеголи были абсолютно не в
своей стихии. Они пытались казаться
устрашающими профессионалами, но
выглядели слишком жалко, чтобы
воспринимать их всерьез. Это были всего
лишь технократы, пытающиеся
изобразить из себя солдат.

Росс насмешливо поднял руки,
изображая сдачу в плен, и с устешкой
посмотрел на Барка. Его друг с
механическим жужжанием пожал
бронированными плечами. Они с Россом
были во многом похожи, особенно в том,
что касалось всяческих проказ.

-- Бросить оружие! Положить оружие
на землю и лечь лицом вниз! -- приказал
один из них, нацелив пистолет на Росса.
Вероятно, это был их предводитель --
высокий человек с удлиненным
высокоотертым лицом клерка
Администратүма. Этот клерк, однако,

авно нарастил себе мышцы рук с помощью химических средств, чтобы выглядеть более устрашающим. Инквизиторов это отнюдь не впечатлило.

-- Шүтишь что ли? -- фыркнул Барк, подняв батареи крупнокалиберных стволов на бронированных руках. Росс не знал, показывает ли этим Барк весь идиотизм их требований, или это скрытая угроза. Так или иначе, Росс находил это весьма забавным.

-- Я не знаю за кого вы меня приняли, но я Лоренцо Миас Гуерон, агент и советник по безопасности мадам де Медичи! -- с негодованием взвизгнул клерк.

-- Я тебя спрошу, когда ты понадобишься, -- поддразнил его Росс, еще больше приводя его в бешенство.

-- Смерти захотелось? Вы что, идиоты? Не знаете, что на Аригуне идет война? Сообщите, с какой целью вы явились, или за последствия не рүчаюсь! -- завопил Лоренцо. Его товарищи согласно закивали головами, как угрушечные птицы.

-- Лоренцо! Ласлетт, Хэмил, Петр,

где ваши манеры? — раздался голос позади Гиерона. Это был голос женщины, властный и полный достоинства настолько, что его не приходилось повышать.

Росс не сразу узнал уважаемую мадам де Медичи. Она выглядела гораздо моложе, чем он ожидал. Он предполагал увидеть поседевшую почтенную старушку; а перед ним была женщина с гладкой, как фарфор, кожей, высокими скулами и изящной фигурой дочери знатного рода.

Маглен де Медичи вышла из своей брезентовой палатки. В руках, одетых в перчатки, она изящно держала кружевной зонтик. Для такого климата ее одежда была решительно неподходящей: скромная узкая юбка и двубортный саржевый пиджак. Ее лицо было слегка украшено румянами, а каштановые волосы вились локонами, столь модными среди аристократов верхних шпилей. Если бы не это место раскопок в зоне военных действий, Росс принял бы ее за наследницу знатного рода из улья.

— Мадам де Медичи? — спросил Росс.

Он еще не был полностью уверен, что это действительно она.

— Маглен Рибекен Луиза де Медичи. Но пожалуйста, зовите меня просто Маглен, — сказала она, сделав реверанс.

Оба инквизитора любезно поклонились.

— Магат, я Ободайя Росс. Должен сказать, я большой поклонник ваших работ. «О естественных циклах войн и конфликтов» — безупречно составленный сборник эссе.

Маглен вздернула нос.

— Инквизиторы, вы мне льстите.

— Инквизиторы? — пролепетал Тиерон, пятясь назад. Он отвел своих коллег в сторону, как наказанных детей.

Когда охранники отошли за пределы слышимости, Маглен подошла ближе к инквизиторам.

— Простите их. Я действительно стущена их поведением.

— Считайте это замечанием постороннего, но эти люди не бойцы, — сказал Росс.

— Да, но они считают себя бойцами.

Так что ладно уж, позволим им и дальше так думать. Губернатор Аригуна лично дал мне в сопровождение несколько своих дворцовых охранников. Он настаивал.

— Губернатор хочет, чтобы вас убедили? Линия фронта меньше чем в две недели отсюда. Вам не стоило забираться так далеко с этими клоунами вместо охраны.

— Не беспокойтесь, инквизитор, я смогу позаботиться о себе, — фыркнула она.

«Возможно, она права», подумал Росс. Из всех ее работ для него особенно выделялось ее недавнее исследование древних пилонов на пограничных планетах Восточной Окраины. Книга была издана ограниченным тиражом и включала иллюстрации нападения эльгар на команду профессора де Медичи. Но она спаслась, а ее отчет об этом событии вызвал интерес даже в органах Инквизиции.

— Пусть так, — сказал Барк, — Вам пора отослать этих хлыщей обратно к губернатору и отправиться с нами. У нас стало времени.

-- У меня тут несколько чомоданов полевого снаряжения и оборудования, которое может мне понадобится, -- сказала Маглен через плечо, уже повернувшись, -- Пусть рабочие погрузят их на ваши машины.

-- У нас нет машин, мадам. Только заурноды, -- ответил Росс.

Она остановилась, медленно повернувшись обратно. Ее губы сжались, удлиненное лицо покраснело.

-- Я не могу ехать на заурнодах! Люди не путешествуют на вьючных животных!

-- Тогда можете прогуляться пешком, -- застегаясь Росс.

ЛОРД-МАРШАЛ Кхмер достал
 пистолет с полки шкафа. Это был
 тяжелый пистолет глиной с его
 предплечье, отделанный темным деревом,
 с выемками на изогнутой рукояти.
 Рукоять пистолета была инкрустирована
 топазовыми желудями и листьями, а
 ствол украшали филигранные серебряные
 узоры в виде виноградных лоз. Такое
 оружие не использовалось со времен
 Хадрианского Унцигента в 762. М41.

Этот пистолет Кхмер взял как
 трофей на дуэли много лет назад.
 Адмирал флота, потерявший пистолет,
 потерял и несколько пальцев на руке от
 удара сабли Кхмера. «Повезло», подумал

Кхмер, «что один из этих отрубленных пальцев не успел нажать на спуск».

Зарядив пистолет, Кхмер не спеша прогулялся по своему миру. Это был его собственный мир на борту «Карфагена». Когда-то здесь располагалась казарма, способная вместить два взвода по шестьдесят солдат. Сейчас стены зала были покрыты свинцом, решетчатые стены для стрельбы стояли напротив ряда мишеней на расстоянии от двадцати до двухсот шагов. Одна стена была полностью занята великолепной коллекцией старинного оружия, собранной Кхмером. В застекленных стойках на ней располагались фузеи, картечные пушки, сделанные вручную крупнокалиберные пистолеты и древние винтовки глиной в рост человека. Были здесь собраны и различные варианты лазганов военного образца.

Лорд-маршал встал, держа пистолет обеими руками, и прицелился в раскрашенную брезентовую мишень в восьмидесяти шагах. На брезенте было нарисовано почти детское карикатурное

изображение демона с выпученными глазами и оскаленными зубами. Он выпустил в тишину три пули, от их попадания брезент хлопал, как воздушный змей на ветру. Оглушительный грохот выстрелов эхом звучал в покрытых свинцом стенах зала с великолепной акустикой. Для Кхтера не было звука прекраснее.

-- Вычистить, -- приказал Кхтер, бросив пистолет в руки ошарашенного его младшего офицера. -- И если я найду хоть пятнышко, его будут отчищать твоей шкурой.

Маршал подошел к своему арсеналу и выбрал автоган. По сравнению с другими предметами коллекции это оружие было непримечательно, устаревшая автоматическая винтовка из штампованного металла и старого дерева более метра в длину. Характерный металлический прицел, серповидный магазин и приклад из твердой древесины говорили о его возрасте и предыдущих владельцах. Автоган был простым и невзрачным, но у него была своя история.

Кхтер был большим ценителем истории. У каждого оружия в его коллекции была своя история, которая стоила того, чтобы ее рассказать, своя война, от лазгана с бронекожухом Внутренней Гвардии Бастиона до ручной пушки револьверного типа, захваченной у техноварваров где-то глубоко в Скоплении Стаи. История, написанная теми, кто стрелял быстрее и точнее.

— Лорд-маршал! На минуту, пожалуйста.

Кхтер положил автоган обратно в обитый бархатом ящик и оглянулся. Увидев Форга Гүриона, ворвавшегося в зал. Судя по быстрому тону его угметических ног, инквизитор поспешил сюда не по личным причинам.

— Форг Гүрион, — произнес Кхтер безразличным тоном. Отвернувшись обратно, лорд-маршал продолжил рассматривать свою коллекцию оружия.

— Надо поговорить с вами лорд-маршал, немедленно, — сказал Гүрион сквозь сжатые зубы.

Кхтер устало посмотрел на Гүриона.

Инквизитор стоял перед ним, мышцы его челюсти дергались, в аугметической руке был крепко сжат какой-то документ. Махнув рукой, Кхтер отпустил своего агъютанта.

-- Гүрион, вас что-то беспокоит?

Инквизитор взмахнул сжатым в руке пергаментом.

-- Вот это. Здесь сказано, что вчера в 6:00 подкрепления с Люпины были отведены из зоны военных действий в Коридоре Медины. 76 000 стрелков 102-го Люпинского направлены на усиление обороны Звезд Бастиона.

-- И в чем проблема? -- сказал Кхтер, протирая картечный мушкет рукавом тунгира.

-- Проблема в том, лорд-маршал, что это вы приказали направить их туда, -- Гүрион выплюнул эти слова как яд.

-- Именно так. Я сделал то, что будет лучше в плане долгосрочных целей этой кампании.

-- Мне напомнить вам, что Пленарный Совет утвердил наши задачи? Мы должны удерживать Миры Медины.

пока тайна Старых Королей не будет раскрыта.

Наконец Кхтер отложил мундштук и повернулся к Гүриону.

— Это ваши задачи, Гүрион. Моя задача как командующего проста — лишить силы Хаоса господства в космосе, нарушить их координацию и не позволить им захватить суб-сектор. В сложившейся обстановке я могу этого добиться лишь сосредоточив силы на обороне Звезд Бастиона.

— Не вам это решать. У Конклава есть убедительные доказательства, что мифические Старые Короли могут показаться угрозой уровня «альфа».

— Вы не военный, — сказал Кхтер с вынужденным сожалением. — Вы не понимаете, как ведется война. Мы не выиграем войну, основываясь на мифах и догадках. Войны выигрываются логикой и стратегией. Это вы можете понять?

Гүрион покачал головой, не потому что он не мог понять, а потому что Кхтер был слишком упрямым и косным. Отогнув ладонь плаща, Гүрион

продемонстрировал инквизиторскую
инсигнию на цепи.

-- Лорд-маршал, у Инквизиции есть
свои способы.

Если Кхлер и понял намек, то никак
этого не проявил. Вместо этого лорд-
маршал прошел вдоль ряда стоек с
оружием, пока не нашел то, что искал. Он
взял лазган, посмотрел в прицел и
подержал оружие в руках.

-- Вудите это оружие, Гүрион? --
спросил он. Это был светло-серый лазган со
складным прикладом и укороченным
стволом, что придавало оружию хищный,
жестокий вид.

-- Да. Это лазган. Конечно, я не так
хорошо разбираюсь в их образцах, как вы, --
ответил Гүрион, явно показывая, что его
это не интересует.

-- Это не просто лазган. Вудите
направляющую Пикатинни? -- сказал
Кхлер, указав на рукоять. -- А укороченный
ствол и ствольную накладку? Лазган
модифицирован для воздушно-десантных
войск, -- продолжал он, указывая на
начищенный ствол и гладкий серый

полимер ко́жуха.

-- Я вижу, -- осторожно ответил
Гурион.

-- Такили лазганати вооружаются
Столетние полки Браванды. Более того,
этому оружию довелось сражаться при
взятии Провинциального Дворца
Браванды. В 870. М41 местные магнаты,
представители оппозиционной фракции,
называвшие себя революционеры,
арестовали Регента Браванды в его
собственном дворце. Правящая элита и
дворяне-землевладельцы сформировали
собственное правительство. Народные
массы Браванды страдали, но ничего не
могли сделать.

-- Мне известно о революции на
Браванде. Продолжайте.

Кхтер, приложив лазган к плечу,
прицелился в воображаемого врага.

-- Вы должны понять. Мы, Имперская
Гвардия, представляем народ. И Регент
был Регентом народа. В первый же день
революции небольшая группа имперских
гвардейцев, оставшихся верными присяге,
без всяких приказов атаковала

Провинциальный Дворец.

Опустив оружие, Кхтер повернул зарядное устройство и одним движением снял ствол.

— Этот самый лазган принадлежал сержанту Нэталу Кэрри из 7/7-го Столетнего полка. Сорок пять минут он в одиночку защищал от мятежников ворота дворца. Он был одним из пяти братьев, и все они служили в Гвардии. Их отец, рабочий мануфактурма, часто работал сверхурочно, чтобы прокормить своих детей, пока они росли. Сержант Кэрри в том бою убил более сорока мятежников. Знаете, что с ним сделали революционеры, когда захватили его? Многие мятежники были осужденными преступниками, которых магнаты освободили из мест заключения. Когда они, наконец, схватили его, они изувечили, изрубили его на куски, и засняли это на пикт-снимки. Его посмертная медаль за доблесть была возложена на пустую могилу.

— Впечатляющая история, — согласился Гүрион. — Но какое отношение

она имеет к нашему делу?

— Это должно быть очевидно. Война ведется оружием, а за каждым оружием — человек. Медина не представляет стратегической важности, и я не собираюсь бесполезно тратить жизни наших солдат здесь, когда мы должны защищать Звезды Бастиона вместе с Люпинскими стрелками, Внутренней Гвардией Бастиона, монтейскими и арнагскими полками.

Гүрион глубоко вздохнул. Таков был лорд-маршал Кхтер. Несмотря на все свое высокомерие, склонность к политическим интригам, любовь к роскоши, он был великолепным командующим. Он и не получил бы своего звания, если бы был чем-то меньше. Гүриону неприятно было думать, что, возможно, он должен будет использовать свои инквизиторские полномочия и отстранить лорда-маршала от командования. Войска, защищающие Коридор Медины, будут деморализованы, лишившись своего командующего.

— Лорд-маршал, дайте на секунду забыть о Старых Королях. Если вы

оставите Коридор Медины, то обречете миллиарды имперских подданных на смерть от рук хаоситов.

-- Вы, возможно, думаете, что я чудовище. Но я делаю то, что должен, чтобы остановить Великого Врага. А для этого придется быть чудовищем. Я морг-маршал! Я командую убийцами. Мы делаем то, что обучены делать! -- гремел Кхмер. Его спокойствие улетучилось, лицо покраснело, на нем выступили вены. Легендарная гневливость Кхмера набирала силу.

-- Я понимаю. Но у меня есть свои соображения, и я не пришел бы сюда, если бы не считал их важными. Мой Конклав упорно работает над теми же задачами, что и вы. Силы Хаоса действуют не без причины, так почему они хотят захватить Медину? Почему?

-- Я не знаю. Мне не нужно это знать. Мы решили дать бой врагу в пространстве Звезд Бастиона. Не здесь! -- прорычал Кхмер, отшвырнув лязган сержанта Кэрри. Оружие пролетело через весь зал и врезалось в стойку, обрушив на пол лес

пушкетов.

Гурион сохранял невозмутимость.

— Можете бұшевать сколько угодно, Кхмер. Но я представляю Инквизицию здесь. Не заставляйте отбирать у вас командование и ваших кантканцев. Вы отличный генерал, и лишиться вас было бы тяжелой потерей.

Оскалив зубы, с совершенно зверским лицом, Кхмер приблизился к Гуриону. Лорд-инквизитор стоял с каменным лицом, положив аугметическую руку на пистолет «Люгос». Гурион знал, что не стоит терять бдительность: Кхмер был слишком непредсказуем. Рассвирепевший лорд-маршал в арсенале, полном оружия — опасное сочетание.

— Это не важно, — сплюнул Кхмер. — С вашими оперативными группами на Аридуне покончено.

Из всего сказанного Кхмером, лишь это заставило Гуриона согрознуться. Никто кроме членов Конклава не знал, что на Аридуне действуют оперативные группы Инквизиции. Гурион не хранил никаких записей по этим операциям, и ни с

кем их не обсуждал. И все же инквизитор
ничего на это не сказал. Турцион слишком
долго играл в эту игру, чтобы выдавать
свои чувства. На службе Инквизиции он
потерял 60 % своего тела. Человек,
столько испытавший, становится острым,
как хорошо заточенное лезвие. Он научился
сохранять бесстрастное лицо, держать
рот закрытым, а глаза и уши --
открытыми. Он наблюдал за лордом-
маршалом, потому что это он умел лучше
всего.

Кхмер дернулся, словно поняв, что
сказал слишком много, его поведение
пугающим образом изменилось. Опустив
плечи, лорд-маршал отвернулся от
Турциона, словно они и не говорили. Зарядив
новый аккумулятор в лазган Кхмер почти
рассеянно побрел к стрелковому стенду.

-- Прежде чем я уйду, -- сказал Кхмер
через плечо, -- я хотел бы наполнить вам,
что я -- та сила, на которой держится вся
кампания. Уберете меня -- и Медина
обрушится вам на голову, инквизитор.

НОЧЬ всегда была временем тишины

и спокойствия в храме. Но сегодня в его
пустых коридорах появился неожиданный
нарушитель.

Призрачная, облаченная во тьму, ее
длинные конечности двигались так
быстро, так странно, что, казалось, она не
идет, а перепархивает с места на место
между колоннами, нишами и ступеньками.

Священники в это время ужинали.
Пациенты уже вернулись в свои палаты.
Свет луны сиял в извилистых коридорах.
В центральном молитвенном зале
единственный луч лунного света проникал
с потолка атриума, словно полупрозрачная
колонна, залитая плавающими
пылинками.

Все было так тихо и неподвижно,
что призрачное движение во храме
казалось чем-то совершенно чуждым. Она
прошла через атриум, упав с потолка,
словно капля воды. Она двигалась от тени
к тени, скрываясь в чернильной тьме.

Когда она скользила мимо освещенных
мест, были видны очертания ее силуэта.
Гибкие тусклые конечности,
защищенные наручати и поножами из

твердой кожи. Блеск обнаженных клинков.

Она взбиралась по стенам с удивительной легкостью, ее конечности мелькали, как у паука. Перебравшись через три этажа лестничной площадки, она попала в помещение, оказавшееся храмовой кухней.

Здесь было светлее. Обширное пространство кухни занимали гладкие каменные полки и глиняные печи. Котлы, медные горшки и глиняные кувшины стояли ровными рядами, как солдаты в строю.

Три священника в чистых белых одеяниях госпитальеров мыли глиняные тарелки в корыте с водой. Они были увлечены разговором и не заметили тень, мелькнувшую позади.

Она достала три метательные иглы и небрежно метнула их с расстояния пятнадцать метров. Иглы входили точно по основанию черепа жертвы, между вторым и третьим шейными позвонками. Двое священников рухнули, их нервные системы перестали функционировать, ноги подогнулись. Третий успел

повернуться, и изла вонзилась ему в
грудину.

Последним, что он увидел перед
смертью, было лицо его убийцы —
стилизованная ухмыляющаяся маска шута,
с глиняными оскаленными зубами и
глазами, прищуренными в вечном смехе.

Ассасин скользнула в сторону от
места убийства и сбежала вниз по узкой
извилистой лестнице. Она оказалась в
северной палате. Это был глиняный зал, где
психически больные пациенты проводили
дневные часы, рассеянно бродя и иногда
разговаривая.

Сейчас здесь было почти пусто, узкие
окна впускали в зал глиняные полосы
лунного света. В дальнем конце зала в
кресле-качалке сидел пациент, никогда с
него не встававший. Ветеран Гвардии,
теперь он проводил дневные часы,
бесмысленно уставившись в стену,
вцепившись ногтями в подлокотники
кресла.

Ассасин быстро убила его узким
кинжалом и направилась дальше.

Северная палата сообщалась с

и изолятором. Ряд обитых медью дверей в глиняных стенах вел в спальни психически больных. Окна в коридоре были закрыты.

Достав зубчатую пилу, ассасин последовательно обошла все спальни. Она работала быстро, не пропуская ни одного пациента. Дважды ей встречались священники из ночной смены, и дважды она душила их гарротой, втаскивала трупы в спальни и запирала двери.

Ассасин вышла из последней двери в конце коридора. Ее пила была покрыта глиняными полосами крови. Черно-белая маска шута забрызгана ярко-красными каплями.

Отстегнув подсумок от пояса, ассасин взглянула на хронометр. Она успевала точно вовремя. Спрятав пилу в ножны, она направилась в западную палату. К рассвету в Храме Зуба не останется никого живого.

РОСС был разбужен криком.

Даже сквозь мглу сна, крик был страшным. Пронзительный, исполненный страдания и почти жалобный. Росс слышал в нем голос смерти.

Вскочив с постели, путаясь в льняном белье, Росс схватился за плазменный пистолет. Пока он спал, свечи в его комнате растаяли и погасли, и наступила крошечная тьма. Его рука нащупала холодный, тяжелый металл рукояти пистолета, и бешено колотящееся сердце немного успокоилось. Тугение газа в фузионной канистре после того, как он снял «Солнечную Ярость» с предохранителя, подействовало на него

успокаивающе, как факел в темной ночи.

Раздался еще один вопль, на этот раз ближе, долгий протяжный плачущий вой, внезапно прерванный отрывистым придушенным хрипом.

Росс на секунду подумал, не нагнать ли госпехи, части которых были разложены на полу спальни. И только укрепившись в этой мысли, он понял всю ее глупость. Вместо этого он накинул синий шелковый халат, лежавший в ногах на его постели. Уже подойдя к двери, он вдруг вернулся и надел табарг из психореактивного обсидиана. Просто на всякий случай.

Он выскочил из комнаты, изготовив к бою пистолет, но остановился и замер на пороге. Росс не был уверен, что увиденное им реально. Виг того, что открылось перед ним, передался по зрительным нервам в мозг, но часть мозга отказывалась принять его. Это было слишком нелепо.

Дверь выходила в атриум, открытый внутренний двор, вымощенный плиткой. Старок, колонн и титпанов свисали трупы. В

центре атриума мягко журчал фонтан, вода в нем была темно-красной от крови. Вокруг фонтана сидели четыре мертвых священника. У одного не было рук, второй сидел с открытым окровавленным ртом без языка, у третьего были отрезаны уши, а последний смотрел, казалось, прямо на Росса пустыми кровавыми глазницами.

Росс понял символизм этого зрелища. Это была заключительная сцена из трагедии Метюзелы «Четыре ага Короля-Еретика». Четвертый акт пьесы традиционно повествовал о высокомерии короля Мессанины и его наказании в 1098 кругах ага. Это было, если можно так выразиться за отсутствием лучшей интерпретации, предупреждение грешникам и нечестивцам. На своем родном мире Санкти Петри у Росса были контрамарки во все местные театры, и эта пьеса была его любимой. Но никакое другое исполнение не могло сравниться с ужасом этого.

-- Еретик... -- прошептал шелковый призрачный голос из тьмы почти в его ухо.

Кто-то другой замешкался бы,

возможно, даже повернулся бы, чтобы найти источник голоса. Но не Росс.

Пригнувшись, он нырнул вперед, и что-то бритвенно-острое и невероятно быстрое рассекло воздух над его головой. Перекатившись, Росс развернулся и поднял плазменный пистолет.

Противник ударом ноги выбил у него оружие. «Слишком легко», упрекнул себя Росс.

— Не сопротивляйся, еретик, и умрешь быстро.

Росс снова перекатился, чтобы не позволить врагу подойти слишком близко. Ассасин вошла за ним в атриум. Только здесь, под светом луны, Росс разглядел убийцу.

Она была одета в черно-серый обтягивающий костюм, полимерная ткань переливалась, как радужная нефтяная пленка. Росс насчитал как минимум десяток различных клинков, крюков и стурикенов, прикрепленных к разным ремням и петлям на ее костюме, хотя точно он не был уверен — его голова гудела от адреналина.

Ассасин подошла к нему, присев, как кошка, готовая к прыжку. Ее лицо было загадочной маской улыбающегося шута. Росс узнал ассасина кукла смерти. Она не обладала техномагией агентов Оффицио Ассасинорум, но то, чего ей не хватало, она восполняла свирепостью. Для ассасина кукла смерти это был не просто вопрос уничтожения цели; она была менее расчетлива, менее запрограммирована, чем ассасины Кулексус или Каллигус. Вместо этого она использовала свой простой арсенал клинков с таким творческим блеском, что возвышала простое убийство до уровня искусства, превращая его в театральное действие.

Перекатившись по кафельным плиткам, Росс вскочил на ноги, приняв фронтальную стойку изготовки к бою. Он не мешал себя иллюзиями: без оружия его можно считать мертвецом.

Ассасин метнула в него что-то.

Неосторожная игла пронзила его предплечье, воткнувшись глубоко в мышцы. Боль вспыхнула, огненными искрами

обжигая локоть.

-- Яг? -- задумчиво спросил Росс, пытаясь удержаться в боевой стойке.

-- Я предлагала тебе быструю смерть. Ты не захотел. Так что теперь мы сделаем это медленно и мучительно, -- ответила она.

Нарочито медленно ассасин достала из ножен на спине бритвенно острое лезвие. Это был не инструмент убийства, это было оружие для ближнего боя. Длинный тонкий клинок был ровно метр в длину и шириной в палец. В ночной тьме он чем-то напоминал расколотый меч с двуручной рукояткой, покрытой резиной.

Когда ассасин взмахнула клинком, он издал резкий жужжащий звук. Он был таким острым, что раскалывал воздух.

-- По крайней мере, сделай мне одолжение перед смертью, скажи, кто тебя послал? -- спросил Росс, пытаясь выиграть время.

-- Император, -- прошипела она. Одним молниеносным движением она направила клинок в разрыв между мозаичными обсидиановыми пластинами

его табарга. Удар был таким быстрым, таким точным, ни йоты зря потраченных усилий. Один удар — один труп.

Росс бросился вперед, к противнику — сработали инстинкты бойца. Если бы он попытался уйти от удара назад, клинок рассек бы его туловище точно над бедром. Поэтому он вошел внутрь ее удара. Клинок врезался в черный обсидиан, брызнули сверкающие осколки. Табарг не был предназначен для защиты от физических ударов, но его оказалось достаточно, чтобы отразить тонкое лезвие.

Росс знал, что второго шанса не будет. Используя свое секундное преимущество, он схватил руку, державшую клинок. Это было все, что он мог сделать, чтобы задержать ее. Словно играя в расчетливую игру, ассасин разорвала его хват и, сделав пируэт, приземлилась на расстоянии четырех или пяти шагов.

Воздух взорвался треском и грохотом выстрелов, вспышки пламени рассекали ночную тьму. И Росс и ассасин упали на землю, когда трассеры осветили ночь над

атриутом.

Лежа на животе, Росс оглянулся на вспыхивающие выстрелов. Он увидел Маглен де Медичи стоящую под аркой в шифоновой ночной рубашке, стреляя из автоматического пистолета. Хотя она очень старалась, но стреляла не слишком метко, от отдачи пистолет едва не вырывался из ее рук.

Судя по ее отчаянной стрельбе, через несколько секунд она расстреляет весь магазин. Росс должен был действовать быстро. Он подполз и схватил «Солнечную Ярость», лежащую рядом с фонтаном.

Он поднял плазменный пистолет как раз в тот момент, когда оружие Маглен издало пустой щелчок. Ассасин, вскочив на ноги, бросилась к Маглен. Ее клинок был поднят, как жало скорпиона, готовое нанести удар.

-- Я -- инквизитор! -- взревел Росс, подкрепляя слова психосилой.

Под маской шута не было видно, какую реакцию вызвали эти слова у ассасина. Но, судя по тому, что она слегка вздрогнула, едва заметно сбилась с шага,

Это была новость для нее. Ассасин
остановилась, ее лицо в маске повернулось
к Россу.

Это была ее ошибка. Росс выстрелил
четыре раза, четырежды нажал спуск --
тан тан тан тан. Пистолет изверг струю
раскаленной плазмы. Ассасин испарилась,
атомы, составлявшие ее тело,
рассеивались клубами пара. Все, что
осталось -- лужицы расплавленного
металла от ее клинков, быстро
застывавшие на плитках атриума. Стена
из освященной глины позади нее почернела
и покрылась паутиной трещин.

Маглен уронила оружие, на ее лице
застыло выражение шока и ужаса. Дверь
распахнулась, и в атриум из своей
комнаты выбежал Вангус Барк,
завернувшийся в простыню.

-- Где, во имя Трона, ты был? --
зарычал Росс, адреналин все еще наполнял
его вены.

-- Император милосердный... --
выдохнул Барк, его глаза расширились при
виде учиненной здесь резни.

Остальные бойцы оперативной группы

ворвались в атриум, явно разбуженные шумом боя. Селемина и Прагал, подойдя к Россу, остановились, не произнося ни слова. Они не могли ничего сказать, не в силах оторвать взгляд от аккуратно развешанных и разложенных трупов. Плечи Селемины начали дрожать, Прагал вцепился в свой лязган, прижимая его к груди.

-- Где вы были?! -- крикнул Росс.

Барк покачал головой.

-- Прости, Росс. Кажется, я проспал, -- виновато признался он.

-- Посмотри вокруг, -- прорычал Росс, указывая на мертвецов, на пробоины от пуль в стенах, на кровь, заливавшую кафельные плитки. -- Ты проспал это?

-- Да. Проспал. Что случилось?

Росс покачал головой. Он больше не знал, кому верить. Кто-то, близкий к нему, приговорил его к смерти, приговорил его команду к уничтожению. Кто-то обладающий большой властью. Ему сейчас хотелось бы, чтобы его старый учитель инквизитор Лист был здесь, и успокоил бы его страхи, подсказал бы ему, что делать.

Шли Гүрион. В первый раз за всю карьеру Росс подумал, что он, возможно, слишком неопытен для задачи такой важности. И в первый раз он осознал, что были в Империи те, кто не боялся Инквизиции.

--- Вангүс, с рассветом я отправляюсь на Холпеш. Тебе туда лететь не стоит.

--- Ободайся, пожалуйста, скажи, что происходит?

--- Не могу. Но думаю, было бы лучше, если бы ты не сопровождал меня на Холпеш. Я опасаясь предательства.

Барк рассеянно моргнул.

--- Ты мне не доверяешь?

Росс, выровняв дыхание, посмотрел сначала на Селетину, потом на Прагала, и, наконец, остановил взгляд на Барке.

--- Среди нас предатель. Я не думаю, что это ты, Вангүс. Но если это окажется ты, мне не хотелось бы тебя убивать. Прости, дружище.

ГРУЗОВИК резко затормозил. Хотя Сильверстайн был зажат в тесноте кузова, он почувствовал резкую остановку и услышал протестующий визг тормозов. Он не знал, сколько времени они были в пути. Может быть, два часа, а может быть, восемь. Сказать точно было невозможно.

— Нет, Сильверстайн, даже не пытайся, — утешающе произнес Асинг-ну во тьме. Сильверстайн не видел его, но узнал голос бывшего крестьянина, с характерным кантиканским акцентом, растягивавшим гласные.

— Может быть, если подождет немного, нам представится лучший шанс для побега, — с трудом проговорил

Селмуган. Его голос звучал неуверенно. Сильверстайн заметил, что партизану -- бывшему часовщику и хорошему стрелку -- не хватает хладнокровия. В случае побега он может стать помехой.

-- Сильверстайн, решай что делать, я с тобой, -- сказал Апартан, бывший солдат. Он служил сержантом во 2-й дивизии Кантиканской Колониальной Гвардии. Несмотря на кантиканский акцент, его речь была по-военному четкой. Мерсех, охотник и траппер с окраин Кантики, согласно кивнул. За время, проведенное в плену, Сильверстайн успел понять, что оба они -- надежные люди, и он был рад, что сейчас они поддерживают его.

-- Делайте что хотите. Я не собираюсь встречаться с их военачальником. Не думаю, что нас там ожидает что-то хорошее. А вы? -- спросил Сильверстайн, обращаясь к другим пленным.

Аздиш, самый старший из пленных, портовый рабочий с сильными руками, принял решение за них всех.

-- Делай что решил, Сильверстайн.

Или так, или мы все умрем.

Люк в кузове распахнулся. В их темную тюрьму хлынул беспощадно яркий солнечный свет. Сильверстайн перенастроил аугменты, чтобы защитить глаза, и в сотый раз прокрутил в голове план, представляя его в мельчайших деталях.

В грузовик заглянул Броненосец.

-- Арам галал! Арам!

В ответ Сильверстайн впечатал снаряд в злотку Броненосца. Он прицелился в уязвимое место между пластиной, защищающей горло и маской на лице. Броненосец издал булькающий звук и, пошатнувшись, упал, схватившись за раздавленную трахею.

Ни секунды не медля, Сильверстайн выскочил из грузовика. Это его единственный шанс. Другие пленные последовали за ним. Охотник неловко приземлился на плечо, его руки все еще были связаны. Он оглянулся, оценивая ситуацию.

Они были в густом лесу. Вокруг возвышались колоссальные деревья с

толстыми стволами, похожие на перевернутые горы. Среди их огромных корней разрастались густые заросли папоротников и гинкго. Сильверстайн был охотником, и лес был его стихией, но этого места он не знал.

Конвой остановился в лесу для дозаправки. Броненосцы, тащившие к машинам помятые канистры с горючим, обернулись к Сильверстайну. Они видели его. Он видел их. В спешке хватаясь за оружие, некоторые Броненосцы уронили свои канистры. Раздался злобный, шипящий треск выстрелов. Лазерный разряд уложил Аздиша, понав в кантуканца, когда он бежал к деревьям. Другой выстрел попал в живот Нерсеху, траппер упал, сложившись пополам. Теперь их осталось трое.

Сильверстайн бросился к упавшему Броненосцу, все еще корчившемуся на земле, из-под железной маски текла кровь и пена. Охотник схватил лазерный пистолет из кобуры на бедре Броненосца и прицелился, насколько позволяли его связанные запястья. Лазерный разряд с

шипением пролетел рядом с ухом Сильверстайна, так близко, что охотник ощутил его жар. Он целился в опрокинутую канистру, из которой на землю лилось горючее. Один точный выстрел — все, что ему было нужно.

Лазерный луч попал в канистру и загорючил. Эффект был мгновенный. Пары горючего вспыхнули облаками пылающего газа. Раздался резкий хлопок сжатого воздуха, расширявшегося под действием обжигающего жара. Началась цепная реакция.

Дым, черный и густой, клубился и душил выти тучами. Ветер раздувал оранжевые вихри пламени. Люди ошеломленно метались вокруг, ослепшие и задыхающиеся от дыма. Это было именно то, что нужно Сильверстайну. Со щелчком его угметические глаза открылись и, настроив зрение для работы в условиях плохой видимости, он увидел все происходящее вокруг в оттенках зеленого.

Он прицелился в мотоциклиста, сидевшего на своем мотоцикле и вслепую тахавшего руками. Одним метким

выстрелом из лазерного пистолета Сильверстайн уложил его. С помощью своей биоптики охотник отыскивал в дыму мотоциклистов и убивал их одного за другим выстрелами в голову. За шесть секунд он убил шестерых.

Повернувшись к своим товарищам-пленным, Сильверстайн подтолкнул их к упавшим мотоциклистам.

-- Хватайте мотоциклы и горючего сколько можете!

Партизаны, почти ослепнув в пылающем аду, неуверенно двинулись сквозь жар и дым.

-- Пошли! Быстрее! -- торопил Сильверстайн, толкая их вперед. Лазерный выстрел с шипением прошел над его плечом, опасно близко.

Охотник сбросил труп Броненосца с его мотоцикла. Это был четырехколесный мотоцикл с глубоко протектированными широкими шинами. Сильверстайн сел на сиденье и завел мотор, его руки все еще были связаны. Мотоцикл взревел.

-- Следуйте за мной, -- приказал Сильверстайн. Рванувшись с места,

мотоцикл потчался в чащу леса, объезжая огромные деревья. Оглянувшись, охотник увидел, как мотоциклы партизан вырываются из облаков маслянистого дыма под градом пуль и лазерных выстрелов.

РЕШЕТКА обогревателя в каюте Гүриона слегка вибрировала, излучая едва ощутимое тепло. На заднем плане незримо играла симфония «Аллегро Летнего Сага» Кавалери для деревянных духовых инструментов. Старый инквизитор дремал за рабочим столом, используя вместо подушки горы документов, тактических выводов и распечаток сообщений. Последние недели были воистину адскими. Кампания балансировала на краю пропасти. Разведка докладывала о вторжении противника на отдаленный Синоп. Ночи Гүриона были заполнены бесконечными военными советами и напряженными брифингами — Верховное командование судорожно пыталось остановить волну поражений. Гүриону редко удавалось найти время для

сна. В возрасте двyxсот лет он уже не был таким молодым и сильным, каким привык быть.

И во время этого сна к нему явился Росс. Точнее, перед его мысленным взором появился астронавт в облике Росса -- лишь инструмент теленатической связи. Астральная проекция, преодолев физическое расстояние в 300 000 километров, отобразилась прямо в его мозгу.

-- Лорд Гуррион, -- произнес призрачный образ, звук его голоса подхватил психическое эхо.

Подсознание Гурриона мгновенно проснулось, хотя физическое тело погрузилось в еще более глубокий сон.

-- Росс. Сколько времени сейчас?

-- Уже поздно. Я слышу музыку Каваллери?

-- О, да. Конечно. Музыка -- единственное, что помогает мне не сойти с ума, -- застелся Гуррион.

-- А я, наверное, уже сошел с ума. Дела плохи. Как ты бы сказал, совсем тухло.

-- Что именно?

-- С чего бы начать? -- Росс печально вздохнул. -- Среди нас предатель. В последнее время меня слишком часто пытаются убить.

-- Почему ты решил, что это предательство? В конце концов, ты находишься в зоне военных действий, на планете, которую вот-вот захватит противник.

-- Потому что убийцы были имперскими агентами. Ассасин культура смерти, местные наемники, до сих пор сражавшиеся на нашей стороне.

-- Понятно, -- задумчиво сказал Гүрион. Когда он был задумчив, он катал слова на языке, словно оценивая букет вина.

-- Могу предположить, что расположение и деятельность моей оперативной группы являются секретными сведениями Конклава?

-- Да, конечно. Только я знаю о деятельности оперативных групп Конклава...

-- А это значит, что предатель кто-то из моих подчиненных, он передает на сторону добытые нами сведения и

опережает нас на два шага, -- закончил

Росс.

-- Сейчас ты в безопасности?

Астро-призрак Росса пожал
прозрачными плечами.

-- Завтра я направляюсь на Холпеш.
Но я не полечу вместе с группой
инквизитора Барка. Я не могу
допустить...

-- Я понимаю. Ты в трудном
положении. Полет из одной зоны военных
действий в другую с предателем в своих
рядах требует особой осторожности, --
задумчиво сказал Гүрион.

-- Я подозреваю Варүдү, -- прямо
признался Росс.

-- Не ты один. Он разве что открыто
не признается, что ведет грязную игру. Но
я не могу действовать без доказательств.
Не в такое время. Кампания висит на
волоске, и казнить командующего ею
генерала -- слишком серьезный риск, на
который я не могу пойти без веских
доказательств.

-- Конечно. Сделайте для меня одну
вещь, лорд Гүрион.

-- Все что угодно.

-- Следите за Варудой и найдете предателя.

Гүрион задумчиво кивнул.

-- Я не спущу с него глаз.

ХОЛНЕС в своей географии и архитектуре имел много общего с Кантикой и другими мирами Медины. Цивилизация сосредоточилась на цепи архипелагов - вершин океанских горных хребтов, рассеянных посреди бушующего моря. Тройные солнца Медины вечно кружились в бело-бесцветном небе. Вследствие этого богатая протеином вода, покрывавшая большую часть поверхности планеты, испарялась в больших количествах с сопутствующим образованием штормов. На Холнесе не было стены дня и ночи, лишь обжигающее сияние солнц и черные грозовые тучи бурь.

Вследствие этих географических

особенностей, Великий Враг вел войну на Холпеше иным способом. Так как здесь было недостаточно площади суши для высадки больших масс войск, Броненосцы начали вторжение воздушными бомбардировками. Эскадрильи вражеских перехватчиков и бомбардировщиков ревели турбинами двигателей, скользя в небе, как стаи летучих мышей. Эскортные крейсера Великого Врага, проскользнувшие мимо патрулей Имперского флота, маячили в небе, как призрачные летающие континенты.

Бомбардировка опустошила Холпеш, сея смерть и разрушение от цитруссовых рощ и песчаных пляжей прибрежных равнин, до ступенчатых пирамид и минаретов городов-государств Холпеша.

Стратегия противника состояла в том, чтобы вывести из строя пути сообщения, нарушить управление и связь, и нанести урон. Эти цели были достигнуты за три дня непрерывных налетов. Дороги были разрушены, сельские районы изолированы, города горели, и четыре миллиона граждан остались без крова.

Потери достигали ста двадцати тысяч убитыми.

В некотором отношении бомбардировка укрепила боевой дух народа Холлеша. В Мантилле, главном городе Холлеша, улицы заполнились толпами горожан, готовых предоставить прогвольствие и сдать кровь для пострадавших. Столпотворение было столь велико, что губернатору пришлось приказать гражданам разойтись по домам, чтобы не мешать организованной помощи.

Не желая сидеть сложа руки, отдельные пехотные роты Кантуканской Гвардии прошли маршем семьдесят километров за один день, чтобы оказать помощь жителям разрушенных сельских районов Астура и Валадурь. Правительство Холлеша пребывало в состоянии и замешательстве, и старшие офицеры Кантуканской Гвардии самостоятельно предприняли усилия для оказания помощи пострадавшим.

Спустя двадцать четыре часа колонна из шестидесяти тысяч

кантиканских гвардейцев с шанцевым инструментом в рюкзаках, по развешивающимся знаменами гарнизона Холпеша, отправилась в долгий путь в отдаленные провинции.

Военные грузовики с предметами снабжения пытались пересечь разрушенные дамбы и ирригационные системы, храбро пренебрегая собственной безопасностью. Многим удалось добраться до беженцев, покинутых среди руин своих деревень, и доставить столь необходимые медикаменты и продовольствие. Но десятки грузовиков и их водителей утонули или были потеряны из-за оползней.

Далеко от больших городов, в провинциях, изолированные поселения стали маленькими островками страданий. Муж привязал к своей спине тело погибшей жены и отвез ее на велосипеде за тридцать пять километров к кладбищенским пещерам.

В самих городах многие жители ошеломленно бродили среди развалин и дыма. В Оруссе Мидор молодые мать и

отец, плача от горя, утешали поточь
найти их сына, погребенного пог
обломками многоквартирного дома.
Родители работали на мануфактурме,
когда это произошло. Хотя потери
исчислялись сотнями тысяч, собравшаяся
толпа застыла в безмолвии, когда подняли
рокритовые плиты. Люди копали много
часов, прохожие присоединялись к ним с
лопатами, ведрами и даже голыми
руками.

Когда были расчищены обломки
внутри, там нашли три тела. Ребенок,
два месяца не доживший до шести лет. Его
держал на руках дедушка. Бабушка
обнимала мужа. Даже посреди царившего
вокруг разрушения люди открыто плакали.

МАНЦУЛА, столица Холпеша,
всегда была городом аристократов,
олигархов и высших слоев общества
планеты. Поэтому она была единственным
городом Холпеша, защищенным
полусферой пустотного щита. Щит,
похожий на сверкающий пузырь
маслянистой воды, принял на себя главный

удар вражеской бомбардировки. Именно поэтому Мантилла стала основной целью наземного наступления Броненосцев. Обеспечив себе плацдарм после жестокой воздушной бомбардировки, Великий Враг бросил на осаду города все силы, задействованные в завоевании Холпеша — пятьдесят дека-легионов Броненосцев, пятьсот тысяч воинов, при поддержке моторизованных и механизированных батальонов, как и требовала доктрина Броненосцев.

К четвертому месяцу осады сражение за Мантиллу перешло в позиционную войну на истощение. Система имперских траншей достигала трехсот метров в глубину, за ними возвышались украшенные мозаикой стены Мантиллы и пилоны пустотного щита. Целые секции траншей, укрепленных мешками с песком, находились на дистанции броска гранаты от позиций Великого Врага. Это были ожесточенные ближние бои, и никогда не прекращавшиеся перестрелки.

В таком месте высадилась оперативная группа Росса.

Стратосферный челнок, выполняя маневры
уклонения, с трудом совершил посадку в
пределах оборонительного периметра,
сопровожаемый огнем зенитной
артиллерии противника. Уного приема
никто и не ожидал.

Оказавшись на земле, оперативная
группа узнала о предстоящих ей задачах и
приступила к их выполнению с
непреклонной эффективностью.

Связавшись через капитана Прагала
со старшими кантиканскими офицерами,
инквизитор Росс произвел тщательную
оценку осады. Обойдя многие километры
тянувшихся зигзагами укреплений, он
проинспектировал траншеи, по лодыжку
полные жидкой болотистой грязью.
Кантиканские гвардейцы на Холпеше
показались ему самыми запущенными и
несчастливыми солдатами, которых он
когда-либо видел. Их форма была рваной и
изношенной, многие были ранены и неумело
перевязаны. Казалось, даже в глаза этих
людей просочилось разрушение и распад.

Маглен де Медичи в сопровождении
инквизитора Селетина направилась в сам

город Мантилла. Они должны были установить связь с одним из контактов Маглен, посредником подпольной сети частных коллекционеров, куда входили очень важные люди.

Атмосфера в столице была такой, что они и вообразить себе такого не могли. Два миллиона беженцев заполняли улицы, кутаясь в одеяла и прижимая к себе узлы с последним своим имуществом. Они сбивались в толпы, спали прямо на мостовой, забиваясь во все ниши и щели, маленькими кучками собирались в узких переулках.

Под защитой пустотного щита, аристократы и богатые буржуа выставляли напоказ свое богатство и положение, устраивая пораженческие оргии. Они пировали, когда их родной мир горел. В своих театрах, концертных залах и павильонах они поглощали бесконечное количество спиртного, крича «Они идут!»

Не было нормирования продуктов. Элита не желала себя ограничивать, и никак не осознавала свою ответственность. Мантилла стирилась

со своей судьбой. Они лишь прожигали жизнь, тратя время, что у них еще оставалось.

АВТОМОБИЛЕМ -- седаном с обтекаемым носом и открытым кузовом -- управлял молодой лейтенант из транспортного корпуса. Кантуканские офицеры, в своей специфической джентльменской манере, настояли, чтобы Маглен и Селетина путешествовали по Мантилле на штабном лимузине.

Мантилла была старым и могущественным городом-государством. Ряды высоких домов, окрашенных в мягкие пастельные цвета -- розовые, нефритово-зеленые и серовато-голубые -- выстраивались вдоль дорог, выточенных каменными плитами. Город рос ступенчатыми этажами, и это напомнило Маглен древний доимперский текст, повествующий о Вавилонской Башне. Пурпурные минареты и легкие позолоченные купола возвышались над горизонтом. Мантилла обладала тем высокотерным костополитическим

очарованием, с которым не мог сравниться
никакой другой город Холмеша.

Как только они въехали в жилые
районы, их штабной автомобиль оказался
окружен скоплением беженцев.
Отчаявшиеся голодные люди стучались в
тонированные стекла, протягивали руки,
утоляли. Лейтенант нажал звуковой
сигнал, осторожно ведя машину вперед. За
звуконепроницаемыми стеклами и
бронированными дверями Маглен
чувствовала себя странно далекой от их
горя. Их голоса были едва слышны. Воздух в
салоне был холодным и
кондиционированным. Из-за всего этого
внешний мир казался сюрреалистическим.
Невыносимо.

Маглен и Селемина вышли из
машины, несмотря на протесты водителя.
Две леги, одетые в скромные наряды
тегинских женщин, пошли по городу
пешком.

Они пересекли муниципальный парк
района. Аккуратные газоны и
геометрически правильные дорожки стали
лагерем беженцев. Парк был уставлен

плотными рядами импровизированных палаток, сделанных из продуктовых мешков. Люди использовали парковые фонтаны как источники питьевой воды, и из-за этого быстро распространялись инфекционные заболевания. Всюду здесь были видны пожелтевшие лица больных холерой и дизентерией.

Маглен видела, как маленькие истощенные дети провожают ее взглядом темных печальных глаз, когда она проходила мимо. Дети лежали на руках родителей, слишком усталые и слишком больные, чтобы двигаться.

-- Это ужасно. Это место такое грязное. И запах... Неужели все войны такие? -- спросила Маглен.

-- Этим еще повезло. Здесь миллионы беженцев, некоторых везут на баржах со всего архипелага, некоторые идут пешком, целыми днями... На каждого беженца, которого вы видите здесь, приходится десяток таких, перед кем закрыли ворота. А еще сотни тысяч людей нигуда не успели бежать, когда Великий Враг начал свое наступление, -- сказала Селетина.

— О, пожалуйте, прекратите! —
взмолилась Маглен, не желая слушать
остальное.

Некоторое время они шли в
молчании.

Перейдя пешеходный мост, они
оказались в торговом районе.
Четырехэтажные здания с ярко
раскрашенными оградками и
пирамидальными крышами были
отгорожены от остального мира. Здесь
жили только привилегированные горожане.
Беженцы толклись у их порогов, копались
в мусорных корзинах в поисках объедков.

Много раз по пути Маглен видела,
как мимо проскальзывают упряжные
колесницы мелких аристократов и буржуа.
Их пассажиры часто были вгрызг пьяны,
иногда они орал ругательства на
беженцев, не успевавших достаточно
быстро убрать с пути их лошадей.
Однажды телохранитель, ехавший на
подножке, даже схватил лязган и начал
стрелять в воздух, чтобы разогнать
людей.

Когда они подошли к верхним уровням

Мантилы, атмосфера начала меняться. В элитных кварталах, где жили богатые торговцы и чиновники, беженцев было гораздо меньше. У ворот особняков и поместий стояли гориллоподобные частные охранники. Женщины с накрашенными лицами, вероятно, знатного происхождения, судя по их высоким прическам и непристойно открытым корсетам, скакали и веселились прямо на улице. Компанию им составляли растрепанные аристократы, их дыхание воняло алкогольным перегаром, они хохотали, как утاليшенные. Все они были усыпаны бисером и увядшими лепестками цветов.

Маглен почувствовала глубокое отвращение.

Толстобрюхий аристократ схватил ее сзади, с хихиканьем уткнувшись потным лицом в ее шею.

-- Пожалуйста, что за манеры?! -- возмущилась Маглен, пытаясь освободиться.

Мерзавец не отставал. С пьяным стехом он обнял Маглен скользкими от

пота рѹками.

Селетина вырѹбила его ударом
ладони под основание черепа. Она
двигалась так быстро, что Маглен едва
успела заметить ее движение. Хрюкнув,
аристократ осел на землю, схватившись
за шею.

Две женщины быстро скрылись,
исчезнув в сладострастной толпе.

ЧАЙНАЯ была построена в виде
роскошного вольера.

Это был широкий навильон, его
ограда и перила из ковanej стали были
окрашены в цвет морской волны. Трехногие
столики и стулья теснились под навесом
вдоль тротуара. В центре чайной, в
огромной клетке, изготовленной в виде
дворца, содержались сотни певчих птиц,
переливавшихся оттенками изумрудного,
сапфирового и малинового цветов.

Здесь элита Мантиллы могла
обсуждать свои ежедневные дела,
касающиеся торговли, политики и
общественной жизни, без досадных помех
вроде войны или беженцев. За этим

следила дюжина частных охранников, вооруженных дробовиками.

Здесь Маглен должна была встретиться со своим посредником. Она сразу же узнала его. Разумеется, он не называл своего имени, посредники работали в условиях строгой секретности, черный рынок контрабандных артефактов был эксклюзивной сетью для элиты, и клиенты относились к этому очень серьезно. Но Маглен пользовалась его услугами достаточно часто, чтобы узнать его в лицо.

Посредник производил впечатление грубоватого и добродушного человека. Однако по этому случаю он надел голубого пышный парик, глиняный, завитой и украшенный лентами. Маленький жилет едва не рвался на его широких плечах, а бычью шею украшал кружевной галстук. Все это вместе с накрашенными бровями и напуганным лицом производило впечатление самого любопытного и в то же время отталкивающего человека, с которым когда-либо была знакома Маглен.

— Клиент всегда прав, — сказала

Маглен, присев за егостолник.

-- О, клиент никогда не ошибается, --
ответил посредник условленной фразой.

-- Это моя подруга, леги Фелис
Селелина. Она -- клиент,
заинтересованный в покупке.

Посредник протянул свою тяжелую
лапу в кружевной перчатке.

-- Раг видеть вас, леги Селелина.
Зовите меня Маленький Кагис.

-- О, конечно, Маленький Кагис, какое
очаровательное имя, -- прошептала
Селелина, старательно изображая
интерес. Маглен видела едва
сдерживаемое отвращение. Но инквизитор
сохраняла самообладание.

Маленький Кагис сразу же заказал по
чашечке травяного настоя, как требовал
этикет, прежде чем обсуждать дела.

-- По вашему требованию я посвятил
немало времени и энергии поиску продавца.
До сих пор вы не назвали никого конкретно,
в связи с чем мне пришлось сделать
некоторые выводы по тону вашего голоса, --
хихикнув, сказал Кагис.

-- Я говорила о Хайэте Голиасе,

коллекционере, который продает артефакт времен Эры Отступничества.

— Судя по вашему уверенному тону, можно сделать вывод, что этот артефакт — довольно важная вещь, если вы так спешите найти его. Если бы это было нечто не столь важное, например, дорогие часы или ювелирные изделия ксеносов, ваш голос был бы менее напряженным.

«Он сумасшедший?», теленатически спросила Селетина.

Маглен медленно кивнула, прикусив губу.

— Но в вашем голосе звучала некая тревога, и, кажется, это была тревога за ваше благополучие. Понимаю и искренне сочувствую. Мы живем в опасном мире и в опасное время. Мне было бы трудно сказать, кто из людей на этой планете подвергается большей опасности, чем мы, возможно, только маленькие дети.

«Это, должно быть, какая-то уловка, чтобы сбить с толку», мысленно сказала Селетина.

— Если это так, у него хорошо получается, — едва слышно прошептала

Маглен. — Когда вы сможете организовать нам встречу с господином Голиасом? — спросила она, написав на бумажной салфетке число, обозначающее приличную сумму для оплаты услуг посредника.

Кагис придвинул салфетку к себе и взглянул на цифру. Кажется, сумма его удовлетворила.

— Ради завершенности нашего дела, я бы сказал — представьте грандиозный праздник в поместье Голиаса, туда соберутся представители высшего общества. Празднование освобождения! Там вы найдете господина Голиаса!

«Десять секунд. У него десять секунд прежде чем я дотянусь и вырублю его», — Селелина подчеркнула мыслефразой обжигающим оттенком агрессии.

Маглен растеялась.

— Простите, я что-то не то сказал? — спросил Кагис, явно встревоженный.

— Нет, вовсе нет. Когда будет это празднование?

— Каждую ночь, разумеется! Они придут. Нельзя терять время, — произнес он театральным голосом.

--- Конечно, --- спокойным голосом
сказала Маглен.

--- Но именно сегодня господин Голиас
хочет вас видеть. Вас обеих. Он очень
желает познакомиться с вами.

Вытащив из нагрудного кармана
листок пергамента, Кагис элегантно
подвинул его к ним по столу.

--- Приглашения в поместье Голиаса.
Желаю вам всяческих успехов в ваших
торговых делах.

После этого Маглен и Селемина
встали из-за стола, сделали реверанс и
покинули безутца.

РОСС вышел на наблюдательную площадку командного пункта. За ним следовала группа штабных офицеров, так близко, что они буквально наступали ему на пятки.

Командный бункер был построен у основания крепостных стен Мантиллы, и окружен кольцом траншей, как паутина, изрезавших землю вокруг. Урогливое сборное строение, укрепленное досками и мешками с песком, оно напоминало узатую урну, наполненную мешками с песком и маскировочными сетями. Но все же его наблюдательный пункт представлял достаточно хороший обзор поля боя.

Местность была холмистой и лишённой растительности. Те немногие растения, которые могли прорасти в этой песчаной почве, были смешаны с землёй огнём артиллерии. Город окружали имперские траншеи, укрепленные проволочными заграждениями общей протяженностью 12 километров, танковыми ловушками и орудийными окопами. Напротив, почти пересекаясь с ними, располагались траншеи войск Великого Врага. С тактической точки зрения, противник был в более выгодном положении, удерживая более высокие холмы. Имперские войска оказались в неудачном положении, так как артиллерия Броненосцев могла обстреливать их позиции с этих холмов почти прямой наводкой.

— Это ужасно, — сказал Росс. — Абсолютно неприемлемо.

— Какое право вы имеете говорить так? — прорычал один из офицеров.

Человеком, который сказал это, был генерал-майор Сухан Кабалес, командующий войсками, защищавшими

Мантиллу. Он враждебно относился к
Россy с того самого момента, как
инквизитор высадился в городе. Кабалес
был высоким джентльменом в возрасте за
семьдесят, впечатляющей внешности, с
широкими плечами, растягивавшими его
кавалерийский мундир.

— Генерал-майор, почему, если не в
результате глупой ошибки, противнику
было позволено овладеть теми высотами?

Кабалес погoшел к Россy на краю
площадки, укрепленной мешками с песком.
Поле боя перед ними гытилось, словно сама
земля впитала жар снарядов,
перенахивавших ее.

— Потому, — начал генерал, — что
эти люди — самые деморализованные и
опустившиеся солдаты, которых я когда-
либо видел. Они абсолютно бесполезны.

— Генерал, войны проигрывают не
солдаты, а офицеры. Я не военный, но даже
я это знаю, — сказал Росс. Инквизитор не
мог сдержаться, он понимал, что ведет
себя слишком высокомерно, но генерала
надо было как-то расшевелить.

— Тогда вы сделайте это, — хищно

ухмыльнулся Кабалес. -- Вы можете
принять командование над той секцией
траншей Магдалы.

Генерал щелкнул пальцами, и к ним
подошел молодой лейтенант, поднеся
генералу табакерку и стопку свернутых
карт. Кабалес взял из стопки одну карту и
развернул ее.

-- Вот предгорья Магдалы. Если вы
думаете, что сможете взять одну из тех
высот, возьмите эту.

Росс нашел высоты на карте, затем
посмотрел на них в телескоп. Это было
явно плохое место. Приблизив масштаб, он
всмотрелся в избитую снарядами полосу
унылой каменистой земли. Сеть траншей
покрывала большую часть низины. Это
само по себе было военной ошибкой.

Хуже того, противник перед их
фронтом удерживал высоты Магдалы.
Они возвышались в полукиллометре дальше,
ряд горбатых холмов, изрезанных
трещинами, расщелинами и
естественными укрытиями в виде камней
и зарослей утесника. На вершинах холмов
противник оборудовал артиллерийские

позиции и обстреливал отлично видимые
ему имперские траншеи в низменности. По
мнению Росса это было наихудшее из
возможных тактических положений.

— Вы примете командование? —
спросил Кабалес достаточно громко,
чтобы это слышали собравшиеся офицеры.

Конечно, это была хитрость со
стороны Кабалеса, чтобы восстановить
лицо и поставить на место молодого
выскочку-инквизитора. Кабалес знал это.
Росс знал это. Более опытный и
осторожный инквизитор, ветеран, не
стремившийся что-то доказать, решил бы,
что это глупый поступок. Росс слышал
голос своего учителя, инквизитора Листа,
упрекающего его. Но он уже принял
решение.

— Я принимаю, — Росс пожал
плечами. — Проводите меня к секции
Магдалы и давайте посмотрим на этих
ребят.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ позиции у
предгорий Магдалы солдаты называли
«западней» не без причины.

Потери здесь доходили до сорока процентов. О частях 9-го и 16-го пехотных полков, 7-го полка легкой кавалерии и 22-го уланского товарищи говорили, что они «вытянули плохую соломинку».

Росс спустился в траншею, и его сапоги немедленно увязли в липкой грязи. Это была мерзкая смесь размокшей земли, дождевой воды, человеческих испражнений и немалого количества крови. Он прошел по траншее в сопровождении Прагала и группы унтер-офицеров.

Здесь было сыро, влажность цеплялась в его ноздри, как зловонная пленка. Температура свыше тридцати градусов не способствовала сохранению трупов, многие из которых были уложены штабелями вместе с мешками с песком и досками, укреплявшими стенки траншеи.

Росс шел осторожно, сопротивляясь желанию зажать рукой нос и рот. Это не произвело бы хорошего впечатления на солдат, которым ему предстояло командовать. Инквизитор шел среди них, кивая им, когда они смотрели на него. Но лишь немногие поднимали взгляд.

Большинство гвардейцев сидели, глядя перед собой тусклым, неподвижным взглядом, остекленевшим от предельной усталости и шока из-за постоянных обстрелов.

В общем, это действительно были самые деморализованные солдаты, которых Росс когда-либо видел. Они сняли свои щегольские коричневые мундиры, оставшись в бриджах и подтяжках. Они сидели на ящиках, трачно шептались и курили. Многие были в противогазах, потому что угроза газовой атаки была постоянной.

Возможно, это была не слишком заметная деталь, но Росса больше всего обеспокоило то, как они держали свои лазганы. Оценить боевой дух и обученность солдат можно по тому, как они держат свое оружие. Хорошо обученные солдаты с соответствующей стрелковой подготовкой держат пальцы на цевье, всегда готовые открыть огонь, или носят оружие на плече. Другие держат его в обеих руках, близко к груди. Вариантов много, но намерения одни и те же — оружие всегда

готово к бою, всегда готово открыть огонь и разить врага.

Солдаты на позициях Магдалы держали свои лазганы как костыли, опираясь на них с усталой отрешенностью. Казалось, они оставили всякие мысли о бое и лишь хотели, чтобы это все скорее кончилось.

Росс присел рядом с борогатым солдатом, строгояущим палочку штык-ножом. Инквизитор не мог определить какого он звания -- пояс со знаками различия был испачкан грязью и кровью так, что ничего нельзя было различить.

-- Солдат, где нам найти полковника Наустуса?

Солдат не ответил. Росс повторил вопрос дважды, прежде чем понял, что гвардеец оглох от постоянных обстрелов.

Капитан Прагал привлек внимание солдата, взявшись рукой за его штык-нож. Солдат поднял глаза, и капитан Прагал обменялся с ним серией полевых сигналов, чтобы выяснить, где полковник.

Солдат заговорил, его голос был неестественно громким.

— Полковник убит. Вчера из миномета... Сейчас командует майор Арвуст. Он у станции связи, если его еще не убили.

Прагал знаком подтвердил, что он понял сказанное, и они с Россом пошли дальше, пытаясь ступать по доскам, положенным над особо тонкими местами жидкой грязи.

Майора Арвуста они нашли в траншее первой линии на импровизированном командном пункте. На ящики из-под боеприпасов была установлена вокс-станция, и сверху растянута пластиковая пленка, чтобы уберечь аппаратуру от дождя. Майор сидел у вокс-станции, неподвижно уставившись на дымящуюся сигарету в руке.

Майор Арвуст всю жизнь провел в Гвардии. Росс видел это по складу его челюсти и по тому как его указательный палец был все время согнут, словно готовясь нажать невидимый спусковой крючок. Он был жестким человеком, его лицо обладало некоей суровой красотой. На

виг ему было за сорок, но Росс знал, что служба в Гвардии быстро старит людей. Скорее всего, Арвусту было не больше тридцати пяти лет.

— Сэр, капитан Прагал, офицер связи штаба Верховного Командования, — представился Прагал, четко отсалютовав.

Майор не отрывал взгляда от вокс-станции. Он махнул рукой в некоем отдаленном подобии салюта, хотя это было больше похоже на жест, которым отгоняют мух, и затянулся сигаретой.

— Генерал-майор Кабалес уже предупредил о вашем прибытии. Вы инквизитор. Что вам здесь надо?

Арвуст говорил даже не глядя на них.

— Ночью командованию на этом участке фронта. Судя по тому, что мы слышали, потери офицерского состава очень велики, — сказал капитан Прагал.

Майор пожал плечами.

— Ну, добро пожаловать.

Росс шагнул вперед.

— Давайте сразу к делу, майор. Этот участок фронта медленно утирает. Я никогда не видел гвардейцев в таком

скверном состоянии. Я не хочу наступать
вам на пятки. Или вы поможете нам
восстановить положение, или -- можете
уйти.

Удивленный прямой Росса, майор
Арвуст страхнул пепел с сигареты,
повернулся и посмотрел на инквизитора
долгим оценивающим взглядом. Росс
понял, что майор отличный офицер,
хороший штурман на погибающем корабле.

-- Я пытался. Штаб приказывает
нам держать оборону и не двигаться с
места. Мои руки связаны, -- устало сказал
майор.

Росс присел рядом с Арвустом и
просмотрел заметки офицера и
тактические карты.

-- А мои руки не связаны. У меня есть
полномочия командовать этим участком
обороны так, как мы сочтем необходимым.
Если, конечно, вы пожелаете оказать мне
содействие.

-- Посмотрим, -- по угрюмому лицу
майора скользнула искренняя улыбка. --
Если вы решили делать то, что решили,
полагаю, у вас есть какой-то план.

--- Давайте посмотрим, что мы тут можем придумать, --- сказал Росс, указывая на карту.

ПОМЕСТЬЕ Голиаса представляло собой четырехэтажную виллу, окрашенную в серовато-розовый цвет. Это была вилла типично холмешского дизайна, в высоту больше, чем в ширину, и абсолютно асимметричная. Она возвышалась над галереей с глинной спиральной лестницей, которая спускалась на пятьдесят метров вниз, в коммерческий район. Подъем в шестьсот с лишним ступеней был нелегким, и Маглен пришлось прикладывать носовой платок к лицу, чтобы от пота не расплылась косметика. Расположенное так высоко на самых высоких уровнях Мантиллы, поместье Голиаса, окутанное атмосферой древности и высокомерия, несомненно, выглядело весьма впечатляюще.

--- Это место просто чудесно! --- воскликнула Селетина, поднимаясь по ступенькам. Она была одета в платье из льняной ткани кремового цвета и шарф с

капюшоном из мягкой шерсти — Маглен лично подобрала ей эту одежду. Селемина весело закружилась, глинные концы ее шарфа взвились в воздух. Трудный подъем, казалось, совсем не беспокоил ее.

Но он беспокоил Маглен. Ступени были узкие, из неровного, истершегося за столетия камня, они уходили по спирали вниз, на головокружительную глубину. В туфлях на высоких каблуках она двигалась осторожно, ненадолго останавливаясь на каждой ступеньке. Как и Селемина, Маглен нарядилась по такому случаю в платье-рубашку.

— Этот Хайэт Голиас, что он за тип? — спросил Селемина.

— Он здесь не самая важная фигура. Видите эти лавки и мастерские в торговом районе? Ему принадлежат лишь немногие из них.

— Угу. А как вы с ним познакомились?

— Ну... была история, — сказала Маглен, не входя в подробности. Это была не ее вина, что ей пришлось два раза иметь дело с господином Голиасом, от него исходило столь высокомерное,

холодное обаяние, что она не могла
устоять. Пусть лучше Селемина сама с
ним познакомится.

-- И как действует эта сеть?

-- Ну, торговлей артефактами
занимаются энтузиасты. Усторики,
инвесторы, коллекционеры...

-- Культисты? -- добавила Селемина.

-- Подозреваю, что да, если продается
интересующая их вещь. Но все делается
секретно -- никто не задает вопросов и не
отвечает на них. Весь этот бизнес
основан на слове и репутации. Если ты не
ведешь дела чисто, никто не будет
сотрудничать с тобой.

-- И что это значит? -- спросила
Селемина, преодолев три или четыре
ступеньки одним прыжком.

-- Тогда ты потеряешь свою сеть.
Поставщиков, контрабандистов,
посредников, клиентов. Там все тайно
связаны. Это сообщество не пускает к себе
нежелательных личностей.

-- Кого вы имеете в виду под
нежелательными личностями? -- спросила
Селемина, хотя уже знала ответ.

— Цинквизицию, конечно, — застелась

Маглен.

ПРАЗДНОВАНИЕ уже началось к тому времени, как они добрались до виллы. Или, возможно, это еще не кончилось празднества предыдущей ночи. Так или иначе, гости Голиаса уже гуляли по роскошному залу. У многих были вялые потные лица наркоманов, остальные были заметно пьяны. Они бродили почти раздетые, забывшись в беспомысленном потакании своим порокам.

Это было прискорбно, потому что сам зал был поразительно красивым. Сотканые вручную кантуканские ковры и подушки были разбросаны по полу. Стены обиты красным бархатом с цветочными узорами, вышитыми золотой нитью. Чучела экзотических животных, кошачьих хищников с других планет и рогатых травоядных были расставлены по углам зала, словно в неподвижной пантомиме, на их протянутых лапах гости развесили свое белье. «Это прекрасный дом, и как жаль, что его оскверняют те, кто не способен

оценить его красоту», подумала Маглен.

Когда они шли по залу, вялые сонные голоса звали их, приглашая присоединиться к оргии. Другие кричали в честь мантилланской знати в эти дни:

-- Они идут!

-- Трахайте сами себя! -- прошипела Селетина сквозь зубы.

Привратник в ливрее прислужки отвел их к накрытому столу. Вокруг трапезного стола были расставлены диваны, чтобы гости могли есть полужежа. На столе стояли блюда с сырыми моллюсками и другими морскими деликатесами, и желатиновые десерты. Несомненно, это были не те пайки, что предписывались гражданам правительством.

-- Благодарю за гостеприимство, но мы не голодны. Не могли бы вы проводить меня к господину Голиасу? -- спросила Маглен.

-- Господин Голиас сейчас занят. Пока вы немного подкрепитесь, он освободится и будет готов принять вас.

«Скажите ему, что если он не примет Голиаса сюда сейчас же, эта

маленькая птишка начнет стрелять из
большого пистолета», теленатически
сказала ей Селетина.

— У моего клиента назначена
встреча с господином Голиасом, и леди
очень спешит, — дипломатично заявила
Маглен.

— Потребовалось мое присутствие?

Они все обернулись и увидели, что из
соседнего зала выходит Хайэм Голиас, его
роскошный халат бесстыдно растегнут.
За ним с виноватым видом следовали две
женщины, аристократки, судя по их
увеличенным с помощью имплантантов
губам и обилию косметики, одетые лишь в
костяные корсеты.

— Господни Голиас, это я, профессор
де Медичи, а это леди Фелис Селетина.

— Конечно, как я мог забыть такое
прекрасное лицо! — растеялся Голиас,
входя под свет люстр.

Он был утонченным джентльменом,
ему было уже далеко за семьдесят, но он
отлично сохранился благодаря своему
роскошному образу жизни и в немалой
степени приему средств омоложения. Он

был высоким и широкоплечим, с наращенными с помощью химических средств мышцами и глинной гривой серебряных волос. Его лицо было если не красивым, то слащаво самоуверенным, с высоким лбом и суровой линией челюсти. Хотя он не был бойцом, но испытывал типичное для аристократа восхищение риском и приключениями, и вытатуировал на животе эмблему некоего не слишком известного полка Имперской Гвардии. Конечно, Голиас никогда не служил в Гвардии, человек его положения не обязан был служить, но это определенно возбуждало интерес у женщин.

— Я удивлена, что вы помните меня, господин Голиас, — сказала Маглен. Она чувствовала, что ненавидит его, но в то же время покраснела.

— Я удивлен, что вы могли решить, будто я вас забыл. А это, это Фелис? У нее такой прекрасный изгиб спины. Если бы все мои покупательницы были так сложены! — сказал Голиас. Он оценивал женщин, как антикварные произведения искусства, или, может быть, как

домашних животных на аукционе.

«Отвратительно. Невыносимо отвратительно».

Маглен вздрогнула, в смущении приложив руку к покрасневшей щеке. Она не ожидала, что ее мысли будут столь очевидны. Столь откровенное поведение чрезвычайно нарушало нормы этикета.

«Все в порядке. Я понимаю, что вы хотите сказать. Если бы я не так сильно ненавидела его за его самоуверенность, его богатство, его низменные вкусы...»

Хлопнув в ладоши, Голиас дал знак гостям, что празднование окончено. Они выходили, нетвердо держась на ногах, направившись искать другие обители порока.

— Мы можем обсудить дела в более конфиденциальной обстановке? — застенчиво спросила Селемина, играя именно ту роль, которую Голиас ожидал от нее.

— Это зависит, миледи, от того, какие именно дела вы хотите обсудить, — Голиас растеялся пугающе вкрадчивым жестом.

РОСС и его офицеры работали день и ночь. Многого нужно было сделать. Планы операции создавались и забраковывались, координировалось время, и в пепельницах скапливались горы окурков. Росс никогда полностью не понимал тех мелочей и деталей, которые и составляли основу оперативного искусства, да же то, в каком порядке войска должны осуществлять тарш.

Тройные солнца никогда не заходили на Холпеше, и время отмечалось регулярностью газовых атак.

Почти каждый час в траншеях раздавались сигналы оловянных свистков. Солдаты доставали из вещмешков неуклюжие противогазные маски и натягивали их на лица. Клубящиеся массы коричневатого-желтого газа и ползущие по земле завитки горчичного цвета, накатываясь с востока, наполняли траншеи. Отравляющее вещество представляло собой концентрированный стернит, и движение только усиливало его действие. Вместо этого солдаты

оставались на своих позициях, позволяя густым облакам газа осесть. Газовые атаки происходили так часто, что гвардейцы часто почти не обращали на них внимания, продолжая играть в карты или чистить оружие.

Разумеется, Россу было трудно разрабатывать тактические детали и обсуждать план операции, глядя на карту через мутные линзы противогаза, но он справился. Он справился, потому что знал, что надо делать, с той самой минуты, когда увидел, какие солдаты оказались под его командованием. Они были слишком деморализованы неподвижным сидением на позициях, погибая под вражеским огнем. Необходимо было наступление, удар всеми доступными силами по удерживаемым противником высотам Магдалы. Росс собирался дать им то, в чем им так долго отказывал слишком осторожный штаб Кабалеса. Он поведет их в бой. На личном уровне это было именно то, что ему нужно, чтобы занять мысли, пока остальные агенты его оперативной группы работают с подпольной сетью

торговцев артефактами. Это гало ету
цель после событий на Кантике.

Сам бой обещал быть очень тяжелым.
По сведениям майора Арвуста,
географические особенности, расположение
противника и силы и средства
кантиканцев не оставляли им слишком
много возможностей выбора. Противник
окопался в предгорьях, до его позиций
предстояло преодолеть примерно
четыреста метров по ничейной земле.

В магнокуляры Росс видел большое
количество бронетехники на позициях
противника: легкие танки, танкетки,
болбарды и «Василиски», в основном
стоявшие в выкопанных укрытиях.
Металлический блеск их башен под
камуфляжными сетями напоминал
железные гвозди, воткнутые в землю. Их
будет трудно выбить оттуда, и
Броненосцы едва ли ожидают, что
осажденные имперские войска могут
предпринять контратаку. Это
предположение Росс и был намерен
максимально использовать.

Эти машины могли вести огонь со

смертоносной эффективностью со своих позиций на высотах, но Арвуст и Прагал были уверены, что они окажутся уязвимы для хорошо организованного наступления пехоты. Росс был склонен согласиться с ними хотя бы из-за одной их уверенности.

С этой целью Росс назначил для атаки объединенные роты 7-го полка легкой кавалерии и 22-го уланского, оставив части 9-го и 16-го пехотных полков в траншеях в резерве. Таким образом, в атаке должно было участвовать меньше четырех сотен гвардейцев - численное соотношение было не в их пользу. Но эти гвардейцы были элитой кантуканской кавалерии. Особенно высокую боевую репутацию имели уланы. Кантуканской Колониальной Гвардии не хватало бронетехники по сравнению с другими полками Имперской Гвардии, и уланы заполняли разрыв между пехотой и техникой. Главным назначением легкой кавалерии было сопровождение немногочисленных кантуканских танков в качестве мобильной пехоты, а уланы были ударными частями.

В частности, ұланы носили на гүрді гранатные сүлки, наполненные гранатами. На своих девятистакилограммовых боевых конях они тчались на вражеские боевые порядки, осыпая противника градом гранат.

К несчастью, бұдүчи отпращленными в траншеи, кантиканские кавалеристы расстались со своими скакүнами в Мантилле. Росс попытался вернуть столько коней, сколько смог. Но вокс-связи он потребовал вернуть коней, но ему сообщили, что из нескольких тысяч хороших обученных кавалерийских лошадей, оставшихся в Мантилле, сотни были забиты на мясо для празднеств аристократии. Росс встретил эти новости серией отборных рүгательств и весьма серьезных үгроз благополүчию всей аристократии Мантиллы.

После того, как его гнев немного остыл, они перестотрели план. Настүпление на высоты Магдалы бұдет проводить смешанными силами пехоты и кавалерии. Под прикрытием дождя части 7-го и 22-го полков атакүют предгорья

Магдалы, каждый солдат возьмет столько подрывных зарядов, сколько сможет нести. Их целями станет вкопанная бронетехника, те самые машины, которые обрушивали тонны снарядов на позиции кантуканцев прошлые месяцы. Вследствие нехватки соответствующего снаряжения многим гвардейцам пришлось импровизировать, создавая собственные средства для боя в траншеях с тем снаряжением, которое у них было в наличии.

Уже два дня на подготовку кантуканцы проявили изобретательность в искусстве нести смерть. Ручные гранаты разряжались и утыкались гвоздями, превращаясь в глубинки, снаряды калибра .68 обвязывались узлами каната, и получались кистени. Самым простым оружием, которое увидел Росс во время последней проверки, был заточенный шанцевый инструмент. Даже тонкие металлические пластины для укрепления стрелковых ступеней в траншеях сбивались в подобия панцирных нагрудников. Процесс изготовления оружия

и подготовки к бою наполнил кантиканцев энергией, которой они не чувствовали с самого начала войны.

Наступление будет прямым, фронтальным ударом. План был прост, хотя и далеко не безупречен. Но для гвардейцев это было лучше, чем ждать, сидя в траншее, когда на голову упадет снаряд.

С ПОТОЛКА атриума спускался луч солнечного света, словно слегка наклонная колонна из золота. Пляшущие пятнышки света сливались вместе на поверхности круга под ним.

Сад во дворе поместья Голиаса не был большим, но недостаток площади он компенсировал изысканным нео-тегинским дизайном. Атриум был в высоту в три раза больше, чем в ширину, такая высота позволяла размещать завезенные деревья, в основном высокие пальмы и папоротники. Решетки, увитые хищными цветущими лианами и горшки с суккулентами и рядовитых цветов стояли рядами, выставляя напоказ флору иных миров. Для

завершения обстановки в углу у центрального бассейна была поставлена каменная скамья с арфой, угол покоя в субтропическом окружении.

-- Впечатляюще, господин Голиас, -- прошептала Селемина. Механическая пчела с золотым часовым механизмом села на ее плечо и наполнила воздух искусственным ароматом прежде чем улететь прочь.

-- Ах, это? Это ничто. Все это не будет иметь никакого значения, когда Великий Враг возьмет город, -- пожал плечами Голиас. Он сорвал несколько плодов и погал один Маглен.

-- Поэтому вы так спешите избавиться от своего артефакта? -- спросила Маглен.

-- Избавиться -- не совсем точное слово. У меня множество перспективных покупателей на этот артефакт. Особенно из Империи, если слухи верны, -- сказал Голиас, сбросив халат и прыгнув в бассейн.

-- Слухи? -- спросила Селемина, ее лицо внезапно стало серьезным.

-- Да. Слухов множество. Вы когда-

нибүдү слышали о Старых Королях
Медины?

-- Так, между прочим.

-- Вы слышали все эти детские
сказки. Артефакты времен Войны
Освобождения, чүть ли не яйца самого
Императора или тина того. Так или
иначе, у меня есть кое-что ценное.

-- У вас есть Старые Короли?! --
воскликнула Маглен, не в силах больше
притворяться.

Голиас фыркнул, плавая в бассейне на
спине.

-- Это вряд ли. Но у меня есть
артефакт, который может многое
открыть о природе Старых Королей,
вполне вероятно, он одного с ними
происхождения.

Селетина решила нагавить на него.

-- Господин Голиас, Империят может
многое выиграть от этого, особенно
сейчас, во время войны. Вправе ли вы
скрывать его?

-- А вы что, из Инквизиции? --
чихикнул Голиас. -- Именно поэтому они
так хотят купить его, что один частный

коллекционер из суб-сектора Алипсия предлагал мне за него земельные владения размером с половину континента.

Голиас подплыл к краю бассейна и слизал воду с губ с хищной ухмылкой.

-- Если у тебя есть то, что нужно Империи, ты обладаешь властью.

-- Это измена, -- решительно сказала Селетина.

-- Кто эта сучка и что она делает в моем доме? -- прорычал Голиас, указывая на Селетину. Его поведение быстро менялось под влиянием алкоголя и оставшихся в крови наркотиков.

-- Пожалуйста, господин Голиас, -- вмешалась Маглен. -- Она не хотела оскорбить вас.

Голиас раздраженно посмотрел на Селетину, его зрачки расширились, ноздри заострились.

-- Мы можем дать более высокую цену. Леги Селетина имела в виду лишь, почему вы продаете столь ценную вещь так поспешно?

Казалось, это успокоило Голиаса. Секунду его настроение колебалось, прежде

чем черты его лица смягчились.

— Потому что я люблю роскошную жизнь. Холлеш не будет существовать вечно, а у меня есть кое-что, что Империя может считать очень ценным.

Голиас вылез из бассейна и отряхнул свою мокрую гриву.

— Лучше я возьму сейчас то, что могу, и буду жить, чем утру, дожидаясь, пока предложат более высокую цену.

Обнаженный Голиас подошел к ним, раздвигая восковые листья. Он повел их через сад, шурша листьями и зарослями папоротников, пока не привел к нише в атриуме, до того или не замеченной. За окном, на посадочной площадке, расположенной на крыше виллы, был заметен загнутый нос военного флага.

— Вот почему я хочу распродать свои ценности, — гордо объявил Голиас. Он вывел их наружу, на посадочную площадку, так высоко, что они могли видеть вспышки от разрывов снарядов на горизонте.

На площадке, как орел в гнезде, со сложенными крыльями, словно когтями,

вцепляясь в землю стойками шасси, стоял
грузовой флаер типа «Голем». Тридцать
метров в длину, с турбинами,
расположенными в носовой части, и
круглым фюзеляжем, он выглядел сугубо
утилитарно, как только может
выглядеть машина службы тыла. «Голем»
был транспортом снабжения,
перевозившим грузы между крейсерами
флота, и был вполне способен к
костическим полетам на небольшие
расстояния. Маглен была весьма удивлена,
что Голиас сумел добыть себе такой
флаер.

-- Полагаю, лучше не спрашивать, как
вы его заполучили? -- сказала Маглен.

-- Вы не поверите, что мне пришлось
сделать, чтобы заполучить его со складов
губернатора, -- Голиас расстелялся,
похлопав по гюзам двигателей на крыле
«Голема». Там, где были руки Голиаса,
Маглен могла различить остатки
счищенного серийного номера
Муниторума.

Маглен и Селемина обошли флаер,
дотрагиваясь до фюзеляжа и притворяясь,

что они восхищены. Надо признать, у Голиаса была смелость. С начала военной кампании в Мирах Медины имперские власти запретили частным лицам использовать флаеры военного образца. Баржи, эвакуировавшие с планеты беженцев, были немногочисленны, и большинство мест на них было предназначено для представителей имперских властей и старших военных чинов. У большинства людей на Холпеше просто не было никаких средств спастись.

-- Как видите, я хорошо подготовлен к тому моменту, когда пустотные щиты упадут. Меня ожидает торговый фрегат, который доставит меня за пределы Звездного Бастиона. Что вы намерены сделать с артефактом, когда я уйду, меня не интересует. Многие из моих предполагаемых покупателей, вероятно, хотят продать его за большую цену имперским властям.

-- Если вы можете получить хорошую цену с Империи, почему вы продаете артефакт частным лицам, зная, что они перепродадут его? -- осторожно спросила

Маглен.

-- Потому что я не желаю иметь дел с Императором. Никаких. Вы можете сделать что хотите. Я к тому времени буду уже в нескольких суб-секторах отсюда.

-- Успехнулся Голиас.

-- Мы можем увидеть артефакт? -- спросила Селемина.

Голиас недоверчиво посмотрел на нее и расхохотался.

-- Разумеется, нет. Вы что, дилетант в этом бизнесе?

-- Как я узнаю, за что плачу? -- возмущенно запротестовала Селемина.

-- И снова, кто она? Она ничего не знает о сети? Кто ваш посредник? -- пролаял Голиас.

Селемина оттолкнула Маглен.

-- У меня есть звание и полномочия, -- сказала она, прежде чем Маглен успела остановить ее.

Голиас изумленно посмотрел на нее.

-- Кто вы? Работаете на военных? На Экклезиархию? Что во имя Трона происходит?

Маглен пыталась вмешаться, но это

было бесполезно. Селетина сказала слишком много. Голиас направился к двери. Маглен схватила инквизитора за руку и оттащила в сторону.

-- Охрана! Охрана! -- закричал Голиас.

Маглен и Селетина повернулись и побежали. Они протчались по роскошному залу Голиаса, расталкивая испуганные гости. Хазым Голиас бежал за ними. Теперь с ним были его охранники, вооруженные дробовиками, но они боялись стрелять среди толпы гостей.

-- Хватайте их! -- крикнул Голиас с верхней площадки лестницы, когда Маглен и Селетина добежали до фойе. Аристократ в птичьей маске и маскарарном костюме неуклюже попытался схватить их, когда они показали в двери. Селетина ударила его по шее, там, где находилась сонная артерия. Человек с птичьим лицом рухнул, и они выскочили из огромных двойных дверей поместья Голиаса.

ДОЖДЬ лил сплошной пеленой.

Спустился некоторое время после

полудня в небе сгустилась тгла, а сумерки на Холлеше всегда предвещали дождь. Словно пар под давлением, клубящиеся узоры грозовых туч, постепенно заполняли небо, и, наконец, оно прорвалось обильным ливнем.

Части 7-го и 22-го полков продвигались медленной рысью, их лошади понуро брели под ливнем. Здесь отравляющий газ оставался активным в почве несколько дней, учитывая неизменно влажные погодные условия, и земля была ядовито-желтого цвета. Противогазы были абсолютно необходимы, чтобы передвигаться по отравленной земле. Улюди и лошади были защищены кантиканскими газовыми масками МКО2.

Перед ними, открытая низменность, разделявшая траншеи противников, превратилась в болото жидкой грязи. Противотанковые наголки и проволочные заграждения поднимались из горчично-серого болота. Кое-где виднелись наполовину утонувшие в грязи трупы, словно морские животные, выброшенные на берег.

Росс и капитан Прагал с взводом
улан двигались впереди главных сил. Они
сошли с коней и продвигались ползком,
разрезая проволочные заграждения,
которых здесь было множество. Это была
медленная и трудная работа, исследовать
землю вокруг колючей проволоки на
предмет мин, прежде чем дать сигнал
батальону, что можно двигаться дальше.

Росс погполз близко к траншее
противника. Так близко, что можно было
плюнуть туда, если бы он захотел. На
стрелковой ступени стоял одинокий
часовой, взглядываясь в серую пелену дождя.
Он стоял около автомашки с барабанным
магазинном; и он и его оружие были
защищены от дождя натянутым листом
пластика.

Когда путь был расчищен, передовой
отряд вернулся к главным силам. Четыре
сотни всадников на мускулистых скакунах
терпеливо ждали под дождем. Их лошади
били копытами по грязи, фыркая и тряся
головами. Некоторые солдаты молились,
другие молча смотрели в направлении
вражеских позиций, которых они не видели.

за завесой дождя. Их сабли были вытащены из ножен и пики готовы к бою. Им было приказано двигаться в рассыпном строю. Достигнув вражеских траншей, 7-й полк легкой кавалерии должен был спешиться и атаковать. Уланы должны были атаковать в конном строю, используя преимущество скорости и внезапности, чтобы скорее добраться до стоящей за траншеями бронетехники. Это было достаточно просто, и противник не должен был ожидать такой агрессивности от до сих пор лишь оборонявшихся имперских войск.

Скакун Росса был великоленным образцом боевого коня, двадцать пять ладоней в высоту с перекатывавшимися горатами мышц. Конь переступал, слушаясь движений ног Росса, и опасно раскачивая всадника. Росс был неплохим наездником, когда-то занимаясь верховой ездой в свободное время, но об управлении конем в бою он знал мало. Кроме того, он уже много лет не ездил верхом.

Росс посмотрел в небо. Тучи закрывали его плотной пепельно-серой

пеленой, и он едва мог разглядеть всадников по обеим сторонам от него. У него мелькнула мысль, что это не самое лучшее время и место заново вспоминать тонкости искусства верховой езды.

Майор Арвуст подъехал к Россу.

— Мы все на месте, командуйте атаку, — прошептал он, протянув офицерский оловянный свисток.

Росс покачал головой.

— Нет. Это ваши солдаты.

Командуйте сами.

Они ждали, затаив дыхание, еще несколько секунд, вслушиваясь в тяжелое стаккато дождя. Потом майор дунул в свисток.

С ревом кантиканцы поднялись из грязи и бросились к траншеям врага. Скрываясь в пелене серого тумана, они сами казались призраками.

Противник открыл огонь, стреляя вслепую. Лучи лазерных выстрелов зашипели, разрезая туман перед их строем. Луч поразил улана слева от Росса. Всадник и конь внезапно остановились и рухнули. Последнее, что видел Росс —

очертания копыт лошади, взметнувшихся
в воздух.

Теперь они были близко. Взглядываясь
сквозь стену дождя, Росс мог видеть
злобещие силуэты солдат Великого
Врага, поднимавшихся на стрелковые
ступени своих траншей. С пятидесяти
метров противник увидел их, и его огонь
стал более точным. Мелькнули линии
трассеров, врезаясь в строй кантуканской
кавалерии. Но всадники уже достигли
позиций врага.

Внезапно серый туман осветился
вспышками оранжевого пламени.
Гвардейцы объявили о своем появлении,
кидая гранаты во вражеские траншеи.
Серия взрывов ударила по барабанным
перепонкам Росса до звона в ушах.

К чести улан, они исполняли свою
часть плана операции безупречно. Первая
волна кавалерии, бросив гранаты,
спешилась и атаковала траншеи. Вторая
волна продолжала атаку в конном строю,
преодолевая траншеи с грохотом топота
копыт по земле, направляясь к второй
линии вражеской обороны.

Росс, крича, привстал на стременах и включил силовой кулак. Его конь преодолел последние несколько метров до позиций противника, и Росс неловко спрыгнул с седла. Вспышки от разрывов гранат затуманивали его зрение, и инквизитор наполовину спрыгнул, наполовину упал во вражескую траншею.

Он был совершенно дезориентирован.

Вокруг него в воздух взлетали грязь и обломки. Взрывы окатывали траншею осколками и брызгами крови. Солдаты противника, дрогнув под градом гранат, отчаянно пытались оказать сопротивление. Взглянув вверх, Росс увидел на краю траншеи кантуканского гвардейца, протчавшегося верхом, его лицо было изуродовано лазерным выстрелом. Солдат был мертв, но держался в седле.

Росс инстинктивно ударил силовым кулаком, почти ничего не видя и не слыша из-за дыма, дождя, крови и грохота боя. Они не могли использовать огнестрельное оружие из опасения попасть в своих, а тесное пространство траншеи не позволяло использовать прилкнутые

итыки. Дралась тем, что было под рукой.

Броненосец с прямоугольным тесаком обошел Росса слева, ударив его в бедро. Клинок высек искры из спатейской брони. Другой вражеский солдат нанес удар траншейной киркой по голове Росса. Жестокая тупая боль вспыхнула в затылочной части черепа. Росс прикусил язык, и кровь потекла по его подбородку.

Оглушенный, Росс пригнулся и выбросил назад руку с силовым кулаком. Это был инстинктивный удар отчаяния, но противник сзади был слишком близко, чтобы избежать его. Силовой кулак врезался в челюсть невидимого противника, от удара голова Броненосца вылетела из траншеи. Хрипя, как раненый бык, Росс ударил Броненосца с тесаком. Противник, сложившись пополам, рухнул в грязь и больше не двигался.

Росс огляделся вокруг, кровь из раны на голове заливала его глаза. Рана была глубокой, он чувствовал это потому, что она не мела вместо того, чтобы болеть. Он только надеялся, что его череп не поврежден. Сморгнув маслянистую кровь с

глаз, Росс попытался оценить обстановку.

В поле зрения мелькнул капитан Прагал, размахивавший траншейной лопаткой. Его правая рука висела вдоль тела, ее рукав до локтя был пропитан кровью. На этой руке не хватало двух пальцев.

-- Что у вас с рукой? -- крикнул Росс сквозь шум боя.

Прагал посмотрел на изуродованную руку и застыл, почти ошарашенный.

-- Даже не заметил, -- ухмыльнулся он.

Их ярость росла. Росс знал, что это опасно. Они не должны увязнуть в продолжительном бою в траншеях. Пройдет не так много времени, и противник, подтянув силы по сети траншей, раздавит их численным превосходством. Надо двигаться дальше.

-- Продолжать наступление, цели по направлению движения! -- крикнул Росс, указывая на склоны холма и стоявшую на них бронетехнику.

Майор Арвуст гунул в свисток.

-- Взрыватели! Взрыватели! --

закричал он, приказывая выйти из боя и
применить гранаты с взрывателями
замедленного действия.

Кантиканцы, к их чести, сохранили
дисциплину и в порядке оторвались от
потрясенного противника. Оставив
бегавших в панике лошадей на другой
стороне траншей, они пешими бросились
на склон холма. Гвардейцы забросали
траншеи бомбами с взрывателями,
установленными на замедленное действие,
чтобы помешать противнику
преследовать их. Очистив первую линию
траншей, кантиканские кавалеристы
присоединились к второй волне в бою у
Магдалы.

РОСС вскочил на лобовую броню
легкого танка КЛ-5 «Нагальщик».

Он взбирался на танк, ботинки
скользили по бронеплитам, пытаясь
зацепиться. Его силовой кулак оставлял
глубокие оплавленные вмятины в лобовой
броне, когда Росс подтягивался вверх.

Люк в башне открылся, из него

высунулся Броненосец. Росс ударом тыльной стороны силового кулака вбил его обратно в башню. Кантиканский гвардеец взобрался на башню и забросил в люк осколочную гранату. Она упала в танк с металлическим грохотом. Росс захлопнул люк, и они с гвардейцем спрыгнули на землю, а танкетку встряхнуло приглушенным взрывом.

Повсюду вокруг солдаты 7-го и 22-го полков атаковали боевые машины Великого Врага. Бронетехника, стоявшая в окопах, огрызалась громавыми выстрелами 105-мм орудий и очередями автомашек. Многие кантиканцы спешили, бегая среди вражеских машин и разбрасывая гранаты.

Бомбы с взрывателями замедленного действия и осколочные гранаты, разрываясь, грохотали сквозь пелену дождя, как раскаты грома — непрерывно, всныхивая, словно электрические схемы, когда на них попадает вода. Самыми мощным поражающим действием обладали подрывные заряды НК-12. Эти небольшие мины прикреплялись к корпусам

машин магнитами. После срабатывания
заряд приводил в действие сердечник из
расплавленной меди, пробивавший 100-мм
броню. Каждый кантиканец нес как
минимум три или четыре таких заряда.

Росс приблизился к «Леман Руссу»,
обходя его сбоку. Огромный танк был
трофеет, захваченным у Имперской
Гвардии, его старый камуфляж стерся до
блестящей металлической поверхности.
«Леман Русс» стоял в широком окне,
пытаясь навести свою чудовищную
башенную пушку на быстро движущиеся
цели. Росс прикрепил заряд НК-12 в нишу
между башней и корпусом и бросился
бежать прежде чем тяжелые орудия
успеют навестись на него. Сзади его
догнала взрывная волна, в небо хлестнул
фонтан пламени и обломков.

Это была короткая, жестокая
схватка. Пехота Броненосцев пришла в
стяжение, и многие оставили свои
позиции, когда кавалерия прорвалась через
их передовые траншеи. Они не выдержали
волны грохочущих копыт и града гранат.
Это были не те сломленные гвардейцы,

которые едва удерживали свои траншеи у
Магдалы. Броненосцы не были готовы к
этому.

Росс видел, как кавалерист заскочил
за щит «Василиска». Кантиканец
атаковал его расчет саблей и пикой, убив
двоих Броненосцев, прежде чем его
стащили с сегола. Справа от Росса
кантиканский улан выстрелил из
реактивного гранатомета по
приближающейся патрульной машине. Ее
канот задрался вверх, как обгоревшая кожа.
Машина пролетела над уланом,
превратившись в шар огня на горящих
колесах.

Еще одна танкетка взорвалась
фейерверком горящих обломков. Лучи
лазерных выстрелов пролетали мимо
Росса так близко, что он чувствовал пар
от испаряемых или дождевых капель.
Поблизости разорвалась граната.

-- Перегруппироваться! -- приказал
Росс, натянув поводья. Кавалерийская
атака в своей ярости теряла
сплоченность, кантиканцы атаковали
одиночные цели, преследуя отступающего

противника. Это могло привести к их уничтожению.

Энергия кавалерийской атаки истощалась. Пехота Броненосцев перегруппировывалась, активно обороняясь. К ним приближались быстроходные патрульные машины, заявив о своем появлении огнем тяжелых стабберов.

-- Вернуться в строй! -- закричал Росс, но его голос заглушало шумом бури.

Впереди широким конусом вспыхнуло пламя, поглотив нескольких кавалеристов и обломки КТ-5. Из пелены дождя, словно призрак, появился злобещий силуэт огнетанка «Агский Пес». Его башню облизывали языки огня.

Росс повернул коня и пришпорил его, переходя в галоп. Надо найти вокс-связиста, прежде чем воины Великого Врага, воя от жажды крови и стуча в свои боевые барабаны, окружат и перебьют их всех.

Он нашел вокс-аппарат, но связист был убит. Его лошади нигде не было видно, а его труп с оторванной челюстью лежал на земле. Вокс-аппарат был брошен.

погрүзившись в грязь, в нескольких метрах
дальше.

Спрыгнув с лошади, Росс присел на колени и схватил наушники. Очередь транслирующих пуль прошла землю прямо перед ним, поднимая таленькие фонтаны грязи. Росс заставил себя успокоиться, прежде чем настроиться на связь по всем вокс-частотам.

-- Это 7-й и 22-й, кавалерия Магдалы. Срочно нужно подкрепление на предгорье Магдалы, нас прижали огнем. Прием!

-- Кавалерия Магдалы, это штаб сектора. В подкреплении отказано. Высоты Магдалы -- красная зона, что, во имя Императора, вы там делаете?

Росс выстрелил из плазменного пистолета в направлении, откуда вел огонь противник. Он сомневался, что во что-то попал.

-- Штаб сектора, мы взяли предгорье. Запрашиваем подкрепление, чтобы закрепиться на захваченных позициях.

Голос в наушниках, хотя и был искажен помехами, звучал явно недоверчиво:

-- Закрепиться на захваченных позициях?

-- Ты оглох что ли? Мы отбросили Броненосцев! Я...

Росс не договорил -- пуля пробила вокс-аппарат. Следующий выстрел попал в грудь инквизитора, прямо под ребра, опрокинув его на землю. Кинетическая энергия была так сильна, что Росса даже слегка вдавило в грязь. С хрипом он попытался вздохнуть. Под пластинами брони он чувствовал, как раздробленные кости его ребер трутся одна о другую.

Еще один выстрел попал в пластину доспеха под грудиной. Сегмент брони на животе под грудной клеткой вдавился внутрь. В лучшем случае будет небольшой перелом и значительное кровоизлияние. Но Росс опасался худшего -- сильного внутреннего кровотечения.

Он попытался перекатиться на колени, но обжигающая острая боль лишила его сознания. Следующие несколько секунд он то приходил в себя, то вновь терял сознание.

Он видел, как Броненосцы выходят из

облаков дыма — глинный ряд угловатых
силуэтов в покрытых шинами гонимых.

Он видел, как вокруг мелькали
лошадиные копыта. Кантуканцы, должно
быть, перегруппировывались.

В рядах кавалерии разорвался снаряд.
Росс не знал, насколько близко. Но
достаточно близко, чтобы он видел, как
огнью лошадь с всадником подбросило на
пять метров в воздух, ее ноги были
вывернуты под неестественными углами.

Было много стрельбы. Многие его
солдаты погибали.

Когда он окончательно пришел в себя,
в пробойны в его броне затекла дождевая
вода. Ощущение холода на коже помогло
ему прийти в сознание. Оглядевшись, он
увидел, что некоторые солдаты 7-го и 22-
го полков все еще сражаются,
кавалеристы, привстав на стременах,
стреляли из лазганов. Но большинство
кантуканцев было уже убито. Трупы
лошадей, перевернутые вверх ногами, как
на скотобойне, усыпали поле боя.
Гвардейцы, присев за трупами коней, и
иногда отстреливаясь, перевязывали

раненых товарищей.

Больше ил негде было укрыться. Броненосцы же спрятались в траншеях, стреляя с подготовленных позиций. Видимость была почти нулевой.

-- Вы слышите меня? -- раздался голос сквозь шум боя, и тяжелая рука схватила Росса за наплечник.

Росс повернул голову и увидел майора Арвуста. На лбу офицера была рана, по лицу текла кровь. Росс слабо кивнул.

Арвуст потащил его обратно к захваченным кантиканцами позициям. Гвардейцы -- возможно, их уже осталось меньше роты -- пытались укрыться за телами убитых лошадей. Выглядывая из-за них, они отстреливались одиночными выстрелами, чтобы сберечь боеприпасы.

У имперских солдат осталось только одно тяжелое оружие. Это был роторный стаббер на колесном лафете -- тяжелый многоствольный стаббер, буксирный на конной тяге. Не так уж много, но это все, что у них было.

Майор Арвуст, присев за медным оружийным щитом, заряжал магазин

стаббера.

--- Сколько патронов у нас осталось для этой штуки? -- спросил он.

--- Шестьсот в свинцовой оболочке и около четырех сотен с суживающейся хвостовой частью и трассирующих, сэр, -- ответил молодой капрал между выстрелами.

--- Выкинуть трассирующие. Я не хочу, чтобы они выдвали нашу позицию. Сколько патронов останется тогда?

Кaprал немедленно начал выковыривать трассирующие патроны из барабана штыком.

--- Не больше девятисот, сэр.

Майор Арвуст повернул рукоятку затвора.

--- Тогда нам лучше потратить их с пользой.

Загрохав на своих колесах со спицами, тяжелый стаббер начал выстукивать непрерывное чам-чам-чам. Вытящиеся стреляные гильзы потоком хлынули в грязь. Росс считал их, пока они, вертясь, летели на землю.

«АЛОЕ МУСЬМО» было одним из самых простых приемов Инквизиции. Но столетиями оно оставалось и одним из самых эффективных. Турин за свою долгую карьеру не раз использовал его с большим успехом, и никогда оно его не подводило.

Это был самый примитивный метод выявления вражеского агента. Фальшивые разведданные -- приманка, намеренно подбрасывались противнику. В данном случае Росс указал противника -- это лорд-маршал Кхтер.

Далее срабатывал механизм манипуляции. Противник передавал приманку своему агенту. Агент

действовал, основываясь на фальшивых сведениях, и тем самым раскрывал себя, демонстрируя, что владеет информацией, которую не мог знать кто-либо, не связанный с врагом. Весьма простая ловушка, основанная на базовых методах работы Инквизиции.

Простая, но сложность ее была в искусстве исполнения. Безупречно сработанное «алое письмо» было искусной и тончайшей ловушкой.

Гурион наслаждался этой игрой. Он уже много дней усиленно работал над ней. Для Кхтера надо организовать что-то особенное и чрезвычайно замысловатое.

Во-первых, он взял из морга труп матроса. Матрос умер по естественным причинам, если можно считать естественной причиной лопнувший трос в ангаре, хлестнувший своей восьмидесятикилограммовой тяжестью его по груди.

Гурион одел труп в серую штормовку и бронежилет, и даже нацепил на бедро болт-пистолет. Самое главное, он повесил на шею мертвеца инквизиторскую печать.

и назвал его «инквизитор Гейбл».

Приданкой в данном случае послужили документы в картоне «инквизитора Гейбла». В них просто сообщалось, что Конклав подозревает, что в оперативную группу «Бдительность» внедрился вражеский агент. Далее в них сообщалось, что зашифрованная запись Делаханта содержит сведения о личности агента, и что Росс работает над ее расшифровкой. Конечно, все это тоже было зашифровано, но относительно простым кодом, который, как считал Гүрион, будет способна расшифровать разведка флота.

Урония была в том, что Гүрион и понятия не имел, что содержала запись Делаханта, кроме его контакта с Селеминой. Но Кхтер не должен это знать. Семя уже брошено.

Группа «инквизитора Гейбла» был помещен на борт вместе с прибывающим грузом, специально, чтобы флотские офицеры нашли его. Гүрион не сомневался, что командование прикажет обыскать группу и забрать все, что содержит какие-либо секретные сведения, прежде чем

сообщить о находке Инквизиции.

Все произошло именно так, как предполагал Гүрион. Трүп был возвращен Конклаву, но документов при нем не было. Теперь они были в руках военной бюрократии. Пытаться подсунуть фальшивку напрямую Кхмеру было бы слишком глупо. Вместо этого Гүрион позволил событиям идти естественным путем. Без сомнения, лорд-маршалы сообщат о находке, если он не обыскивал трүп лично.

В качестве последнего штриха к своей ловушке, Гүрион написал отчет о смерти инквизитора Гейбла. Он сообщал, что инквизитор был убит на Холпеше агентами противника. На следующем заседании Пленарного Совета Гүрион сообщил об этом с большой торжественностью. Инквизитор Гейбл погиб на службе Конклава, и офицеры, в том числе и Кхмер, участвовали в минуте молчания.

Ловушка была поставлена. Остальное, он знал, зависит от Кхмера.

ТАНКОВЫЙ снаряд упал в центр имперской цепи.

Осколочный подкалиберный. Это безошибочно определялось по тому, как он низко пролетел над землей, визжа, словно злой дух, вырвавшийся из ада.

Снаряд взорвался, ударившись о землю, исторгнув поток осколков. Действие их на пехоту, лишенную укрытий, было страшным, они срывали форму с плоти, а плоть с костей.

Росс подумал, что, скорее всего, это выстрел «Летан Русса». Надо двигаться, пока наводчики противника не успели лучше прицелиться и перезарядить.

Росс выкатился из-за трупа лошади, за которым прятался, и пополз по грязи туда, где перестраивались остатки 7-го и 22-го полков. В его ребрах пульсировала сильная боль, вдавленная пластина брони впивалась в тело, но он продолжал ползти. Уланы и солдаты легкой кавалерии были дисциплинированы, и они постоянно двигались, отстреливаясь и меняя позиции, прежде чем противник успеет точно прицелиться. Дисциплинированный

огонь и маневр — единственное, почему они еще не все были убиты.

И еще из-за дождя. Ливень продолжал обрушиваться с неба серыми колоннами, так что Росс едва мог видеть что-то на расстоянии двадцати метров. Если дождь прекратится — им всем конец.

Майор Арвуст упал в скользкую грязь рядом с Россом. Его кепи куда-то пропало, и лицо было вымазано грязью.

— Инквизитор! Мы должны отступить! Дальнейшие потери неприемлемы, — закричал он.

Словно подтверждая его мнение, мощный лазерный луч, скорее всего, из лазерной пушки, опалил землю в десяти шагах от них. Вспышка энергии оставила после себя вакуум, заполнившийся воздухом с грозовым треском.

Росс колебался. Отступить сейчас означало отдать врагу позицию, с таким трудом захваченные или в предгорьях. Хотя кантиканцы оставили за собой следы из горячей вражеской бронетехники, противник вернет высоты, и они окажутся в том же положении, что и до того. Их

тактическая победа станет лишь жестом
отчаяния.

— Тогда отступаем, пока еще можем,
— сказал Росс. Он хотел бы верить, что
его раны не оказали влияния на его
решения, но он и сам не был уверен.

— По моему сигналу. Двигается к
востоку и обходит траншеи Броненосцев,
на случай, если они перегруппировались и
готовы отрезать нас.

— Понятно, — ответил Росс,
дождевая вода и кровь затекали в его рот.

Майор Арвуст поднялся и сделал два
шага. Пуля пробила его затылок. Из
выходного отверстия Росса обдало
фонтаном дымящейся крови.

Арвуст затер, глядя на Росса
расширенными глазами. Рот майора
двигался, пытаясь произнести слова, но
ничего не было слышно. Его мозг больше не
был связан с позвоночником. Медленным
движением майор упал на спину под
неестественным углом.

Потом из-за пелены дождя вырвались
Броненосцы.

Они появлялись с боевым кличем.

материализуясь из стены дождя, как дымящиеся призраки. От их бронированных силуэтов шел пар. Они размахивали оружием. Булавы, кистени, молоты и тесаки блестели мокрым металлом.

В первый раз Росс оказался лицом к лицу с корсаратаи Хорсабага Моу. Он видел их безликие маски, их грубые, варварские доспехи. Он чувствовал ярость от того, что такие свирепые дикари могут угрожать ткани цивилизации. Росс понял, что ненавидит их. Это был не страх, или адреналин, но холодная расчетливая ненависть. Он ненавидел их за неудобства, которые они причиняли ему. Было нелепо, что он пытается им отомстить, но его вело высокомерное равнодушие к собственной жизни. Ему было плевать, он просто был зол.

Броненосцы с плеском шли по грязи. Первые кантиканцы, которых они заметили, прятались за трупами лошадей, стреляя из лазганов. Варварские орудия убийства разрубали мягкую плоть и хрупкие кости. От ударов Броненосцев вверх взмывали фонтаны крови. Гвардейцы

нагали, и тяжелые куски металла разрывали их на части.

Росс поднялся на ноги, его ярость преодолела боль.

-- Встать! Построиться и в атаку! -- взревел он. -- Прилкнуть штыки и атаковать!

Невозможно было указать направление атаки. Росс не знал, где сейчас фронт, где тыл, где фланги. Бой превратился в беспорядочную кровавую мясорубку. Броненосец с громогласными наплечниками, выкованными из танковых гусениц, оказался перед Россом. Инквизитор поднял плазменный пистолет, целясь в массивный наплечник, и выстрелил. Пораженный плазменным зарядом в упор, Броненосец упал, верхняя часть его туловища просто испарилась. Раскаленный газ обжег лицо Росса, но он был слишком полон адреналина, чтобы это заметить.

Росс стрелял еще и еще. Заряды перегретой плазмы разорвали еще трех Броненосцев. Твердое вещество превращалось в газ, вскипая фонтанам

кровавого пара. Росс расстрелял весь
аккумулятор, и перезарядил.

Краем глаза Росс заметил капитана
Прагала, лязган кантиканца стрелял в
полуавтоматическом режиме. Росс думал,
что Прагал тоже убит. Зрелище того,
что он жив, побудило Росса сражаться с
новой яростью.

-- Положить нас всех тут не было
частью плана, капитан, прошу прощения, --
крикнул ему Росс, стреляя по целям,
находившимся на расстоянии удара.

-- Мы сделали то, за чем пришли, и
сделали это хорошо! -- ответил Прагал. Он
поразил Броненосца в стотрговую щель
шлема, стреляя, как по уставу на
стрельбище.

-- Все равно, я иногда думаю, что
подвергаю себя ненужной опасности, --
пошутил Росс, уклоняясь от удара булавы.

-- Вы действительно так думаете? --
произнес в ответ Прагал. Росс не понял,
это был сарказм или нет. Мелькнувшая
перед его глазами булава занимала
большую часть его внимания.

Один из гвардейцев поблизости упал

на колени, его лоб был проломлен ударом
топота. Росс ударил силовым кулаком,
разбив оружие, и расплющив Броненосца,
державшего его.

Он был так охвачен неустойчивой
яростью боя, что не заметил кувалды,
ударившей его в спину. Обжигающая боль
пронзила позвоночник, и его ноги
подогнулись. Боль была настолько сильной,
что он чувствовал ее вкус во рту — резкий,
горький, с оттенком серы. Его ударили
снова, но на этот раз он даже не
почувствовал. Он только заметил, что
лежит на спине, глядя в небо.

Мир вокруг, казалось, отключился.
Картины боя стали какими-то
неестественными и отрывочными. Он не
переставал думать, что боль — это
хороший знак. Боль означает, что его
тело все еще действует так, как должно.
Отсутствие боли вообще не означает
ничего хорошего.

Он видел кувалду, раскачивавшуюся,
как маятник. Он следил, как она
опускается. Он ждал, что она сейчас
обрушится на его голову, и думал,

почувствует ли он при этом что-нибудь.

Но этого не произошло.

Кувалда не опустилась. Выстрел отбросил державшего ее Броненосца куда-то в сторону.

За этим выстрелом последовали другие. Четкие, точные. Сияющие лазерные лучи, словно от нилба Императора. Несколько Броненосцев поблизости были убиты. Они беззвучно падали в грязь.

Слабо, словно очень-очень издалека, Росс услышал звук оловянных свистков. Сначала он подумал, что это звук крови, вырывающейся под давлением из его ушей, но оказалось, что это не так. Характерное звучание командирских свистков Кантиканской Гвардии было ясным и отчетливым. И это был самый прекрасный звук, который Росс когда-либо слышал.

На фоне неба появилось лицо капитана Прадала.

-- Дышите, Росс, дышите. Можете двигаться?

Росс покачал головой, не зная, может

ли. Потом он понял свою глупость и поднял ногу. Он мог двигаться.

-- Они здесь? -- спросил Росс, пока Прагал поддерживал его и помогал ему встать на ноги. Капитан не прекращал стрелять по врагу, держа лазган в одной руке.

-- Они здесь. С большими силами, -- ответил Прагал.

Дождь прекратился. По болотистой низине, вдоль их фланга, теся гусеницами жидкую грязь, наступал полный эскадрон «Леман Руссов». Их броня была окрашена в серо-коричнево-золотистый камуфляж кантуканских полков, их турельные стабберы регулярно изрыгали очереди трассирующих пуль.

Наступая вместе с редкими кантуканскими танками, двигались шесть, восемь, возможно, десять рот кантуканской пехоты. Построенные солкнутыми шеренгами, как на марше, они стреляли на ходу, залпы губительного огня врезались в открытый фланг противника. Барабанщики громко выбивали на своих инструментах,

офицеры передавали приказы свистками, развевались полковые знамена.

--- Значит, они отозвались, ---
прошептал Росс.

Прагал не ответил. Он сделал еще несколько выстрелов по отступающим броненосцам. Стремительность их контратаки иссякла, наткнувшись на залпы лазерных лучей и пуль. Поток огня очищал высоты Магдалы, преследуя противника за их гребнями. Выстрелы, как тысячи сияющих стрел света, жалили бегущих врагов и валили их лицом в грязь.

Кто-то закричал:

--- Магдала наша!

Выжившие из 7-го и 22-го не кричали. Они просто падали в грязь, предельно уставшие, их лица ничего не выражали. Многие закрывали глаза и тут же засыпали. Они знали, что, по крайней мере, сейчас они в безопасности.

ПРЕДГОРЬЯ Магдалы стали первой настоящей имперской победой за многие месяцы.

Части кантиканской полевой

артиллерии и пехотные батальоны
оказали поддержку 7-му и 22-му полкам.
Броненосцы отступили, потеряв
двухкилометровый участок своих позиций.
Над высотами было поднято имперское
знамя.

Новости распространялись на улицах
Мантиллы, и впервые даже беженцы
стесались и плясали от радости. Поспешно
изображенная художником картина
имперского знамени, поднятого на высотах
офицером с высокомерным лицом
аристократа, рисовалась повсюду на
стенах города. Хотя такого офицера не
существовало, эта картина на много
недель стала символом имперского
сопротивления.

СИЛЬВЕРСТАЙН следил за

Броненосцами из укрытия.

Он был замаскирован красной пылью, ее песчаная пленка покрывала даже линзы его биоптики. Он лежал, растянувшись у крошки высохшего речного гна. Его дыхание было ровным, медленным и неглубоким. Маскировочная сеть, сплетенная из корней, ветвей и других частей сухих пустынных растений, закрывала его силуэт. Партизаны так же старательно замаскировались, как и он. Если бы не знания и опыт Сильверстайна, патрули Броненосцев, охотившиеся за ними последние пять дней, уже нашли бы их. В маскировку была втерта костяная

мука и соль, чтобы скрыть запах. Это позволило сбить со следа боевых псов. Броненосцев после побега, и Сильверстайн требовал, чтобы они продолжали выполнять эту процедуру. Партизаны не спорили. Под покровом ночи они казались лишь неровностями на грядках скалистой бухты.

Меньше чем в двадцати метрах от них стояли три заправщика, огромные гусеничные транспортеры, укрытые маскировочными сетями. В темноте восемнадцатиметровые машины казались непомерно громадными, но Сильверстайн по опыту знал, что воздушная разведка увидит только глинные заросли кустарника.

Апартан, бывший сержант Кантуканской Гвардии, подполз к Сильверстайну, ветви на его маскировочной сети слегка вздрогнули.

— Это уже одиннадцатый склад горючего, который мы находим за три дня, — прошептал он в ухо Сильверстайна.

— Здесь они добывают горючее, — сказал Сильверстайн партизанам.

Видите вышку?

Асинг-ну покачал головой. Сельский житель, он никогда раньше не видел нефтяных вышек. Решетчатое строение из стальных балок выглядело странным и неуклюжим.

— Для чего она?

— Выкачивает ископаемое горючее из подземных залежей. Противник собирает ресурсы, готовясь к большой кампании, и осторожно, я бы сказал. Прячет склады в глуши и собирает войска вдали от глаз имперской разведки.

— Почему? Почему они просто не атакуют и не захватят планету, как захватили они Тарсис, Орфратис, Ниневию... — Апартан замолчал и глотнул... — ... и Кантику?

Сильверстайн не знал, что ответить.

Броненосцы действовали таким образом уже некоторое время. Они заготавливали ресурсы, чтобы снабжать силы вторжения, и тщательно маскировали свою деятельность от имперской разведки. Биоптика

Сильверстайна заметила в небе характерные очертания разведывательной «Молнии» Имперского Флота, несомненно, выполнявшей здесь воздушную разведку. Противник прилагал большие усилия, чтобы скрыть свои действия. Эта в высшей степени скрытная, методичная подготовка совсем не была похожа на массированные высадки с воздуха, характерные для Броненосцев. Слишком необычно, чтобы это игнорировать.

-- Не двигаться! -- прошипел Апартан.

Они все замерли, прижавшись лицами к скале. Камень был все еще теплым от дневной жары. Сильверстайн медленно досчитал до десяти, вцепившись в рукоять трофейного лазерного пистолета. Взглянув на свои руки, он увидел белые бесцветные точки на коже. Но потом он понял, что это не так. Эти светлые пятна были естественным цветом его кожи, почти полностью покрытой красной грязью, пылью и засохшей кровью. Его руки были розовато-лиловыми, как и лицо. Прошли уже недели, если не месяцы, с тех пор, как он в последний раз мылся. Пять

дней со времени их побега, а сколько времени прошло до того?

— Противник, прямо внизу, — прошептал Темуган, глядя за каменную ограду в прицел лазгана.

Сильверстайн посмотрел туда, и его биоптика подтвердила этот факт. Вокруг нефтяной вышки стояли часовые Броненосцев. Другие вражеские солдаты, раздетые до пояса, тащили трубы и присоединяли шланги к ожидавшим гусеничным заправщикам. Их бледные мускулистые тела, покрытые шрамами, странно выглядели вместе с безликими железными масками. До сих пор Сильверстайн часто сомневался, люди ли скрываются под этими пластинами брони.

+++ Расстояние: горизонтальное 17 метров — вертикальное 6 метров.
Показатели тепла/движения: 8 человек/гуманоидов (вероятность 85%).
Температура: 31 градус. Видимость: низкая +++

— Обнаружено восемь солдат противника, — сказал Сильверстайн, оценивая полученную информацию и

передавая ее своим спутникам. --
Действуем так: бывший гвардеец и
фермер со мной, -- сказал он, указывая на
Апартана и Асинг-ну. -- Темуган,
остаешься здесь и прикрываешь нас огнем,
отстреливаешь их, если... что-то пойдет
не так.

Темуган, бывший часовщик с
крепкими руками, кивнул. Он нес лазган,
единственное настоящее оружие, которое
им удалось захватить во время побега
пять дней назад. Остальные переползли
через каменную гряду на руках и коленях,
держа трофейное оружие и
импровизированные взрывные устройства.

Они двигались тщательно медленно,
иногда совсем замирая на месте, ползли
вперед едва заметными движениями. Они
двигались в обход по окружности
расположения противника, заходя во
фланг. Силуэты Броненосцев, казалось,
маячили везде на территории склада.
Сильверстайн старался не смотреть на
них. Это было суеверие старого охотника --
что, глядя на жертву, ты предупреждаешь
ее, она почувствует, что за ней охотятся.

Как дети, которые верят, что, если они закроют глаза, то и их не увидят. В этом была и какая-то частица истины. Хороший охотник полагается на другие чувства.

Они затратили двадцать минут, чтобы ползком зайти во фланг, и еще десять, чтобы приблизиться к нефтяной вышке.

-- Стой! -- встревоженно зашипел Апартан.

Сильверстайн уже замер. Лево́й ногой он покачал пучки тростника в маскировочной сети, чтобы они качались так же, как сухая трава, по которой он прополз.

В темноте прямо на них шел Броненосец. Было темно, и Сильверстайн мог разглядеть только силуэт в громоздких, широких наплечниках. Охотник решил не рассматривать врага подробнее. Но успел безошибочно заметить очертания тяжелого стаббера на плечах Броненосца.

Трое безлецов лежали очень тихо. Броненосец подошел ближе. Подкованный

железом сапог с пластинами брони на
подмышках опустился на землю лишь в
пяти метрах или около того от лица
Сильверстайна. Вражеский солдат начал
поджевать сухую траву сапогами, как
будто искал что-то.

Медленно рука Сильверстайна
скользнула к спусковому крючку автомата.
Броненосец подошел еще ближе, шаркая по
траве одной ногой. Сильверстайн сжал
спусковой крючок на волосок сильнее.

С удовлетворенным ворчанием
Броненосец нашел то, что искал. Он начал
возиться в своем кольчужном табарде,
борточа что-то сквозь зубы. Сильверстайн
услышал журчание горячей жидкости,
шипевшей на сухой траве, и вздохнул с
облегчением. Вражеский солдат искал
отхожее место.

Они подождали, пока он удалится, и
еще несколько минут после этого.
Наконец, Сильверстайн подал знак
продолжать двигаться.

Передвигаясь на животе и локтях,
они ползли к вражескому складу горючего.
Из-за необходимости маскировки лагерь не

был освещен ничем, кроме света луны. Темнота была главным преимуществом Сильверстайна.

Охотник еще раз осмотрел местность своей биоптикой. Он насчитал восемь Броненосцев, не больше. Поднявшись на одно колено, он просигналил остальным целиться в противников слева от него. Сам он, глядя в прицел, взял на себя шестерых остальных. Он собирался вести огонь так, чтобы наиболее гладко переходить от одной цели к следующей. Он собирался застрелить часового у основания вышки, но понял, что из-за расположения его позиции это оставит самой дальней цели — Броненосцу у кабины заправщика — возможность спастись. Он мог отстреливать врагов с середины лагеря к окраинам, начиная с двух Броненосцев, которые курили сигареты в центре лагеря, но это встревожит находящихся дальше противников на долю секунды раньше.

После некоторых раздумий, Сильверстайн решил отстреливать их справа налево, быстро переходя от одной

цели и следующей. Если ветер не испортит ему прицел -- а скорее всего этого не будет -- он уложит всех шестерых за три секунды.

Раздался бешеный треск выстрелов. Партизаны поднялись, стреляя очередями.

-- По грузовикам огонь! -- приказал Сильверстайн.

Раздался новый шквал выстрелов, за ним последовал страшный взрыв. На секунду ночь превратилась в очень яркий день. Из взорвавшихся заправщиков изверглось грибовидное облако ярко-красного газа.

Среди дыма и смятения, Сильверстайн бросился к нефтяной вышке и бросил в насос единственную осколочную гранату. После этого охотник бросился бежать, не оборачиваясь. Взрыв мог сжечь волосы на его лице.

Сильверстайн и партизаны быстро покинули расположение склада, их мотоциклы исчезли задолго до того, как ближайšie подразделения Броненосцев успели подняться по тревоге. Когда они ехали, горизонт полыхал желтым

заревом на фоне темного неба. Это был девятый склад горючего, который они уничтожили за пять дней.

РОСС был отправлен в офицерский лазарет, стоявший отдельно от госпитальных палаток для нижних чинов. После боя у Магдалы санитары привязали его к лошади и направили в Мантиллу для лечения. Если бы его не накачали метином и гипроксом, поездка на лошади была бы невыносимо мучительна для его израненного тела. Инквизитора разместили в доме Бокоб, бывшем сиротском приюте, и здесь, за стенами Мантииллы, вдали от боев, он позволил себе немного отдохнуть.

Дом Бокоб был большим зданием с гвүтя флигелями, настолько по-имперски аскетичным и строгим, насколько позволяла архитектура Холпеша. Тем не менее, его купол был отделан мозаичной глазурованной черепицей и инкрустациями из цветного стекла. Выложенный глиняными кирпичами двор, окружающий приют, был уставлен деревянными

постройками для игры детей.

Там были горки, качели, кольца, сейчас они были похожи на скелеты животных, обглоданные пагальщиками и высушенные солнцем. От детей не осталось и следа. Никто не знал, куда они исчезли. Никто и не подумал спросить.

Раненые офицеры быстро проходили через лазарет. Здесь не было достаточно коек, и фронт взимал с офицерских кадров тяжкую дань. Офицеры с ранениями легкой второй степени возвращались на фронт, проведя максимум три дня в доме Бокоб. Умерших сносили в подвалы, в которых раньше хранились продукты. Койки, которые они занимали, обмывались водой, и на них помещались новые пациенты. Кровь и испражнения пропитывали простыни и матрасы. Поэтому в доме Бокоб сейчас пахло разложением.

У Росса были ранения четвертой степени.

Боль была, вероятно, по крайней мере, третьей степени. Он получил тупую травму грудной клетки, достаточную, чтобы вызвать небольшое внутренне

кровотечение. Медики также скрепили его позвоночник железными стержнями, чтобы ограничить его движения. Удар кувалды выбил диск и почти привел к грыже седьмого позвонка. Возможно, его ранения соответствовали более высокой степени, чем четвертая, но медики оценили их как «не угрожающие жизни/средней тяжести».

Последние двадцать четыре часа Росс, больше чем от ран, страдал от полукomatозной лихорадки. Вероятно, он подхватил инфекцию из-за плохой гигиены в лазарете. Медики поставили ему капельницу с венцом трубок. Посреди притока раненых никто не заметил, что он был инквизитор. В доме Бокоб он был просто пациентом четвертой степени, и они оставили его дальше бороться за жизнь самостоятельно.

— Это просто мое мнение, но мне кажется, ты предпочел бы, чтобы тебя убили, — голос вывел Росса из тяжелого забытья.

Росс очнулся, охваченный жаром лихорадки. В его поле зрения показался

нечеткий, расплывающийся силуэт Селетины. Она по-прежнему была одета в платье с цветочными узорами. Переливчато-зеленые тени, украшавшие ее глаза, придавали им кошачий отблеск. На ней были глиняные накладные ресницы, и она убрала кольцо из губы. Росс едва узнал ее.

— Что, во имя Трона, ты на себя нацепила? — слабо пробормотал Росс.

Селетина скрестила руки и притворилась, что злится.

— Это для встречи с Голиасом. Но ты этого не знал, потому что был слишком занят, пытаясь произвести впечатление на гвардейцев, — проворчала Селетина.

— Я думаю, что она выглядит очень мило, — сказала Маглен, подходя к его койке. Она так же была одета в праздничный наряд. Ее каштановые волосы были сейчас глиняными и прямыми, с тонкой прямой челкой. Ее губы были рубиново-красными.

— Вы обе выглядите как уличные... — Росс замолчал, когда Маглен твердо схватила его плечо.

— Так с леги не разговаривают, —
упрекнула его Маглен.

— Тогда вам, наверное, лучше
вернуться к Голиасу. Похоже, он знает, как
должна выглядеть леги, — сказал Росс,
трясаясь от смеха.

— Не думаю, что теперь мы там
желанные гости, — сказала Селемина.

Росс перестал смеяться.

— Как прошла встреча?

— Плохо, — сказала Маглен. Она
бросила взгляд на Селемину, но ничего не
сказала.

— Насколько плохо?

— Он пытался нас убить, — ответила
Селемина.

Росс вскочил. Железные стержни
врезались в спину, но сейчас ему было
плевать.

— Что?

— Когда переговоры не удалось, он
попытался нас убить. Он был очень
осторожен с этой сделкой. Не думаю, что
он позволил бы нам даже взглянуть на
товар.

— Но вы уверены, что артефакт

поглинный?

-- Не понимаю, зачем ему пытаться убить нас, если бы артефакт не был поглинным, -- заявила Маглен.

Росс начал с яростью вырывать трубки капельницы из вен, потом отстегнул железные стержни от спины.

-- Росс, ты что делаешь? -- протестующе закричала Селемина. Они с Маглен попытались затолкать его обратно на койку.

Но Росс уже вышел из себя. Он оттолкнул их руки и сорвал последние бинты.

-- Найдите мне капитана Прагала. Пусть он отберет взвод лучших кантиканских гвардейцев. Мы нанесем визит этому ублюдку Голиасу. Этой ночью.

УЛАНЫ были одним из подразделений, на основе которых создавалась Кантиканская Колониальная Гвардия. Они были элитной частью, входившей в первый Полк Основания, набранный из беспокойных колоний

Медины. Еще во времена Войны Освобождения уланы сражались мечами и алебардами в Пограничной Ауксилие на стороне лоялистов. Это было шесть с половиной тысяч лет назад.

Кантиканская Гвардия, не будучи богата боевой техникой, характеризовалась прежде всего качеством солдат, а не превосходством в вооружении, и апогеем этой философии были уланы. Подобно кандианским касркинам или курассианским колмангос, набор в уланы был ограниченным и весьма избирательным.

Требовался рост не ниже 185 сантиметров, и требования к физической подготовке были чрезвычайно высоки. В основном кандигаты выбирались из своего полка, из любой части в составе полка, и никому не оказывалось особых предпочтений. Уланы были элитой, и сама роты, а не офицеры, решали, кто достоин носить значок уланы.

Рекрутов, которых называли «пони», тучили беспощадно, невзирая на их происхождение. В ходе ритуала,

называемого «закалкой», рекрута зверски избивали пять полноправных улан. Рекрутов ломали морально и физически. Это был процесс, во многом сходный с обстреливанием палки. У человека оставалась лишь его храбрость и твердость, которая и оценивалась равными ему. Тех, кто не был сломлен, принимали в свой круг. Те же, кто не выдерживал, как шутили уланы, всегда могли пойти в «конную пехоту».

Росс не смог бы найти лучших солдат для нападения на поместье Голиаса. Капитан Прагал привел его к дому, где были расквартированы уланы, реквизированному военными властями зданию, ранее известному как «Дом равнивых возлюбленных». Это был нелегальный бордель на окраине Мантиллы, закрытый после начала войны. Фасада дома был украшен красными шелковыми драпировками, интерьер отделан так же. Дорогие ткани красных, черных и желтоватых оттенков, привезенные с других планет, струились со стен, обрамляя открытые окна.

Росс нашел улан из резерва, чистящих оружие и проверяющих снаряжение, сидя под массивными портьерами. Это было странное зрелище — суровые худощавые гвардейцы, сосредоточенно разбирающие оружие среди роскошных шелковых тканей. Большинство улан сидели на больших овальных кроватях, части оружия и снаряжения, разложенные на ткани, оставляли жирные черные полосы.

— Это капитан Алмейда, он командует вторым взводом, позывной «Шакал», — с гордостью объявил Прагал. Хотя они были в одинаковом звании, было очевидно, что более молодой Прагал испытывает почтительное благоговение перед уланским офицером.

Капитан Алмейда пожал руку Росса. Его ладонь была твердой и мозолистой, и Росс заметил, что костяшки его пальцев были пыльно-белого цвета — признак кулачного бойца.

— Инквизитор. Вы командовали наступлением у Магдалы с потрясающей храбростью, я и мои солдаты восхищаются

вами. Но надеюсь, что ваша репутация не внушила вам ошибочных мыслей. Мы -- уланы, и это мои уланы. Вы работаете вместе с нами, понятно?

Росс подумал, что Алмейда -- типичный офицер спецназа. Ему понравилась эта резкая прямота. Не каждый день полевой офицер будет говорить так открыто с членом Циквизиции.

-- Вполне понятно, капитан. Берем штурмом поместье и все. Вошли и вышли, -- сказал Росс.

Алмейда не смотрел на него. С сосредоточенным лицом он застегивал на груди характерный уланский пояс с подрывными зарядами и осколочными гранатами. Гранаты висели на кожаной амуниции, словно металлические плоды.

-- Капитан Прагал уже проинструктировал нас. В поместье могут быть гражданские, поэтому мои парни вооружатся малокалиберными автоматами. Я не хочу, чтобы случайные лазерные лучи пробивали стены и убивали матерей с детьми и стариков. Еще

вопросы есть? — спросил Алмейда.

Он помахал автоганом Т20 «Стэм», линкил от смазки, и вероятно, служившим уже много столетий. Оружие было из штампованного металла, с тонким профилем, и было похоже на металлическую трубу с металлической же Т-образной планкой вместо приклада. Его магазин был горизонтальным и расположенным сбоку. Без сомнения, это было самое неудобное и некрасивое оружие, которое Росс когда-либо видел.

— «Стэм» Т20, капитан? Вы считаете, этого достаточно?

Алмейда со щелчком вставил магазин, и с металлическим лязгом отпустил рукоятку.

— Какая разница, если вам между глаз попадет заряд болтера калибра .75, или 10-мм пуля Т20? Результат будет тот же.

Капитан был прав. Кантуканские

Колониальные полки определенно не являются лучше всех снаряженными в Имперской Гвардии, но если сорок злых улан не смогут взять это поместье, то лучше даже и не пытаться, подумал Росс.

ПРОНИКНОВЕНИЕ в поместье Голиаса было затруднительным вопросом. Причудливая красота высокой террасы давала его расположению определенное тактическое преимущество. Оно располагалось высоко над улицами города, и это лишало улан возможности проникнуть в него сразу с нескольких пунктов. Извилистая каменная лестница создавала естественное дефиле, поэтому фронтальная атака не являлась возможной. По сведениям Маглен и Селетины, многочисленные ниши и окна террасы содержали множество охранных систем.

Словно для того, чтобы усложнить ситуацию, тройные солнца светили днем и ночью, не давая тени, и выдали бы их

присутствие. Подойти к поместью
скрытно не представлялось возможности.

Поэтому Алмейда приказал брать
поместье открытым штурмом. Росс не
возражал. Команда «Шакал-1» из
двенадцати улан берет главный вход и
взрывает медные ворота поместья
подрывными зарядами. «Шакал-2», так же
из двенадцати солдат под командованием
Селетины и Прагала войдет через крышу
сада, высадившись со «Стервятника».

Последняя группа «Шакал-3» под
командованием Алмейды и Росса войдет
на террасу через внутренний двор с тыла.
План прямой и беспощадный в своей
простоте, как и предпочитал Росс.

ВЕТЕР был сильным, несущим
частицы песка в своем теплом потоке.

Внешняя стена двора была сделана из
гладкой терракоты. Росс схватился за
нее, пристегнутый к тросу, ритмически
ударяясь о стену с каждым порывом ветра.
Они забрались высоко, на самый высокий
жилой уровень Мантилы, среди сказочно
богатых поместий, принадлежавших

местным олигархам.

Росс взглянул на хронометр на руке. Согласно мигающим цифрам на дисплее, штурм скоро начнется.

В наушниках вокса раздался треск помех.

-- Всем позывным, это «Шакал-1». Группа на месте. Ждем отсчета. Прием.

Алмейда сжал большим и указательным пальцами бусину вокс-передатчика.

-- «Шакал-1», это «Шакал-3», мы на месте. Прием.

В вокс-наушнике послышался голос Селемины.

-- «Шакал-1», это «Шакал-2». К высадке готовы. Прием.

Росс взглянул вверх. Действительно, в небе висело едва заметное пятнышко -- штурмовик «Стервятник», вой его турбин был достаточно негромким, чтобы противник не заметил его.

-- Приготовить заряды! -- приказал Алмейда, его голос был усилен порывом ветра.

Вслед за гвардейцами огневой группы

Росс снял с пояса осколочную гранату. Он проверил гранату в руке, покатав на ладони, ощущая ее тяжесть. Гвардейцы, как один, выдернули чеки и крепко сжали гранаты, удерживая спусковой рычаг запала. Они ждали.

Все безошибочно поняли сигнал, когда услышали его. Глубокая вибрация от многочисленных взрывов сотрясла переднюю часть террасы. Хотя взрывы были приглушены стенами, Росс чувствовал, как их энергия проходит через его позвоночник, как сильный порыв ветра. «Шакал-1» взорвал ворота.

-- Вперед! -- взревел Алмейда, и бойцы «Шакала-3» бросили гранаты за стену. Стена содрогнулась от взрывов, облако пыли и осколков поднялось до самого ее верха.

Росс первым спустился во внутренний двор. Его Т20 был уже в руках, нацеленный на крытый сад у дома. Поврежденные суставы и раны прошлых дней были забыты, его кровь наполнял адреналин. За ним спускались уланы, держа оружие наизготовку. Они не встретили никакого

сопротивления.

Никого не было видно.

Они преодолели стену, ожидая боя. Хотя бы сопротивления охранников, но -- ничего. Огневая группа была ошеломлена, словно на секунду растерявшись и не зная, что делать, если некого убивать.

-- Здесь чисто. Где к черту все? -- прошипел Росс.

Капитан покачал головой, щелкнув вокс-передатчиком.

-- «Шакал-1», это «Шакал-3». Доложите обстановку, прием.

Некоторые из улан тревожно смотрели друг на друга. Они заметили, что в доме не слышно звуков стрельбы. Такая же трачная тишина, прерываемая лишь жужжанием механических насекомых, была и в саду.

-- «Шакал-1», это «Шакал-3». Доложите обстановку, прием, -- повторил Алмейда.

И вдруг, с треском полех, по всем каналам раздалось сообщение «Шакала-1». Оно было таким громким, что некоторые уланы поблизости от Росса вздрогнули.

вцепившись в наушники.

--- Император! О, проклятье, проклятье...

Новый всплеск помех.

--- Я истекаю кровью! Я теряю...

Внезапно связь прервалась. Это был голос сержанта Чанчина, командира «Шакала-1». Безумный ужас в его голосе врезался в память Росса. Несколько улан сорвали наушники, злобно ругаясь.

Потом под ударом оказался «Шакала-3».

Мины, скрытые в субтропических растениях, взорвались вспышками ослепительно белого пламени. Росс даже не услышал самого взрыва -- так сильно зазвенело в его ушах. Противопехотные поражающие элементы разнесли сак в клочья, взметнув вихрь кусков растений и человеческого мяса.

Его зрение и слух вернулись не сразу. Какое-то время он видел лишь белое, и слышал лишь звон в ушах. Когда чувства вернулись, он увидел перед собой страшную картину. Почти половина солдат огневой группы лежали на земле, их конечности

были вывернуты или оторваны, кровь лилась ручьями. Мины, вероятно, были спрятаны под корнями толстого саговника, и те, кто стоял ближе к дереву, пострадали больше всех. Узуродованные тела лежали вокруг расколотого пня.

— Вы в порядке? — закричал Алмейда прямо в ухо Росс. Капитан истекал кровью из раны на щеке, глубокого разреза, в котором была видна белая кость.

Росс проверил свое состояние, подвигав конечностями. Его спатейские боевые доспехи приняли себя все повреждения. Броню на левой ноге и части торса покрывали вмятины и сколы, многочисленные, как звезды в галактике. Иначе противопехотные мины разорвали бы его.

— В порядке, в порядке, — ответил Росс.

— Ублюдки ждали нас. Какая сволочь предупредила их, что мы идем?! — прошипел Алмейда.

«Нас предали», хотел сказать Росс. Но сейчас было не время. Вместо этого он огляделся вокруг и быстро оценил

ситуацию. Четверо улан из состава «Шакала-3» были несомненно мертвы, а из раненых двое были не в состоянии сражаться. Один раненый улан держал свою правую руку, весь бицепс с нее был оторван. Другой страшно кричал, его лицо, обогранное щепками и гравием, превратилось в одну сплошную рану.

Осталось семь боеспособных, включая Росса и Алмейду. Этим сил могло не хватить, но пути назад не было. Алмейда уже двигался дальше, просигналив остальным следовать за ним.

Росс пересек двор, со злостью нув по пути фонтан. Алмейда достиг входа в дом, закрытого решетчатой дверью из ароматного дерева. Капитан выломал ее ударом ноги и бросил в темный проем гранату.

Росс бросился за Алмейдой. Адреналин пульсировал в его висках. Он выстрелил из своего Т20. Оружие вздрогнуло, когда он выпустил короткую очередь. У этого автомата не было сотрясающей всю руку отдачи плазменного пистолета, но оранжевые трассеры

подействовали на Росса странно
успокаивающе. Росс остановился на пороге
дома, выпустил очередь в наполненную
дымом комнату и ворвался в дом вслед за
капитаном.

За дверью их ждали охранники
Голиаса. Все они выглядели как бывшие
бандиты. У элиты Мантиллы была
склонность нанимать бандитов из трущоб
в качестве охранников. Так же у них было
модно хитически наращивать мышцы и
делать гангстерские татуировки. Это
позволяло буржуа думать, что они
заигрывают с опасностью. Это приносило
немного остроты в их изнеженную жизнь.
И эти люди не были исключением. Все они
были бритоголовыми, с буйдожьими
физиономиями, и покрыты татуировками
по самую шею.

Прячась за диванами, креслами и
нижними шкафами, наемники Голиаса
обращались с оружием с напускной
храбростью любителей. Они открыли
ураганный огонь, заботясь не столько о
прицеле, сколько о том, чтобы выпустить
как можно больше пуль.

В этой перестрелке с близкого расстояния Росс выдел, как по-разному действовали хорошо обученные гвардейцы и уличные бандиты. Уланы залегли, действуя спокойно и хладнокровно, некоторые даже переговаривались жестами. Их ответный огонь был точным. Одному охраннику пуля попала в грудь, развернув его. Следующий выстрел попал ему в спину, уложив на пол. Другой охранник схватился за горло, из его рта хлынула кровавая пена. Уланы выпускали хорошо нацеленные короткие очереди, поражая врага в центр тяжести.

Через несколько секунд уланы зачистили помещение. Пять охранников Голиаса лежали на роскошном ковре на полу, над ними рассеивалось облако дыма.

-- Чисто! -- воскликнул Алмейда.

-- Чисто! -- ответили его солдаты.

И они направились дальше.

БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ первого этажа здания занимал зал для торжественных приемов. Охранники Голиаса ждали там в засаде.

Росс чувствовал их разумы, чувствовал, как они прячутся за богато украшенной мебелью нео-колониального стиля. Он ощущал их страх перед боем, как кислый запах в воздухе. Он чувствовал их намерение убивать.

Остановив огневую группу перед решетчатыми дверями зала, Росс предупредил солдат о засаде. Алмейда несколько не усомнился в этом. Он проломил в решетчатой конструкции двери широкую дыру, и солдаты забросили через нее в зал несколько гранат.

Раздалась взрывы. Подождав две секунды, уланы ворвались в зал, стволы их автоматов извергли в плену дыма потоки огня.

Росс вошел в зал вслед за огневой группой, подняв оружие. Дым от гранат рассеивался, и охранники Голиаса отчаянно отбивались. Тяжелая мебель из слоновой кости и твердого черного дерева частично защитила их от осколков. Они отстреливались из дробовиков и тяжелых пистолетов.

Зал заволокло дымом от сгоревшего

физелина. Противников разделяли менее чем десять шагов. Росс пригнулся за перевернутым большим шкафом, пытаясь найти укрытие за прочной мебелью из черного дерева.

На расстоянии не больше вытянутой руки с другой стороны шкафа высунулся охранник Голиаса. Он выстрелил из дробовика и промахнулся, не успев прицелиться, так как слишком спешил снова укрыться. Выстрел дробовика пробил книжную полку позади Росса.

-- К фразе, -- выругался Росс, бросив Т20 и достав из кобуры «Солнечную Ярость». Усталость уже лишала его сил, он чувствовал, как боль от прежних ран пульсирует, словно приближающийся прилив. Надо было заканчивать этот бой быстро. Первый плазменный выстрел Росса проплавил безупречную полусферу в толстой стене шкафа. Следующий сжег неудачливого стрелка с другой стороны.

-- «Шакал-3», это «Шакал-2», -- раздался в вокс-передатчике голос Селетины.

-- Второй, это Третий, доложите,

прием, — ответил Алмейда, сопровождая приказ очередью из Т20.

— Высадка невозможна! Повторяю, высадка «Шакала-2» невозможна. Сканеры самолета засекли тяжелое оружие и многочисленные мины-ловушки на крыше. Это труднее, чем мы думали, — прокричала Селемина.

— Второй, это Третий. Отменить высадку, — приказал Алмейда, выпустив еще очередь из-за дивана. Повернувшись к Россу, он крикнул:

— Все, теперь мы огни.

Росс пригнулся, когда над ним загрохотали выстрелы гробовиков. Да, они остались огни. Но они — кантиканские уланы, а их противник — всего лишь нанятые гангстеры. Росс ни в малейшей степени не был обескуражен.

— Схема огня — заградительная, — приказал Алмейда на частоте отделения.

Это было упражнение, которое уланы отрабатывали вместе с Россом перед операцией. Они показали ему только основы, но это было достаточно простое упражнение. Каждому в огневой группе был

присвоен четный или нечетный номер.

По приказу Алмейды четные номера поднялись и открыли плотный огонь, заставив противника залечь. Одним из них был и Росс. Он перекатился на колени и произвел серию плазменных выстрелов в глубину зала. Выстрелы испаряли ткань и испепеляли дерево, оставляя пробоины размером с кулак в дальнем конце зала.

Нечетные приготовили гранаты, и когда четные прекратили огонь, они поднялись, полуприсев, и метнули гранаты, которые, отскакивая от стен, падали прямо за импровизированной баррикадой противника.

Вспышки взрывов поглотили дальний конец зала. Стены вздрогнули, с потолка сыпалась штукатурка. Рухнул стеллаж с книгами.

Жаркая перестрелка утихла. Враги вопили и стонали от боли. Они были уличными громилами, молодыми гангстерами, сумевшими произвести впечатление на глупых аристократов, чтобы те их наняли. Некоторые из них знали, с какого конца братья за нож или

пистолет, но они не могли сравниться с обученными солдатами.

Уцелевшие охранники вышли из-за баррикады с поднятыми руками. Капитан Алмейда поднялся и перестрелял их точными выстрелами. Слишком многое зависело от этого задания, и возиться с пленными не было времени.

Росс отдохнул пару секунд, прислонившись к разбитым, расколотым и обугленным обломкам большого шкафа, тяжело дыша. Он взглянул на убитых наемников, их трупы были разбросаны вокруг баррикады. Странно, но ему было даже немого жаль их. Это были отчаявшиеся люди, ввязавшиеся в дело, которое было им не по зубам.

— Всем позывным, это «Шакал-3», первый этаж чист. Продвигается на второй этаж, прием, — сообщил Алмейда по воксу. Вероятно, все бойцы «Шакала-1» были уже мертвы, а «Шакалу-2» еще долго сюда добираться. Алмейда мог им ничего не сообщать.

Они пошли дальше. Алмейда и его сержант шли впереди. Они двигались с

согласованной эффективностью. Алмейда бежал, пригнувшись, сержант за спиной прикрывал его, целясь из Т20. Вместе с семь бойцов «Шакала-3» добрались до винтовой лестницы на верхние этажи.

Они встретили упорное сопротивление в коридоре второго этажа, капитан Атүрк был убит выстрелом в голову на входе. Началась яростная перестрелка, но уланы отбросили охранников Голиаса. Рядовой Алан, специалист огневой группы по тяжелому оружию, выступил вперед с огнеметом. Его оружие извергло вихрь огня, выжигая двадцатиметровый коридор. Все закончилось за несколько секунд.

Они нашли гостей Голиаса, сбившихся, как стадо испуганных овец, в верхних комнатах. Здесь было, возможно, пятьдесят или шестьдесят представителей мантиланской элиты, сжавшихся в ужасе, плачущих и напуганных до состояния истерики. По лицам женщин капля стекла косметика, мужчины были еще хуже, их плечи согрогались от

рыданий. Некоторые все еще находились в наркотическом опьянении, их горячий ужас усиливался наркотиками.

Сержант Калхиг схватил за шелковые лацканы богатого олигарха и потянул ближе. Тот явно находился под действием обскуры, сперса, алкоголя, или комбинации всего этого.

Сержант, потянув его нос к носу, оскалился.

-- Значит, вы предпочитаете игнорировать войну и веселиться на всю катушку? А как у тебя получится игнорировать это? -- сержант Калхиг прижал ствол Т20 к голове олигарха. Тот с громким звуком обгадился, его колени подогнулись. Сержант с отвращением отшвырнул его.

Росс посмотрел на Алмейду, но капитан не сделал выговора сержанту, не приказал ему остановиться. Вообще-то Калхиг выразил чувства, которые испытывали они все. Слишком долго аристократы и олигархи занимались своими делишками, игнорируя войну за счет всех остальных. А теперь словно

возмездие самого Императора настигало их за их оргии.

Уланы заперли охваченных паникой гостей в их комнатах, забаррикадировав двери тяжелыми стульями, прежде чем двинуться дальше.

Зачистив второй этаж, они услышали, как «Стервятник» обстреливает крышу поместья из автомашек. Это было похоже на грохот промышленного бура.

— «Шакал-3», это «Шакал-2». Получено разрешение от командования на использование оружия самолета в гражданской зоне. Нейтрализует сопротивление на крыше. Скоро присоединится к вам. Конец связи, — сообщила Селетина.

ГОЛУСАС оказался в ловушке между «Шакалом-3», штурмующим винтовую лестницу с нижних этажей, и «Шакалом-2», атакующим с крыши. Охранники пытались оказать сопротивление в саду на крыше, но быстро поняли, что их опыт уличных драк здесь недостаточен.

-«Шакал-2», «Шакал-2». Третий этаж полностью чист, кроме атриума и ангара. Доложите обстановку, --- прорычал Алмейда. Огневая группа настороженно ожидала, навоя стволы автоматов, то на один угол, то на другой. Голиас должен быть где-то близко.

--- Это «Шакал-2». Крыша зачищена. Ему некуда бежать. Прием.

--- Вас понял. Охраняйте крышу и будьте готовы. Мы все еще можем упустить его. Конец связи.

Сейчас Голиас может быть особенно опасен. Росс отлично знал, что, когда жертва загнана в угол, она становится наиболее непредсказуемой.

«Шакал-3» нашел Голиаса в атриуме. Коллекционер не был вооружен. Он плавал обнаженным в своем бассейне.

Огневая группа развернулась веером, навоя автоматы на Голиаса, пока ауспексы искали мины, ловушки и признаки движения. Голиас, казалось, не обращал на них внимания. Он хлопал ладонью по поверхности пруда, наблюдая, как на воде расходятся круги.

Росс медленно подошел к коллекционеру.

— Хайэм Голиас. Я инквизитор Ободайя Росс. Я много слышал о вас. Думаю, вы окажете более упорное сопротивление.

Коллекционер лениво погнул взгляд, отводя с лица гриву серебристых волос. Он небрежно пожал плечами.

— А я думал, что вы все сейчас уже мертвы. Иногда все получается не так, как мы ожидаем.

— Ублюдок ты все-таки, — заметил Росс.

— Я лишь защищаю свои интересы. Вас сюда никто не звал, — пожал плечами Голиас.

— А кто тебе сказал, что ты идешь сюда, Голиас? Кто предупредил тебя? — спросил Росс, возвышаясь над ним.

Голиас не смотрел на него.

— Кто-то, кто учел мои интересы. Кто-то, кому вы очень не нравитесь, инквизитор.

Росс решил действовать по-другому. Он достал плазменный пистолет и ткнул

В лицо Голиасу.

--- Это плазменный пистолет «Солнечная Ярость» МЖЗ. Его фузионный реактор стреляет ионизированным газом, который прожигает десять сантиметров пластики. Представляешь, что он сделает с твоим лицом?

Голиас ничего не сказал.

--- Начнем с пары вопросов, --- сказал Росс спокойным тоном. --- Кто сказал тебе, что я приду за тобой?

Наконец, Голиас поднял взгляд, посмотрев в глаза Росса.

--- Я не знаю. Меня предупредил кантриканский офицер. Он не сказал мне, кто его послал. Не задавай лишних вопросов и не болтай. Так мы работаем.

Росс проверил истинность его слов, вторгнувшись в разум Голиаса, заставив его заметно вздрогнуть. Возможно, Росс действовал более жестко, чем обычно. Он просто грубо обыскал его эмоциональные рецепторы. Голиас говорил правду.

--- Следующий вопрос: где артефакт? --- спросил Росс.

--- А сколько вы мне заплатите? ---

дерзко сказал Голиас.

— Сейчас для тебя есть три возможности, Голиас. Если ты окажешься слишком глуп, мы можем убить тебя прямо здесь. Или ты можешь сотрудничать с нами, и остаться в живых. И третий вариант: если ты попытаешься меня дурачить, то мы сбросим тебя на территорию Великого Врага.

— Вы не убьете меня, я вам нужен, чтобы добраться до артефакта, — уверенно сказал Голиас.

Росс отвесил высокомерному торговцу унижительный подзатыльник. А потом еще один.

— Все-таки ты совсем дурак. Авто-сеанс. Слышал о таком? Я могу сейчас прогелать дырку в твоем черепе, а потом вытащить твою жалкую, вопящую душонку из варна, чтобы получить ответы.

Теперь Голиас выглядел далеко не столь уверенным. Его губы заметно дрожали.

— Будь хорошим парнем. Покажи нам, где артефакт, — сказал Росс в почти

добродушной манере, присев рядом с
Голиасом. -- Мне не хочется сейчас
тратить заряд на твою бесполезную
голову.

-- Я НИКОГДА не видела сооружений таких масштабов и в такой хорошей сохранности, -- сказала Маглен.

Она присоединилась к огневой группе Росса на «Смервятнике». Ее мнение эксперта, по словам Росса, было абсолютно необходимо. Оперативная Группа, держа Голиаса под прицелом автоганов Т20, спустилась в шахту. Это казалось шахтой на первый взгляд, когда Голиас открыл замаскированную бронированную дверь, скрытую под масляным портретом его предка.

-- Это место -- шахта во всех смыслах, -- выдохнула Маглен.

Ржавый лифт с решетчатыми

борталми, лязгая и скрипя, вез их вниз. Его металлический скрежет эхом раздавался в бездонных глубинах, жуткими воплями возвращаясь к ним снизу. Они спускались ниже и ниже, пока на глубине шести тысяч метров не достигли гна.

— Святой Трон, — прошептал Росс, когда фосфорные лампы лифта осветили подземную тьму.

— Да, это именно настолько великолепно, как вы и ожидали, — сказал Голиас.

На самом деле артефакт Голиаса оказался вовсе не тем, чего ожидал Росс, да другие бойцы его оперативной группы.

Сначала казалось, что это разрабатываемый рудный пласт как минимум восьми километров в длину. Его стены испещряли прожилки железной руды. Штанги крепи поддерживали громадные пещеристые пласты, где камень был срезан ровными горизонтальными и вертикальными слоями.

Когда они подошли, то смогли разглядеть более мелкие детали. На каменной поверхности были различимы

зубчатые стены и церковные шпили, похожие на незаконченные скульптуры. В некоторых частях в слое камня были вырезаны многочисленные стрельчатые арки, их глинные ровные ряды шли, казалось, по всей глине шахты.

— Это имперская готическая архитектура, возможно, стиль Экклезиархии? — прошептала Маглен.

— Нет. Это «Диктатор», — сказал Росс.

— Диктатор? Я не знаю такого архитектурного направления. Оно происходит с Восточной Украины? — спросила Маглен.

— Он имеет в виду, — объяснила Селемина, — что это крейсер типа «Диктатор». Видите оружейные палубы? Шпили с горгульями?

Артефакт Голиаса оказался окаменевшим имперским крейсером. Минеральные наросты покрывали его открытые части, отложения солей и силикатов блестели, как корка льда, усыпали борта, как гроздь моллюсков. Крейсер словно стал частью мантии

планеты, тектоническим образованием из кварца, слюда, кальция и отложений железной руды.

Голиас провел их по тране к огромной пробойне в борту корабля. Эта рана в теле корабля тоже напоминала шахту. Балки создавали опорную конструкцию подосегающим камнем, там, где взрывы и буры пробили его поверхность.

-- Это «Решительный», крейсер типа «Диктатор» 2-го Экспедиционного флота, -- с гордостью объявил Голиас. -- Корабль упал на поверхность Аригүна во время Войны Освобождения в Мирах Медины. Вданных на борту не оказалось ничего о причинах гибели корабля, но, судя по этой пробойне в корпусе, Империя сражалась здесь отнюдь не с примитивными варварами.

Росс остановился у входа в пробойну. Броня почти пятиметровой толщины была разорвана. Что бы ни поразило «Решительный», это было воистину мощное оружие.

-- Голиас, если у тебя остались какие-то туги в рукаве, лучше сразу забудь про

них. Мне очень хочется прикончить тебя,
так что лучше не давай для этого повода.
Понял? -- прорычал Росс.

Коллекционер молча кивнул, когда
Росс с шипением стравил газ из
плазменного пистолета. Селелина
включила зажигание огнемета. Капитан
Прагал переключил Т20 в режим
полуавтоматического огня. Даже Маглен
взвела курок маленького стаб-пистолета с
револьверным барабаном.

-- Ты первый, -- сказал Росс, жестом
приказывая Голиасу идти в пробоину.

Медленно, оперативная группа вошла
в окаменевший крейсер.

ОГРОМНЫЕ внутренние помещения
крейсера едва можно было узнать.

За тысячелетия борозды
сталактитов, росших сверху, искривили
поверхности палубы. Росс шел впереди, луч
его фонаря выхватывал из тьмы силуэты
искореженных механизмов корабля и
похожие на пещеры коридоры.

Род Голиас установил здесь тусклые
фосфоресцирующие лампы для освещения

путь. Под слабым светом Росс видел, как странно и причудливо прошедшие века изменили корабль. Бездонное чрево крейсера было окрашено в оттенки коричневого и черного. Многие внутренние переборки рухнули или полностью слились с камнем. В трещинах блестели опаловые прожилки. В некоторых коридорах сформировались термальные источники, изрыгающие гейзеры ядовитого газа. Воздух был душным, и во влажных испарениях на стенах росли штаммы бактерий и плесени.

— Ничего не трогайте, некоторые микробы здесь довольно заразны, — сказал Голиас, искусно ведя их путем, которым он, несомненно, ходил много раз. Это корабль был единственной причиной, по которой древние патриархи рода Голиас возвели в этой местности свое родовое имение. Они понимали его ценность, и вкладывали в него средства. И эти вложения продолжались уже сорок пять поколений.

— Потедленнее, Голиас, — приказал Росс. — Куда ты ведешь нас?

— На мостик корабля, куда же еще?
Если, конечно, вы не желаете исследовать
пещеры, — сказал Голиас в своей
раздражающей бесцеремонной манере.

— Голиас, я сейчас очень близок к
тому, чтобы вбить твой нос тебе в череп,
— ровным голосом сказал Росс.

Какое-то время они больше
на карабкались наверх, чем шли, пока не
показались в посту связи. В тридцати
метрах перед ними зияли взорванные
двери на мостик, словно расколота я
ракловина гниющего моллюска.

— Это мостик, его не трогали со
времен Войны Освобождения, — сказал
Голиас, внезапно устремившись вперед
через окаменевшую гряду известняка,
бывшую когда-то, вероятно, опорной
стойкой.

Росс крепче сжал пистолет и
приказал нескольким кантиканским
солдатам остаться на посту снаружи
мостика.

В отличие от остальных отсеков
крейсера бронированный мостик
сохранился удивительно хорошо. Это был

словно осколок истории, кристаллизовавшийся во времени. На тактическом алтаре все еще была разложена боевая карта, маленькие, похожие на шахматы, фигурки на ней были приколоты на своих местах. Командирский трон корабля был сохранен в неприкосновенности, его нейро-разъемы ровным рядом разложены на кожаном сиденье.

— Сервиторы? — спросила Маглен, указывая на трех хрупкого вида когитаторных логиков, стоявших вокруг командирского трона. Это были странные существа с унылыми человеческими лицами и богато украшенными коробчатыми торсами. В люках на их животах были видны переключатели и провода.

Голиас кивнул.

— Мы купили их, чтобы поддерживать аппаратуру мостика в рабочем состоянии. Они могут включить главный банк данных корабля.

Росс тахнул пистолетом на Голиаса.

— Будь хорошим мальчиком, включи

Голиас на этот раз повиновался. Сервиторы начали свою работу, их лысые головы ритмично закачались вверх-вниз, а пальцы забегали по костяным клавишам. Некоторые экраны когитаторов были повреждены при падении корабля шесть тысяч лет назад. Многие из них за это время так же вышли из строя, несмотря на все усилия сервиторов.

— За несколько тысяч лет компьютеры потеряли физическую память, — объяснил Голиас. — Разрушившиеся логические элементы и схемы испортили много важных данных, но то, что я нашел, поистине бесценно. Вам это понравится, инквизитор.

С механическим стоном банки данных включились. Мониторы, которые еще функционировали, засветились зеленым светом, когда сервиторы начали извлекать древние данные.

ОНА была здесь все это время.

Когда включилась гололитическая карта Коридора Медини.

шеститысячелетнее запись показала систему Медины такой, какой она была тогда -- группа планет, каждая из которых была отмечена своей ясно видимой линией орбиты и экваториальными линиями на поверхности планеты. Когда трехмерная карта повернулась, и планеты изменили свое положение, загадка, по крайней мере, для Росса, была решена.

Это был момент секундной ясности, буквально один вздох между принятием реальности и слепотой незнания.

Коридор Медины был картой сокровищ. Экваториальные линии образовали на поверхности планет сетки, назвавшиеся с орбиты тонкими, как царапины. Расположение планет в Коридоре Медине фортировало космическую карту, а их экваториальные линии создавали определенную систему, сложную, и вместе с тем по своей идее простую до примитивности.

Росс был изумлен, что они не заметили этого раньше. Это же было так очевидно, буквально у них перед глазами. Коридор Медины образовал ряд линий,

связанных с осью экваториальных линий планет, и все они соединялись в центре.

В центре, где были Старые Короли.

-- Хаос ищет вовсе не вселенную... --
начал Росс.

-- Нет. Они восстанавливают старые экваториальные линии, воссоздают схему, необходимую для пробуждения Старых Королей, -- сказал Маглен.

-- Пробуждения? -- спросил Прагал, сняв кепи и нервно проведя рукой по волосам. Молодой капитан был явно растерян.

-- Я не уверен... Но эти линии существовали столь же долго, сколько и человеческая цивилизация здесь. Геодезия -- древняя терранская наука об изучении магнитных полей планеты, движении полюсов и так далее. Древние люди считали, что такие линии связаны с космосом по своей природе, вместе с сильным влиянием геомантии. Но в чем я точно уверен, что это линии на планетах Медины имеют отношение к Старым Королям.

Когда карта снова повернулась по

трехмерной оси, на мониторах появились большие объемы текста, открывающие степень осведомленности имперской военной разведки во время кампании Освобождения. Похоже, что уже во время Войны Освобождения имперские военные знали о существовании этих Старых Королей и их потенциале, способном изменить ход кампании.

Согласно источникам, происхождение Старых Королей берет начало в далекой древности Доимперской Медины. Те, кого банки данных корабля называли «Древними Разумными», пришли в миры Медин, принеся с собой влияние высокоразвитой цивилизации ксеносов и поклонение звездам и созвездиям. Это Росс уже знал из брифингов Гурюна, но в этих банках данных было гораздо больше.

Когда Древние Разумные, наконец, покинули Миры Медин, они оставили людям прощальный подарок. Они подарили им эмбрион звезды. Фактически, Древние Разумные, поклонявшиеся звездам, подарили Медине бога. Это и были Старые Короли, или Древняя Звезда, у нее

было множество и других имен, сохранившихся в поколениях. Звезда сохранялась в форме стазиса под названием «Колокол Гробницы», чтобы всегда охранять людей Медины. Или так сообщалось в банках данных. Там было столько подробностей, столько цитат из священных текстов. Столько всего, что надо было понять.

В сообщении разведки говорилось, что во время великой войны, при соответствующем расположении магнитных линий астрономических тел, звезда может быть выпущена из стазиса. Звезда внутри «Колокола Гробницы» может быть извлечена из места своего упокоения и пробуждена там, где идет самая ожесточенная борьба. После этого сообщение стало неясным, в нем упоминались различные теории о значении экваториальных линий и о разрушительной силе пробуждающейся звезды.

-- Звезда в стазисе? -- спросил Росс.

-- Это поклонение астрономическим телам происходило в течение всей

истории человечества, -- сказала Маглен.

Росс понял. На Терре, он знал о потерянных племенах, которые вырезали подобные линии, видимые с орбиты. Эти линии были геологическими проводниками магнитной энергии. Росс читал об этом раньше, хотя истинное значение этой практики было потеряно, уступив место ритуалу и символизации. Люди не могли полностью понять то, чему их учили Древние Разумные. Но они доверились слепому следованию схем, завещанным древней расой. Они вырезали огромные солнечные линии, геометрические метки на поверхности своих планет. В банках данных не было ничего о природе этих древних ксеносов, ни об их деятельности. Росс скромно обратился к Маглен за ответами.

-- Древние Разумные, магам?

Профессор покачала головой, читая текст.

-- Этот термин может означать разное. Уже не в первый раз ксеносы играют такую роль в раннем развитии человеческих цивилизаций.

-- А эти линии? Вы изучали их подробно?

-- Я видела их раньше. Создание таких линий на поверхности планеты на древнейших языках называлось «недж шес». Буквально это означает «растягивание веревки». Эти линии создаются на поверхности планеты, чтобы в определенной точке оборота астрономических тел экваториальные линии выстроились в ряд и инициировали изменения в магнитных полях.

-- И древние египтяне понимали все это?

-- Вероятно, нет. Первый контакт изолированного общества с другими часто приводит к попыткам подражать и копировать без понимания сущности процесса. По мнению антропологов, символизм и фетишизация становятся более важными, чем знание.

Росс знал, что примитивные цивилизации, контактировавшие с Империей, часто вели себя так. Дикари строили каноэ, напоминавшие по форме имперские корабли. Племена планеты

Түкаро в суб-секторе Мефиус даже
изготавливали копья, похожие по
очертаниям на лазганы, их воины
выжигали на своих телах стилизованные
аквилы, подражая мощи Имперской
Гвардии.

Действительно, во время
гражданской войны на Түкаро Империя
использовал большое количество
снаряжения, неизвестного туземцам.
Множество военных грузов, сбрасываемых с
воздуха на архипелаги планеты во время
кампании в суб-секторе, неизбежно оказали
сильнейшее влияние на те племена Түкаро,
которые раньше не знали об Империи.
Обмундирование, медикаменты,
консервированное продовольствие, ткани,
оружие и прочие грузы доставлялись в
больших количествах для имперских
солдат. Кое-что из этого перепадало и
туземцам. Завершив кампанию, Империя
покинул первобытную планету. Она не
представляла стратегической важности,
и управление планетой было передано
Экклезиархии. Грузовые лихтеры
перестали посещать ее.

Пытаясь снова получить ценные грузы, туземцы Тукаро стали копировать те же «ритуалы», которые, как они видели, совершали солдаты. Они вырезали наушники из дерева и носили их, сидя в такетах диспетчерских постов. Они размахивали флагами из сухих листьев, стоя на взлетно-посадочных полосах, зажигали костры и факелы в заброшенных костюпортах.

Разница здесь была в том, что Древние Разумные завещали людям Медины поклонение звездам. Они обещали, что при соответствующем положении планет Старые Короли пробудятся из своего сна и поразят врагов, угрожающих их цивилизации.

Внезапно Росс понял все это. Ему больше не требовалась оставшаяся информация из банков данных, чтобы понять оставшиеся части головоломки. Матежники, сражавшиеся с Имперским Флотом во время Войны Освобождения, пытались освободить эмбрион звезды. В этом не было никаких сомнений.

Уникальное расположение системы

Медины на звездной карте, орбиты ее планет и углы их осей, и, что более важно, постоянное изменение их осевых циклов, означало то, что линии, нанесенные на поверхности планет, уже пытались расположить так, чтобы пробудить Старых Королей. Но у них не получилось. Император завоевал Миры Медины.

-- Думаете, что тусельцы уже пытались выпустить эмбрион звезды? Как считаете, может быть, это стало причиной изменения климата и вымирания биосферы на Аригуне?

-- Я никогда об этом не думала, -- призналась Маглен. -- Но это предположение имеет смысл. Если звезда все еще неактивна, попытка освободить ее из стазиса могла вызвать как минимум радиоактивную вспышку.

-- А это означает...

-- Это означает эрозию атмосферы, повлекшую за собой серьезные изменения климата.

Росс вздохнул, ощущая тяжесть только что сделанного открытия. Он понял, что главное отличие между картой

шеститысячелетней давности перед ним
и картами, которые он изучал в штабе
перед операцией -- отсутствие этих
геодезических линий на поверхности
планет. За прошедшие тысячелетия
Кантика и Холпеш строили и строили
новые города, и линии оказались погребены
под следы цивилизации. Те самые
геодезические линии, которые откапывал
сейчас Великий Враг. Оставалось лишь
заполнить пробелы, рассчитать зенит,
надир, точки азимута, положение
небесных тел, и восстановить схему,
созданную Древними Разумными.

-- Эти линии, как они смогут
пробудить Старых Королей? -- спросил
Росс.

-- Могу ответить только с
доисторической точки зрения. Среди
древних племен Терры было
распространено мнение, что такие линии
изменяют магнитную энергию планет.
Должно быть, существует некая
взаимосвязь между экваториальными
магнитными линиями, положением
планет и стазисным полем Старых

Королей, — предположила Маглен. — Когда стазисное поле будет снято, вероятно, спящую звезду можно будет транспортировать внутри «Колокола Гробницы» туда, где идет самая ожесточенная война, как гласит текст. Великий Враг хорошо рассчитал время.

Действительно, это было выполнено с безупречным расчетом времени. Согласно гололитической звездной карте, созвездия уже расположены должным образом. Старые Короли сейчас, должно быть, уже пробудились из своего сна и наполняются магнитной энергией, направляемой по линиям-проводникам со всей звездной системы.

Но хуже всего то, что они все обманывали себя. Они недооценили врага. Наступление авангарда Хорсабага Моу — не просто охота за сокровищами вселенной. Не просто хаотичное разорение планет. Нет, это методичный процесс подготовки.

Броненосцы использовали рабов не для тщетных попыток отыскать Старых Королей, как полагала имперская разведка. Их раскопки, так хорошо видимые с

орбиты, были ничем иным, как воссозданием геодезических конструкций.

И что пугало Росса больше всего — Великий Враг все это время знал, где спрятаны Старые Короли. Он просто решил не действовать слишком поспешно, рискуя открыть их местонахождение Империи. Вместо этого Броненосцы тщательно готовили линии-проводники, оставляя Старых Королей нетронутыми на Аригуне.

Великий Враг ждал, пока геодезические линии будут восстановлены по всей системе Медины, от Наги до Тарсиса, и звезда-эмбрион будет готова выйти из стазиса. После этого Великий Враг сможет транспортировать звезду в ее «Колоколе Гробницы» и использовать ее разрушительный потенциал в любом стратегически важном пункте Империи. Лорд-маршал Кхтер ошибался. Очень ошибался.

Хаос не был иррационален. Они действовали так логично и последовательно, что Империя не заметил этого.

ПОСЛЕ открытия местонахождения Старых Королей оперативная группа действовала быстро. Подготовка к отбытию с планеты началась немедленно. Мантилла погибала, и небольшая победа у Магдалы, хотя и подняла боевой дух, но не могла помешать неизбежному. Пустотный щит в нескольких местах был пробит, и газовые снаряды Броненосцев уже падали на город. Росс позаботился, чтобы у Хайэма Голиаса был реквизирован его грузовой флайер. Сам же коллекционер погоним конвоем кантиканской военной полиции был направлен в траншею на фронт в качестве вспомогательного рабочего. О его дальнейшей судьбе Росс ничего не знал.

Впрочем, инквизитор о нем и не думал, он был занят подготовкой следующей фазы операции. Какой бы срочной ни была необходимость отправиться на Аригун, Росс не мог покинуть Холпеш, не ликвидировав предателя в своей команде.

«АЛОЕ ПИСЬМО» было ловушкой с

звойным гном.

Когда жертва заглаживает прищипку, она раскрывает себя, совершая ошибку. Ошибку, которую не совершил бы непричастный человек.

Прищипкой будет запись Делаканта. Кольцо с инквизиторской печатью было помещено в шифровальный аппарат, как кусочек еды в мышеловку.

Росс в недвусмысленных выражениях ждал понять, что нашел в записи Делаканта нечто интересное, что было упущено в предыдущей дешифровке. Он приписал это плохому качеству техники шифровальный аппарат, который они использовали в Барбакане, был слишком старым и примитивным.

Это все было ловушкой.

Теперь Росс ждал, спрятавшись за панельными стенами их военной квартиры. Его комната была специально оставлена в состоянии беспорядка. Он сообщил оперативной группе, что генерал-майор Кабалес потребовал его немедленного участия в совещании по тактическим вопросам. Росс приказал

оперативной группе в его отсутствие
готовить снаряжение к полету на Аригун.

Сейчас он и десять кантиканских
гвардейцев, которых он лично отобрал из
траншей, не связываясь со штабом, ждали
в засаде.

Он даже оставил белье на койке
неубранным и дверцы шкафа открытыми,
словно покинул комнату в поспешности.
Шифровальный аппарат был в углу
комнаты, освещенный лампой под
стеклянным колпаком, его позолоченные
клавиши из слоновой кости тихо щелкали.

В КОРИДОРЕ КАЗАРТЫ возникла
чья-то фигура. Был уже поздний вечер, и,
хотя солнца в небе Холпеша сияли по-
прежнему ярко, ставни в коридоре были
закрыты. Проникавшие сквозь них ярко-
янтарные солнечные лучи играли на
фанерных стенах, из-за чего тени казались
огромными черными силуэтами на ярко-
оранжевом фоне. Фигура кралась в тенях,
окруженная чернильной тьмой.

Комнату Росса было легко найти.
Это была единственная комната в

коридоре с открытой дверью. Очевидно, Росс ушел в спешке.

Не было необходимости прятаться. Это бы лишь привело к ненужным подозрениям. Рука смело толкнула дверь.

-- Росс, Росс, ты здесь? -- позвал голос. Фигура вошла в пустую комнату. Это помещение для постоя было по-спартански простым, казарма для рабочих очистительного завода, где они отдыхали свои шесть часов после смен. Это было до войны.

В комнате Росса была одна железная койка. Вдоль фанерных перегородок стояли ржавые топливные канистры, возвышаясь над койкой, так, что казалось, что это скорее складское помещение, чем спальня. Единственный вентилятор со скрипом крутился под потолком, его лопасти отбрасывали по комнате быстро движущиеся тени. Эти жилища не славились комфортом.

В дальнем углу комнаты между газовым баллоном и металлическим ведром работал шифровальный аппарат. Машина выглядела странно в такой

обстановке, ее костяные клавиши щелкали, словно сами нажимались. Ее корпус был выложен перламутровыми панелями, ряд крутящихся гироскопов рассчитывал ритм работы. В центре консоли позолоченное лицо херувима выпускало из рта бумажный язык распечатки, расшифрованные данные печатались на пергаментной ленте.

Фигура закрыла дверь и подошла к шифровальному аппарату. В центральный разъем было вставлено кольцо Делаканта. Фигура опустилась на колени рядом с машиной и остановила ее работу несколькими нажатиями клавиш. Шифровальный аппарат остановился с протестующим стоном механизмов, бумажный язык перестал выходить из рта херувима.

Сняв с пояса фляжку, фигура начала поливать машину черной, маслянистой жидкостью. В застойном влажном воздухе комнаты ощутился резкий запах нефти. Особое внимание было уделено инквизиторскому кольцу; оно должно было сгореть первым.

Достав пачку спичек, фигура
щелкнула одной. Вспыхнул маленький
огонек, создав небольшой нить света вокруг
руки, державшей его.

Что-то здесь было не так.

В свете горящей спички можно было
прочитать распечатки данных. В них не
было ничего ценного. Точнее, в них вообще
ничего не было. Запись Делаканта была
извлечена из кольца и заменена какой-то
бесстылицей.

«Алое письмо взято -- взято алое уже --
алое сброшено -- взято уже».

-- О, Трон, -- произнесла фигура.

РОСС увидел достаточно.

Он проломил фанерную перегородку
ударом ноги в металлической броне, куски
фанеры разлетелись в стороны. Канистры
и баллоны рухнули как костяшки гомино с
глухим металлическим грохотом.
Кантиканские гвардейцы, держа лазганы
наизготовку, вломились со всех сторон,
обрушивая перегородки.

-- Стоять, не двигаться! Унквизиция!
-- крикнул Росс.

Он навел пистолет на фигуру, опустившуюся на колени перед шифровальным аппаратом. Прицелился и замер.

Он застыл, его разум отчаянно искал рациональное объяснение.

Селетина смотрела на него, ее глаза были широко открыты.

Росс остановился. Его разум пытался найти какую-то логику в том, что он видел. Он пытался как-то объяснить происходящее. В его рту пересохло, его разум был в ступоре. Он не мог найти никаких объяснений, кроме того, что Селетина была предателем.

Это протекание было все, что ей нужно.

Вокруг нее вспыхнуло кольцо психической энергии. Оно было частично создано ее разумом, частично - ее сильным боевым инстинктом. Стена психосилы ударила по кантуканским гвардейцам с помощью лчащегося грузовика. Последние уцелевшие перегородки и газовые баллоны разлетелись, как кегли. Гвардейцы были сбиты с ног, все их кости расколоты

сокрушительным ударом.

Росса отбросило далеко назад, в соседнюю спальню, он скользил по полу, пока не врезался в шкаф. Его психо-реактивный табарг покрылся известью, некоторые обсидиановые пластинки стали белыми и хрупкими. Это был мощный психический удар, но Росс переживал и хуже. Он поднялся на колени.

Селетина подошла к нему. Взрыв психической силы значительно ослабил ее. Она шаталась, как пьяная, из ее носа текла кровь.

-- Я могла бы догадаться, Росс, сам ты никогда не расшифровал бы эту запись.

- Я ее расшифровал, -- сказал Росс. Он потянулся за пистолетом и понял, что выронил его. Тогда он решил выиграть время.

-- Почему ты предала нас?

Селетина едва заметно улыбалась.

-- Да ладно, Росс, ты как будто обижен. Ты же должен был видеть, что происходит. Я удивлена, что ты только сейчас понял. Или я недостаточно амбициозна для тебя?

— Что Кхтер пообещал тебе? Как он смог тебя переманить?

— Я женщина, Росс. А в оргосах главенствуют мужчины. Кхтер дал мне то, чего ты не поймешь. У него есть связи, которые помогут мне добиться большей власти.

— У тебя и так была власть. Ты была инквизитором.

Селетина застеснялась. Даже сейчас ее стех показался Россу красивым. Уголки ее губ изогнулись, как сломанный лук.

— Не такая. Он даст мне то, что ты не сможешь дать.

— Я? Что ты... — начал Росс.

— И все-таки ты дурак, — застеснялась она. Росс поморщился, уязвленный ее словами. — Ты так и не понял. У меня будет возможность продвигаться по службе быстрее.

— Он лгал тебе.

— Все лгут, — пожала плечами Селетина. Росс нажал спуск.

Но она опередила его. Ее психоформа, сокрушительная волна энергии, нахлынула на него, как цунами.

Росс не мог сравниться с ней в силе псайкера. Его главным оружием был интеллект. Он превратил свой разум в пустой пузырь, позволив бьющемуся потоку нести его.

Атака Селетины за доли секунды унесла их в небо высоко над Мантиллой. Росс знал, что он в большой опасности. Сейчас они играли по ее правилам.

Селетина атаковала яростно. Морские змеи, многоголовые, с широкими пастьями, вырвались из глубин ее разума. Семь, семьдесят, наконец, семьсот морских змей извивались, как щупальца, целкая светящимися челюстями.

Росс не был достаточно силен, чтобы противостоять такой атаке. Он отказался играть в ее игру, свернувшись в абстрактный образ, слишком много углов для треугольника, и слишком многомерный для многоугольника. Извивающиеся змеи обрушили на него свои удары. Это причиняло боль Россу, угрожая разрушить его разум, но и приводило в замешательство Селетину, лишая ее осязаемой цели.

Но ее интеллект не уступал ее псайкерским возможностям. Она быстро адаптировалась, превратив сотни змей в одну огромную рогатую рыбу с оскаленной пастью, щерившейся острыми клыками. Левиафан проглотил Росс, но он в последний момент рассыпался как капли воды, пока пасть не успела захлопнуться. Росс едва уцелел. Психическая отдача сорвала всю черепицу с крыши очистительного завода, посыпавшуюся, как град сломанных зубов.

Росс начал уставать. Его разум уже не мог реагировать так быстро. Часть его все не верила в происходящее, и это сомнение оказывало влияние на его псайкерские способности. Он бросился прочь, пытаясь спастись. Он бежал только в одном доступном направлении -- к позициям Великого Врага.

Приняв форму стрелы, Росс пролетел над Мантилой. Внизу мелькнули имперские траншеи, освещаемые вспышками выстрелов. Селена не отставала. Росс чувствовал, как ее ментальная ловушка настигает его.

Несколько раз она почти коснулась его, шепчущие пальцы ее психоформы посылали сквозь него волны страха.

«Селетина. Почему?»

«Заткнись, Росс. Я уже устала объяснять. Давай закончим с этим».

Она гналась за ним, улчавшись далеко от Мантиллы в зону боевых действий. Здесь, на территории противника, психическая атмосфера была другой. Небо здесь было темнее, а свет едва просачивался. Скопление разумов солдат Великого Врага кипело внизу, словно адская яма насилия, агрессии и невежества. Те вещи, которые он мог видеть там, воспоминания такого множества убийц -- этого было достаточно, чтобы полностью лишить его разума.

Росс нырнул прямо туда.

Это было словно прыгнуть в котел с кипящей водой. Шок едва не убил его. Его физическое тело, находящееся в многих километрах отсюда, содрогнулось в конвульсиях с такой силой, что в позвоночнике появились трещины. Он

пытался отгородиться от разумов слуг Хаоса, но они были повсюду вокруг. Он внезапно узнал, каково это -- убить ребенка. Он ощутил яростное наслаждение от вида того, как люди умирают мучительной смертью от медленно действующего яда. Он узнал, как приятно распороть живот бритвой спящему человеку.

Но еще хуже были призраки. Они имели вид расплывчатых гуманоидных силуэтов, черных, как дым, и безликих. Они мучительно цеплялись за Броненосцев, висели на их спинах, сидели на плечах, держались за ноги. Они все были мертвы -- души жертв Броненосцев, неспособные покинуть этот мир. У слуг Губительных Сил была способность размыивать грань между варпом и реальностью, что позволяло призракам мертвых появляться здесь. Они цеплялись за тех, кто их убил, висели над ними, как темная аура.

Росс пытался отгородиться от них, воздвигая слой за слоем ментальной пустоты. Он уменьшил до минимума излучение психической энергии и зарылся

лицом в землю.

Селетина бросилась за ним, излучая мощную психическую энергию. Она приняла форму зитородка с сияющими крыльями. Ее самоуверенность стала ее ошибкой.

Духи, если не порождения варна, то озлобленные призраки убитых Броненосцами, следовали за их армиями, словно аура ярости и боли. Психическое сияние Селетины привлекло их.

Стаи отчаявшихся призраков набросились на Селетину. Она отбивалась, мощные психоудары, направляемые ее волей, вызвали кровоизлияние в мозг у нескольких Броненосцев в ближайшей палатке. Призраки с вожделением глядели на нее, вцеплялись в нее, умоляли ее остаться с ними. Присоединиться к ним в их страдании.

Росс ухватился за этот момент. Он знал, что другой возможности не будет.

Он вернулся в свое физическое тело. За долю секунды до того, как Селетина поняла, что он исчез.

Росс очнулся в здании очистительного завода. Возвращение в

физическое тело дезориентировало его. Комната словно кружилась по спирали. Он с трудом выпрямился. Комната была покрыта толстым слоем инея, температура опустилась заметно ниже нуля. Росс, програвшись сквозь лед, схватил автомат Т20 с замерзшего трупа гвардейца. С оружия посыпались тонкие пластинки льда, когда Росс взял его.

Селетина вернулась в свое тело сразу, как только Росс схватил оружие. Ее психодисциплина была отличной, несмотря на ловушку, в которую заманил ее Росс. Глаза Селетины открылись, она вскочила, готовая к бою.

Но боевая подготовка Росса была лучше. Он нажал спуск. Первый выстрел попал Селетине под ребра, она упала на колени. Следующий поразил ее в горло, извергнув струю ярко-алой крови на белый снег.

Инквизитор Фелис Селетина лежала, уткнувшись лицом в снег. Кровь заливала ее желто-оранжевый обтягивающий костюм.

Росс смотрел на нее. От его дыхания

В воздухе клубился морозный пар. Давящая
головная боль сковала его мозг, посылая
боевые импульсы в правый локоть. Он
чувствовал себя как отравленный, его
разум пребывал в состоянии, которое
психодуэлянты называли пост-дуэльным
ступором. Его мозг пытался
восстановиться после ментального боя.
Кровь стучала в его висках, сердце билось
неровно.

Усевшись, он подумал о мстительных
призраках, цеплявшихся за Броненосцев,
следовавших за своими убийцами в
вечность. Это наполнило его скорбью. Он
все еще ощущал ту мучительную жажду
мести, которую испытывали души убитых.
Росс подумал, будет ли Селетина так же
преследовать его, останется ли навечно ее
призрак за его спиной. Какая-то часть его
надеялась, что да, чтобы освободить его
от чувства вины. И хотя он не должен был
испытывать вины, все равно он ее
чувствовал.

--- Я НЕ ОТПРАВЛЮ моих солдат на Аридун. Я не отправлю их на эту войну, --- произнес лорд-маршал Кхмер перед собранием старших командиров.

Это были исторические первые слова на последнем Пленарном Совете Медины.

Последовало напряженное молчание, но никто из офицеров не осмелился возразить.

Лорд-маршал, одетый в простую форму нижнего чина Кантуканской Гвардии без медалей и церемониальных украшений, прошелся по трибуне, играя на публику, как опытный актер.

--- Связь с Аридунот прервалась, последний из центральных миров Медины,

вероятно, уже потерян, — Кхмер замолчал, позволяя присутствующим осознать этот факт.

Он властно продолжил:

— Больше у нас здесь ничего не осталось. Господа, давайте не забывать первое правило ведения военных действий: бой должен иметь цель. В Медине у нас не осталось никаких целей.

Стуча начищенными сапогами по решетчатой палубе, Кхмер подошел к Форду Гүриону, сидящему в переднем ряду. Опустив взгляд на инквизитора, он сказал с абсолютной убежденностью:

— Если мы останемся, мы будем сражаться, лишь следуя своим чувствам, лишь потому, что чувствуем себя обязанными. Мы будем сражаться не как военачальники, а как люди, ослепленные привязанностью к своему дому. Не как генералы, а как гражданские.

Последнее слово он почти выплюнул. Смысл был вполне ясен.

В словах Кхмера была некая истина. Молчание Аригуна было внезапным и тугающим.

Последнее сообщение с планеты, полученное по дальней вокс-связи, передавалось с поста наблюдения на Островах Клетки в Северном Аригуне прямо в штаб 9-го флота. Оно было получено в 13:00 первого дня нового месяца Медины. В сообщении говорилось о незначительной активности противника на демаркационной линии, ничего необычного.

Но уже в 14:00 того же дня связь прервалась. Все вокс-системы молчали, попытки астронавтической связи с дворцом губернатора Аригуна натывались лишь на холодную пустоту.

Генерал Сайпрес Тенбулл, командир 12-й дивизии Кантуканской Гвардии, сказал, что планета, за недостатком лучшего выражения, «затолчала провидением Бога-Императора». Это был красивый способ сказать, что на Аригуне случилось нечто ужасное, и Верховное Командование не знало, что именно.

Был созван Пленарный Совет, но ни к каким выводам он не пришел. У командования просто не было информации.

Орбитальная разведка не нашла на континентах планеты ничего. Вообще ничего, не было видно даже огней, освещающих города по ночам. Просто тьма. Словно Аригун был внезапно всемирно покинут.

Это было четыре дня назад. Парадоксально, воистину провидением Бога-Императора, ситуация изменилась.

С шипением гидравлики аугментических ног, Гүрион поднялся с кресла.

— Лорд-маршал, в ваших словах есть логика, — задумчиво сказал он. — Но, я полагаю, ситуация решительным образом изменилась. Я прибыл сюда настолько быстро, насколько позволяло время, чтобы сообщить командованию критически важную информацию, которую удалось заполучить моей оперативной группе.

Что-то мелькнуло в глазах Кхтера, но он не помешал инквизитору продолжать.

— Старые Короли обнаружены, — теперь настала очередь Гүриона играть на публику. Он даже подчеркнул свои слова

ментальным прикосновением, так что они
эхот отозвались в разумах тех, кто сидел
вокруг.

-- Коридор Медины, сама звездная
система является основой Старых
Королей. Она все это время была перед
нашими глазами, если бы мы потрудились
рассмотреть ее...

Гүрион прошел мимо Кхтера,
проигнорировав его, и обращаясь к
собравшимся, включил гололитический
проектор. Появилось полупрозрачное
изображение системы Медины, словно
перевернутая пирамида, повисшее над
линзами проектора.

-- Если мы внимательно рассмотрим
экваторы и метки на поверхности планет,
на большинстве их мы увидим широкие
линии, охватывающие всю сферу планеты,
-- сказал Гүрион, указывая на каждую из
планет по очереди.

-- Сейчас, если планеты повернутся в
соответствии с их циклическим
вращением, экваториальные линии
образуют определенную систему.

Планеты медленно повернулись на

своих гелиоцентрических осях. Экваториальные линии, как шрамы на поверхности планет, изменяли свое положение, пока Түрион не остановил проекцию. Теперь гололит продемонстрировал планеты в цикле первого лунного месяца, с тройными солнцами по противоположными углами.

Офицеры негромко обсуждали увиденное.

Хотя некоторые из экваториальных линий были разорваны, а на иных планетах их и вовсе не было, сеть совпадающих линий, странно абстрактных, но пугающе очевидных, связывала планеты Коридора Медины. В их расположении была симметрия и порядок, и в то же время какая-то изменчивая чуждая регулярность. Түрион уже проверял их измерительными приборами, и их положение было очень точным. Это было поистине удивительно, учитывая действительную величину планет. Слово изгибающиеся строки текста были врезаны в поверхность каждой планеты.

— Математика и рисунки.

инквизитор? -- нетерпеливо спросил
Кхлер.

-- Пусть говорит, -- сказал
костодесантник, в его низком голосе
звучала власть.

Гурион не терял спокойствия.

-- Это орбитальная карта Медины до
вторжения. Сейчас я предлагаю вам
рассмотреть карту звездной системы
после того, как она была захвачена
противником.

Другая голопроекция сменила первую.
Она не слишком отличалась, но на ней
были видны геодезические линии,
сделанные Броненосцами. Эти новые
огромные карьеры точно совпадали с
существовавшими ранее линиями. На
Ниневию, Вавилоне и Кантике, где раньше
линий не было, были выкопаны новые,
безупречно совпадавшие со старыми.

В центре этой симметричной
системы в первый день лунного месяца
была планета Аридун.

Это было, возможно, величайшее
откровение для Верховного Командования
с самого начала кампании. Собрание

Взорвалось потрясенным гулом голосов. Даже двухсотлетний адмирал флота, ветеран, повидавший все за столетия своей службы, изумленно приложил руку ко рту.

Гуриону не было необходимости объяснять это, орбитальные снимки говорили все. Великий Враг не искал сокровище вслепую. Он действовал вовсе не с безрассудством, которое приписывали ему Кхтер и многие другие офицеры.

Нет. Броненосцы восстанавливали разрушенные древние геодезические линии и с безупречной симметрией создавали новые. Это был монументальный труд, охватывающий всю звездную систему Медины. Они воссоздавали ритуал пробуждения Древней Звезды с потрясающей точностью, а Император даже не знал об этом.

Хаос действовал с логикой и четкостью. Это больше всего испугало собравшихся здесь военачальников.

В первый раз Кхтер стягнулся.

-- У что это означает?

-- Позвольте мне пояснить точнее.

Старые Короли, или, говоря правильнее,

Старый Король -- это эмбрион звезды в стазисе. Аригун на центральной оси системы. Там и находится Старый Король. Он помещен там в соответствии с астрономическими и магнитными свойствами. Мы полагаем, что об этом говорят древние легенды, повествующие, что звезды пробудят Старого Короля из его сна. Древние геодезисты Терры сказали бы, что магнитные поля и движение полюсов должны сорвать стазисное поле будущей звезды, -- ответил Гүрион.

-- И Старый Король будет, так сказать, активирован... -- произнес флотский офицер, достаточно громко, чтобы все услышали.

-- Возможно. Возможно нет. Единственный способ узнать это -- направить экспедиционные силы на планету, -- заявил Гүрион.

-- И что будет, если он активирован? Что тогда? -- спросил Кхмер.

-- Хотя мы точно не знаем, в какой форме сейчас существует эта звезда, вероятнее всего, Великий Враг не будет активировать ее в системе Медины. Она

не имеет стратегического значения. Согласно известным нам источникам, эта звезда находится внутри некоего сосуда или контейнера. Пока мы не знаем, что это, и можем лишь гадать. Когда стазисное поле снято, вероятно, этот контейнер можно транспортировать и использовать где-либо в другом месте.

-- Я не понимаю вас, -- упрямо сказал Кхмер.

-- Позвольте пояснить в терминах, понятных вам. Это звезда внутри сосуда. Можете считать, что это такая бомба. Только эта бомба, когда взорвется, способна уничтожить целую звездную систему, и высвободит столько энергии, что может создать разрыв в варпе, -- сказал Гүрион. -- Это как пример, конечно. Мы не знаем, пока не пошлем экспедицию на Аридун.

-- Исключено. Я не пошлю солдат на бесполезную смерть. Вы сами сказали, что Старый Король, возможно, уже пробужден, -- прервал его Кхмер. -- Это не изменит нашу стратегию по укреплению Звездного Бастиона.

-- Логично, лорд-маршал, логично, -- согласился Гүрион. -- Поэтому я уже направил мою последнюю оперативную группу на Аридун.

Кхтер скрипнул зубами, готовясь снова заговорить, но Гүрион прервал его жестом механической руки.

-- Как я уже сказал, инквизитор Ободайя Росс и его оперативная группа направляются на Аридун. После того, как они высадутся, в течение сорока восьми часов они должны будут связаться с нами по гальней вокс-связи.

-- И что тогда? -- спросил Кхтер.

-- Если они смогут связаться с Верховным Командованием, мы направим все имеющиеся в нашем распоряжении силы на освобождение Аридуна. Я задействую для этого мои инквизиторские полномочия. Если же они не смогут с нами связаться... тогда можете продолжать свое отступление дальше, лорд-маршал.

Кровеносные сосуды на шее Кхтера над твердым форменным воротником вздулись как шланги. Покрытая шрамами кожа его лица стала напряженно-красной.

Лорд-маршал медленно кивнул.

--- Великолепно сыграно, инквизитор.

Гүрион приветствовал собравшихся командиров кантиканским салютом, прижав механический кулак к груди в жесте солидарности.

--- Это ваш шанс отомстить врагу за ваши родные миры. Готовьте флот и Гвардию к быстрому развертыванию. У вас сорок восемь часов.

Выходя из зала, Гүрион остановился у бронированных дверей, обернулся и обратился к собравшимся в последний раз.

--- Это наш час, господа. Если мы потерпим неудачу, за нее нас и запомнят, невзирая на все прежние победы и триумфы, за которые вы платили кровью.

СВЕДЕНИЯ орбитальной разведки Аригүна оказались точными. Планета была пуста.

Не было никаких признаков жизни, по крайней мере, в человеческом смысле. Стратосферный челнок летел на малой высоте над саваннами южного пояса к столице Аригүна, чтобы избежать обнаружения радаром и разведать обстановку в городе. Лабиринты улиц были пусты, и, хотя уже начинался рассвет, на горизонте не было видно света.

Разведка обнаружила другое — пылающие костры, извергавшие клубы дыма и пепла, среди тысячекиллометровых зарослей папоротников и гинкго,

окружавших столицу Аригуна.

Костры были огромными, некоторые до шестидесяти или семидесяти метров в высоту. Они были похожи на газовые туманности, почерневшие и распухшие, увенчанные короной пламени. Стратосферник изменил курс, чтобы провести наблюдение с более близкого расстояния.

Когда они пролетели сквозь огромные столбы дыма, Росс приказал пилоту-сервитору пустить в кабину атмосферный воздух. Едкий, резкий запах горячей плоти и волос, проникший в кабину, подтвердил подозрения Росса. Это были трупы аригунцев, их собрали в кучи на этих полях и подожгли. Запах был настолько всепроникающим, что капитана Прагала стошнило три раза, прежде чем кабина была снова загерметизирована и система вентиляции челнока очистила воздух.

Но маслянистый запах все равно вцеплялся им в горло.

— Я видел, как Великий Враг совершал такое и раньше, но не в таких

масштабах, — признался Росс. На рудниках Хелмс Аутрич культ ювенлистов истребил почти всех. Они отчаянно пытались не позволить людям связаться с Императором. И это безумие обошлось почти в тридцать тысяч жизней.

— Как это мерзко, — сказала Маглен, глядя в иллюминатор, пламя отбрасывало танцующие тени на ее лицо.

— Угу, — апатично произнес Росс.

— Что-то грызет вас изнутри, Росс.

Вы выглядите мрачным.

— Если это насчет Селемины, то я в порядке.

— Я ничего не говорила о Селемине... —

сказала Маглен, так, что это утверждение повисло в воздухе.

— Маглен, не начинайте. Селемина и я, мы работали вместе. Мы были инквизиторами. В лучшем случае мы сотрудничали бы еще несколько лет, возможно, даже десятилетий. Но со временем служба в Инквизиции заставила бы наши пути разойтись. По идеологическим причинам, или из-за разных характеров, мы, в конце концов,

пошли бы разными дорогами. Узза Селетины это случилось гораздо скорее... и гораздо более прискорбным образом.

— Очень бесстрастный взгляд, Росс. Не похоже вас.

— Потому что сейчас не время рыдать, уткнувшись в колени, образно выражаясь.

В действительности же Росс чувствовал себя вовсе не так хорошо. В основном он сохранял ясный ум, но иногда Селетина и Сильверстайн словно преследовали его. Иногда ему казалось, что они говорят с ним, но он напоминал себе, что этого не может быть. Он не мог позволить себе терять ясность ума, и только стойкость и сила духа инквизитора позволяли ему продолжать исполнять свой долг. И стимуляторы. Он принимал эндорфиновые таблетки, инъекции допамина, и уже несколько месяцев не питался нормально. Он едва узнавал в зеркале свое лицо с потемневшими впадинами вокруг глаз и бледными худыми щеками.

Сигнал системы внутренней связи

вывел Росса из его раздумий.

— Подготовка к посадке через 600 секунд, — объявил пилот-сервитор своим монотонным голосом.

Пора.

Росс повел Маглен к трапу, где капитан Прагал уже пристегивал вокс-передатчик ремнями к своему рюкзаку. Его лазган висел на ремне через плечо, а болт-пистолет из арсенала челнока — в кобуре, пристегнутой к бедру.

— Вы выглядите готовым начать войну, капитан, — улыбнулся Росс.

— Я готов ее закончить, инквизитор. Вы думаете, что это действительно конец игры? — спросил молодой офицер, взваливая на плечи свое громоздное снаряжение.

— Не сомневаюсь в этом, — ответил Росс, помогая капитану надеть ляжки тяжелого рюкзака. — Как только мы высадимся, челнок вернется на орбиту. Я не хочу, чтобы он выдал наше присутствие. Или мы свяжемся с Верховным Командованием и дадим сигнал к наступлению, или погибнет здесь.

Капитан Прагал удовлетворенно кивнул. Подпрыгнув, чтобы проверить, как закреплено снаряжение, он надел свое форменное белое кепи.

— По крайней мере, я погибну, сражаясь за родной мир.

Он тяжело зашагал к тране под тяжестью вокс-аппаратуры и прочего снаряжения. Подсумки с боеприпасами, магнокюляры, респираторы и флаги с водой висели на его спине и бедрах.

— Вы уверены, что готовы к этому, Маглен? Это ваш последний шанс, предложение увезти вас с планеты еще в силе. Пока не поздно остаться на борту челнока, — сказал Росс.

Ксено-археолог стенила свой пышный наряд на более соответствующую одежду. Сюртук из керамического поливолокна складками ниспадал с ее узких плеч, поблескивая матово-зеленым, как рыба чешуя. Тонкий кольчужный шарф с капюшоном защищал ее шею и голову, как чепец.

— Я уже приняла решение, Росс. Мой долг как ученого — видеть, как это

произойдет, -- сказала она, натягивая кожаные перчатки.

-- В таком случае лучше бросьте эту безделушку, -- сказал Росс, указывая на ее револьверный стаббер в кобуре на поясе. -- Она лишь разгразнит врага.

Росс подошел к шкафу, где хранилось оружие, и открыл замок. Он достал оттуда компактный карабин, матово-черный, с ребристой пистолетной рукояткой и тупоносый профилем. Сильверстайн называл его осколочным карабином, но обычное его название было пистолет «Потрошитель». Росс развернул оружие и погал его Маглен пистолетной рукояткой вперед.

Потом он передал ей патронташ с магазинами.

-- Это оружие когда-то принадлежало моему старому другу. Оно поражает цель кольцом металлической картечи, и на дистанциях до восьмидесяти метров обладает высокой точностью. Отдача гладкая, но он может убить клыкастого мамонта одним выстрелом.

Маглен неловко подняла оружие,

зарядила магазин. Патронташ она повесила через плечо, как сумочку.

-- Нормально? -- спросила она.

-- Более-менее.

Стратосферный челнок резко начал снижение, скользя над равнинами Аригуна. Место высадки было определено по математической формуле. Ось звездной карты, несмотря на ее астрономическую длину, была рассчитана с точностью до нескольких градусов. Пилот должен высадить их в восьми километрах к западу от предполагаемого места захоронения Старых Королей.

Росс кивнул Прагалу и Маглен.

-- Что бы ни случилось, знайте, мы здесь исполняем свой долг перед Императором.

АНГКОРА была названа не имперским именем.

Как и названия всех Миров Медины, административных областей и городов-государств, это имя было наследием древнего мединского языка. Язык этот давно был запрещен имперскими законами.

но имена остались. Имена говорили об истории, об узнавании, одно слово вызывало в памяти историю этих мест.

Ангкора была заброшенным местом. Это был один из забытых городов прежней династии, разорванное звено в Цепи Крепостей, покинутый после тысячелетних циклов засух и наводнений в МЗБ. Крепостная стена, соединявшая Ангкору с Цепью Крепостей, осела и поросла мхом.

Возможно, ее заброшенность соответствовала ее истории. С глубокой древности Ангкора, осевой центр Цепи Крепостей, была местом погребения. Благоговейное почитание предков целый город посвятило погребению и упокоению умерших.

На древнем языке Ангкора буквально означала «дом, построенный первыми создателями». Она была построена, чтобы олицетворять остров в небе, с которого пришли звездные божеества доилперской Медины, древний миф творения.

На горизонте, Ангкора, казалось,

парила над землей, словно мерцающий
мираж, хотя это была лишь иллюзия. В ее
очертаниях преобладали стрельчатые
башни из песчаника, расположенные в
шахматном порядке, похожие на плотно
свернутые цветочные бутоны. Основной
особенностью были лестницы; у города не
было стен, только ступени зиккуратов,
ярусами расположенных на внешних
террасах. Такая планировка придавала
Ангкоре гармоничную симметрию,
которая казалась странно нечеловеческой
в своей точности.

Место высадки Росса находилось в
восьми километрах от Ангкоры, на
минимальном расстоянии на случай
обнаружения противника. Они высадились
в роце мангровых зарослей, раскинувшихся
перед монументальными воротами
Ангкоры. Этот район представлял собой
болотистую равнину, затопленную грязной
водой, и заросшую луковицеобразными
водяными растениями.

Они втроем пробирались сквозь
мангровые заросли, по колена в воде,
сгибаясь под тридцатикилограммовой

тяжестью оружия, приборов наблюдения и прочего снаряжения. Они бдительно держали оружие готовым к бою, оглядывая местность в поисках противника или хищных животных. Маглен предупредила, что местные хищники, обитающие в болотах, невелики, но могут быть очень быстрыми, выскакивая из болотной грязи и хватая добычу острыми челюстями.

Осторожно прогвизываясь, группа через четыре часа добралась до огромных ворот Ангкору, достигавших трехсот метров в высоту. Несколько раз по пути они останавливались, и Прагал транслировал по вокс-передатчику сигнал на низких милперских частотах по всему южному поясу. Была вероятность, что эти частоты уже известны противнику, но Росс был готов рискнуть. Однако на их вокс-сигнал так никто и не ответил к тому времени, когда они достигли ворот.

С близкого расстояния Росс разглядел сцены из мегинских легенд, вырезанные на камне. Каждое изображение — животное, цветок, небесное тело — было не больше пальца Росса, но эти пляшущие фигурки

покрывали всю поверхность пилонов ворот.

-- Здесь, на этих воротах, изображены сцены погребения мертвых в их последнем месте упокоения -- Небесном Сагу. Ангкоран никогда не была просто местом для жизни, это город-гробница, -- сказала Маглен, прикасаясь к камню кончиками пальцев в перчатке в жесте защиты. Это было мегинское суеверие, к которому она привыкла за время своей работы здесь.

-- Этот город построен для мертвых? Весь? -- спросил Росс.

-- Да, но это было давно. За последние несколько столетий климат здесь стал более пригодным для жизни, температуры понизились, и часть города была заселена, в основном бедняками, которым больше нигде было жить, вот они и жили здесь, среди мертвых. Население этого города должно быть как минимум восемь тысяч человек, -- сказала она. -- Должно быть... восемь тысяч.

-- Это плохой знак, -- капитан Прадал сотворил знамение аквилы и три раза постучал по камню. Держась одной рукой за лазган, висевший на груди, а другую руку

положив на рукоять болт-пистолета в кобуре, он вошел во ворота мертвого города.

Внутри улицы представляли собой запутанный лабиринт. Плиты мостовой были покрыты слоем ила, отложившегося во время наводнений и потом потрескавшегося от жары. Черные потеки, как высохшие слезы, были видны на каждой каменной поверхности, словно испарившаяся эссенция самого времени. Росс видел, что древние постройки часто чернеют под действием времени.

От населения -- восьми тысяч -- не осталось и следа.

-- Никаких признаков жизни, -- сказал капитан Прагал, глядя на экран ауспекса, пристегнутого к его атүнциии. -- По крайней мере, поблизости.

-- Передайте вокс-сигнал снова, -- приказал Росс.

-- Сэр, я уже четыре часа передаю сигнал на имперских частотах, пытаюсь связаться со станциями наблюдения южного пояса. Если так будет и дальше, мы привлечет к себе внимание противника со всей саванны.

— Я знаю, капитан, но это необходимо, — сказал Росс.

Они направились в укрытие, двинувшись к ряду каменных домов. Для чего бы ни служили террасы в городе мертвых, эта была превращена в жилой квартал. Они вошли в одно из маленьких жилищ, заметив, что во всех домах отсутствуют двери.

Внутри они увидели признаки того, что в доме еще недавно кто-то жил. Каменное ложе было бесцеремонно перевернуто, тонкий матрац с него сброшен на пол. Столы и ящики из дешевого сплава были разбиты, их скудное содержимое рассыпано по полу. Судя по тому, что подсказывали Россу его навыки следователя, обитатели этого дома были вытащены из постелей во время сна.

— Транслируйте сигнал, капитан, четко и ясно, — приказал Росс.

Инквизитор подошел к одному из низких квадратных окон, вырубленных в толстой стене из песчаника. Пока капитан работал с вокс-передатчиком, Росс молча смотрел на город. Узкие улицы

были пусты и темны из-за теней от
высоких башен.

— Так вот где захоронен Старый
Король, — прошептал Росс.

ГИГАНТ, скрывававшийся в глубоких
каменных складках построек Ангкоры,
наблюдал за тремя маленькими
человечками.

Он наблюдал за ними с тем же
зловбым интересом, с каким хищник
смотрит на слабую, неуклюжую добычу.

Когда гигант двигался, полуденные
тени плясали на его блестящем панцире.
Там, где ее освещало солнце, броня была
эмалево-черной, такой блестящей, что
казалась покрытой красной пленкой. Как
кровь на поверхности черной нефти.

И как он двигался! Слобно
сокрушительный поток, мчался он на своих
бронированных ногах по каменным
развалинам. Свирепая мощь и скорость, с
которой он пересекал крыши и улицы, была
устрашающей.

Он мог бы, если бы захотел,
предупредить других себе подобных. Но

гигант решил не говорить им. Он жил в ритме убийства и пожирания добычи, и лучше не делить свою добычу ни с кем.

Прыгая с крыши на крышу с обезьяньей ловкостью, гигант двигался параллельно пути своих жертв, не выпуская их из вида.

СОГЛАСНО сложной геометрии экваториальных линий, и, если их математические расчеты были верны, Старый Король Медины должен быть захоронен в главном комплексе гробниц, глубоко в недрах центрального зиккурата Ангкору.

— Как минимум еще двенадцать километров к северо-востоку, если мы не найдем более короткого пути в этом лабиринте улиц и лестниц, — сказал капитан Прагал, глядя на ауспекс.

Сверившись с картой, Росс пальцем отследил маршрут. Это была старая карта, они позаимствовали ее из личной коллекции Маглен. С того времени, когда она создавалась, многие галереи и ступенчатые лабиринты Ангкору уже

обрушились. Даже по осторожным оценкам, им предстоит еще полдня пути.

Росс снял брезентовый рюкзак и помассировал шею, расслабляя уставшие мышцы.

-- Выпейте воды и поешьте, пока есть возможность, нам предстоит долгий путь.

С вздохом облегчения, капитан Прагал присел в тени тавзолея и растегнул ремни своего снаряжения, держа его под рукой. Он вытянул ноги и начал разворачивать упаковку сухого пайка.

-- За нами следят, -- сказала Маглен, присоединяясь к остальным в нише под балюстрадой. Она повернулась и навела осколочный карабин на гирлянды каменных цветов, украшавшие фронтоны.

Росс поднял взгляд от карты и тихо выругался.

-- Я так и думал. Я заметил это уже некоторое время назад, но не хотел беспокоить вас, пока это не подтвердится.

Росс окинул взглядом силуэты гробниц Ангкору. Город мертвых хранил

молчание, не выдавая своих тайн. Только сейчас Росс заметил, что даже летающие ящерицы с кожаными крыльями, гнездившиеся здесь, больше не порхали в небе.

-- Что будем делать? -- вздохнула Маглен, явно испуганная.

-- Устроим засаду, -- уверенно сказал капитан Прагал. -- Займем выгодную позицию и заманим его туда.

-- Да, обычную засаду с приманкой. Должно получиться, -- сказал Росс. Осторожно он свернул карту в пластиковый футляр и спрятал в карман рюкзака.

-- Это подойдет, -- сказал Росс.

Выбранное место засады было не идеальным, но должно было подойти. Это была ступенчатая колонна, по крайней мере, так называл ее Росс. Маглен сказала, что на древнем терранском языке она называется гонурат. Ее основание представляло собой прямоугольную плиту из песчаника, весом более пятидесяти тонн. Постройка суживалась кверху,

каждый ее ступенчатый ярус был меньше предыдущего, уступами поднимаясь к небу. На барельефах, украшающих каждый ярус, были изображены певчие птицы, колесницы и рогатые животные, символизирующие небесные сады мертвых, напоминание о том, что Ангкора была кладбищем древних времен.

Певчих птиц и рогатых животных на Аригуне не было уже несколько тысяч лет.

— Что бы это ни было, оно приближается, — прошептала Маглен, не оглядываясь.

Росс едва заметно кивнул. Он тоже краем глаза заметил движение — мелькнула огромная, очень быстро сдвигающаяся тень, а когда Росс повернулся, ее уже не было. Их преследователь терял осторожность — или же становился смелее.

— Я тоже заметил противника, уже несколько раз, — сказал Прагал. Взявшись за зиккурат, он остановился и сверился с положением тройных солнц на небе. Скоро должны были наступить сумерки, одно солнце уже клонилось к горизонту, похожее на янтарное кольцо, второе образовало

гелиодоническую дугу над первым, окрашивая небо из темно-синего в черный цвет. Военная подготовка подсказывала Прадалу, что сумерки -- самое подходящее время для атаки, когда с убыванием света разум все больше настраивается на отдых.

-- Не смотрите вниз, но, кажется, оно крадется у основания зиккурата, -- сказала Маглен, быстро преодолев последние несколько ступеней до гробницы на вершине гонурата.

Если сказанное Маглен было правдой, это означало, что противник больше не прячется; теперь он преследует их открыто. Это значило, что ему нет необходимости прятаться, возможно, он даже намеренно хочет внушить им страх, то показываясь, то исчезая. Росс скрипнул зубами, сопротивляясь желанию посмотреть вниз.

-- Прадал, следите за северным направлением, Маглен -- за южным. Я слежу за восточным. Солнца садятся на западе, так что держитесь к ним спиной, -- приказал Росс.

Вершина гонурата представляла

собой плоский квадрат со стороной около двадцати метров. Инквизитор и его спутники сели спиной к спине, держа оружие наготове. С этой позиции открывался прекрасный вид на Ангкор, заходящие солнца разогнали зияющие тени. Лучи солнечного света на камнях потемнели, став тускло-багровыми.

Враг не стал ждать, пока наступит темнота.

Росс услышал шаги, приглушенные, и явно угрожающие. Скрип каменной крошки и песка под тяжелыми подошвами.

— Он идет, северное направление, — сказал Прагал, переключая лазер на максимальную мощность выстрела.

Росс повернулся туда, откуда должен был появиться противник. Он почувствовал знакомый прилив адреналина.

Нарочито медленные шаги звучали как боевые барабаны. Росс вспомнил, что каннибалы Тонга использовали боевые барабаны, чтобы нанести психологический удар врагу. Глубокий, почти ритуальный ритм, который должен был «вселить

страх в животы врагов». Росс подумал, что эти медленные шаги нацелены на то же самое — сейчас он определенно чувствовал страх.

— Святой Трон, я ненавижу это. Как я это ненавижу, — прошипела Маглен сквозь зубы.

Шаги прекратились.

Прагал снял с пояса осколочную гранату, готовясь выдернуть чеку и метнуть ее.

На край зиккурата вылез Вандус Барк. Он выглядел ужасно. Его бронекостюм почернел от непа, а лицо было покрыто синяками и ссадинами. В бронированных перчатках он держал вокс-локатор, показания которого привели его сюда.

— Росс! Скотина! Когда я перехватил вокс-сигнал, я понял, что это ты! — инквизитор дрожал, трясся.

Росс поднялся на ноги и положил руку на тяжелый наплечник Барка.

— Посмотри на себя, Вандус. Успокойся, ты выглядишь просто ужасно.

Барк страхнул руку Росса и покачал

головой.

-- Не сейчас, не сейчас. За вами охотятся.

-- Охотятся? Кто? -- спросил капитан Прагал, все еще целясь из лазгана в северном направлении.

-- Я сказал не сейчас! -- раздраженно огрызнулся Барк.

Его дыхание было тяжелым и неровным; вся левая сторона его лица дергалась в нервном тике. Росс понял, что это латентная стадия шока. Что-то испугало имперского инквизитора, испугало настолько, что даже его мощные ментальные способности и тренировки не помогли преодолеть ужас. Страх в животе, как сказали бы каннибалы Тонга.

-- Барк, ты должен объяснить, что происходит. Инфортированность перед операцией -- главный принцип Инквизиции. Успокойся, дружище, дыши глубже, -- сказал Росс.

-- Росс, я в здравом уме, -- процедил Барк сквозь сжатые зубы. -- Тут недалеко меня ждет машина. Мы должны выбраться отсюда, ты не понимаешь... Мы должны

идти -- если машина еще там...

Россу этого совсем не хотелось. Мысль о путешествии ночью по городу мертвых выглядела отнюдь не привлекательно. Он взглянул на горизонт. Солнца уже превратились в погертнутые дылкой полумесяцы, их последние лучи окрашивали город в темно-багровые тона.

Но вдруг он увидел его снова. Силэт гиганта мелькнул над крышами, освещенный лучами заката, словно в театре теней. Он был там, а спустя долю секунды его там уже не было.

На этот раз они все его видели. Маглен сгавленно выдохнула.

Росс передумал.

-- Ладно, Вангус, веди нас к твоей машине.

«И быстрее, пока не настала ночь», подумал он.

МАШИНА Барка, к счастью, оказалась на месте, спрятанная в тени гробницы-лотоса.

Это был «Кентавр», легкий бронированный тягач. Его широкий,

угловатый корпус был покрашен в желтовато-коричневый кантиканский камуфляж. На лобовой броне красовалась большая эмблема частей тыла и снабжения Кантиканской Колониальной Гвардии — конь, вставший на дыбы, сабля и шестеренка.

Забравшись в открытый кузов «Кентавра», бойцы оперативной группы устроились среди аккуратно уложенных ящиков с боеприпасами и частями разобранного 75-мм миномета.

Барк втиснулся на место водителя, согнувшись, чтобы можно было глядеть в узкую смотровую щель.

— Ты в состоянии вести? — спросил Росс.

— Ох, пожалуйста...

Барк включил зажигание. Наконец с металлическим лязгом и ревом мотор завелся, и «Кентавр» двинулся вперед, понемногу набирая скорость.

Недостаточно быстро.

Их преследователь вырвался из теней. Он был огромен. От бронированных колонн ног, до вздымающейся громады торса, он

источал свирепую мощь. Его броня была темнорубиновая, настолько, что казалась почти черной. В покрытых броней руках он держал двуручный цепной меч, с ревом изрыгавший дым из выхлопной трубы рукояти.

Капитан Прагал закричал. В первый раз Росс слышал, чтобы обученный солдат вопил в таком паническом ужасе, почти жалобно. Это был ужасный звук, и Росс не хотел бы снова испытать этот органический страх. Он оглянулся, чтобы посмотреть, что увидел Прагал, и застыл.

Это был Астартес из Легионов Хаоса.

-- Кровавый Горгон! -- прокричал Барк, не оборачиваясь. Он знал «Кентавр» вперед, выжимая из мотора все возможное.

Росс отреагировал первым. Перегнувшись через край кузова, он выстрелил из плазменного пистолета. Выстрел попал в наплечник силовой брони, но костодесантник-предатель бросился назад еще быстрее. «Он двигается так быстро и легко, как чемпион по

рукопашному бою, полностью контролируя свое тело», подумал Росс. Хотя этот монстр весил полтонны.

-- Раги Императора, прыдите в себя! -- закричал Росс на Маглен и Прагала. Его крик, казалось, вывел их из паралича, вызванного ужасом. Капитан Прагал, с глазами, расширенными от страха, начал стрелять из лазгана очередями. Маглен выстрелила из осколочного карабина, держа его двумя руками; первый выстрел прошел мимо, когда «Кентавр» подскочил на выбитом камне мостовой. Второй веером осколков ударил в броню на груди костодесантника. Это лишь на мгновение замедлило его бег.

Кровавый Горгон догонял их. С какой скоростью они ехали? Возможно, сорок километров в час? И все же он настигал их, топая бронированными ногами с сотрясающей землю силой, размахивая ценным мечом в руках. Как пирангатор, он был полностью сосредоточен на своей добыче.

-- Поворачивай! Не прекращай маневрировать! -- крикнул Росс Барку.

«Кентавр» резко свернул с мостовой на огороженный стеной виадук. Из-за этого маневра уклонения костогесантник на секунду едва не пролетел мимо поворота.

Плазменный выстрел оставил рваную, обугленную пробоину в набедренной пластине силовой брони. От лазерных лучей вздувалась пузырями блестящая эмаль, покрывавшая кератит. Осколочные заряды «Потрошителя» разбивались о броню, как облачка дыма. Костогесантник Хаоса неустрашимо мчался за ними.

Барк выехал на широкий бульвар, богато украшенные надгробия выстроились по обеим сторонам улицы, как каменные скамьи в церкви. Было трудно вести машину в темноте, свет фар мелькал туда-сюда, освещая только узкую полосу земли перед ними. Росс не был уверен, знает ли Барк, куда едет.

Костогесантник Хаоса был уже настолько близко, что одной рукой в бронированной перчатке почти ухватился за борт «Кентавра». настолько близко, что Росс видел лицевую пластину его шлема, удлиненную, с раздутыми ноздрями

и решеткой в виде ревущей пасти.

В отчаянии Росс схватил из ящика один из минометных снарядов. Ударив взрывателем о пол кузова, он швырнул его через борт. Снаряд упал под бронированные сапоги костогесантника и взорвался.

Кровавый Горгон на секунду пошатнулся, зарывав сквозь решетку визора. Звук, усиленный динамиками, получился булькающим и неровным.

— Снаряды, используйте снаряды! — закричал Росс.

Им и не требовалось приказывать. Маглен и Прагал уже начали с тужеством отчаяния бросать минометные снаряды в костогесанника. Взрывы грели позади «Кентавра», откалывая каменные осколки с мостовой. Они бросали снаряды, ударяя взрывателями по кузову и целясь в ноги Кровавого Горгона.

Когда Вандус Барк вывел «Кентавр» на дорогу, ведущую к воротам Ангкоры, броня на ногах костогесантника почернела и обгорела. Из трещин в керамике с

каждым шагом сочилась жидкость — или кровь, или машинное масло.

— Не подпускайте его ближе, впереди негде маневрировать! — крикнул Барк, не оборачиваясь. Росс повернулся, чтобы взглянуть и выругался. Дорога прямой линией тянулась на два километра. Свернуть было некуда.

Кровавый Горгон догнал их. Мощным усилием сократив дистанцию, он одним толчком прыжком настиг их. Взмахнув двуручным цепным мечом, он снес задний борт кузова «Кентавра». Сразу же следующий удар срезал защитную дугу с визгом разрываемого зубьями металла и вспышкой оранжевых искр.

Росс откатился назад, отбиваясь ногами. Костодесантник Хаоса обрушил на него сокрушительный удар бронированного кулака. Росс сумел увернуться от керамитового кулака, оставившего вмятину в броне кабины.

Росс никогда не забудет того, что произошло потом. Случившемуся он будет обязан жизнью.

Капитан Прагал храбро встал перед

костюгесантником-предателем. Он стоял
между Россом и чудовищным
бронированным гигантом. Молодой
офицер поднял болт-пистолет и дважды
выстрелил в упор в шлем Кровавого
Горгона. Решетка визора деформировалась
от попаданий болтерных зарядов. Сила
выстрелов была такой, что голова
костюгесантника откинулась назад.

Гигант, пошатнувшись, рванулся
вперед. Мелькнула громадная рука в
латной перчатке, схватив голову
капитана бронированными пальцами.
Прагал не вскрикнул, когда Кровавый
Горгон сжал кулак с силой, сокрушающей
железо. Доблестный капитан умер молча.

Кровь Прагала окатила Росса, словно
красный туман.

Росс знал, что еще один удар сердца,
возможно два, и последний шанс будет
упущен. Циквизитор перестал думать — на
это не было времени. Он бросился вперед и
нанес самый важный удар в своей жизни,
прямой правой. Его силовой кулак врезался
в грудь Кровавого Горгона, туда, где
силовые кабели брюшных сегментов

соединялись с керамитом нижних
нагрудных пластин брони.

Раздался треск, когда силовой кулак
Росса проломил грудь гиганта. Кровавый
Горгон взревел. Звук вырвался из
динамиков, как взрывная волна. Росс
сомневался, сможет ли он теперь когда-
нибудь слышать правым ухом. Силовой
кулак расколол каменно-твердый панцирь
грудной клетки космогесантника, разорвав
толстые, как канаты, связки мышц. Но
этого было недостаточно, чтобы убить
его.

Росс резко рванул силовой кулак вверх
и вправо. Он разорвал второе сердце
Кровавого Горгона и пронзил первое.

Наконец, согрознувшись, словно гора
от землетрясения, Кровавый Горгон умер.
Он рухнул на землю, как лавина, из
развороченного кузова «Кентавра».

Росс опустился на колени, сторгнув
кровь с глаз. Она затекала ему в нос, в рот,
оседала на зубах. Ни одна капля крови не
была его собственной. Когда «Кентавр»
поехал дальше по дороге, ведущей из
Ангоры, Росс прислонился к борту кузова.

полностью лишившись сил.

-- ВЕЛИКИЙ Враг знал. Они знали все это время. Они просто ждали подходящего момента, -- апатично прошептал инквизитор Барк.

-- Они провели нас. Переиграли... -- согласился Росс, безразлично глядя в пустоту.

Они сидели на холме в шестидесяти километрах к северу от столицы Аригүна, далеко в пепельных пустошах, со всех сторон окруженные мертвыми пыльными равнинами. Было раннее утро, и пески отблескивали цветом слоновой кости, гряды холмов испещрила утренняя тень. «Кентавр», точнее, его искореженные останки, стоял в нескольких метрах

дальше, в его баках кончилось горючее. Они увели машину настолько далеко, насколько было возможно из южного пояса. Тело капитана Прагала лежало рядом, накрытое листом пластика, его руки сложены на груди и лазгане.

— Расскажи, — начал Росс, — расскажи снова, как это произошло.

Барк сжал кулаки и закрыл глаза, словно отгоняя воспоминания, которые не хотел переживать.

— Пять дней... Пять дней назад они атаковали Аригун. Проклятье, они здорово все продумали. Прежде всего они лишили нас связи. Они уничтожили посты наблюдения, центры связи, ретрансляторы, вокс-станции дальнего действия. Все. Заставили затолчать всю планету.

Росс взял горсть песка и начал оттирать засохшую кровь с брони, сдирая темнотно-красные пятна.

— Потом Гвардия?

— Да. Без связи, изолированные гарнизоны стали легкой добычей.

— Потом Южный пояс?

— Да. А потом изолированные

населенные пункты за пределами южной саванны, -- раздраженно сказал Барк. Сейчас они все были на взводе. Росс чувствовал себя так же, желание лечь и уснуть и никогда не просыпаться было просто непреодолимым.

-- Одна рота костогесантников-предателей, ты сказал? -- снова спросил Росс.

-- Мне кажется, не меньше роты, но не более двух. Больше двух сотен костогесантников -- слишком для Аригуна.

Теперь это было очевидно. В ретроспективе все кажется очевидным. Великий Враг тщательно все спланировал. Он захватывал Мирь Медины, одну планету за другой, готовясь пробудить Старого Короля и всегда на шаг опережая имперских защитников. А на Аригуне тем временем Великий Враг собирал силы за демаркационной линией и ждал, вводя в заблуждение имперское командование, заставляя его перебрасывать войска с Аригуна на другие фронты. Ждал, пока планеты не пришли в нужное положение -- и тогда

костюгосантники-предатели зачистили
все населенные регионы Аригуна.

-- Все погибли? -- рискнул спросить
Росс.

-- Кому-то удалось бежать в пустоши,
но без воды они там едва ли долго
протянут. И я не сомневаюсь, что
выжившие попадут прямо в руки
Броненосцев, которые наступают сейчас
по суб-континенту.

-- Тогда действительно все очень
плохо, -- сказал Росс. Это было явно
преуменьшение.

Барк открыл глаза и пристально
посмотрел на Росса.

-- Весьма благородно было с твоей
стороны вернуться за мной. Приятно
знать, что мои друзья больше не думают,
будто я пытаюсь их убить.

Росс отвернулся, понимая, что хочет
сказать его друг.

-- Прости, Вандус. У меня не было
выбора.

-- И отлуплю же я тебя, когда все это
закончится, -- Барк слабо улыбнулся.

Росс развел руками и растеялся.

— Вандус, если это когда-нибудь закончится, я с радостью предоставлю тебе первый удар. Все равно тебе нужен будет гандикан.

— Что будем делать сейчас? — внезапно спросила Маглен. Это были первые ее слова за несколько часов. С тех пор, как убили Прагала.

— Как бы странно это ни звучало, милостью Бога-Императора нам повезло, — уверенно заявил Росс.

Маглен и Барк посмотрели на него так, словно он окончательно сошел с ума.

— Я свяжусь с Турноном и запрошу немедленную высадку войск с 9-го флота. Нашей главной задачей будет отбить Ангкору, пока Броненосцы не закрепятся в регионе.

— А откуда вы знаете, что Великий Враг еще не заполучил Старых Королей? — спросила Маглен.

— Дорогая моя, — начал Росс, — вы думаете, мы были бы еще живы, если бы это было так?

ВОЙСКА Броненосцев на Аридуне

пришли в движение. По всему Нуническому суб-континенту, на протяжении двух тысяч километров высохших равнин, по пустыне катились бронетанковые и моторизованные колонны войск Великого Врага. За Островами Клетки флот подводных лодок и барж на воздушной подушке двигался по соляным каналам. От самых дальних соляных равнин запада Аригуна до бессточных бассейнов на другом конце континента Броненосцы перестали скрываться, направляясь к Цени Крепостей.

Четыре фигурки, маленькие и незначительные, наблюдали за движением массы войск с вершины песчаной дюны. Пыль окрасила их грубые камуфляжные сетки из тростника в бело-мучной цвет. Они казались лишь зарослью толстого кустарника.

-- Мы пойдём с ними, -- заявил Сильверстайн.

-- Что, с ними? -- спросил Темуган, указывая на горизонт грязным пальцем. Там разворачивалась армия Броненосцев. Они больше не нуждались в камуфляжных сетях и какой-либо другой маскировке. Да

и никакая маскировка не смогла бы спрятать тысячи машин, двизавшихся по песчаным равнинам континента, поднимая огромные стены белой пыли.

-- Конечно же нет, -- отозвался Асинг-ну.

-- Это невозможно, нас всех убьют, -- сказал Апартан. -- Как мы сможем, не прячась, следовать за ними по соляным равнинам?

-- Да ладно, парни, где ваша любовь к приключениям? Жажда открытий для Империи? Завоевать пространства, освободить миры? -- полусмущенно усмехнулся Сильверстайн.

Охотник сполз на животе с вершины дюны и поднялся на ноги. Он заметил, как грязны его сапоги, и вспомнил, что не почистил их с тех пор, как отправился с борта «Карфагена» на Кантику. Сколько месяцев назад это было? Сильверстайн не мог вспомнить.

Он подошел к четырехколесному мотоциклу. Некрашенный металл раскален под солнцем и был очень горячим. Сильверстайн проверил прикрепленные

канистры с горючим и водой, остотрив
пристегивавшие их ремни, не протерлись
ли они.

Автоган схемы «бүлл-пан» взятый с
трүна наука Броненосцев, был пристегнут
у седла, параллельно задней цепи
мотоцикла, чтобы его можно было быстро
схватить в случае необходимости.
Сильверстайн не просто взял его как
трофей. Это оружие несло эмблему
Муниторута и серийный номер полков
Внутренней Гвардии Бастиона.
Сильверстайн лишь вернул оружие на
службу Империи.

Сильверстайн поправил
камуфляжную сетку и натянул ее на
голову.

— Если говорить серьезно, господа,
армия Броненосцев пришла в движение.
Мы можем прятаться, но скоро будет
просто некуда бежать. Вы об этом
подумали?

Апартан подошел по костяной пыли и,
сняв со своего мотоцикла камуфляжную
сетку, сплетенную из мха и корней,
набросил ее себе на плечи.

— Если Великий Браз готовится сражаться, я не хочу пропустить это.

Темуган и Асинг-ну с некоторыми содроганием присоединились к ним.

— Если так надо... — хором сказали они.

Сильверстайн растеялся.

— Следуйте за мной. Будет весело, вроде охоты на большую дичь. Очень большую...

ЗАПРОС на высадку войск достиг Гүриона по дальней вокс-связи лишь за несколько минут до его ареста.

Лорд Гүрион отложил трубку вокс-аппарата, когда в его двери вломилась военная полиция. Шесть офицеров военной полиции ворвались в каюту Гүриона, передергивая затворы дробовиков и крича на него. За ними не спеша шагал лорд-маршал Кхтер, небрежно перекинув плащ через плечо. А за ним следовали трое комиссаров в черных шинелях, сжатая в руках пачка документов.

Гүрион просто поднял руки.

— Лорд-маршал, вижу, вы пришли за

пной?

--- Теперь мы задает вопросы, инквизитор, --- высокомерно фыркнул Кхмер.

--- О, понимаю. Но не могли бы мы отложить это до высадки войск на Аридун? Я только что получил сообщение от моей оперативной группы, что положение стало очень опасным.

--- Нет, Гүрион, никогда. На основании военного закона, вы арестованы, --- Кхмер щелкнул пальцами, давая знак ожидавшему комиссару. Политический офицер шагнул вперед, стукнув каблуками начищенных сапог, и зачитал ордер.

--- Инквизитор Форг Гүрион. Вы обвиняетесь в заговоре с целью воспрепятствовать исполнению правильной военной стратегии. До назначенной даты судебного разбирательства вы должны быть заключены под стражу с временным лишением всех полномочий, согласно статье 22 Военского Устава.

--- Я инквизитор, --- засмеялся Гүрион. Военное право на меня не

распространяются.

Кхтер улыбнулся.

-- Может быть так, а может быть, и нет. Это решит Пленарный Совет, обладающий соответствующими полномочиями. А пока вы будете арестованы для вашей же пользы и пользы кампании. Мне ужасно, ужасно жаль, но вы не сможете использовать свои полномочия, чтобы отдавать приказы моим войскам, пока это дело не прояснится.

-- Неплохо сыграно, Кхтер, -- сказал Түрион, медленно кивнув.

Лорд-маршал кивнул.

-- Я приказал направить все наши силы в пространство Звезд Бастиона. Когда и если ваше дело будет решено Советом, тогда вы сможете вернуть войска с Бастиона в Медину, если пожелаете.

Түрион нетерпеливо постучал механической рукой по столу.

-- Вы закончили, лорд-маршал?

Кхтер настороженно прищурился. Перелена тона инквизитора что-то предвещала. Внезапно полудюжины

военных полицейских, которых он привел сюда, показалось ему недостаточно.

Гүрион поднялся с кресла.

-- Вы мне не соперник, Кхмер. В этом ваша слабость. Я давно предполагал, что вы попытаетесь совершить нечто подобное. Но это уже не важно.

В коридоре за стенами каюты послышался шум борьбы, злые резкие голоса и приглушенные стоны. Послышался звук удара, и что-то шлепнулось на палубу.

Кхмеру вдруг стало не по себе. Он больше не улыбался.

-- Не обращайтесь внимания, -- сказал Гүрион. -- Это просто инквизиторские штурмовики обезоруживают военных полицейских, которых вы поставили снаружи. Не беспокойтесь, мои люди хорошо обучены и не причинят вам вреда без необходимости.

-- Это лжетеж? -- фыркнул Кхмер.

-- Разумеется, нет. Это закономерный исход, -- Гүрион указал на лорда-маршала механической рукой. --

Варүда Кхмер, у меня есть неопровержимые доказательства, что вы

злоупотребили своим положением и полномочиями, пытаясь помешать Инквизиции.

Офицеры военной полиции и комиссары отшатнулись от лорд-маршала, их лица выражали сомнения и нерешительность. Дробовики, нацеленные на Гурюна, опустили, уставившись дулами в палубу.

-- Вы перевербовали инквизитора из моего Конклава. Шантажировали вы его или пообещали что-то -- это меня не интересует. Несколько раз вы пытались убить моих подчиненных. С меня достаточно, Кхмер. Для пользы кампании -- ее лучше вести без вас.

Лорд-маршал начал пятиться к двери.

-- Посмотрим, что скажет Совет, когда услышит ваши доказательства.

-- Мне нет необходимости предъявлять им доказательства. Я представляю Инквизицию здесь. Единственная причина, по которой я до сих пор оставил вас в живых -- я не хотел убивать офицера-ветерана без особой

необходимости. Я оставил вас в живых, Кхмер, помните об этом.

Лорд-маршал схватился за автоматопистолет «Люгос» в кобуре на поясе.

Но Гүрион тоже был вооружен. Медный ноготь его аугметического пальца -- все это время направленного прямо на Кхмера -- сдвинулся вверх. Из него выстрелила мономолекулярная нить, пронзившая грудь Кхмера, даже не повредив ткань его мундира. Нить развернулась внутри грудной клетки лорда-маршала. Тяжелейшие травмы внутренних органов и внутренние кровотечения мгновенно убили его. Лорд-маршал Кхмер упал лицом вниз и больше не двигался. Со щелчком мономолекулярная нить втянулась обратно, оставив микроскопическую ранку. Не пролилось ни капли крови.

-- Положите оружие, -- приказал Гүрион военным полицейским. Те послушно бросили гробовики на палубу.

-- Кхмер мертв. Командование 9-м флотом временно переходит ко мне. Это не противоречит положениям военного

права, комиссары?

Политические офицеры покачали
головами.

--- Нет, сэр, не противоречит.

--- Хорошо. В таком случае передайте
приказ начальнику штаба мобилизовать
все силы и приступить к высадке на
Аридуне, согласно ранее принятому плану.
Не стойте как истуканы, идите! --
приказал Гүрион.

Комиссары, щелкнув каблуками,
отсалютовали и вышли из каюты
Гүриона.

«ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА» началась через шесть дней лунного цикла. Когда юго-западный мир Нага точно поравнялся с экватором Вавилона, и геодезические линии центральных миров оказались на одной прямой по всему Коридору Медины.

Все имперские войска в системе были задействованы в операции. Все до последнего солдата.

Силы быстрого реагирования в составе ста двадцати тысяч солдат Кантуканской Колониальной Гвардии, ожидавшие на орбите Аригуна, были немедленно высажены. Лорд-генерал Фейсал, командовавший операцией, написал:

«В случае полномасштабной обороны целью войны на истощение будет Ангкор, но ключом к победе станет удержание Цепи Крепостей».

Еще до высадки сил быстрого реагирования, другие шестнадцать дивизий Кантуканской Гвардии обрушились с неба массой транспортов на Цепь Крепостей, преодолевая град огня НВО. Артиллерия, кавалерия и прежде всего пехота высаживались массами. В операции были задействованы 5-й полк тяжелой пехоты Гасдрубала и части знаменитого Эгинского Почетного полка. Всего четыреста шестьдесят тысяч человек.

Рота костодесантников-предателей, оборонявших Ангкор, была выбита с позиций лишь после серии беспощадных налетов имперской авиации, господствовавшей в воздухе. Имперские бомбардировщики «Мародер» 9-го флота обстреливали мертвый город с малой высоты, осыпая древние строения килонами зажигательных бомб. Но даже так, чтобы осадить и отбить

Ангкору и место захоронения Старых Королей, потребовались объединенные усилия частей быстрого реагирования. Потери с самого начала операции были очень высоки.

Имперские ученые потом приписывали успех высадки превосходству в воздухе. Авиация 9-го флота давала имперским войскам преимущество, которого не было у Великого Врага. Без нее высадившиеся войска не смогли бы сразу атаковать Цепь Крепостей. Без нее Имперская Гвардия не смогла бы разбить костодесантников Хаоса. И, несомненно, без авиации они не удержались бы на захваченных позициях под ударом десятков легионов Броненосцев, наступавших по всему суб-континенту.

Это было величайшее провидение Бога-Императора. Лорд-генерал Фейсал с высочайшей похвалой отозвался о работе инквизитора Ободайи Росса, инквизитора Вандуса Барка и профессора Маглен де Медичи, чьи разведданные позволили имперским войскам высадиться на Аридуне прежде чем Броненосцы успели

закрепиться в Цепи Крепостей. Селелина
была посмертно представлена к Ордену
Доблести Верховных Лордов за свою
службу и героическую смерть в бою с
Великим Врагом.

Орбитальная разведка над Аригунот
обнаружила наступающие колонны дека-
легионов Броненосцев. Разведывательные
подразделения, направленные на разведку
боем, возвращались, охваченные страхом.
Даже по самым осторожным оценкам
численность войск Великого Врага в
регионе достигала семи миллионов.
Танки, боевые машины и бесчисленные
легионы пехоты. Имперские «Мародеры»
наносили бомбовые удары по наступающим
колоннам. Пилоты говорили, что это все
равно, что бросать камни в воду. Поток
воинства Великого Врага безостановочно
двигался вперед.

Верховному Командованию
понадобилось некоторое время, чтобы
осознать, что Великий Враг на самом
деле не спешил закрепиться в Цепи
Крепостей или захватить Старых
Королей. Ему было не так важно, сумеют

ли имперские войска выбить Кровавых Горгон из города мертвых... У него не было стратегической необходимости спешить. Великий Враз с самого начала кампании в Мирах Медины вел медленную, методичную войну, готовя ловушку, и сейчас расчетливо ее закрывал. Семь миллионов Броненосцев не спешили.

Генерал, командующий 5-й дивизией, произнес слова, ставшие самой знаменитой цитатой этой войны: «Они были мертвецами, мертвецами, защищающими мертвое место».

В 04:57, через три дня после высадки имперских войск и через девять дней лунного цикла, армии Броненосцев подошли к южной саванне. Знамена Хаоса развевались на горячем ветру, легионы шли строем, топот их сапог звучал, как непрерывный отдаленный рокот грома. Били боевые барабаны, ревели огромные боевые рога. Рядом с ними шли колонны бронетехники, сверкавшие на солнце, как реки блестящей стали.

Имперская Гвардия знала о многочисленности противника, но

звардейцы не были готовы к такому зрелищу. Полчища воинов Великого Врага наводнили равнины. Артиллерийские наблюдатели с верхних ярусов городов докладывали, что тысячекilометровые саванны, окружающие Цепь Крепостей, после прохода войск Хаоса истоптаны до того, что превратились в болота черной грязи. На крепостных валах звардейцы записывали свои последние мысли на бумагу и бросали ее на ветер. Они надеялись, что херувилы Императора донесут их молитвы до их любимых. Были даже сообщения, хотя и не подтвержденные, что некоторые звардейцы совершили самоубийство, бросившись со стен при виде наступающих полчищ Хаоса.

В 05:13 батареи 11-го Кантуканского полка колониальной артиллерии произвели первые выстрелы. Танковые колонны Броненосцев ответили огнем по укреплениям. Подкалиберные снаряды били в стены Цепи Крепости, поднимая огромные столбы пыли.

Эти выстрелы возвестили Последнюю

Войну Медины.

-- СЭР, Старые Короли захоронены очень глубоко, в этом нет никаких сомнений.

Говоривший был кантиканским капралом, его коричневый фетровый тундир стал светлым от соли и белой пыли. Он устало опирался на лопату, тяжело дыша, мокрые от пота волосы налипли на лоб. Судя по светло-голубому поясу, это был капрал 1-го Кантиканского саперного полка, но до конца раскопок на него были возложены обязанности землекопа.

-- Предлагаю использовать взрывчатку, по крайней мере, пока не пройдем соляные пласты, -- сказал Росс. Защищая рукой глаза от солнца, он оценивающим взглядом остотрел место раскопок.

-- О нет! Никакой взрывчатки! -- воскликнула Маглен, поднимаясь на курган выкопанной глины. -- Слишком большой риск что-нибудь повредить. Теперь копать только вручную.

Росс неохотно пожал плечами.

— Ты слышал леги. Никакой взрывчатки, капрал.

Гвардеец тяжело вздохнул, поднял лопату на плечо и побежал обратно к месту раскопок, на ходу выкрикивая команды.

Место захоронения Старых Королей находилось в центре Ангкору, точно в девяносто градусах от обоих полушарий, и под прямым углом к тем солнцам и луне, находившейся в зените лунного цикла.

К сожалению, место оказалось прямо под массивной гробницей в восточном квартале города. Это был сводчатый много сегментный мавзолей из резного камня, высотой шестьдесят метров, его слегка наклонные стены напоминали бутон лотоса с шестьюстами тысячами тесно свернутых лепестков. Каждый лепесток был отдельной могилой, покрытой барельефами, описывавшими добродетели и деяния покойного.

По словам Маглен, это требовало «осторожных усилий». Санеры проделали ход в основании мавзолея, рваную, сухую

рану в земле, которая вела в крутой
искусственный каньон. Взрывчатка и
пневматические буры пробилась сквозь
восемь пластов осадочной породы,
известняка, сланца и руды.

-- Нам только понадобится больше
времени, чтобы пробить пласты руды, --
сказала Маглен. -- Если бы это было так
просто, то костодесантники-предатели
сами бы докопались до Старых Королей.

Она говорила о твердых пластах
глины и руды, отложившихся здесь за века
климатических изменений. Руда
образовала твердый, пористый ржаво-
красный камень, который с трудом
пробивали пневматические буры.

-- Именно времени у нас и нет, --
ответил Росс. Словно подчеркивая его
слова, небо осветилось разрывами снарядов.
Грохот разрывов слышался секунду
спустя, низкий и злобный.

-- Великий Враг обстреливает
врата Ангкоры, -- сказал Росс. -- Полчаса
назад участок восточной стены был
потерян. 22-й батальон отброшен, а 9-й по
последним данным потерял до 40% личного

состава. Противник не более чем в
шестнадцати километрах от места
раскопок.

Маглен потерла виски.

— Я знаю что делаю, Росс. Четыре
или пять дней. Дайте мне их, и я доберусь
до Старых Королей. — Она замолчала,
когда еще несколько разорвавшихся
снарядов заглушили все остальные звуки. —
Я никогда не ошибалась за всю свою
карьеру.

На краю кратера появился адъютант
со знаками различия лейтенанта. Он
прискакал на лошади. Судя по пыли на его
щеках и почерневшему от жара стволу
пистолета, он только что прибыл с передовой.

— Инквизитор, сэр, лорд-генерал
приглашает вас на совещание, — выдохнул
усталый офицер, пытаясь удержать
сбившую копытом лошадь в узде. В другой
руке лейтенант держал повод еще одной
лошади, оседланной и подготовленной для
Росса.

Росс кивнул и повернулся, щелкнув
каблукатами, обсидиановые пластинки его
табарда тускло мерцали. Прежде чем

выбраться из кратера, Росс обернулся к
Маглен.

— Я не знаю, есть ли у вас эти
четыре или пять дней. Великий Враг уже
здесь, он берет улицу за улицей, дом за
домом.

— Пять дней или ничего, Росс, —
ответила Маглен.

ПЕРВЫЕ восемь часов боя были
самыми тяжелыми. Белое жаркое
утреннее небо все покрылось облаками
дыма, висевшими, как штормовые тучи
над южным поясом. Вспышки огня
блуждали вдоль Цепи Крепостей. Гривы
пламени лизали соединяющие валы,
обвивали городские укрепления. Ударная
волна от взрывов непрерывно сотрясала
землю.

У большей части городов Цепи
Крепостей не было настоящих защитных
стен. Укрепления были построены в эпоху,
когда войны на планете велись копьем и
глубиной, и с тех пор стены осыпались,
превращаясь в обломки барельефов и
исторических фризов. Громадный океан

воинства Великого Врага ударил в них яростным потоком, сокрушая стены, растекаясь по площадям, наполняя улицы. Мехота Броненосцев сначала не использовала свое огнестрельное оружие. Они набросились бьющей ордой, размахивая внушающим страх оружием ближнего боя, характерным для налетчиков. Они взбирались на низкие стены, неустрашимо устремляясь навстречу огневой мощи оборонительных позиций кантиканцев, семь миллионов голосов ревели как один.

Через несколько минут передовые батальоны были отброшены сокрушительной мощью удара Великого Врага. Боевые порядки Кантиканской Гвардии начали рассыпаться, когда были прорваны позиции, защищавшие главные дороги и соединительные валы. Кантиканские офицеры отводили свои части из отдаленных районов, занимая гражданские здания или какие-либо другие укрытия.

Сила первой атаки оказала деморализующее действие на Гвардию.

Несмотря на тактические полосы огня
вдоль улиц, оборонительные дефиле на
внешних периметрах, сектора огня с
перекрытием, огневые точки и
проволочные заграждения, несмотря на все
тактические преимущества, противник
сокрушал их оборону. По всей Цепи
Крепостей позиции целых бригад
прорывались и взламывались атакой
Броненосцев. Противник отрезал и
окружал роты и взводы. Рота «Н»
отдельного 46-го батальона Кантиканской
Гвардии закрепилась на текстильной
фабрике в одном из внешних районов города
Чингар. Отрезанная и окруженная рота
держалась почти час, пока у них не
кончились боеприпасы. Их трупы
Броненосцы привязали цепями к своим
патрульным машинам и протащили по
улицам. В нескольких километрах к
востоку, в Барсиде, взвод кантиканцев под
командованием неопытного лейтенанта
сдался Броненосцам, когда был захвачен
храм, в котором они укрывались. Взвод
пленных вывели перед позициями 19-го
батальона, занимавшего оборону у

восточного виадуга Барсига. Командир
Броненосцев — эльтебер — заглушил всех
пленных на виду у их товарищей. Их трупы
были бесцеремонно сброшены в канал.

К шестому часу боя уже мало что
напоминало единый фронт. Великий Враг
обходил осажденные имперские позиции.
Подразделения Гвардии часто получали
приказ отступить, чтобы защитить
артиллерию и командные пункты.

В беспорядке уличных боев авиация
Имперского Флота не могла точно
поражать вражеские цели на поле боя.
Противник все время атаковал, окружая и
обходя имперские позиции. Это была
тактика, которую имперское Верховное
Командование называло «борьбой за
захват», и она лишала имперские войска
их единственного преимущества —
господства в воздухе. «Мародеры» были
перенацелены на тыловые коммуникации
Великого Врага, исполняя роль тяжелой
артиллерии.

Ангора, место захоронения Старых
Королей, и пункт, где шел наиболее
тяжелый бой, оборонялась особенно упорно.

За мощеную плитату дорозу, ведущую от огромных ворот Ангкору внутрь города, шло ожесточенное сражение. Ее каменные плиты позволяли проехать в город тяжелой бронетехнике Великого Врага, до пяти машин в ряд. Имперское командование не могло этого позволить.

Полковник Уса Батат получил приказ удерживать центральную дорозу, задача, которую он считал безнадежной. Он расположил своих солдат за статуями животных по сторонам эстакады, организовав полосу огня для автомашин, гранатометов и сожнутых рядов лазганов. Они ждали, а по вокс-связи постоянно шли сообщения о наступлении противника, прорывавшегося сквозь имперскую оборону в отдаленных районах Ангкору. Приглушенные крики и шум выстрелов, прерываемые помехами, мучающе действовали на его солдат. Они жевали табак, чтобы успокоиться — челюсти сжаты, глаза расширены, дыхание напряженное.

О приближении Броненосцев возвестили по вокс-связи предсмертные

вопли офицера, командовавшего обороной соседнего района, к востоку от полка Батама. Броненосцы ворвались в церемониальные ворота, полный декабристский легион пехоты, десять тысяч воинов. Под командованием Батама было лишь 690 человек.

Хотя подступы к воротам были сильно заминированы, Броненосцы шли неостановимо, бесстрашно, маршируя в ритм боевых барабанов. Впереди колонны шагал наик, размахивая бумажными фонарями Хорсабага Моу.

Кантуканцы открыли огонь. Батам подумал, заметил ли вообще противник, что они здесь, и даже если заметил, обратил ли на них внимание.

Но Броненосцы заметили их. Они нарушили строй, бросившись вперед, атакуя фланговые позиции Батама. Лучи лазерных выстрелов вонзились в волну бойцов Великого Врага. Гвардейцы смогли вести огонь лишь несколько секунд, пока Броненосцы не ворвались на их позиции.

Броненосец в клиновидном нагруднике перепрыгнул через статую морского

конька, за которой прятался Уса Батам, разрубая воздух бритвенно-острым клинком. Батам всадил штык в бок Броненосца, там, где нагрудник соединялся с пластинами набрюшника. Удар настиг Броненосца в прыжке, едва не вывихнув руки Батама. Полковник застрелил врага из лазгана в упор и выдернул штык из его тела.

-- Держитесь, стойте и сражайтесь! -- крикнул полковник. Он остотрелся вокруг, глядя на отчаянную схватку, мелькание сверкающих клинков и мечущихся тел. Один из его ротных капитанов, Сайэм, подошел к нему, на ходу стреляя очередями.

-- Сэр, гутаю, пора! Мы продержимся меньше, чем ожидали! -- закричал он, перекрикивая шум боя.

Действительно, пора. Полковник Батам видел двойные пилоны врат Ангкоры, примерно в километре далее по дороге. Монолитные колонны были окутаны дымом от выстрелов, безучастно возвышаясь над бойней внизу.

Капитан Сайэм был прав. Они не

могли и надеяться удержать дорогу. Доктрина Гвардии требовала, что если позиция станет непригодной для обороны, следует лишить ее стратегической ценности для противника.

— Активировать заряды, капитан! Проклятье, гавай! — крикнул Батам. Обернувшись, полковник увидел, что капитан уже мертв. Клинок мелькнул над головой Батама, и полковник присел. Клинок отрубил его правое ухо и часть скальпа. Батам, вцепившись в кровоточащую рану, другой рукой схватил детонатор, висевший на поясе. Схватив его, он неистово вдавил кнопку.

Подрывные заряды, заложенные у основания ворот, взорвались, подняв тучу дыма и обломков. Трехсот метровые пилоны согнулись и начали медленно падать. Тысячи тонн резного камня — статуями пляшущих животных, посвященных мертвым — рухнули на мостовую. Сотрясение земли при этом почувствовали сражающиеся в самых дальних городах Цени Крепостей, оно было даже сильнее, чем сотрясение от снарядов.

Шесть тысяч тонн камня, падающих с высоты нескольких сотен метров — такой звук нечасто услышишь.

Полковник Уса Батам и все его солдаты погибли мгновенно. Центральная дорога Ангкоры превратилась в гряду каменных обломков. Пыль и осколки, поднятые силой удара, продолжали сыпаться вниз еще несколько минут. Но по всей Цени Крепостей сражение продолжалось, так, словно не произошло ничего важного.

ИНКВИЗИТОР Росс прискакал в штаб так быстро, как только позволяла скорость лошади.

В скромном склепе, возведенном в одном из самых древних погребальных районов центра Ангкоры, был расположен штаб лорда-генерала Мурата Фейсала, командовавшего операцией. По совпадению этот склеп был родовой гробницей первого имперского губернатора Аригуна, правившего после Войны Освобождения. Росс подумал, что это место весьма подходящее с поэтической точки зрения.

чтобы управлять из него Последней
Войной Медины.

На командном пункте было куда
больше порядка, чем ожидал Росс. Генерал
Фейсал позволил большинству
адъютантов, младших офицеров и не
самого необходимого персонала не
набиваться в темный и тесный склеп.
Вдоль стен круглого сводчатого
помещения были расположены ниши для
аппаратуры связи и другого оборудования.
В центре склепа каменный гроб Первого
Губернатора Фарибо был превращен в
импровизированный стол, на нем
развернули карты. Стоя среди группы
штабных офицеров, генерал Фейсал со
стоическим спокойствием принимал
сообщения с фронта, разваливавшегося под
ударам врага.

Фейсал был кантиканцем по
рождению, с резкими угловатыми
чертами лица, густыми темными
бровями и кожей цвета полированного
дерева. Он был одет в традиционный
кантиканский глиняный мундир из
коричневого фетра с простыми тупляками

из небесно-голубого шелка и кожаными
обмотками. Его генеральский кушак цвета
слоновой кости, обвязанный вокруг пояса и
по диагонали через плечо, указывал на его
знатное воинское происхождение и на
подвиги его предков. Росс немного знал о
его репутации, за исключением того, что
Фейсал был придирчивым и вполне
компетентным командиром, но в
остальном ничем не выдающимся. Как бы
то ни было, он лучше, чем его
предшественник Кхмер.

-- Вы звали меня, лорд-генерал? --
сказал Росс, слегка поклонившись, но без
формального военного салюта. Хотя он не
собирался применять псайкерские
способности, его разум почувствовал за
внешним спокойствием Фейсала страх,
близкий к панике. Он заметил, что
воротник генерала растянут, как и
кобура лазерного пистолета.

-- Унквизитор, что нового насчет
Старых Королей? -- спросил Фейсал. В
устах генерала эта мифологическая
терминология, или, скорее, признание
важности древнего артефакта, звучали

как-то неловко, словно он неохотно говорил об этом.

— Мы обнаружили их местонахождение, но понадобится некоторое время, прежде чем мы сможем докопаться на необходимую глубину.

— Весь западный фланг Цепи Крепостей рухнул. Мы потеряли связь с командованием 5-й дивизии в Аргентине. Общее число потерь дошло до шестидесяти тысяч...

Фейсал позволил последним словам повиснуть в затхлом воздухе склепа.

— Сэр, вы... обвиняете в этих потерях Конклав? — уточнил Росс.

— А должен? — устало спросил Фейсал. — Я не обвиняю вас, инквизитор, да и не могу обвинять. Но так тяжело посылать людей на смерть... Покажите, что вы нашли что-то важное, инквизитор.

— Ангкора очень важна, лорд-генерал. Нам нужно пять дней.

— А что насчет Старых Королей? Что вы будете делать, когда найдете их?

— Если позволят обстоятельства, мы вывезем их с планеты. Да черт, я их съем

с ножом и вилкой, только бы не дать врагу захватить их!

Фейсал задумчиво кивнул, сосредоточившись на карте, разложенной перед ним.

— Как вы думаете, инквизитор, каким образом мои войска могут выиграть необходимое вам время?

Росс подошел к карте юга Аригүна. Это была хорошая карта военного образца. Взглянув на самый восточный край Цепи Крепостей, Росс указал на город Бакоу.

— Начните отступать отсюда, сократите протяженность фронта, — Росс провел по карте к середине Цепи Крепостей. — И сосредотачивайте силы для обороны Ангкоры.

— Я согласен, сэр, — сказал генерал-майор Ашван. — Наша единственная возможность оборонять Ангкору — отвести сюда войска с других направлений. Мы не сможем удержать четырехсоткилометровую линию фронта. У нас слишком мало сил. В некоторых секторах участки фронта шириной в один или два километра обороняются одним

взводом.

— Если мы отведем все войска к Ангкоре, — задумчиво сказал Фейсал, — нам будет некуда отступать. Мы отступим противнику территорию, и сами будем заперты в этой могиле.

— Этого не будет, сэр. Броненосцы прежде всего разбойники, налетчики. Нам только надо выдержать их первый удар, — сказал Росс.

Генерал Фейсал горько покачал головой.

— Я согласен, но это идет против всей военной логики. Мы Гвардия, мы удерживаем территорию, захватываем территорию, сражаемся за позицию. Я согласен с вами, Росс, правда, но трудно, когда это все так абстрактно...

— Позвольте мне объяснить это более последовательно. Великому Врагу нужна Ангкора. Не допустите ее захвата, — сказал Росс, переставляя на карте фишки, обозначающие имперские войска, и размещая их кольцом вокруг Ангоры.

Лорд-генерал растянул воротник.

— Я расскажу вам одну историю.

инквизитор. Я сражался в Нефтяных
Войнах, это было очень давно, в 836 г.
Тогда я был капитаном пехоты. Я помню,
как на хлопковых полях Вавилона я
потерял в засаде всю мою роту. Нас
расстреляла толпа необученных
повстанцев-рабочих. Почему? Потому что
я отклонился от маршрута
патрулирования. Вы знаете, на что
похоже хлопковое поле, когда оно покрыто
кровью ваших людей? Это слишком
тяжелый груз для моей совести,
инквизитор. Как офицер, я не могу
простить себе этого. Спустя сорок лет оно
до сих пор снится мне по ночам.

-- Вы знаете, что случится со
Звездами Бастиона, черт, да с самой
Святой Террой, если Великий Враг
стожен взорвать в системе звезду?

Фейсал покачал головой. На самом
деле, Росс тоже не знал. Но тактическое
значение такого оружия было достаточно
убедительным для любого военного.

-- Мы стожен продержаться, --
заклучил генерал Ашван, указывая на
карту. -- При отступлении разрушать

валы, дорожки, дамбы. Будем по очереди отводить батальоны к центру Цепи. Так мы сможем уменьшить их численное превосходство.

Росс посмотрел на Фейсала.

— Это ваши люди, лорд-генерал. Что вы скажете?

— Думаю, эта операция говорит сама за себя, — сказал Фейсал. — Мы будем сражаться за каждый дом и заставим врага платить кровью за каждый дюйм земли.

ВНИЗУ, в узкой теснине улицы, взвод облаченных в железные доспехи воинов пробирался сквозь развалины рынка. За ними медленно катился легкий колесный танк «Нагальщик», его восемь колес давили хрупкие остатки торговых палаток.

Легкий танк имел злобещий вид, его угловатый корпус с похожей на кабанью торгую носовой частью был окрашен в грязно-белый цвет. Плоская башня с 55-мм автоматической пушкой медленно поворачивалась, словно рыло хищника, принюхивавшегося к запаху добычи.

Вантус Барк ждал на башенке верхнего этажа, внимательно наблюдая за

танком. Последняя Война потребовала усилий всех людей Медины, способных носить оружие, и Барк не считал, что инквизитор может быть исключением. К досаде Конклава, Барк присоединился к 76-му батальону на фронте. Гүрион считал, что поле боя Гвардии — не место для инквизитора, но Росс был на фронте, и Барк не хотел, чтобы его старый друг представлял там Инквизицию один. Кроме того, ему не хотелось, чтобы Росс опять обошел его.

Из своей засады Барк видел, как Броненосцы пробираются по улице. За взводом пехоты и «Нагальщиком» двигалась колонна тяжелой бронетехники. Некоторые танки, наиболее тяжелые и широкие, едва могли проехать по улице, их спонсоны задевали осыпающиеся кирпичные стены по обеим сторонам. Барк подождал, пока последний танк протиснется в узкую улицу, и нажал три кнопки на своем vox-передатчике.

Серия взрывов прогремела вдоль улицы. Легкий танк прямо под позицией Барка раскрылся, как коробка, словно

выбило все болты, прикрепляющие бронеплиты. Куски металла полетели во все стороны, шасси «Нагальщика» загорелось.

С крыши домов и надстроек кантиканские гвардейцы осыпали врага залпами лазерных лучей и гранатами. Воздух так раскалился, что Барк мог видеть его — искаженная мерцающая завеса пара, дыма и жара.

Барк перегнулся через ограждение балкона и поднял свои бронированные перчатки. Многоствольные системы — с питанием от двух лент, обернутых вокруг магазина с патронами на спине бронекостюма — пришли в боевое положение. Барк развел кулаки широкой дугой, и из батареи стволов хлестнул поток трассеров. Из выпускных отверстий посыпались стреляные гильзы, как медный дождь, сотни дымящихся гильз хлынули на улицы внизу.

Огонь многоствольного оружия Барка выкосил взвод растерявшихся Броненосцев. Если бы не поршни и кабели стабилизаторов бронекостюма, силы

отдачи было бы достаточно, чтобы сорвать мышцы с костей. От попадания пуль калибра 0.50 в стенах оставались глубокие выбоины. Пятьсот выстрелов за пять секунд, и патронные ленты щелкнули, опустев.

— Инквизитор, из штаба дивизии приказ немедленно отступить из этого района.

Барк обернулся и увидел рядового Хонена, вокс-связиста роты «Альфа» 76-го батальона, поднявшегося в полуразрушенную верхнюю галерею. Одной рукой солдат протянул Барку вокс-наушник, другой держал дымящийся лазган.

Барк отмахнулся.

— Куда отступить?

— Верховное Командование сокращает линию фронта и отводит войска к Ангкоре. фронт отходит к Уонайе и Сутераби, крепостям Цени к западу и востоку от Ангкору. Более дальние города, Чалт и Метуал уже оставлены.

«Отступление явно запоздало», подумал Барк. С самого начал боя первый

удар Великого Брага привел имперскую армию в замешательство. Барк едва знал, где сейчас фронт, и в каком направлении отступать. За последние восемь часов в их засаду дважды едва не попали свои отступающие части.

-- Рота «Эхо» 76-го отойдет за нашу позицию. Они прикроют нас огнем, пока мы будем отступать.

-- Хорошо, тогда пошли, -- согласился Барк.

Дальше по улице кантиканцы начали отступать со своих позиций. Фигуры в белых кеги мелькали на крышах и исчезали. Их массированный огонь прекратился, сменившись отдельными выстрелами.

-- Пошли, пошли! -- тахнул Барк рядовому Хонену, спускаясь по ступенькам. Позади, наблюдательная башенка, которую он занимал, была уничтожена попаданием танкового снаряда, разлетевшись облаком известняковой пыли. Противник приходил в себя после внезапного удара из засады.

Рота Барка скрылась в лабиринте извилистых переулков и лестниц, исчезнув

В старом городе, куда не могла войти техника.

-- ПЯТНАДЦАТЬ градусов к востоку, поправка по вертикали один миллиметр, -- приказал Сильверстайн, глядя вгаль.

Апартан, заняв позицию с автоганом, поправил прицел и выстрелил. Пуля влетела в амбразуру в стене минарета, исчезнув среди дыма и огня боя внизу.

-- Попадание, -- сообщил Сильверстайн.

Охотник поднялся выше по зиккурату к Асинг-ну. Как и Апартан, бывший крестьянин устроился с автоганом за статуей танцующего существа с шестью конечностями. Здесь у Сильверстайна был другой наблюдательный пункт, отсюда он видел другие цели. С тех пор, как Броненосцы атаковали Цепь Крепостей, партизаны, пользуясь смятением и беспорядком штурма, наносили удары и исчезали. Их действия были незаметны, но каждый убитый враг давал ощущение таленькой победы.

— Шестьсот метров на одиннадцатый час, — сказал охотник, протянув руку, чтобы поправить прицел Асинг-ну. — Минус два миллиметра по вертикали, дыши ровнее, у тебя прицел трясется.

Асинг-ну выстрелил, даже не глядя.

— Попадание, — сказал Сильверстайн, хлопнув Асинг-ну по плечу.

Оказавшись в тылу наступающих колонн Великого Врага в захваченном городе Чалт, партизаны видели бой, бьющий впереди. Войска Имперула отступали в беспорядке, и Броненосцы неостановимо шли вперед, оставляя за собой пожары и трупы в опустевшем городе. В нескольких километрах дальше партизаны видели вспышки выстрелов орудий Броненосцев, грохот которых отсюда был едва слышен.

Это давало Сильверстайну отличные возможности для охоты. Они следовали за фронтом Броненосцев, отстреливая их офицеров. По подсчетам Сильверстайна, партизаны убили тридцать девять эльтеберов, наиков и других полевых командиров, а так же несколько простых

солдат, хотя они были менее ценной добычей. Учитывая то, что они целыми днями следовали за Броненосцами в облаках пыли, тридцать девять было вполне приличным числом.

Погойда опасно близко к краю ступенчатой башни-гопурата, Сильверстайн пролез по крашеным ступеням туда, где ствол автомата Асинг-ну смотрел в сторону валов Цепи Крепостей. Устроившись поудобнее, Сильверстайн начал отслеживать цели своими аугметическими глазами.

-- Постотрим, сможем ли мы довести счет до сорока, -- сказал он себе.

ЛЕГИОНЫ Великого Врага безостановочно наступали всю ночь.

Когда на Аригуне наступили сумерки, наступление противника разделилось на несколько клиньев, нацеленных на разрывы во фронте отступающих имперских войск. В Уонайе, где создавался новый фронт обороны на востоке, колонна быстроходных боевых машин Броненосцев -- в основном патрульные вездеходы и мотоциклы --

ворвалась на центральную улицу города. Части Кантиканской Гвардии -- 112-й пехотный батальон и 5-й уланский полк -- были вынуждены сражаться в полном окружении, ошеломленные внезапностью и скоростью атаки. Им пришлось выдержать двенадцать минут ожесточенного боя, прежде чем им на помощь пришли части 5-го полка Гасдрубала.

Вторая атака обрушилась на западный фронт у Сутераби, охватывая имперские позиции, словно в клещи. Мотоциклы и вездеходы с ревом мчались по узким извилистым улицам района тануфакторума, врезаясь в позиции немногочисленных имперских частей, не превышающих численностью роты. Они заставили имперских солдат искать укрытия, скрываясь в блокгаузах и цехах. Целую ночь мотоциклисты Великого Врага господствовали в городе. Они катались кругами на ревущих мотоциклах вокруг зданий, где прятались кантиканцы, стреляя в воздух из автоматических пушек и крича на

своем темном языке.

Но это все были отвлекающие атаки, чтобы занять внимание старших офицеров Фейсала. Главный удар наносился по Ангкоре. Когда не удалось использовать для прорыва центральную улицу, несколько сотен танков Великого Брага направились через отдаленные кладбищенские районы, окружавшие верхние уровни Ангкору. Их гусеницы крушили тысячи могильных камней. Там, где слой земли был слишком тонким, гусеницы танков вырывали из-под земли трубы, давая хрупкие, иссохшие конечности.

Бригадный генерал Матани Гаул организовал прочную оборону в угрожаемых районах, сочетая грамотно расположенные позиции пехоты с контратаками при поддержке огня артиллерии. К несчастью, генерал Гаул был убит снарядом из пушки «Покорителя» в первые минуты боя. Его заместитель, полковник Шегу не смог действовать столь же энергично.

Колеблющийся и осторожный, Шегу действовал не систематически, не решаясь наносить контрудары силами

больше роты, разделив таким образом свои войска, и наступающие танки перемалывали их по частям. За шесть минут боя Шегу потерял почти две тысячи человек.

Чтобы предотвратить развал трехкилометрового участка фронта в Кладбищенском районе, пришлось бросить в бой Почетный полк Эгины. Великоленные в своей сияющей броне из углеродно-алмазных пластин, бойцы тяжелой пехоты Эгины ударили во фланг наступающим танкам Броненосцев. Огонь минометов и лазерных пушек осветил ночь, когда эгинцы двинулись вперед, чтобы закрыть прорыв. Танки Великого Врага превращались в горящие обломки на их пути, эгинские подразделения тяжелого оружия создали «зоны смерти», обрушивая на отрезанные группы вражеской техники огонь артиллерии и лазерных пушек.

Столь яростной и непреклонно методичной была контратака Эгинского полка, что пехота Броненосцев, которая должна была двинуться вслед за танками, не пошла в наступление. Четыре дека-

легиона Броненосцев на усыпанных
обломками улицх кладбищенского района
двигались и остановились. Во тьме
четыреста солдат Почетного полка
Эгины вели огонь такой силы, что
противник решил, будто здесь занимают
оборону как минимум десять тысяч
имперских солдат.

ПО ВСЕМУ фронту шли слухи, что это последнее наступление Великого Врага возглавляет лично Хорсабаг Моу.

Вокс-сообщения от офицеров на позициях, донесения от командиров дивизий накапливались в штабе Верховного Командования в Ангкоре. Все эти донесения касались одного вопроса — Хорсабаг Моу или некто, принимаемый за него, лично был замечен во главе вражеских войск.

Когда наступила ночь, обе стороны отошли зализывать раны. Хотя полностью бой не прекратился, губительный шторм наступления перешел во вспыхивающие местами

перестрелки в зданиях и на углах улиц.

Потери, по данным имперской разведки, были чрезвычайно тяжелыми. Из четырехсот шестидесяти тысяч солдат, защищавших Цень Крепостей в тот день, девяносто тысяч были убиты, и двадцать тысяч с тяжелыми ранениями оказались в госпиталях, расположенных в «зеленой зоне». Еще шестнадцать тысяч пропали без вести, исчезнув в пламени сражения.

Имперская Гвардия в течение двадцати одного часа оставила тринадцать городов Цени, сократив и усилив фронт вокруг Ангоры и шести крепостей на ее восточном и западном флангах. Они потеряли две трети своих позиций, слишком много по любым стандартам. После боя разрушенные крепости едва напоминали прежние огромные многоярусные города Аригуна. Артиллерия превратила их в руины, едва возвышавшиеся над фундаментом, гусеницы тяжелых танков крушили обломки в пыль.

Когда начался рассвет второго дня боя, командирские свистки стали будить

зваргейцев. Они безучастно жевали табак, пытаясь вернуть подвижность пальцам, онемевшим от стрельбы. Некоторые открывали пайковые банки с консервами и жадно ели их содержимое руками. Лица людей почернели от пепла, в их глазах не было блеска. Они стирались с мыслью, что второй день боя будет хуже, чем первый. Наступала усталость, и процесс убийства стал монотонной работой.

Лорд-генерал Фейсал и инквизитор Росс верхом объезжали линию фронта. Фейсал решил, что эту войну больше нельзя вести сидя за картой в безопасном бункере. Великий Враг у ворот, и даже старшие офицеры должны идти в бой. Чтобы осталась надежда пережить этот день, нужно поднять боевой дух солдат.

Росс присоединился к 10-й бригаде Кантуканской Гвардии, удерживавшей стратегически важный пункт у восточного берега канала Ангкору, по которому когда-то отправлялись лодки с погребальными кострами. Командир 10-й бригады и большая часть его штаба погибли в ранние часы боя предыдущего

дня. Бригаде нужно руководство, чтобы она не позволила противнику переправиться через канал, ставший сейчас путем в сердце Ангоры. Росс со своей обычной ясностью подумал, что это как в театральной пьесе Тамберлена «Переход через Мегес». Подходящее место, чтобы умереть достойно, если этого пожелает Император.

Бой возобновился, как только тройные солнца появились над горизонтом. В 02:58 инквизитор Барк, командовавший передовой ротой на валах Уонайи, запросил по воксу подкрепление. Солдаты Великого Врага из новых частей, до того не участвовавших в бою, атаковали их с жестокой эффективностью. Призывы о помощи скоро пошли от командиров со всей линии фронта. В авангарде наступления шли новые войска противника, сокрушая сопротивление кантиканцев. Командир роты «Альфа» 66-го батальона, оборонявшего Уонайю, успел сказать по воксу «...чертовски рано для этого...», прежде чем связь с ним прервалась.

Великий Враг задействовал свое

самое сильное оружие.

-- 101-й и 104-й батальоны отброшены от канала. 99-й батальон, насколько мне известно, разбит, -- доложил майор Сайтил. Он присел за разбитой стеной рядом с Россом, одной рукой придерживая кепи, словно пытаясь держать голову как можно ниже за стеной.

-- А 102-й? -- спросил Росс о четвертом и последнем батальоне бригады под его командованием.

-- Продвигается по мосту через канал, чтобы прикрыть отступление 101-го и 104-го, -- ответил Сайтил, перекрикивая шум боя.

-- Черт, нет! Передайте 102-му приказ удерживать позиции у моста! Я не хочу, чтобы батальоны бросали свои позиции ради поддержки отступающих частей, у нас не так много солдат! -- прокричал Росс. Майор ушел, не прекращая одной рукой держаться за кепи.

Росс снова обратил взгляд на поле боя перед ним. Канал представлял собой широкий ирригационный ров, больше

гамбу, чет канал, протянувшись от Анкоры до мангровых зарослей окружающего региона. Его ширина от берега до берега составляла пятьсот метров - согласно древнему сүеверию, это было достаточное препятствие для неупокоенных дүхов, чтобы они не сбежали из города мертвых и не добрались до Цепи Крепостей. Для живых же была построена переправа в виде двух понтонных мостов. У эти самые мосты были сейчас источником тревоги Росса.

Четыре батальона под его командованием закрепились на анкорском берегу канала - почти четыре тысячи человек, укрывавшихся среди развалин, перестреливаясь с противником на противоположном берегу. Многие выстрелы, не долетая до цели, попадали в воду, поднимая маленькие фонтаны пены и пара.

На той стороне заросшего водорослями канала строй Броненосцев растянулся по берегу на два километра, как минимум сто человек в глубину - судя по силе их огня, терзавшего бригаду, это

была осторожная оценка.

-- Противник наступает! -- раздались крики на берегу.

Росс выглянул из-за разрушенной стены и увидел легионы Броненосцев, переправляющихся по мостам. Боевые барабаны грохотали, противник таршировал широкой колонной с развевающимися знаменами, как древние копьеносцы Темных Веков Терры.

Росс выскочил из-за укрытия, побежав к куче щебня, за которой прятались пятьдесят или около того кантиканцев. Когда он перебежал открытое пространство, вслед ему загремели вражеские выстрелы. Росс бросился на землю, среди теснившихся за укрытием гвардейцев.

-- Майор Сайтил, вы где? -- позвал Росс.

-- Сэр! -- отозвался голос. Сайтил поднялся и, пригибаясь, поспешил к инквизитору.

-- У нас мало времени, поэтому быстро передайте это сообщение всем батальонным командирам бригады. Пусть

они не мешают противнику перейти
мости...

Сайтил прервал его:

-- Сэр? Позволить противнику
пересечь канал?

-- Да! -- рявкнул Росс, внося
дополнительную ясность в слова с
помощью психорезонанса. -- Я хочу, чтобы
половина колонны противника
переправилась на этот берег!

Взгляд, которым майор Сайтил
смотрел на него, давал понять --
инквизитор, несомненно, сошел с ума.

Росс продолжал:

-- Когда больше половины колонны
противника переправится на наш берег,
батальоны своим огнем должны разрушить
мости и отрезать противника от того
берега. Когда мы таким образом рассечем
колонну пополам, 7-й артиллерийский
откроет огонь по противнику на нашей
стороне канала. Понятно?

Майор Сайтил глотнул.

-- Это будет настоящая мясорубка,
сэр.

Росс схватил майора за лацкан и

повернул к противнику.

— Настоящая мясорубка будет, если они все смогут добраться до нас.

Майор отсалютовал и ушел, на ходу вызывая вокс-связиста.

БАРК вовремя заметил удар вибротики и скользнул в сторону. Оружие с гудением пронеслось над его головой. Вражеский солдат прекратил атаку и вернулся в боевую стойку, широко расставив ноги. Броненосец не двигался, провоцируя Барка атаковать.

— Сообщите роте «Браво», что мы отступаем, пусть они нас прикроют! — крикнул Барк адъютанту. Но атака врага была столь стремительной, что его адъютант, вероятно, был уже убит.

Воин Великого Врага сделал шаг вперед, описав круг в воздухе своей вибротикой. Это был боец новых войск Хаоса, сокрушительная атака которых этим утром стяла передовые позиции кантуканцев. Барк, будучи осведомлен о данных разведки, которых не знали обычные гвардейцы, узнал в них Железных

Вурдалаков. Эти «вурдалаки» были элитными бойцами абордажных команд Броненосцев и личными телохранителями Хорсабага. Там где были они, там, скорее всего, был и сам Хорсабаг. Кантиканцы же в вокс-сообщениях называли их «гвардобоями». Это было подходящее прозвище, учитывая то, с какой легкостью эти воины опрокинули боевые порядки Гвардии, это было больше похоже на резню, чем на бой.

Железный Вурдалак перед ним был облачен в сталь, доспехи из небольших стальных пластин, скрепленных толстой проволокой. У него был угловатый силуэт с большими углубленными наплечниками. С широким корпусом, полностью покрытым броней, он производил пугающее впечатление. Железная кираса, от которой Вурдалаки получили свое страшное имя, напоминала пелерину из толстого металла, переходившую в пластинчатый передник. Розатый шлем и железная маска были соединены в одно целое. Железная пластина, закрывавшая лицо, напоминала погребальную маску с

глинными оскаленными стилизованными
зубами. В отличие от госпехов рядовых
Броненосцев, собранных из самых разных
элементов, в боевом облачении этих
элитных воинов соблюдалось четкое
тугающее единообразие.

Барк шагнул назад, едва не потеряв
равновесие на куче щебня. У
многоствольных боевых систем его
бронекостюма кончились боеприпасы, из
оружия у него остались только
бронированные кулаки. И еще
автоматический пистолет на бедре. Его рота
находилась в состоянии беспорядка. Взвод
лейтенанта Пенкека был отрезан и,
вероятно, уничтожен во время
отступления. Остальные три взвода
Барка были втянуты в бой среди развалин
многоквартирного дома и окружавших его
улиц. Его люди были везде. Они бежали. Не
отступали, а бежали.

Судя по множеству вокс-сообщений, на
передовых позициях остальных частей
творилось то же самое. Немногочисленные
пехотные роты кантуканцев, окопавшиеся
среди развалин перед главными

имперскими позициями в качестве аванпостов, вырезались противником. В ранние часы утра воины Великого Врага обрушили на них страшный удар. Эти дьяволы воистину были гвардией. Подтверждением этому были расчлененные останки гвардейцев, усыпавшие улицы, их плоть, разорванная вибро-пиками.

Броненосец снова сделал выстрел пикой, два метра яростно вибрирующей стали нацелились в грудь Барка. Удар был таким быстрым, что Барк не успел среагировать. Он лишь увидел, как пика летит ему в грудь. Удар убьет его, в этом не было сомнения; звуковые вибрации разорвут ткани грудной клетки и перегрузят сердце. Но он не достиг цели.

Силовые генераторы бронекостюма включились, создав небольшой пузырь антигравитационной энергии, ослабившей удар вибро-пикой. Генераторы были не настолько мощными, чтобы полностью остановить пикой, но их энергии было достаточно, чтобы замедлить ее удар. Барк воспользовался этим моментом,

поднырнул под пик и провел мощный
поршнем в лицо Броненосца. Поршни
механических кулаков бронекостюма
давали удару Барка такую силу, что
железная маска вознулась в лицо
Броненосца. Ее подбородок
деформировался, стиская глиняные
раскаленные зубы. Три месяца тренировок с
карианскими каскинами научили Барка
наносить непрерывную цепь ударов. Он
ударил пяткой по колену противника.
Когда бронированный гигант пошатнулся,
Барк впечатал предплечье в разрыв между
кирасой Броненосца и полукруглой
пластиной на шлеме, защищавшей шею.
Удар, усиленный поршнями бронекостюма,
раздробил позвонки.

У Барка не было времени
торжествовать победу. Отделение
Вурдалаков, железной стеной вибро-пик и
лазганов, атаковало узкую улицу-лестницу.
Новые противники подходили с соседних
улиц и из развалин домов, кровь солдат
Барка шипела на их гудящем оружии, как
вода на раскаленном металле. Лазерный
луч попал в силовое поле, почти пробив его,

оставив небольшую выжженную отлетину на эмали бронекостюма. Техника тау была хороша, но и ее можно было уничтожить. Адреналин и стучащий в висках страх близкой смерти заставили его действовать.

-- Рота, отступать! За мной! -- Барк повернулся и спрятался за развалинами фонтана, лазерные выстрелы оставили дымящиеся выбоины на том месте, где он только что стоял. Остатки роты небольшими группами бежали по улице.

Барк, вытащив автоматический пистолет, присел за руинами фонтана, жестом приказав своим солдатам продолжать отступление. Он надеялся, что рота «Браво» еще удерживает восточный сектор, и он не ведет своих людей в ловушку. Но сейчас он не был уверен ни в чем.

-- Сэр, надо идти, -- сказал гвардеец, остановившись рядом. Барк подумал, что это, вероятно, капрал Тумас, но сейчас он едва мог узнать его. Все лицо солдата было покрыто пеплом, остались видны только зубы и глаза.

-- Это все наши?-- спросил Барк.

-- Все, кого мы смогли собрать, --
неохотно признал капрал.

Инквизитор произвел несколько дерзких выстрелов из автомостолета в направлении противника. Судя по приглушенному треску, он ни в кого не попал. Пригнув голову, Барк побежал за остатками отступавшей роты «Альфа» 76-го батальона.

РАБОЧАЯ команда Маглен несла потери.

В первое утро наступления вражеский снаряд попал в кучу выкопанной земли рядом с местом раскопок. Людей окатило вихрем песка, набивавшегося в глаза, рот, нос, одежду. Маглен подумала, что это уже достаточно плохо.

На второй день появились убитые. Два снаряда попали в карьер, убив тринадцать гвардейцев, вывозивших тележки с катнями из шахт внизу. За дальнейшие четыре часа Маглен потеряла еще двадцать человек, все из-за артиллерийского обстрела.

Капитан Силат, командовавший саперами, решил, что ей слишком опасно находиться наверху и убедил ее укрыться в шахте раскопок, вырытой до глубины шестьсот метров.

Сначала Маглен была очень этим недовольна. Она хотела наблюдать за раскопками с поверхности. И, кроме того, она испытывала здесь ужасную клаустрофобию. Но сейчас она убедилась, что ее опасения были необоснованны. Было очень интересно наблюдать, как гвардейцы раскапывают склеп Старых Королей, осторожно убирая землю с древнего строения. Оно все еще было наполовину покрыто землей и отложениями железной руды, но было уже видно, что это самая чудесная вещь, которую Маглен когда-либо находила в своих научных поисках.

Это был затурованный вход. Она была уверена в этом. Она могла прочитать вырезанные на его стенах надписи, или, по крайней мере, часть их. Некоторые из них были написаны на древнем стилизованном терранском языке, одним из ответвлений Высокого Готика. Другие -- на

Океаническом терранском, до-имперском языке, с которым Маглен приходилось раньше иметь дело, но она не была специалистом в нем. Этому языку было тридцать девять тысяч лет, он происходил с юго-восточных архипелагов древней Терры.

В приблизительном переводе они сообщали о сиящей звезде внутри, и о расположении созвездий, которое должно пробудить ее. Там было еще много текста, но Маглен не смогла его перевести.

Плита, закрывавшая вход, хотя еще в основном не была откопана, явно имела форму диска с радиусом около шестидесяти метров. Каждый миллиметр его поверхности покрывали строки текста и вырезанные изображения флоры и фауны Аригүна. Маглен видела изображения, которые можно было разглядеть только с помощью лупы -- птицы, цветы, насекомые и пасущиеся тлекопитающие величиной не больше нескольких миллиметров, а самое большое изображение -- мамонт с хоботом -- было не

больше ее ногтя. Она не могла представить, какие инструменты должны были использоваться, чтобы вырезать на камне изображения такого масштаба и с такой филигранной точностью. По самым приблизительным подсчетам на поверхности склена было не менее десяти миллионов таких фигурок.

--- Мадам, один из моих людей нашел кое-что, на что вам стоит взглянуть, --- сказал капитан Силат.

--- У что это, капитан?

--- Не имею представления, я у вас хотел спросить.

Они прошли по узкому склону отложений железной руды, покрывавших нижнюю часть склена. Силат вел ее мимо глиняных участков стены с изображениями тысяч танцующих людей, поклонявшихся созвездиям, пока не нашел плиту с надписью, которую искал. Надписи на ней были совсем не похожи на остальные. Они были выполнены очень грубо, со следями резца, чего ни разу не встречалось на поверхности склена. У что самое важное, надписи были на низком Готике.

— Это здесь, — сказал капитан Сулат, указав на небольшой участок железной руды, на котором Маглен почти стояла.

Она испуганно вздрогнула, едва не соскользнув с откоса. Прямо на нее смотрел высохший труп человека с открытым зияющим ртом, наполовину выкопанный из земли. Большая часть кожи хорошо сохранилась в сухом климате, как коричневая вощенная бумага, обвиснув на костях скелета.

— У него в руках резец и кремь, — сказал Сулат.

Маглен присела, чтобы остотреть труп. Действительно, в высохших пальцах были кремь и резец. Этого человека, очевидно, засыпало обвалом, когда он вырезал надписи на каменной плите.

— Можно заметить, что он одет как мегинский воин доулперского периода, — сказала Маглен.

— Вы уверены?

Маглен кивнула. Хотя одежда на трупе затвердела и была вся в земле, как и само тело, она хорошо сохранилась под

слоем глины и железной руды. На
мертвце были веревочные доспехи -- броня
из тщательно выделанной пеньки,
способная отклонить острие клинка.
Головной убор из множества слоев ткани
на его черепе был украшен вышитой
нагписью на океаническом терранском,
означавшей «Сопротивление».

-- Это ясно по головному убору. Он
явно относится к эпохе Войны
Освобождения. Это один из мятежников,
сражавшихся с войсками генерал-
губернатора Фултона, командовавшего
кампанией по возвращению Медины под
власть Императора шесть тысяч лет
назад.

-- А нагпись на камне, что она
означает? -- спросил капитан Силат,
осветив участок текста на каменной
плите лучом фонаря.

Маглен моргнула, взглянув на
нагписи, и начала читать вслух.

«Так кончается глава нашей свободы.
Мы пытались пробудить Повелителя,
нашу Звезду, но созвездия не были
расположены к его пробуждению. Наш

Повелитель проснулся, зевнул, и снова погрузился в сон, но своим кратким пробуждением он отнял у нас наш мир. Наводнения и бури — наших рук дело, пусть имперцы знают об этом»

Маглен остановилась. Она услышала, как изумленно выдохнул капитан Силат. Вероятнее всего, Силат не вполне понимал, что это все значит, но Маглен понимала очень хорошо. Судя по этой надписи, ляхежники во время Войны Освобождения пытались выпустить эмбрион звезды. Но геодезические линии не были подготовлены, и расположение звезд и планет не было соответствующим. Звезда была выпущена, но из-за неверной схемы активации она «снова погрузилась в сон». Астрономия и космология никогда особенно не интересовали Маглен, она предпочитала изучать историю человечества во Вселенной, а не саму Вселенную. Но сейчас скучные лекции по космологии принесли пользу. По ее мнению, надпись могла означать лишь то, что звезда вспыхнула, но потом снова вернулась в стабильное прото-состояние.

Вспышка. Вспышка выпустила достаточно радиации, чтобы истощить озоновый слой и атмосферу Аригүна, вызвать наводнения, засухи и массовое вытирание форм жизни. Старый Король был причиной, по которой Аригүн умер в первый раз.

Если бы звезда была выпущена в момент, когда ее энергия была максимальной, Маглен не сомневалась, что Старый Король поглотил бы весь Коридор Медины и произвел бы достаточно радиации, чтобы она достигла ближайших субсекторов Тетрапилон и Манतिकор. Энергия, выпущенная растущей звездой была бы чудовищной. Молекулярное расширение формирующейся звезды могло уничтожить миры, звездные системы, суб-сектора...

-- Это значит, -- медленно сказала Маглен, -- что за этой плитой скрывается сущность, которая может уничтожить все. Мы не должны позволить Великому Врагу завладеть ею.

Высоко над ними, сотрясение от взрывов снарядов наполнило ей о войне.

бүшүүщөй на поверхности.

— Капитан, пожалуйста, поспешите. Мы должны удвоить рабочие смены. У нас слишком мало времени, — утөлөющө произнесла она.

--- ПОСТРОИТЬСЯ! --- приказал Росса, и его приказ передался по берегу канала визгом командирских свистков.

102-й батальон должен был удерживать позиции перед понтонным мостом. 101-й и 104-й батальоны должны были отступить, заманивая Броненосцев. Во всяком случае, таким был план Росса.

Солдаты 102-го были ветеранами, закаленными десятилетней войной с бандами мятежников в горах Сумлаит на Кантике. Если у какого-то батальона и было достаточно храбрости удерживать фронт, противостоя ураганному натиску Броненосцев, так это у них. С другой стороны, 101-й и 104-й были гарнизонными

батальонами, не имевшими боевого опыта и не выполнявшими ничего более опасного, чем патрулирование. Росс только надеялся, что они смогут отступить в порядке и заманить противника в зону обстрела артиллерии. 99-й и 105-й батальоны бригады были разбиты в первый день наступления противника, их остатки вошли в уцелевшие батальоны.

Когда колонна воинов Великого Врага подошла к середине моста, они перешли на быстрый шаг. Мост начал прогибаться под тяжестью такого множества солдат. Из боевые барабаны застучали быстрее и громче. Противник перешел на бег.

На берегу 10-я бригада встретила врага залпами лязганов, второй ряд стрелял над головами присевших гвардейцев первого ряда. Хотя у противника было дальнобойное оружие, он отвечал лишь огнем пистолетов и карабинов, размахивая оружием для рукопашного боя. Выбор оружия был очень важен в условиях боя в городе, и позволял сочетать агрессивную мобильность с тактической организацией. Росс не

слишком рассчитывал, что гвардейцы со штыками выдержат сокрушительный удар толов, кувалд, дубин и лачете.

-- Гвардейцы Кантики! Перед вами убийцы, которые сожгли дома ваших предков! К оружию! К оружию! -- закричал Росс.

101-й и 104-й растянулись в тонкую линию, у моста укрепленную ветеранами 102-го. Когда Броненосцы подошли ближе, они начали спрыгивать с узкого моста в воду глубиной по пояс. Вражеские солдаты вспенили воду, как стая пираний. Росс не сомневался, что сотни их утонут в этой давке, но еще тысячи через несколько секунд выскочили на берег, рыча и вой на своем темном языке.

Росс находился в рядах 102-го батальона, защищавшего позицию перед мостом. Инквизитор стоял прямо, не пригибаясь под вражеским огнем. Ничего хорошего не будет, если его солдаты увидят, что он боится. Он свистнул в оловянный свисток с секундным интервалом, приказывая вести постоянный огонь. Подразделения тяжелого оружия

обстреливали врага более тяжелыми снарядами, поднимавшими столбы воды десятиметровой высоты. Кантиканцы продолжали стрелять, даже когда Броненосцы были уже на расстоянии вытянутой руки, достаточно близко, чтобы увидеть их агрессивно нагнутые головы и поднятое оружие. Некоторые из Броненосцев, взбравшихся на берег, бросались в схватку с голыми руками, цепляясь в гвардейцев грязными пальцами.

Когда поток Броненосцев нахлынул на них, он ударил в ряды кантиканцев со всей силой семидесятитысячной армии. У первой волны солдат Великого Врага даже не было пространства для боя, они просто врезались в линию штыков, падая под ноги следующей волны Броненосцев, которая прошла по их трупам. Это был ад. Везде, куда бы Росс ни бросил взгляд, шла бойня, жуткая и чудовищная в своей реальности.

Он видел кантиканского гвардейца, пронзившего Броненосца штыком. Воин Великого Врага рванулся вперед, еще больше насаживаясь на штык, и начал

выдавливает глаза гвардейца обеими руками. Он видел кантиканца с чудовищно толстой шеей, ударившего прикладом по маске Броненосца с такой силой, что она взогнулась в лицо, потом ударил второго, третьего. В следующий раз, когда Росс увидел того же гвардейца, он душил Броненосца голыми руками, хотя сам истекал кровью от десятка ран. Здесь обнаруживалась истинная храбрость человека, часто за несколько минут до смерти. Это было страшное откровение.

Росс тахал силовым кулаком, молотом врагов как пшеницу. Для ударов ногами не было пространства. Он бил вперед, назад, влево, вправо, нанося удары с максимальной скоростью, на какую был способен. Плечо болело от напряжения. Что-то скользким ударом задело его голову, и Росс почувствовал, как кожа разорвалась. Кровь хлынула ему на лоб, заливая глаза. Он расстелся. Он стелся среди бойни, и кровь текла по его лицу. Его нос тоже был сломан, он краем глаза видел изуродованную переносицу. Стелся отдался болью в носу, но Росс не мог остановиться.

Как и ожидалось, 101-й и 104-й батальоны не выдержали натиска и начали отходить от берега. Воины Великого Врага усилили давление на них, выбираясь на сухую землю. Батальоны, к их чести, сохраняли некое подобие строя, отходя поротно и заманивая противника в развалины городского квартала.

— В атаку, строем, вперед! — приказал Росс, усиливая свой голос психорезонансом, чтобы быть услышанным сквозь шум боя.

102-й клинообразным строем врезался в орду Великого Врага, пробиваясь к мосту. Кантуканские гвардейцы вошли в воду, прокладывая путь сквозь толпы врагов.

Росс дунул в свисток, и по этому сигналу все гвардейцы, подошедшие достаточно близко, начали бросать на мост противотанковые гранаты и подрывные заряды. Мост сотрясло взрывами, вода вскипела столбами пара. Тросы, к которым крепились понтоны, лопнули. Секция за секцией, как тонущая змея, мост начал погружаться. Понтоны,

не удерживаемые тросами, переворачивались, сбрасывая в воду сотни Броненосцев. Длинная колонна солдат Великого Врага исчезала в темной воде, на тридцатиметровой глубине в центре канала. Росс подумал, что Броненосцы в своих железных доспехах должны тонуть быстро.

Броненосцы, успевшие выбраться на берег и отрезанные от основных сил, прекратили атаковать 101-й и 104-й батальоны. Возможно, они поняли, что это была ловушка, и некоторые из солдат Великого Врага повернулись, направляясь снова к воде. Это не спасло их от артиллерийского огня, обрушившегося на них. Те же, кто сумел пережить обстрел, были потом найдены и уничтожены гвардейцами 10-й бригады.

ОЖЕСТОЧЕННОЕ сражение бушевало на каждой улице, в каждой часовне, каждом доме, каждом подвале и на каждой лестнице. Перестрелки шли даже в лабиринтах подземных усыпальниц.

Однако, когда второй день Последней

Войны стенился бледными сумерками, сражение начало стихать. Тройные солнца скрылись за горизонт, тгла сумерек быстро становилась чернильно-фиолетовой. Тьма была слишком коварна, чтобы в ней продолжать бой.

Когда наступила ночь, усилился артиллерийский обстрел с обеих сторон, и кантуканцы начали отступление из фланговых крепостей Уонайя и Сумераби. Целые городские районы были превращены в руины. На некоторых узких улицах и лестницах кучи трупов были так высоки, что отступающим гвардейцам приходилось сбрасывать их вниз, чтобы пройти. Уонайя и Сумераби стали непригодны для обороны. Проще говоря, от них уже мало что осталось.

По данным разведки, к ночи в распоряжении командования осталось менее ста тысяч боеспособных солдат. Воздействие столь высоких потерь на боевой дух войск неминуче должно было сказаться на их возможностях.

Под ночным небом, освещаемым взрывами снарядов, имперские войска,

сокращая линию фронта, отходили в
города центральной оси Цени Крепостей --
Фтию и Аркех. Разбитые остатки
отступающих бригад вливались в наиболее
истощенные части на новом фронте. Там,
где были убиты все офицеры, командование
осуществлялось самими старшими из
нижних чинов. Ходили слухи, что девятью
тысячами солдат, объединенных в 5/8-ю
бригаду, командовал младший лейтенант,
лишь недавно получивший свое звание.

Больше отступить было некуда.
Оставление Фтии или Аркеха позволило
бы легионам Великого Врага обрушиться
на западный и восточный фланги Ангоры.
Во время отступления кто-то написал на
полуразрушенной стене: «Дальше для нас
земли нет». Независимо от того, кто
написал эти слова, они были подхвачены и
транслировались по имперской вокс-связи,
став лозунгом последних усилий обороны.

ЛОРД-ГЕНЕРАЛ Фейсал поздне
вечером лично посетил позиции
Кантиканской Гвардии на новом фронте
на окраинах Фтии. Вопреки совету

начальника штаба, он был по-прежнему одет в парадный мундир из коричневого фетра с ровными рядами медалей, начинавшимися на груди и спускавшимися почти до бедер. На его поясе висела пара кантиканских кавалерийских сабель, а на груди — пара традиционных изогнутых кинжалов. Четыре клинка свешивались с его пояса, как устрашающие бивни. Без брони и почти без оружия, Фейсал натеревался объехать позиции в традиционных генеральских регалиях. Это должно было сказать его солдатам, что все идет так, как должно быть.

Лорд-генерал был искренне впечатлен тем, как его люди укрепили район. Роты располагались с возможностью взаимной поддержки, занимая позиции в многоэтажных домах и складах, выходящих на разбомбленные руины восточных подступов. Стволы оружия смотрели из разбитых окон и с крыш почти каждого здания, которое он видел. Позиции протянулись почти на тридцать километров вокруг границы города, укрепленные опорными пунктами и

артиллерийскими батареями. Дальше, вдоль вала, соединявшего Фтию и Цонаю, за извилистой кирпичной стеной занимала позиции 22/12-я бригада. Платформы с мортирами и бомбардами перемещались по рельсам вдоль стен. На некоторых участках вражеская артиллерия обрушила стену, превратив ее в почерневшие от жара развалины, но гвардейцы все равно держались.

Лорд-генерал, отпустив телохранителей-улан, без охраны подошел к остову здания, когда-то, вероятно, бывшего сараем для колесниц. Сейчас каменные столбы в конюшнях почернели от огня, а в крыше из глиняных черепиц зияли дыры, сквозь которые были видны опорные балки.

Внутри сарая располагался сторожевой пост кантиканцев. Трое гвардейцев сидели у костра. Еще двое с плазганати на сошках расположились у низких окон конюшни, простатривая развалины на востоке — направление, откуда должен был появиться противник.

Когда Фейсал вошел в сарай,

гвардейцы вскочили. Их командир --
сержант с вьющейся бородой -- четко
отсалютовал.

-- Сержант Сүлас, сторожевой поста
11/А, 55-й батальон, 7/15-я бригада, сэр! --
гаркнул сержант как на плацу.

-- Вольно, солдаты, вольно, -- тахнул
рукой Фейсал. Лорд-генерал смотрел на
гвардейцев сторожевого поста 11/А. Они
были истощены, плохо перевязаны и
ослабели от ран. Фейсал знал, что
большинство часовых были ранеными, на
которых у медиков не хватало
медикаментов. Зная, что раненые
ослабляют боевую эффективность взвода,
эти солдаты оставались на аванпостах
вдоль линии фронта, в качестве передовых
наблюдателей. Скорее всего, к утру эти
люди будут уже мертвы.

Фейсал присел рядом с сержантом у
костра и нежно погрел руки.

-- Какой последний приказ по части? --
спросил он.

-- Позавтракать, сэр, -- ответил
сержант Сүлас.

Сержант разогревал на углях банку

консервированного «мяса 3-го сорта», поворачивая ее острием штыка.

— Если желаете, сэр, можете присоединиться к нам, — предложил толодой рядовой.

Фейсал вспомнил, что он не ел нормально с самой высадки, и почувствовал, что ужасно голоден.

— С удовольствием, если у вас найдется паек для меня, — сказал лорд-генерал.

Сержант Сулас ловким движением выхватил банку с мясом из костра и бросил ее в горшок с холодной водой и чайными листьями. Раскаленная банка нагрела воду, подняв облако пара. Сразу же сержант вытащил банку из горшка и открыл ее ножом. В банке оказалась неожиданно прилично выглядящая порция мяса траторного цвета.

— Весь фокус в том, сэр, чтобы есть это мясо, не слишком пробуя его на вкус, — сказал сержант. Он выскреб мясо в контейнер с восстановленным рисом и начал добавлять приправы, его руки мелькали над упаковками, как у

фокүсника.

--- Маринованные стручки перца --- самая важная вещь для хорошего завтрака. Они маскируют запах консервантов, которые добавлены в мясо, чтобы оно дольше хранилось, сказал сержант, набрав немного риса в котелок и протянув его Лорд-генералу.

Стүденистое мясо растаяло в рисе, перемешанном с маленькими стручками красного перца в дымящемся контейнере. Лорд-генерал снял перчатки и прямо руками бесцеремонно начал отправлять рис в рот, издавая приглушенное чавканье. Рис был соленый и маслянистый, но не слишком жирный. Пряная острота маринованного перца заставила его с наслаждением вдохнуть запах еды. За несколько секунд Фейсал вычистил последние зернышки риса и стручки перца из котелка.

Лорд-генерал дождался, когда гвардейцы закончат завтрак в задумчивой тишине. Когда рис был съеден и чай выпит, Фейсал тахнул рукой сержанту.

--- Почему вас назначили на передовой

ност?

Сулас молча расстегнул ремень на лодыжке и осторожно снял ботинок. Его носок, скользкий от крови, прилип к ботинку и соскользнул вместе с несколькими клочками кожи. Это была рана от лазерного выстрела, частично прижатая и сочившаяся каплями крови и гноя. Фейсал увидел кровавое отверстие в верхней части ступни, протокшей от гноя и покрытой пузырями обожженной кожи.

— Оно не болит, сэр. Ничего не чувствую, но бегать как раньше не могу, — Сулас пожал плечами.

— А ты, рядовой, как тебя зовут и почему ты здесь? — спросил Фейсал толстого солдата, сидевшего рядом с Суласом.

— Рядовой Кабай, сэр. Ранение лазерным выстрелом в руку. Разорвало верхнюю часть бицепса до кости, — сказал парень. Он отогнул пальцем грязные пожелтевшие бинты на руке, чтобы открыть верхнюю часть раны. Фейсал увидел вздувшуюся массу спекшейся кожи и даже белизну кости. Раны от лазерных

выстрелов выглядели страшно. Они сжигали плоть, утерщвляли нервы и калечили. Люди не утирали быстро от потери крови, а мучились целыми днями, пока инфекция не убивала их. Раненые истощали ресурсы подразделения, ослабляли его боевую эффективность. На одного тяжело раненого требовалось три или четыре человека, чтобы нести его и оказывать помощь. Таким образом, лазган был превосходным оружием войны массовых армий.

-- Тебе дали фентанил для раны? -- спросил Фейсал.

Рядовой Кабау с разорванной рукой молча покачал головой.

Фейсал растянул золотые пуговицы тунгира и достал упаковку таблеток в фольге. Это были высококачественные препараты, которые выдавались только старшим офицерам -- чистые обезболивающие наркотики. Фейсал протянул таблетки сержанту Суласу, который взял их с выражением облегчения и одновременно испуга.

-- Распределите их

соответствующим образом, сержант.

НАСТУПИЛ рассвет, но солнца не было видно. От усилившегося обстрела небо заволокло гранитно-серым дымом. Солнечный свет не пробивался сквозь пелену дыма, и среди гвардейцев пошли слухи о темной магии Хаоса.

Среди разгромленных руин Уонайи, улицы были пусты. Войска Империи оставили город ночью, и Великий Враг занял его без сопротивления. Все части Имперской Гвардии отступили, все кроме одного взвода наблюдателей из роты «Браво» 45-го батальона. Ночью во время всеобщего отступления взвод заблудился и оказался отрезан стремительно наступающими войсками Броненосцев.

Когда тусклая, словно выдumanая из подвоты, заря осветила двор мельницы, где спрятались кантуканцы, взвод разделился, чтобы прикрыть основные подступы. Лейтенант Альмира охранял ворота с полдюжиной боеспособных гвардейцев. С северной стороны двора, где терракотовые стены были разрушены, занял позицию

сержант Сенат с еще шестью солдатами, нацелив оружие на лабиринт улиц и лестниц, окружавших мельницу.

Они знали, противник быстро приближался. Они услышали его приближение по отдаленному грохоту боевых барабанов. Но сержант Сенат, как ни пытался, не мог сосредоточиться на опасности своего положения. Его разум был занят мыслями, совершенно не относящимися к делу. Он вспомнил, что на завтра ему назначен ежегодный медосмотр. Сенат, которому было уже за пятьдесят, должен был каждый год проходить медосмотр, или быть переведенным на нестроевую должность. Сенат хотел знать, нужно ли будет ему завтра проходить медосмотр. Он крикнул лейтенанту Альмире:

— Сэр! Мне завтра надо будет проходить этот чертов медосмотр?

Лейтенант повернулся и, ступенно посмотрев на сержанта, пожал плечами, жестом приказав ему сохранять тишину.

Сенат все еще думал о холодных, неприятных медицинских инструментах.

когда первый выстрел поднял перед ним
маленький фонтан пыли. За первым
выстрелом последовал громкий залп. Через
несколько секунд двор наполнился треском
выстрелов, взрывами гранат и криками
гвардейцев, указывающих сектора
обстрела.

Броненосцы с лязгом и топотом
поднимались по ступеням, стреляя на ходу.
Сенат произвел по лестнице шесть
выстрелов, потом еще два на всякий
случай, прежде чем нырнуть обратно в
укрытие.

Выругавшись, сержант прижал к
плечу деревянный приклад лазгана и
прицельными выстрелами начал выбивать
одного врага за другим. Он был зол, потому
что чертов лейтенант так и не сказал,
наго ли ему проходить чертов медостопр.

В КРАСНОВАТОМ полутраке
рассвета Сильверстайн вел своих
партизан по лабиринту улиц Фтии. Они
шли медленно, пробираясь сквозь груды
развалин, достигавшие восьмиметровой
высоты.

Теперь они не просто следовали за наступавшими Броненосцами, они шли посреди массы войск Великого Врага. Охотник и партизаны осторожно продвигались по кварталам города. На улицах были лишь трупы, разбитые воеводы, передатчики, клочья одежды, лужи крови. И миллионы и миллионы стреляных медных гильз, пустых магазинов и аккумуляторов от лазганов. Сильверстайн не мог сделать шага, чтобы не наступить на них.

Они избегали главных маршрутов колонн противника, но иногда натыкались на зачищавший город карательный отряд или какое-либо другое подразделение сил одного роты, двигавшееся по флангам колонн. При таких встречах их жизнь спасал лишь опыт Сильверстайна в скрытности и маскировке. Тени, слияние с фоном, естественные изгибы — все это части инстинкта охотника. Они умело скрывались в тени.

— Вот место, — объявил Сильвестайн. Он смотрел на полуразрушенный остов многоквартирного

дома. Здание было построено относительно недавно, судя по рокрытым опорам, ему было не более нескольких сотен лет, по сравнению с тысячелетними постройками из известняка. Все его окна были выбиты, и почти треть дома свалилась внутрь, как останки затонувшего корабля.

Партизаны забрались в почерневшую от огня пробоину в стене дома и поднялись на верхние этажи, оглядывая раскинувшееся перед ними зрелище разрушенного города.

— Чего бы я сейчас только не отдал за кусок копченого сыра и бокал хорошего вина... — произнес Сильверстайн, устанавливая на позиции свой автоганг по схеме «булл-пан» на сошках.

Асинг-ну фыркнул.

— Я никогда не любил сыр.

— Это потому, что Асинг-ну темная деревенщина. Он не отличит сыр от коровьего вымени, — поддел его Темуган.

Апартан растеялся резким лающим стехом.

Сильверстайн покачал головой.

— Это потому, что вы никогда не видели хорошего сыра. Вкус в равновесии между острой соленостью и спелой сладостью, хорошо выдержанный, из толока одесситанской козы... К вам когда-нибудь завозили «Копченый на сене» из субсектора Нарбаунг? Потрясающий, у меня его целый круг хранится в подвале... В одном из моих поместий...

Он затолчал, внезапно ощутив себя очень усталым. Как далеко он сейчас от домашнего уюта... Неожиданно он подумал, что если выберется из всего этого живым, то уйдет со службы Циквизиции. Потом, поразмыслив еще, он вспомнил сорок три убитых вражеских командира на своем счету и передумал. Где еще он смог бы так поохотиться?

— Производите столько прицельных выстрелов, сколько успеете в течение одной минуты. Потом уходим. Понятно? — сказал Сильверстайн.

Кантиканцы кивнули. Теперь они работали в группах по двое — стрелок и наблюдатель. Темуган лежал, сжимая своими ловкими руками ложу автомана

гарланского образца, изготовленную из высококачественной дровесины. Рядом присел Апартан, бывший гвардеец, держа магнокуляры. Казалось, он совсем не возражал, что стрелять по противнику будет маленький часовщик.

Сильверстайн позволил стрелять Асинг-ну. Хотя охотник был безупречным стрелком, благодаря аугметическим глазам, он был еще лучшим наблюдателем. Асинг-ну оставалось только нажимать спуск по сигналу Сильверстайна.

Внезапно менее чем в двухстах метрах мелькнул гладкий купол стального шлема.

-- Противник, -- сообщил Апартан со своей позиции.

-- Добро пожаловать, господа, -- сказал Сильверстайн, наблюдая, как верхушка шлема медленно движется вдоль гряды развалин. Цель двигалась неровно, как будто шатаясь. Что-то в этом показалось Сильверстайну подозрительным. Внезапно он понял.

-- Нет! Не стрелять! -- зашипел он.

Но было поздно. Прогрел выстрел Темүгана. Пуля попала в шлем, и он отлетел в сторону. Это был всего лишь пустой шлем, надетый на ствол лазгана.

--- Проклятье, --- произнес Сильверстайн, падая на землю.

Сразу же с гряды развалин раздался ответный огонь. Загрохотал тяжелый болтер, поливая остов дома градом крупнокалиберных снарядов. Темүгана отбросило от его оружия, его тело было пробито в трех местах. Апартан дернулся назад, когда болтерный снаряд вышел из его спины. Вражеский огонь прекратился, и снова наступила тишина.

Сильверстайн, ругаясь сквозь зубы, перекатился на колени в облаке кирпичной пыли.

--- Ты в порядке? -- спросил он Асинг-нү. Партизан кивнул с расширенными от ужаса глазами.

Охотник, все еще ругаясь, указал на винтовку Темүгана.

--- Берешь ее, стреляешь один раз из пятого окна, когда я говорю, и сразу оттуда уходишь. Понятно?

Асинг-ну бросил на него удивленный взгляд, но все же кивнул и послушно пополз к кровавым ошметкам тел Темугана и Апартана.

Сильверстайн схватил автомат «булл-пан» и пополз к краю, где стена была похожа на сломанный кусок головоломки. Выглянув, он осмотрел местность своей биоптикой, проверяя направление ветра, температуру и видимость. Удовлетворенный, Сильверстайн жестом приказал Асинг-ну стрелять.

Партизан выстрелил и бросился прочь от окна. Из развалин появилось дуло тяжелого болтера, устанавливаемого на позицию, и поднялись трое Броненосцев — угметические глаза Сильверстайна видели их как одноцветные силуэты.

Сильверстайн произвел три быстрых выстрела, свалив двоих. Третья пуля прошла мимо, попав в рукоять тяжелого болтера. Поправив прицел, Сильверстайн выпустил четвертую пулю, которая настигла Броненосца, пытавшегося скрыться.

— Думаю, пора уходить, мы и так

были здесь слишком долго, -- Сильверстайн жестом приказал Асинг-ну следовать за ним. Уходя, охотник повернулся к останкам товарищей, лежащим на полу. В последний раз бросив на них взгляд, он направился к лестнице.

НОЧЬЮ остатки роты Барка -- всего лишь девятнадцать человек -- наткнулись на аванпост роты «Зүлү», патрулировавшей улицы города за пределами укреплений Фтии.

Солдаты роты «Зүлү» устроились в сторожевой башне у ворот на западную дорогу, связывавшую город с окраинами Цонайи. Это был важный стратегический пункт. Башня представляла собой невысокую постройку из древних каменных блоков. Барк был уверен, что ее стены украшают прекрасные каменные узоры, но за несколько тысяч лет камни обросли слоями мха, висевшего густыми зелеными бородами.

Командиром роты «Зүлү» был капитан Бахаса. Его солдаты называли его не «сэр», а «босс», потому что это был

именно такой тип офицера. Суровый, мрачный, могучего телосложения, Бахаса обходил укрепления с автоганом Т20 «Стэм» на груди и сигаретой во рту. Все знали, что Бахасе, как, впрочем, и многим, уже некого терять: никто из его семьи не успел попасть на борт эвакуационной баржи в первые месяцы кампании. Он сражался с отчаянным бесстрашием, порожденным жаждой мести. Он смеялся, ругался и шутил в лицо смерти.

Когда наступило утро, рота «Зүлү» уже окопалась. Платформы с бомбардами были выкачены по рельсам на позицию для прикрытия восточного направления, их толстые бронзовые стволы смотрели в небо. Тележки с боеприпасами катились по рельсам к воротам, доставляя патроны для тяжелых стабберов, установленных в бойницах и огневых точках. Опускная решетка была заварена и ворота забаррикадированы.

На укреплениях инквизитор Барк наблюдал за действиями минометных расчетов. Он ходил среди солдат, ободряя

их и предлагая раненым болеутоляющие наркотики. Это был не более чем жест утешения. В роте на более чем сотню солдат остался лишь один медик — капрал Рүал. Насколько было известно Барку, Рүал был молод и неопытен, и получил свое звание и должность лишь вчера, когда ротный медик-сержант был убит.

— Капрал, у вас остались медикаменты для оказания помощи этим раненым? — спросил Барк.

Капрал Рүал стоял на краю бруствера. Он явно был испуган. Барк видел это по побелевшим глазам и по тому, как он жевал табак, напряженно стискивая челюсти.

— Капрал, медикаменты? — повторил Барк.

Рүал неожиданно очнулся от своих размышлений.

— У меня есть медикаменты. Но у меня нет помощников, сэр.

— Я останусь с вами в этом бою. Скажешь, что нужно делать? — спросил Барк, подходя к нему у бруствера.

Капрал Рүал не отвечал. Он снова

задумался, жуя табак и глядя вдаль. Над древним городом висели клубы дыма, похожие на черные колонны. Барк знал, что даже сейчас, в рассветной тишине, по его улицам крадутся артиллерийские наблюдатели кантиканцев и разведчики Броненосцев. Он понимал, что атака противника осталась ждать недолго.

Он был прав. В 03:55, когда тройные солнца поднялись над горизонтом, Великий Враг атаковал. Броненосцы шли в атаку на фоне сияющего восхода. Они казались темными рогатыми силуэтами на ярко-оранжевом горизонте.

Из кирпичных бойниц раздался треск выстрелов. Броненосцы пересекли заболоченный участок местности, прилегающий к укреплениям, с плеском продираясь сквозь заросли тростника. В авангарде атаки шли группы мотоциклистов и патрульные машины, поливая имперские укрепления огнем стрелкового оружия. За ними двигался строй пехоты Броненосцев шириной почти в километр, широкой дугой охватывающий ворота Фтии.

Барк и капрал Рүал поспешили
наверх, к бойнице, где два взвода роты
«Зүлү» обслуживали минометы и
обстреливали противника со стен
лазерными залпами. Здесь, на
ограниченном пространстве было очень
тесно. Командир роты капитан Бахаса
стоял у бойницы в полный рост, меняя
магазин автомата. Барк крикнул, чтобы он
пригнулся, но капитан не услышал. Пуля
попала Бахасе в грудь, и капитан рүхнүл.
Барк подумал, что он наверняка мертв, но
капитан поднялся, смеясь. Пуля попала в
компас, пристегнутый к портупее, и
застреляла в металлическом циферблате.

Прямо перед ними стрелок из
стаббера вдруг упал на свое оружие и
безжизненно сполз на землю. Барк и Рүал
побежали к нему, но остановились,
услышав крик о помощи с другой стороны
укреплений.

-- Медик! Медик!

Крик слышался со всех пунктов
укреплений, жалобный и достаточно
громкий, чтобы его было слышно сквозь
шум боя. Он слышался все чаще по мере

того, как росли потери.

Капрал Рүал делал что мог. Смертельно раненые, такие как заряжающий миномета, пораженный шрапнелью в горло, получали дозу болеутоляющих средств, которые раздал Барк. Спассти таких раненых было невозможно, особенно тех, у которых сразу серела кожа и закатывались глаза. Тем, кто мог сражаться снова -- с ранениями в конечности, потерей крови -- Рүал изо всех сил пытался оказать помощь, держа санитарную сумку в одной руке. Барк следовал за молодым капралом, нося кожаный чемодан с хирургическими инструментами.

Внизу противник штурмовал ворота. Ракеты и снаряды безостановочно били по стенам. Кантиканец, стрелявший через албразурү, получил попадание в голову и рухнул вниз. Другой гвардеец, подбежав, оттащил его за ремень от стены к куче мертвых и раненых в центре площади. Его место занял другой солдат. Эта сцена повторялась снова и снова, как в страшном сне. Умирать, стрелять, перезаряжать и

снова умирать.

Кровь покрывала бронированные перчатки Барка красной блестящей пленкой. Он перестал думать, позволив рукам делать свою работу, зажимая швы или передавая медикаменты по указанию Рудала. Искаженные болью лица гвардейцев, открытые в крике рты, казалось, останутся в памяти Барка на всю оставшуюся жизнь. Эти солдаты, воины Империи, страшно кричали, их мышцы свисали кровавыми лохмотьями. Барка дважды стошнило, а в третий раз его вырвало желчью. Чтобы рвота не попала на раненых, он извергал содержимое желудка на стену, пригнув голову за зубцами.

Тошнота угрожала оголеть его в четвертый раз, когда он обрабатывал разорванное бедро сержанта. Инквизитор наклонился к стене и вдруг услышал глухой стук. Открыв глаза, он увидел, что в край бойницы попала граната. Отскочив от края, она откатилась по каменной стене. Потом она взорвалась.

Бойница приняла на себя взрывную

волну и осколки, но была разрушена. Трагический удар тяжелых каменных обломков ударил Барку в лицо. Инквизитор упал на колени, его лицо превратилось в кровавое месиво. Он даже не успел включить силовой генератор.

-- Я ничего не вижу! -- воскликнул Барк, шатаясь на брусстере и слепо шаря руками.

-- Ничего не вижу! -- повторил он, теперь в его голосе звучало отчаяние.

Капитан Бахаса, стреляя со стены, побежал на помощь инквизитору. Капрал Рюал тоже бросился к нему. Барк кричал.

Медик бросил взгляд на лицо Барка и, взглянув на капитана Бахасу, молча покачал головой. Все плохо. Каменная крошка и обломки забили глаза Барка как спрессованный песок.

-- Мои глаза целы? -- спросил Барк, хватаясь за капрала.

-- С вами будет все в порядке. Временный побочный эффект, -- солгал Рюал.

Инквизитор оттолкнул его, внезапно заплакав.

-- Не лги мне. Я ослеп?

-- Да, -- сказал Бахаса.

-- Святой Трон, только не сейчас, --
прошипел Барк сквозь стиснутые зубы.
Шатаясь, он ударил бронированными
кулаками по бойнице. Древний известняк
крошился, как мел, под ударом,
порожденным отчаянием.

Бахаса и Рүал просили инквизитора
укрыться. Барк не хотел их слушать.
Противник внизу открыл по нему огонь.

Пуля попала Барку в плечо, развернув
его. Еще одна попала снизу вверх через
нижнюю часть позвоночника, не
защищенную бронекостюмом. Пуля
пробила его сердце, выйдя через грудную
клетку и оставив таленькую выпуклость
снаружи на броне.

Инквизитор Вандүс Барк умер еще до
того, как упал на землю. Рүал надеялся,
что смертельная рана не причинила ему
слишком много боли.

предела. После агреналина, после ужаса, после пятидесяти шести часов крайне ожесточенного боя, стали появляться сообщения о солдатах, утирающих от усталости.

В течение дня имперские иштурмовики «Стервятник» и ревущие толстобрюхие бомбардировщики «Мародер» производили бомбардировочные налеты и иштурмовки позиций Великого Врага. Они летели сквозь плотную завесу огня зенитных самоходных установок на сверхтяжелых гусеничных платформах и переносных ракетных комплексов. Несмотря на большие потери, пилоты совершали боевые вылеты весь день, задерживаясь только чтобы дозаправиться.

Начальник штаба заявил, что фронт неизбежно рухнет через двадцать четыре часа, самое большее -- двадцать восемь. На месте раскопок в центре Анжкоры саперы установили в карьере и шахте подрывные заряды. Они должны были взорвать шахту, если противник прорвется сюда раньше, чем будут извлечены Старые Короли. Это,

конечно, не удержит врага, но будет последним актом отчаянной храбрости. Капитан Сулат, командир санеров, поклялся, что противник не закончит работу, которую они начали.

В полдень третьего дня начался разгром. Объединенная 2/15-я бригада под командованием бригадного генерала Дрейса Дершвана, защищавшая грузовую станцию Аркеха была разбита. Трупы солдат усыпали улицы и склады среди ящиков с гниющими овощами и протухшим мясом. Тело генерала Дершвана было повешено в проволочной петле на шпилье храма. Ходили слухи, хотя и не подтвержденные, что в тылу окопавшимся гвардейцам ударили костодесантники Хаоса из остатков роты Кровавых Горгон. 2/15-я бригада потерпела сокрушительное поражение, в центре посаженных имперских позиций образовался широкий разрыв.

Конец, предсказанный Верховным Командованием, наступал гораздо раньше, чем они ожидали.

-- ДЕРЖАТЬ строй! Прогвизгаться
повзводно! -- крикнул Росс собравшимся
вокруг солдатом.

Они держались из последних сил. Он
увидел это. Поблизости гвардеец упал на
колени, сползая по разрушенной стене.
Солдат оперся на ладан, опустив голову.
Встать он уже не сможет.

Дисциплина, основа эффективности
армии, слабела.

Росс обошел строй, выравнивая ряды
солдат. Позади, за их неровным строем,
возвышались башни-гробницы Ангкоры, их
уступчатые вершины были окутаны
дымом.

Росс больше не командовал 10-й
бригадой. Он не знал точно, кем он
командовал. Всю ночь остатки
отступающих кантуканских частей
проходили через его позицию без всякого
подобия командной структуры. Роты,
взводы и даже одиночные раненые солдаты
собирались к позициям 10-й бригады.

Спустя час после рассвета Росс уже
отчаялся. По его оценкам, под его
командование собралось как минимум

шесть тысяч человек - а как максимум
десять тысяч. Пехота, уланы,
артиллеристы, иногда даже с
транспортом и орудиями, стремились под
его командование. Многие не знали, где
сейчас их непосредственные начальники и
кто вообще командует их взводом или
ротой, не говоря уже о батальоне.

На марше уланы двигались в
авангарде бригады, искусно выбирая путь
среди развалин. Элитные бойцы
Кантуканской Гвардии с их характерными
гранатыми поясами и саблями почти с
презрением относились к своим менее
выносливым товарищам. Они общались
друг с другом четкими сигналами жестов,
тогда как прочие офицеры и сержанты
приходилось кричать приказы, чтобы
измученные солдаты услышали их.
Молодые и неопытные гвардейцы часто
отходили от своих взводов, пытаясь
держаться ближе к уланам. Дисциплина
марша не соблюдалась. Казалось, что в
последние дни войны солдаты перестали
бояться дисциплинарных наказаний. Они
уже были в аду.

И когда ранним утром начался бой, для Росса не стал сюрпризом тот факт, что обескровленная 10-я бригада сразу пришла в состояние беспорядка.

Обстрел начался неожиданно. Танки Броненосцев — тяжелые гусеничные машины с приземистыми корпусами — пробивались сквозь развалины, сокрушая целевшие стены.

С ними двигались пехотные части Броненосцев, вспышки их выстрелов сверкали из проемов дверей в разрушенных стенах, из разбитых окон, из-за фундаментов. Результатом стала паника.

Уланы бросились в атаку, размахивая своими кавалерийскими саблями. Остальные солдаты, оказавшись без функционирующей командной системы, пришли в замешательство. Некоторые подразделения не пытались атаковать, они залегли, отвечая слабым беспорядочным огнем. Офицеры бешевали, пытаясь поднять солдат в атаку, но у солдат уже не осталось сил. Другие же просто побежали, приводя в беспорядок

части, двизавшиеся позади них.

-- Майор! Майор! Соберите солдат, вы должны отойти и перегруппироваться!
-- крикнул Росс ближайшему старшему офицеру. Майор стоял на открытом месте, повернувшись спиной к врагу. Со спокойным, почти благодушным лицом, он направлял артиллерию, а вражеские пули взбивали маленькие фонтаны пыли вокруг него.

Росс видел такое раньше. Нервная перегрузка. Слишком много шума и страха, до точки, когда мозг начинает игнорировать их. Майор стоял, не пытаясь укрыться, а вокруг свистели пули. Наконец пуля попала ему в затылок. Он упал лицом вниз и больше не двизался.

Росс нашел укрытие за каменным гробом. Тяжелый гроб выбросило взрывом из разбомбленного мавзолея примерно в тридцати метрах отсюда. Подброшенный силой взрыва, гроб упал прямо посреди дороги, перевернутый, но невредимый.

-- Простите, я ничего не вижу. Вы не могли бы указать мне правильное направление?

Росс обернулся и увидел, что за его плечо держится кантиканский солдат. Его глаза были завязаны бинтом, и он полз среди острых камней на руках и коленях.

-- К врагу или к нашим главным силам? -- спросил Росс, помогая ему забраться в укрытие за гробом.

-- Туда, где можно найти быструю смерть, -- ответил слепой солдат.

-- Я помню, великий поэт Гүэрта однажды написал, что самое главное в смерти -- ее неизбежность. Мы все равно умрем -- сегодня, завтра или позже. Умри с оружием в руках, -- сказал Росс.

Словно подтверждая его слова, сарай для колесниц, в котором нашел укрытие взвод кантиканцев, взлетел на воздух в фонтане огня и обломков. Здание находилось близко, и пепельная пыль с каменной крошкой осыпали Росса и слепого гвардейца. Танк, разрушивший здание, переехал его развалины, медленно вращая башней, оказавшись менее чем в двадцати метрах слева от Росса.

-- Вы слышите танки? -- сказал гвардеец, сидевший, прижавшись спиной к

стенке гроба.

--- О да. Определенно слышу, ---
ответил Росс. Танк Броненосцев с лязгом
и грохотом проехал мимо.

--- Нет, не вражеские. Я слышу
имперские танки, --- сказал слепой солдат.

--- Ты уверен?

--- Да, потому что я слышу и лошадей.
Слышу, как их копыта стучат по камням.

Росс попытался прислушаться, но не
услышал ничего кроме оглушающего
грохота боя. Возможно, из-за потери
зрения слух гвардейца обострился, и он
слышал сейчас то, чего раньше слышать не
мог.

И действительно, кантиканец
оказался прав. Танк Великого Врага,
проезжавший мимо, взорвался, когда снаряд
попал в его борт.

--- Да, я несомненно слышу лошадей, ---
сказал гвардеец. Он встал, поворачивая
голову, словно еще мог видеть.

Танки в коричневом кантиканском
камуфляже атаковали фланг противника.
Между их бронированными корпусами
скакали кантиканские кавалеристы.

стреляя с сегда. Направление их атаки позволяло им поражать в борт танки Броненосцев. Везде грели взрывы. Танковые башни дымились.

-- Это наша кавалерия, -- прошептал гвардеец.

Танковые эскадроны, двигавшиеся сквозь развалины, состояли в основном из старых машин. «Зигфриды», «Кентавры», и лишь несколько «Леман Руссов». У Кантуканцев было мало бронетехники в начале войны, мало было и сейчас. Все уцелевшие кавалерийские части, моторизованные или конные, были сведены в один полк, который Росс сейчас видел перед собой -- Кантуканский 1-й Бронекавалерийский полк.

Древние боевые машины с клепаной броней грохотали по развалинам вместе с копытами уланской кавалерии. И когда они врезались в атакующего противника -- сталь против стали -- это было самое прекрасное зрелище, которое Росс когда-либо видел.

-- ВНИМАНИЕ, командующий убит.

Внимание, командующий убит. Конец связи.

Это сообщение в тысячный раз передавалось по имперской вокс-сети. Каналы связи звенели срочными новостями. Лорд-генерал Фейсал был мертв.

По правилам, эта информация должна быть строго ограничена. Никто, особенно деморализованные нижние чины, не должен был узнать о смерти их лорд-генерала. Но капрал, который видел это, поделился новостью, и теперь она распространялась как пожар от зажигательной бомбы.

Капрал Басинга оказался ближе всех к командующему, когда это произошло. Он был связистом роты «Эхо» 46-го батальона. Лорд-генерал объезжал позиции верхом на лошади, великолепный в своей традиционной кантиканской форме, высоко стоя в стременах в своих ярких туфлях.

Солдаты окапывались за высокими брустверами из обломков, их оружие было нацелено на покрытый дымом западный

фронт. Утренний бой был, как и ожидалось, жестоким, и взвод Басинги был отведен на вторую линию позиций для короткого отдыха. Солдаты ели ту еду, какую им удалось найти, и дремали, опираясь на лазганы. Потом прибыл Фейсал, и все встали по стойке смирно. Басинга помнил вспышки разрывов на горизонте, и лорда-генерала, произносившего речь и бросавшего суровые понимающие взгляды на своих солдат. Это почти заставило Басингу забыть о голоде.

Никто не заметил летящего снаряда. Он разорвался в тридцати метрах, подняв грибовидное облако пыли.

Фейсал был убит маленьким осколком, который попал ему в ухо. Осколок вышел через лоб, и Басинга запомнил выражение на лице генерала. Оно было безмятежным. Фейсал не узнал, что убило его. Возможно, он даже не понял, что умер.

Кровь генерала, горячая и алая, брызнула в лицо Басинги. Она попала в котелок с едой, который он держал в руках. Его обед из вареного зерна был испорчен. К

его собственному удивлению, брызги крови, попавшие на еду, очень огорчили капрала. Он пытался прикрыть котелок руками. Это была его первая еда за три дня. Странно, но Басинга еще думал, можно ли ее после этого есть.

Испуганная лошадь Фейсала унесла тело лорда-генерала прочь от бруствера. В завершение ужасного зрелища, труп генерала прямо сидел в седле. Взвод никак не отреагировал. Они просто не знали, как на это реагировать. Даже старый сержант Хабүэль потрясенно молчал. Из всей роты «Эхо» один Басинга с усталым стирением оставил свой котелок с кровавленным зерном. Он вздохнул, сожалея о потере обеда, и взялся за ручки вокс-передатчика.

БАШНИ Ангкоры. Или так Асинг-ну сказал Сильверстайну.

Погребальный центр Аригуна, расположенный в середине Цени Крепостей. Со своего наблюдательного пункта -- обгорелой заводской трубы -- они видели небо над Ангкорой. Оно было затуманено

мерцающей дылкой жара -- жара, исходящего от пепелищ и раскаленных пылающих развалин разрушенного города.

Хотя крестьянин Асинг-ну никогда не был здесь, он слышал рассказы о Цепи Крепостей от своего богатого двоюродного брата. У него был искусно вытканый ковер с изображениями башен в виде бутонів лотоса, в которых были погребены предки жителей Аригүна. Из-за этого Асинг-ну ему очень завидовал.

-- Противник рвется к центральной крепости с самых первых выстрелов. Почему? -- спросил Сильверстайн, механизмы его биоптики щелкали и жужжали, делая снимки для фотоанализа.

-- Человеку моего образования не полагается знать такие вещи. Но любой скажет тебе, что это плохой знак. Места, где ходят мертвые, не подходят для живых, -- сказал Асинг-ну, сжимая приклад автогана.

-- Ты когда-нибудь охотился, Асинг-ну? -- спросил Сильверстайн, меняя тему. Повернувшись, он смотрел на партизана своими желтыми глазами.

— Я сельский житель. Конечно, охотился. Мы с сыновьями часто охотились. Ночью мы выходили на наши рисовые поля с хорошим мускетом и охотились на болотных свиней. Они маленькие, но жирные, и очень вкусные с хорошим вкусом.

— А ты оставлял для них приманку, чтобы самый большой и жирный хряк подошел на выстрел?

— Для этого хорошо подходили кучки гнилого забродившего зерна. Чем гнилее, тем лучше. Иногда нам удавалось выманить трех или четырех сразу, и они дрались за приманку.

— Что ж, посмотри на это так, Асинг-ну. Анзора — приманка для Великого Врага. Что-то, чего они хотят. Обычно это значит, что именно там и будет большая дичь. Самый жирный хряк, если угодно.

— Ты имеешь в виду их предводителя? Я хоть и крестьянин, но не дурак, — Асинг-ну пожал плечами.

Сильверстайн застесался.

— Конечно. Мы стожем причинить

ил там серьезный урон. Возможно, запишем на свой счет несколько генералов Хаоса. Разве это не здорово?

Асинг-ну сугеверно сотворил знамение аквилы при упоминании Хаоса, и для верности постучал по деревянному прикладу автомата.

-- Я найду, -- сказал он. -- Может быть, найду того, кто убил моих сыновей.

БОЙ шел так близко, что Маглен могла поклясться, что слышит отдельные выстрелы сверху.

-- Капитан Сулат подготовьте подрывные заряды. Если мы... если я... не смогу расшифровать текст на входе...

Капитан щелкнул каблуками.

-- Уже сделано, магам. Я поставил часть моих людей по периметру места раскопок. Мы готовы взорвать заряды, если противник подойдет близко.

-- Благодарю вас, капитан, ваша помощь поистине бесценна.

Удовлетворенная, Маглен вернулась к изучению поверхности диска с помощью ювелирной лупы. Это была тяжелая

работа, потому что надписи были очень
маленькими, а луна, подходившая только
для одного глаза, -- не больше круга,
образованного большим и указательным
пальцами. Маглен не спала и не ела с
самого начала операции. Все, что она
делала -- поднимаясь и опускаясь по
лесткам, изучала поверхность диска.

Сам диск, когда его очистили от
земли, оказался точно 77,7 метров в
диаметре и геометрически безупречным.
Измерительный лазер, проверявший размер
диска, показывал постоянную величину.
Что было еще более странным -- диск
полностью состоял из кости, представляя
собой огромный костяной медальон. За
годы занятия археологией Маглен хорошо
научилась распознавать кости. Древняя
кость не была ни слишком плотной, ни
хрупкой. Пропитываясь испарениями
земли, кость стала словно восковой,
потемневшей от времени. Цвет этой
кости за тысячелетия стал столисто-
коричневым. Маглен не могла
представить, у какого существа могли
быть кости такой чудовищной ширины.

-- И еще одно, мадам.

Маглен неохотно отвлеклась от работы, взглянув с мостков, и увидела, что внизу стоит капитан Силат.

Маглен потерла переносицу.

-- Да, капитан? -- устало спросила она.

-- Моя рота... мы работали на раскопках все эти дни. Ну... сейчас я послал большую часть солдат наверх, оборонять это место. Возможно, они погибнут, защищая его. Что я пытаюсь сказать, мадам, вы не можете рассказать нам, что это? Мои солдаты хотят знать, за что умирают.

-- Конечно, капитан, -- мягко сказала Маглен, начав спускаться по мосткам.

-- Как говорят нагниси, здесь покоится Старый Король. Он может быть пробужден только когда звезды и планеты находятся в определенном положении. Это все ритуалы. Не зная Света Императора, эти люди поклонялись звездам, как древние племена на Терре.

-- И звезды сейчас в правильном положении?

Маглен закусила губу. Она не была уверена, какой долей информации может поделиться с офицером. Размышляя, она услышала грохот бомб сквозь толстый слой камня наверху. Казалось, будто это из кузова грузовика вывалили на рокрит груз наковален. Маглен решила, что в любом случае, у них осталось не так много времени. Капитан и его люди имеют право знать.

-- Да. Они в правильном положении. Именно так и планировал Великий Враг с самого начала вторжения. Они строили геодезические линии на каждой завоеванной планете и ждали правильного расположения звезд и орбит. Они ведут эту войну точно по плану.

Силат был ошеломлен. Судя по лицу, он пытался осознать сказанное.

-- Они знали?

Маглен кивнула.

-- Так, если мы взломаем шифр, то пробудит его... это? -- спросил капитан.

-- Вот это я и пытаюсь расшифровать. Большинство этих надписей на древнем терранском языке,

который я не слишком хорошо знаю. Кажется, там говорится, что Старый Король заключен в некоем сосуде. Если мой перевод верен, это что-то вроде «колокола внутри могилы».

-- Может быть, использовать подрывные заряды?

-- Святой Трон, нет! -- воскликнула Маглен. -- Мы не знаем, что там, в склепе. Мы можем повредить или, что еще хуже, пробудить Старого Короля. Нет, никакой взрывчатки!

-- Хорошо, что тогда, мадам?

-- Дайте мне один или два часа, тут еще кое-какой текст, который мне нужно уточнить, прежде чем мы попытаемся открыть склеп.

-- Какие средства подготовить для этого?

-- Подготовьте дрель. Медицинской для сверления костей будет достаточно.

-- Мы саперы. У нас есть мощный бур, -- предложил Силат.

-- Подойдет, капитан. И еще, если можно, пришлите сюда двадцать ваших лучших солдат. Пусть они будут здесь.

когда ты просверлишь диск. Просто на
всякий случай...

Капитан отсалютовал с большим
воодушевлением.

--- Конечно, мадам. Я пришлю сорок
солдат.

ПОСЛЕДНЕЕ наступление было направлено на район крематория. Это был единственный участок фронта, на котором имперские силы могли укрепиться без постоянного огня вражеской артиллерии и угрозы непрерывных атак. Жар и грохот войны бушевали в соседних районах, но здесь еще было тихо.

Это была квадратная площадь, уставленная кремационными печами, расположенными в порядке, математически соответствовавшим главным созвездиям в небе Ардунна. Большинство печей было разрушено обстрелом, те, что еще уцелели, разрушались гусеницами

сосредотачивавшейся на площади
бронетехники.

Контратака 1-го бронекавалерийского
задержала наступление главных сил
противника менее полутора часов назад,
позволив пехотным батальонам получить
краткую передышку и перегруппироваться.
Сейчас, когда уличные бои возобновились,
единственное бронетанковое подразделение
Кантуканской Гвардии сосредотачивалось
для последнего удара. Это было все, что у
них осталось.

Солдаты 1-го бронекавалерийского
сидели на броне танков, уланы берегли
своих коней. Когда инквизитор Ободайя
Росс взобрался на башню осадного танка
«Зигфрид», все встали по стойке смирно.
Стоя здесь на броне, Росс выглядел таким
же закаленным адским пламенем боя, как
и любой из кантуканцев. Они все знали,
этот инквизитор отчаянно сражался и
проливал свою кровь, чтобы спасти их
родину. Он дал им шанс использовать все
их навыки, чтобы нанести Великому
Врагу столько потерь, сколько возможно.
Для них он теперь был своим.

Росс все еще был одет в спатейские боевые доспехи и табарг из обсидиановых пластин. Доспехи были помяты, обожжены и усыпаны следами осколков, а обсидиан поломан. Сверху доспехов Росс накинул церемониальную шинель кантиканского офицера. Офицеры штаба порекомендовали носить ее расстегнутой, так что она развевалась на ветру, как плащ из коричневого фетра. Его правая рука была сжата сегментами брони силового кулака, плазменный пистолет «Солнечная Ярость» спрятан в кобуре под шинелью. Снаружи он казался безоружным. Сейчас нужно было укрепить моральный дух этих солдат, и офицеры штаба выполнили свою работу отлично.

Встав на крышу башни, Росс выпрямился. Тройные солнца сверкали на его наплечниках, в их свете его доспехи серебристо сияли. Он остотрел собравшийся перед ним полк. Все боевые машины, которые находились в распоряжении Кантиканской Колониальной Гвардии, даже еще до начала кампании, были направлены в 1-й бронекавалерийский

полк. Танки были чрезвычайно редки, и
месяцы тяжелых боев истощили их ресурсы
до предела. Каждый танк нес боевые
шрамы и следы поспешного ремонта. Всего
здесь было более шестисот танков --
большинство «Летан Руссов»,
значительная часть «Зигфридов»,
некоторое количество старых
«Саламандр», танки «Кертис» и даже
«Кентавры». Их сопровождали два
батальона конных улан. Росс знал, что не
все они настоящие уланы; некоторые были
просто гвардейцами, подобравшими
бесхозных лошадей после боя. Но и их будет
достаточно, думал Росс. Если судить по
последним дням боев, можно быть
уверенным, что эти солдаты не подведут
его.

На виду собравшихся гвардейцев,
офицер Почетного Полка Эгины взобрался
на корпус «Зигфрида». Откинув визор
шлема из алмазного поливолокна, он
приветствовал Росса эгинским салютом.

-- Майор Себастьян Гласс, Почетный
Полк Эгины, сэр.

-- Инквизитор Росс, Ордо Еретикус, --

Росс, наклонившись к нему, пожал руку
майора.

Майор Гласс, как и остальные бойцы
его полка, был облачен в громозгкое
снаряжение для боя в городских условиях.
Серая форма, огнеупорные ботинки, кобуры
на бедрах, подсумки, амуниция -- по
сравнению со всем этим стандартные
брезентовые вещмешки кантиканцев
выглядели весьма бедно. Сверху формы на
нем был бронежилет со вшитыми вручную
вставками из алмазного поливолока и
пластинами для защиты шеи и паха.
Алмазные пластины сияли, словно
покрытые инеем, демонстрируя презрение
к врагу.

-- Инквизитор Росс. В связи со
смертельным ранением лорда-генерала
Фейсала, по требованию Инквизиции
командование передано вам. Почетный
Полк Эгины принимает ваше назначение, и
я предоставляю все оставшиеся в моем
распоряжении силы и средства под ваше
командование.

Росс официально поклонился.

-- Благодарю, майор. Сколько людей у

вас осталось?

— Только два взвода, сэр.

Майор указал на четыре сланцево-серых «Хилеры». Эгинские гвардейцы, построившись двумя ровными рядами, проверяли оружие. Даже их стандартные лазганы были оснащены дополнительными прицелами, сошками, складными прикладами и даже подствольными гранатометами. Другие чистили и смазывали минометы и лазерные пушки. Эгинцы были моторизованной тяжелой пехотой, действовавшей огневыми группами. Их оснащение тяжелым оружием на уровне взвода и комбинация точного минометного огня и лазерных пушек оказались поистине бесценными за эти три дня боев в городе. Росс знал, что эти храбрые солдаты, несмотря на свое отличное техническое оснащение, понесли тяжелые потери. В начале операции, лишь четыре дня назад, на Аригун высаживались два их полных батальона.

— Вы претерпели тяжкий урон в этой войне, майор. Император ценит жертву, которую принесли жены и матери

Эгиды.

Майор Гласс кивнул и опустил визор шлема. Когда он спустился с танка, Росс обратился к солдатам.

— Господа. Я не буду произносить долгих речей перед боем. Вы все были солдатами гораздо больше, чем я. Я не могу сказать вам ничего, чего бы вы не знали. Но я скажу вам, что разведка обнаружила местонахождение командующего армией Хаоса по сосредоточению элитных частей Броненосцев, составляющих его свиту. Это наш шанс, наша броня против их брони. Это все. Но машина, господа, и да пребудет с вами милость Императора.

Росс спрыгнул с башни «Зигфрида», и экипажи 1-го бронекавалерийского бросились по машинам. Площадь наполнилась ревом заводившихся моторов. В воздухе запахло выхлопными газами. Вся кантуканская бронетехника двинулась в бой тремя колоннами.

НАСТУПЛЕНИЕ

1-го

бронекавалерийского продвигалось по

лицам в полную мощь, танки с грохотом пробивались сквозь развалины, обрушивая стены. Их гусеницы крушили руины мавзолеев, поднимая облака пыли от высохших трупов и известки. «Зигфриды» — гибриды бронированного бульдозера и легкого танка — пробивали путь впереди колонн, их бульдозерные отвалы расчищали дорогу в развалинах.

В секторах противника они встретили неорганизованное сопротивление, но скорость и огневая мощь танков отбросили пехоту Броненосцев. Танковые пушки, турельные стабберы и другое оружие создавали перед ними широкий вал огня. Их наступление можно было проследить по потокам трассеров, вспышкам лазерных выстрелов и дыму взрывов, наполнявшим воздух, когда танковая колонна прорывалась сквозь древний город.

— Штаб, это позывной «Звездный Свет». Повторите расположение Большой Дичи. Прием, — крикнул Росс в микрофон сквозь лязг и грохот, наполнявший боевое отделение танка. «Большая Дичь» —

условное обозначение командующего войсками Хаоса. Росс был уверен, что Сильверстайн именно так назвал бы его, если бы был здесь.

— «Звездный Свет», это штаб. Наши успехи показывают, что вы на правильном курсе, продолжайте двигаться на север, еще примерно полкилометра. Ожидайте усиленного сопротивления, когда приблизитесь к обозначенной зоне, — сообщил по воксу неизвестный офицер-связист сквозь треск помех.

Россу показалось, что он слышит в наушниках звуки перестрелки, но из-за рева танка он не мог сказать наверняка.

— Вас понял. Можете предупредить нас по воксу, когда войдем в район расположения Большой Дичи? Прием, — спросил Росс, прижимая наушник рукой.

На другом конце раздался едва слышимый вздох.

— Нет, сэр. Нашу базу сейчас штурмует противник. Я останусь на связи, сколько смогу.

Росс опустил микрофон и тихо выругался.

--- Штаб, спасайте себя. Я доберусь до
Большой Дичи. Оставь один патрон для
себя, солдат. Удачи.

--- Спасибо, сэр. Конец связи.

Связист произнес эти слова с полным
спокойствием человека, принявшего
решение. Командная вокс-сеть
отключилась в последний раз.

ОХОТНИК крался среди них. До сих пор он прятался днем и следовал за ними по ночам. Теперь он пробирался по карнизам и крышам, проникнув в середину десятикилометровой колонны пехоты Броненосцев на тарше.

Как и всякий хороший охотник, Сильверстайн наблюдал и изучал поведение добычи.

Он проскользнул по желобу крыши тавзолея. Убедившись, что на лестнице чисто, он прыгнул и скрылся в лабиринте улиц. Асинг-ну следовал за ним.

Не далее чем в одном квартале отсюда, возможно ближе, они услышали шум тарширующей колонны Броненосцев и короткие перестрелки, вспыхивавшие,

когда имперские отряды напали на нее.

Сильверстайн остановился на углу, выглянул за поворот, и кивнул Асинг-ну.

--- Он близко. Я вижу его знамена и его свиту.

Асинг-ну глубоко вздохнул.

--- Раньше мне никогда не приходилось убивать военачальников Хаоса.

--- Значит, этот бюджет у тебя первый, --- сказал Сильверстайн и скрылся за углом.

--- ПРОТИВНИК блокировал
перекресток впереди. Визуальное
подтверждение?

--- Подтверждаю.

Шум голосов в наушниках Росса заглушило грохотом выстрелов. Выглянув из башни «Зигфрида», Росс видел в магнокюляры Броненосцев, закрепившихся на перекрестке.

Перекресток занимало подразделение противника численностью, возможно, до роты. Они все еще разворачивали колючую проволоку и спешно пытались

организовать оборону перед фронтом наступающей колонны 1-го бронекавалерийского. Противник открыл огонь с крыш, из окон и боковых улиц. Перед танком Росса мелькнула ракета, оставлявшая дымный след. На выходах с соседних улиц появилась пехота Броненосцев, танковые стабберы колонны осыпали их ливнем пуль, пока вражеские солдаты не исчезли из вида. Росс видел, как стрелок «Летан Рюсса» свалил Броненосца очередью из турельного стаббера. Когда воин Хаоса рүхнул, сложившись пополам, танкист триумфально закричал. Выстрел с соседнего балкона разнес его голову, и тело безжизненно соскользнуло обратно в башню. Стүк пуль по броне стал оглушительным градом.

-- «Копье-3», это «Копье-2», противник справа по направлению движения, атакую. Прием.

-- Вас понял, «Копье-2». Конец связи, -- прокричал Росс в вокс-микروفон.

«Копье-2» -- вторая колонна бронекавалерийского полка -- атаковала

блокировавших перекресток Броненосцев,
ударив им во фланг. Танки обрушили на
противника залпы фланкирующего огня.
Раздались резкие выстрелы танковых
пушек и раскалывающий воздух грохот
взрывов. Росс увидел в магнокуляры
силуэты бегущих Броненосцев,
пытавшихся укрыться за баррикадой из
каменных обломков и металлолома. В
следующую секунду солдаты Великого
Врага побежали во всех направлениях,
бегущие силуэты падали под огнем
безжизненными кусками мяса.

--- «Копье-2» всем «Копьям»,
перекресток чист.

--- Вас понял, «Копье-2», отличная
работа, --- ответил Росс.

Две колонны соединились на
перекрестке, прежде чем снова
разделиться, широкими клещами обходя
кладбищенский район. Третья колонна
продвигалась по виадуку параллельно их
маршруту, обстреливая противоположный
берег канала. Несмотря на сильное
сопротивление противника, они
продолжали двигаться к цели.

В ВОЙНЕ с мятежниками никогда не приходилось так тяжело, как сейчас. Бомбардир Крүса восемь лет служил в горах Сүмлаит на Кантике, сражаясь с самозванными бандитскими королями повстанцев. Тогда приходилось нелегко — патрулировать те суровые пустынные отдаленные районы. Бандиты часто устраивали засады на одиночные патрули Кантиканской Гвардии, окружая их ночью и уничтожая гранатами и мачете. Та война длилась тридцать лет и отличалась особой ожесточенностью все время, пока Крүса служил там. Мины на дорогах, ночные нападения, рукопашные схватки — брать горы Сүмлаит было сущим адом. На 1,5 убитых повстанца они теряли одного гвардейца, и все же мятеж не утихал, банды повстанцев пополнялись крестьянами, приведенными в отчаяние нищетой. Это была жестокая война, и Крүса потерял там многих друзей. Но по сравнению с тем, что происходило сейчас, подавление мятежа казалось просто легкой прогулкой.

Бомбардир Салай Крүса служил в 5-м полку Кантуканской Колониальной артиллерии, они занимали позиции на разрушенном плато верхнего яруса тавзолеев. До восьми часов их фронт защищали несколько батальонов кантуканской пехоты, позволяя батарее обстреливать наступающего противника огнем «Василисков» «Грифонов» и полевых пушек. Но сейчас войска Великого Врага прорвали фронт и вышли в тыл имперской обороны. Их первыми жертвами стали полевые госпитали и пункты связи. По воксу слышали, что танки Броненосцев давили госпитальные палатки вместе с ранеными.

Было мучительно слышать голоса пехотных офицеров, которых он знал, передававших по воксу последние слова прощания, когда их позиции захватывались противником, одна за другой. Первым был голос сержанта Самира из 40-го батальона, передававшего координаты противника. Потом капитан Гулантра, командир роты «Зүлү» 55-го батальона успел доложить обстановку, прежде чем

связь с ним оборвалась. Все это были люди, с которыми Крүсе доводилось служить вместе. А теперь они погибали, один за другим, их жизни забирал Великий Враг.

-- Зарядить картечью! Картечь к орудиям! -- крикнул артиллерийский офицер. Команду подхватили на всех батареях, и бомбардир Крүса повторил этот приказ своим заряжающим.

Заряжающие действовали быстро, не смотря на то, что непрерывно выполняли эту тяжелую работу уже несколько дней. Их хлопчатобумажные рубашки затвердели от пота, подтяжки свисали на бріджи. Пот каплями катился по их чумазым лицам.

-- Заряжено картечью! -- доложил рядовой Сүрат. Боеприпас, снаряженный противопехотными поражающими элементами, был заряжен в казенник 60-фунтового орудия.

Пехота Броненосцев перевалила гребень плато -- тысячи их, без всякого подобия строя и маневра.

-- Ждать! Ждать приказа! -- закричали офицеры.

Броненосцы бросились сквозь развалины на батарею. Скоро до них осталось менее пятидесяти шагов. Крүса держал шнур обеими руками.

--- Огонь!

Раздался резкий грохот. Сверкнули вспышки выстрелов, массивные орудия заволочло дымом. Стволы дернулись на противооткатных устройствах. Восемь орудий выстрелили залпом, извергнув густую тучу стальных шариков, затмившую открытое пространство, словно рой насекомых. Повстанцы в горах Сүтлаита всегда боялись картечи. Не имело значения, насколько они были голодны и приведены в отчаяние, залп картечи всегда было достаточно, чтобы остановить их атаку, заставив ограничиться огнем из их старых изношенных автоматов. Никогда за все время службы Крүса не видел, чтобы противник бросался прямо в вал картечи. Первые ряды Броненосцев рухнули на землю, как марионетки. Но следовавшие за ними бесстрашно рвались вперед, топчась трупы и раненых. Один залп -- все, что

успели артиллеристы, прежде чем
Броненосцы ворвались за укрепления из
мешков с песком.

Бомбардир Салай Круса был убит
одним из первых. Боевой молот, как
чудовищный клюв, пробил кость глазницы
и вонзился в мозг. Последней мыслью
Крусy, когда молот проломил его череп,
была мысль, что лучше было бы умереть
как его грузья в Сутлаите. Бомбардира
Сусильо застрелили из автомата
ночью, когда он стоял на посту. Даже
рядовой Рио, убитый снайпером в патрэле,
погиб мгновенно от попадания в голову. А
бомбардир Круса умер не сразу. Он еще
какое-то время цеплялся за жизнь,
содрогаясь в конвульсиях и истекая кровью,
пока солдаты Великого Врага
втапывали в пыль его тело. Эта война
была гораздо хуже, чем все, что он до сих
пор видел.

ХОРСАБАД Моу был в его прицеле.
Хорсабаг Моу, Король Корсаров,
Архиеретик Восточной Окраины. Слуга
Апостолов Войны.

Сильверстайн смотрел на
военачальника Хаоса в прицел автомата. С
каждым осторожным вздохом перекрестие
слегка вздрагивало.

В трехстах метрах от балкона
минарета, на котором находился
Сильверстайн, на улице внизу Хорсабаг
Моу двигался в середине процессии,
поющей, скандирующей, яркой, словно
жуткое представление некоего
чудовищного цирка. По обе стороны лорда
Хаоса шли его Железные Бурдалаки,

окружавшие его на этот раз без всякого поговора порядка. Они размахивали разукрашенными бумажными знаменами и картинками из панье-маше, прославлявшими четыре тысячи лет злодеяний. Среди леса вибро-ник Броненосцы били в барабаны, трубили в рога и танцевали как безумные. Когда процессия проходила мимо, Броненосцы в иступленном восхищении пытались пробиться ближе к своему обожаемому повелителю. Железные Вурдалаки с трудом удерживали их своими пиками. Для постороннего зрителя это было больше похоже на карнавал, чем на марш войск. Сильверстайн видел одного Броненосца, совершенно обнаженного, за исключением маски на лице, танцевавшего, держа в одной руке дымящуюся курильницу, а другой рукой наносившего себе раны бритвой.

Давным-давно Сильверстайн был на Мүра-хабе и видел «фестиваль потерянной любви». Там тоже устраивались пышные шествия, люди танцевали в безумной пляске, на которую было страшно

смотреть. Толпы украшали себя масками из папье-маше чудовищных размеров, пели и кричали. Сжигались бутажные чучела, и непрерывно стучали и гудели музыкальные инструменты. Процессия лорда Хаоса была похожа на это пугающее мистическое действо.

— Страшно, да? Видишь его? — спросил Асинг-ну, взглядываясь с высоты.

— Да. Я вижу его.

Сильверстайн хорошо видел лорда Хаоса сквозь линзы аугметики. Обычными глазами он не осмелился бы рассмотреть Хорсабага Моу. Сильверстайн был уверен, что ничего хорошего из этого бы не вышло. С помощью биоптики Сильверстайн мог рассмотреть его во всех подробностях.

Лорд Хаоса все еще был человеком. Но крайней мере, он выглядел как человек.

Хорсабаг вовсе не был уродливым чудовищем, как ожидал Сильверстайн. Повелитель Броненосцев был худощавого телосложения, настолько, что его можно было назвать изящным. Гибкость его конечностей не могли скрыть шелковые

одеяния, кольчуги и цепи, в которые он был облачен. Его лицо, скрытое маской искусно сплетенных полос железа, было темного похоже на лицо фарфоровой куклы, гладкое и лишенное черт, за исключением слегка вздернутого носа. Ростом примерно полтора метра, Хорсабаг был похож на искусно изготовленную железную игрушку, если бы не гребни шипов на его плечах и спине.

Он сидел на ярких носилках, украшенных цветной бумагой и тканью, которые держала фаланга Железных Вурдалаков, стоявших на платформе сверхтяжелого бронированного тягача, словно образуя некий богохульный зиккурат. Патрульные вездеходы и мотоциклисты эскорта двигались бок о бок с толпами пеших Броненосцев. Словно океанские левиафаны, рассекая толпу, двигались сверхтяжелые огнететные танки, их башни извергали вспышки огня.

-- Асинг-ну, -- сказал Сильверстайн. -- У меня будет только один выстрел. У сейчас это все, что имеет значение. Мне нужно, чтобы ты сидел здесь и не говорил

ни слова. Не двизайся. Не дыши. Не дергайся. До сих пор ты был хорошим другом, и я надеюсь, что ты не подведешь меня сейчас.

Партизан настороженно кивнул и съезжился у стены, вцепившись автоган. Сильверстайн, поправив прицел, устроился поудобнее.

Он начал с поиска уязвимого места Хорсабага Моу. Вся спина лорда Хаоса была покрыта железными шипами, которые внизу были больше похожи на чешую, и постепенно удлиняясь кверху, на плечах достигали длины пятьдесят сантиметров и разветвлялись, как железные цветы. Сильверстайн знал, что, стреляя в естественную броню любого животного, едва ли можно убить его одним выстрелом. Он рассмотрел в прицел голову лорда Хаоса. Она была правильной формы и полностью покрыта искусственным переплетением железных полос. Не было ни щелей, ни отверстий для рта. В нее Сильверстайн и прицелился.

Охотник закрыл глаза, расслабив мышцы шеи и плеч. Сделав два вдоха, он

перевел прицел на несколько сантиметров
вперед по предполагаемому пути цели.
Это был обычный метод для охоты из
засады, излюбленный Сильверстайном. Он
успокоился, замедлив дыхание и
потребление телом кислорода.

Мысли охотника вернулись к дням
его юности, когда он помогал старшим
охотникам ложи. Он вырос в хвойных лесах
Вескепина, где северные сияния освещали
сумерки, а воздух был холодным и свежим.
Целыми днями он выслеживал
разнообразных экзотических животных.
Больше всего ему нравилось охотиться на
разумных приматов. Эти животные могли
оказывать организованное сопротивление и
использовали оружие. Иногда даже они
охотились на него. Это была самая
интересная охота, и Сильверстайн
изрядную часть юности провел в лесах,
вооружившись автоганом брата и
подражая брачному крику лезо-обезьяны.

Сильверстайн открыл глаза.
Хорсабаг Моу на платформе медленно
приближался к перекрестию прицела.
Сильверстайн выдохнул, позволив прицелу

чуть опуститься. Его вдох привел прицел снова к цели. Сверкающая железная голова Хорсабага Моу оказалась точно в перекрестии. Охотник позволил цели на наносекунду сместиться влево, из-за направления ветра и траектории.

Сильверстайн выстрелил.

Нажатие спуска было плавным, не смотря на скорость, с какой нервы передали команду от мозга мышцам руки. Траектория, поправка, направление ветра. Сильверстайн знал, что все было так, как должно быть.

Но выстрел не попал в цель. Силовое поле, защищавшее Хорсабага Моу, с треском сверкнуло, когда пуля попала в него. До того недвижимая, полусфера силового поля мигнула радужным отблеском.

Сильверстайн с расширенными глазами вскочил со своего поста. Внезапно он почувствовал себя очень уязвимым на этом минарете. Взоры всех воинов Хаоса, как один, обратились к нему.

-- Вниз, Асинг-ну! -- крикнул Сильверстайн. Он бросился вниз по

лестнице, а балкон за его спиной буквально
разлетелся на куски под градом огня.
Толпы Броненосцев открыли огонь по
минарету из всего своего оружия.
Каменный балкон был просто раскрошен
ураганом пуль и лазерных лучей. Асинг-ну
пуля попала в живот. Сильверстайн
затащил партизана в минарет.
Крупнокалиберные пули пробивали стены и
раскалывали окна. От дыма и кирпичной
пыли охотник закашлялся.

Когда пыль рассеялась, балкона
больше не было. Была только почерневшая
от огня дыра в стене и пуста за ней.

— Я ранен... — простонал Асинг-ну.
Скорчившись от боли, партизан держался
за живот. Кровь текла по его рукам.

Огонь по минарету прекратился так
же быстро, как и начался, но охотник все
равно слышал снаружи грохот выстрелов.
Только теперь не он был их целью. Он
ожидал услышать, как в основании
минарета ломают дверь, но когда ничего
такого не произошло, Сильверстайн
рискнул выглянуть из пробоины в стене.
Шум боя внизу звучал слишком затанчиво.

В пятидесяти этажах ниже, он увидел, что процессию Хорсабага атаковали с фронта и с флангов. Еще дальше по дороге и на боковом перекрестке Сильверстайн заметил приближавшуюся колонну танков. Имперских танков. Они атаковали врага, башенные орудия сверкали вспышками выстрелов.

«Летан Руссы» врезались в процессию, их стабберы грохотали очередями, боевые пушки выцеливали бронетехнику конвоя Хорсабага. Броненосцы отбивались, их огнеметные танки извергали вихри огня. Они жгли и пехоту Броненосцев и имперцев, выжигая атмосферный кислород с громким ревом.

Среди них Сильверстайн заметил характерный профиль осадного танка «Зигфрид» с бульдозерным отвалом. На нем, высунувшись из цилиндрической башни, стрелял из танкового болтера инквизитор Ободайя Росс.

ПОБЕДНАЯ процессия Хорсабага двигалась по центральной улице Ангкоры, широкому проспекту, достаточному для

того, чтобы влестить легионы
Броненосцев, шествовавших за конвоем
лорда Хаоса.

Когда имперская колонна преодолела
перекресток, она наткнулась на процессию
Хорсабага. Сразу же сотни Броненосцев
открыли огонь из стрелкового оружия.
Некоторые стреляли с колена, их пули со
звоном отскакивали от брони танков.
Другие бросались под гусеницы, желая
принести свою жизнь в жертву Хорсабагу.

Уланская кавалерия атаковала,
вырвавшись впереди танков, сверкая
саблями. Раздался громкий треск, когда
уланы врезались в массу солдат Великого
Врага стеной топчущих копыт и
сабельных ударов. Люди падали с лошадей
и их затаптывали в чудовищной гавке.
Железные Вурдалаки сожмули ряды
вокруг Хорсабага Моу, построившись
плечом к плечу полусферой,
ощетинившейся вибро-пиками.

Огонь становился ураганным.
Статуи, стоявшие по сторонам
проспекта, взрывались одна за другой.
Стены домов вдоль улицы выглядели так,

словно их засыпало песчаной бурей.

Росс даже не пригибался, стоя в башне. В воздухе было слишком много пуль, осколков и лазерных лучей, и опасность получить ранение была высокой в любом случае. В башню танка Росса ударила ракета, выпущенная из толпы Броненосцев. Она пробила броню на уровне пояса Росса, рваный металл окружал ее боеголовку, как цветочные лепестки. Упавшая в броню, не взорвавшись. Глядя на невзорвавшуюся ракету, Росс начал смеяться. Смех был утешением. Он позволял сохранить здравость ума и не вырвался сам собой.

В пандемониуме боя «Зигфрид» Росса вырезался в толпу Броненосцев. Вибро-пикари пробивали бульдозерный отвал, лязгая по корпусу, тянулись к башне. Кто-то выстрелил в упор из автоматола в Росса, крупнокалиберная пуля, выбив снайперский искр, срикошетила от брони башни. Чувство ярости победило страх. Вместо того, чтобы укрыться в башне, Росс развернул болтер и выпустил в толпу несколько громких очередей.

-- Меня обстреливают с флангов и с фронта! -- крикнул Росс в башню. В этом не было необходимости. Экипаж знал, что противник крутом. Мультилазер «Зигфрида» развернулся, поливая броненосцев очередями, башня поворачивалась то вправо, то влево. Броненосцы падали на землю, уцелевшие бросились бежать, пытаясь найти укрытие и оказаться подальше от изрыгающей огонь башни.

-- Всех обстреливают отовсюду! -- ответил танкист из башни.

Когда сражение перешло в уличный бой на предельно близкой дистанции, колонна уже понесла серьезные потери. У всех машин заканчивались боеприпасы; они потратили тысячи патронов, пробиваясь сюда сквозь город.

У «Зигфрида» слева от танка Росса заклинило башню, и он мог стрелять только по направлению движения. «Зигфрид» справа потерял обе гусеницы, и его оттолкнул с пути двигавшийся за ним «Леман Русс». Росс видел, что все имперские танки покрыты вмятинами и

пробоинами, местами так, что корпуса выглядели просто изрешеченными. Танк «Кертис» в нескольких метрах впереди вынырнул, в его лобовой броне зияла пробоина от противотанковой ракеты.

Броненосцы окружили танк, вытаскивая экипаж из люков.

Сквозь бушевавший бой Росс смог разглядеть трон Хорсабага Моу. Лорд Хаоса был похож на ребенка в облачении из шелковых одеяний, брони и цепей, его фарфоровые руки были аккуратно сложены. Казалось, его ничуть не волновал бой, кипевший вокруг. Если бы не железные шипы, величественным венцом поднимавшиеся с его спины и плеч, Росс мог и не разглядеть его. Охранники, несшие его, заботились о том, чтобы не трясти его трон, даже когда отбивались вибро-пиками. Танк Хаоса, на броне которого стояла платформа с Железными Бурдалакатами и носилкатами Хорсабага, продолжал медленно двигаться вперед, извергая из огнеметов струи пламени.

От вида лорда Хаоса у Росса перехватило дыхание. Прямо перед ним

был создатель всего этого ада. Адреналин напряг тело как пружину, ярость и ожидание боя отозвались покалыванием в пальцах. Это было словно перед чемпионатом по кулачному бою. Взгляд Росса сосредоточился на Хорсабаге, все остальное стало отдаленным, размытым и неразличимым.

Росс послал телепатическое сообщение, острое, как ментальное копье.

«Слуга Апостолов Войны. Я пришел за тобой!»

Эти слова, казалось, не испугали лорда Хаоса. Хорсабаг Моу посмотрел на инквизитора. Росс чувствовал, что повелитель Броненосцев даже без стотровых щелей в маске смотрит прямо на него. Инквизитор не мог избавиться от чувства, что в этот момент привлек к себе внимание самих Губительных Сил.

Росс поднял инквизиторскую печать в знак вызова.

Хорсабаг Моу вскочил с носилок, совершив чудовищный прыжок. Он взлетел, как артиллерийский снаряд, и упал вниз, прыгая с танка на танк. Он двигался с

огромной скоростью, преодолев пятьдесят метров быстрее, чем Росс успел вытащить плазменный пистолет. Шелковые одеяния Хорсабага развевались в прыжке, как крылья. Броня под нити не скрывала гибкое, сильное тело, прекрасно сложенное, как у танцора.

Он прыгнул на крышу патрульной машины, разбив все стекла и смяв ее так, словно на нее упала наковальня.

«Да он, наверное, весит полтонны», подумал Росс. Он ударил по машине, как пушечное ядро.

«Зигфрид» открыл огонь по лорду Хаоса с дистанции менее десяти метров из всего своего оружия: башенного мультилазера, тяжелого стаббера в корпусе и турельного штурмболтера. Ливень трассеров ударил в силовое поле Хорсабага, как дождь из расплавленного металла. Оно засверкало так ярко, что Россу пришлось закрыть глаза. Несмотря на это, боеприпасы закончились раньше, чем истощилась энергия силового поля. Немедленно лорд Хаоса набросился на них, запрыгнув на лобовую броню с такой силой,

что танк встряхнуло.

Хорсабаг двигался с такой скоростью, что Росс едва успел нанести удар силовым кулаком. Сидя в башне, Росс был ограничен в движении, и удар получился неудачным. Он лишь задел пузырь силового поля, заставив Хорсабага слегка пошатнуться. Внезапно насторожившись, лорд Хаоса обошел башню, своими шагами оставляя вмятины и трещины на броне корпуса.

-- Вы перезарядили эту чертову штуку? -- крикнул Росс экипажу. Хорсабаг ходил вокруг башни кругами, как голодный хищник. Эти изящные руки -- Росс был уверен -- способны разорвать его, как вареную птицу.

Он никогда еще не видел такой силы. Кровавый Горгон, убивший Прагала, был громадным чудовищем. Но Хорсабаг Мору не обладал размерами Астартес. Хорсабаг был на целую голову и плечи ниже Росса, и не был облачен в силовую броню. И все же он мог голыми руками разорвать танк.

Мультилазер внезапно открыл огонь, поливая силовое поле лазерными разрядами. Лорд Хаоса прыгнул за танк и

пропал из поля зрения.

Росс стукнул кулаками по броне.

— Развернуть машину!

«Зигфрид» дернулся назад прежде чем снова рвануться вперед.

Осадный танк врезался в лорда Хаоса. С глухим ударом «Зигфрид» переехал его, скрежеща гусеницами. Росс слышал стон стинавшего металла. Но когда инквизитор обернулся, чтобы остотреть повреждения танка, он увидел, что Хорсабаг Моу стоит как ни в чем не бывало. Росс потянулся перезарядить плазменный пистолет.

Быстрее, чем Росс успел среагировать, Хорсабаг Моу вцепился руками в корму «Зигфрида», его пальцы оставляли вмятины в броне. Газотурбинный двигатель «Зигфрида», работая на пределе мощности, взревел как раненый бык. Хорсабаг держал танк, упираясь ногами в землю. Потом внезапным движением лорд Хаоса поднял корму танка и опрокинул его.

«Зигфрид», кубырнувшись в воздухе, перевернулся вверх дном. Собственный вес

танка уничтожил его. Броня стаялась, двигателем зажало боевое отделение. Тусеницы еще крутились в воздухе. Если экипаж не погиб в результате опрокидывания танка, его нетипично должен был убить внутренний взрыв. Росс лежал в нескольких метрах, успев выскочить из башни за долю секунды до опрокидывания. Но приземлился он неудачно.

Когда Росс пришел в себя, то почувствовал, что у него сломана нога. Это боль в ноге и привела его в сознание. Он почувствовал, как сломанные кости бедра врезаются в мышцы и сухожилия.

Хорсабаг Моу подошел к нему. Силовое поле лорда Хаоса мигало, то включаясь, то выключаясь, но сам он был невредим. Огонь танкового оружия почти не причинил ему вреда.

Хорсабаг Моу заговорил. Его слова звучали мягким металлическим гулом, словно ветер гул в трубы железного органа.

— Ты мертвец. Я убью тебя. Я сломаю тебя и залью расплавленное

серебро в твои уши.

С диким боевым кличем двое кантуканских улан с саблями атаковали военачальника Хаоса. Хорсабаг Моу легким ударом сломал им шеи. Движение было таким быстрым, что его почти невозможно было заметить. Оба гвардейца упали, их шейные позвонки были так расколоты, что головы свисали на грудь. Но в атаку на лорда Хаоса бросились новые гвардейцы. Кавалерия окружила их кольцом, оттесняя Железных Бургалаков, которые в ожесточенной схватке пытались пробиться к своему повелителю. Сабли со звоном ударялись о вибро-ники. Гвардейцы отчаянно сражались, пытаясь удержать кольцо вокруг танка Росса. Они хорошо видели, что было с теми, кто пытался атаковать лорда Хаоса, но все равно сражались. Пять или шесть улан набросились на Хорсабага Моу. Росс не хотел на это смотреть. Он закрыл глаза, приподнявшись на локтях и перезаряжая плазменный пистолет.

Когда Хорсабаг Моу снова обратил свое внимание на Росса, инквизитор

выстрелил в него. Силовое поле тизало, но держалось. Лорд Хаоса бросился к нему с нечеловеческой скоростью.

Росс приготовился. Хорсабаг был уже рядом. Циквизитор выстрелил из плазменного пистолета. Сфера раскаленной плазмы взорвалась, встретившись с силовым полем, и рассеялась яркими вспышками. На поверхности щита грозили синие отблески.

Хорсабаг Моу был уже на расстоянии удара, и вдруг резко остановился. Сначала Росс даже подумал, что лорд Хаоса споткнулся. Хорсабаг Моу, Архиеретик Восточной Окраины, не споткнулся. Кто-то выстрелил и попал в него. Дважды.

Две пули прошли сквозь силовое поле, когда плазменный выстрел Росса перегрузил генераторы. Первая пуля вошла в левый висок Хорсабага и вышла через правую щеку. Выходное отверстие получилось размером с кулак. Вторая попала в шею. Сначала крови не было. Но потом она полилась рекой. Она хлестала струями, заливая внутреннюю поверхность

силового поля. Кто-то убил великого
Хорсабага Моу.

Росс лежал у ног лорда Хаоса.
Циквизитор выгел, как
четырёхтысячелетний Архиеретик упал
на колени, схватившись руками за свою
разорванную голову. Это было все, что
имеет значение. Остальное -- в руках
Императора. Кантуканцы и Броненосцы
сражались вокруг, но Росс просто лежал со
своей сломанной ногой. Он уже сделал все,
что мог для этой войны, и никто не мог
требовать от него большего. Он лежал и
смотрел, как Хорсабаг Моу умирает.

БА-БАХ!

Это был инстинктивный двойной
выстрел. Сильверстайн сделал два
выстрела сквозь умирающее силовое поле
лорда Хаоса.

Охотник только что сделал свой
самый лучший выстрел. Но сейчас для
Сильверстайна это было не важно. Он уже
высматривал в прицел новые цели.
Броненосец бросился к лежащему на земле
Россу. Сильверстайн всадил пулю ему в

зрүдь. Прицел передвинулся снова, наводясь на Броненосца, атаковавшего Росса с глубинкой. Охотник застрелил и его. Четкие выстрелы звучали с минарета, укладывая Броненосцев, пытавшихся поодобратся к Россу.

--- Проклятье! --- прошипел Сильверстайн.

Бой превратился в кипящую беспорядочную свалку. Кантиканцы и Броненосцы закрыли Росса от Сильверстайна. Охотник попытался перенастроить биоптику, увеличив масштаб, но Росса разглядеть не мог. Кантиканцы рвались вперед, наступление же Броненосцев теряло энергию, рассыпалось, после гибели их военачальника. Поодаль от боя опрокинулись носилки с пустым троном, яркие знамена падали под гусеницы отступающего сверхтяжелого танка. Броненосцы хлынули назад тем же путем, которым шли.

Сильверстайн разочарованно швырнул катанел в стену. Он никак не мог пробратся к Россу сквозь бой внизу.

Неохотно он отполз с остатков балкона. К Россу подойти было невозможно сквозь густые толпы Броненосцев. И охотник не хотел оставлять Асинг-ну умирать в одиночестве. Сильверстайн за это время странно привык к нему. Охотник бросил последний взгляд туда, где был Росс.

— Удачи, — прошептал он. После этого Сильверстайн вернулся к Асинг-ну, ждавшему смерти.

ОСТАТКИ 1-го бронекавалерийского полка и сопровождавшие их уланы быстро отступали после успешно нанесенного противнику удара. Колонны бронетехники, значительно уменьшившиеся в численности, оставляя на своем горящем остове машины, пробивались обратно, к последнему району Ангоры, удерживаемому имперскими войсками — месту раскопок.

Отделение пехоты подобрало Росса в «Хилеру». В наполненном десантном отделении БМН было душно и шумно. Росс слышал, как пули и осколки стучат по броне, и думал, что удачное попадание

из тяжелого оружия может сейчас поджарить их всех. Каждый раз, когда «Хилеру» встряхивало на дороге, это отзывалось болью в его раздробленной ноге. Несколько раз он терял сознание, и почти не помнил пути обратно.

Росс очнулся в темном туннеле, полевой медик светил факелом ему в глаза и держал нюхательную соль под носом.

-- Уберите это к черту! -- сказал Росс, более раздражительно, чем намеревался.

Он попытался подняться и понял, что на его бедро наложена шина. Нога болела, но ему вкололи достаточно обезболивающих, чтобы боль притупилась. Нюхательная соль все еще обжигала его нос, пробуждая разум, затененный болью.

-- Почему я здесь? Где мои люди? -- спросил Росс.

-- Леги, магат Маглен, приказала, чтобы вас принесли сюда, -- сказал медик, отступив назад. Росс понял, что напугал толстого гвардейца.

-- Извиняюсь... -- начал Росс.

-- Ах, оставьте, Росс. Я не хотела быть невежливой, но мне нужно, чтобы вы были здесь, когда я открою склеп.

Росс оглянулся, моргая при свете натриевых ламп, освещавших подземную тьму. Позади него стояла Маглен де Медичи. Она была одета в странный костюм, напоминавший скафандр водолаза. Росс видел ее лицо сквозь круглый иллюминатор громоздного шлема. Герметичный костюм для работы в опасной среде -- он видел, как гвардейские саперы работали в таких в местности, подвергнутой действию химического оружия. Прорезиненный кожаный комбинезон был защищен свинцом, манжеты на штанинах и рукавах соединены с перчатками и ботинками.

-- Вы отлично выглядите, -- сказал Росс.

-- А вы, как всегда, ужасно.

Маглен подошла к нему и руками в толстых перчатках помогла ему подняться. Пошатываясь, Росс встал, опираясь на костыли.

-- Скажите мне, что открыли его, --

сказал он.

--- Мы готовимся его открыть. Сейчас медик Сүбах поможет вам надеть защитный костюм.

Росс поднял брови, когда медик начал натягивать ему на ноги толстый комбинезон и ботинки.

--- Для чего это?

--- Мы имеем дело с эмбрионом звезды.

Росс. Элементарные познания предполагают, что где звезда -- там и радиация.

--- Элементарные познания так же предполагают, что звезды обычно не прячут в каменном склепе. Она должна быть в неактивном состоянии, помните?

--- Мы не знаем наверняка. Лучше проявить осторожность, --- сказала Маглен серьезным тоном, исключавшим всякие возражения.

Бой в городе шел так близко к месту раскопок, что эхо взрывов было слышно даже в туннеле на большой глубине.

--- Лучше поспешить, враг уже рядом, --- сказал Росс, завинчивая иллюминатор шлема.

Промышленная буровая машина гвардейского образца была не больше трактора. Оператор поднял большой палец в толстой перчатке защитного костюма и включил конический бур. С монотонным визгом бур врезался в древний костяной диск. Со вспышкой искр горящие костяные опилки взвились в воздух.

Не было ни взрыва, ни внезапного выброса энергии, как опасалась Маглен. Бур проделал широкое отверстие в толстой кости и был поднят, трактор отъехал в сторону. Внутри склена было темно. Отверстие оказалось достаточно большим, чтобы в него мог пролезть человек.

Взвод гвардейцев -- все тоже в защитных костюмах -- нацелил лазганы на дымящееся отверстие. Маглен, помогая Россу на костылях, подошла к входу в склен.

-- ЗДЕСЬ еще целая комната, -- сказала она, посветив фосфорным факелом в отверстие.

-- Я пойду первым, -- вызвался

капитан Силат. Маглен отступила в сторону, позволяя капитану протиснуться в пробоину. Вместе они помогли спуститься в склеп Россу, передав сначала вниз костыли. За ним последовала Маглен и несколько гвардейцев.

Узнутри склеп был великолепен. Идеально ровный куб в каменной мантии Аригүна. В нем чувствовалась безупречная симметрия. Росс понял это потому, что раньше ему никогда не приходилось бывать в искусственном сооружении, столь точно и безупречно выполненном. От этого у него возникло странное головокружение.

— Изображения, посмотрите на них, — выдохнула Маглен в восхищении, осветив факелом стены и потолок.

На гладком камне были вырезаны созвездия Медины и окружающих систем. Словно на костической карте, лунные траектории, планетарные циклы и гелиоцентрические орбиты были нанесены изгибающимися линиями. Росс видел на карте Скопление Стаи, Пояс Зилородка и даже созвездия регионов костоса, которых Империя еще не исследовал.

-- Это точные изображения? --
спрошен был капитан Сулат.

-- Вы сомневаетесь? -- спросил Росс.
Капитан не ответил ему.

На гладком полу тоже были вырезаны
изображения. Они стояли на карте
Коридора Медины, все его планеты были
правильно расположены, геодезические
линии на поверхности каждой планеты
создавали -- по словам Маглен --
проводники для электромагнитной
энергии.

В центре карты на полу, там, где
должен быть Аригун, стоял контейнер в
форме колокола. Кроме него в склепе
ничего не было. Контейнер был не слишком
большим, размером примерно с человека.
Его украшенная барельефами поверхность
из позеленевшей меди была покрыта
ржавчиной и минеральными отложениями.

-- Это он? -- спросила Маглен.

Росс на костылях подошел к колоколу,
чтобы взглянуть ближе. Медленно, он
протянул руку и коснулся его. Поверхность
колокола была холодной. На позеленевшей
меди Росс мог разглядеть изображения

людей, танцующих под картинками летающих кораблей. Здесь были и надписи, написанные плавным рукописным шрифтом, который Росс не мог разобрать.

-- Маглен, здесь надписи на древнем языке, -- Росс погрозил ей. -- Вы можете прочесть их?

Археолог подошла к колоколу и внимательно его осмотрела.

-- Кое-что. Это написано на очень поэтичной форме Океанического терранского языка. Здесь описана взаимосвязь состояния древней звезды с орбитами планет системы и геодезическими линиями на каждой планете.

-- Время, Маглен, время. Поспешите, пожалуйста, -- сказал Росс, напоминая ей о бое, угрожавшем захлестнуть место раскопок.

-- Это не совсем точные слова. Но, кажется, они предполагают, что когда планеты не расположены в необходимом положении, звезда в стазисе пребывает в сжатом состоянии, сжимается внутрь себя, становится плотным веществом.

Здесь это названо «сжатый сон».

--- Пожалуйста, понятнее для нас дилетантов? --- попросил капитан Сулат.

--- Плотное вещество является невероятно тяжелым. Вы не сможете сдвинуть с места этот контейнер, даже если задействуете всю вашу технику.

--- Понятно. А что там говорится о времени, когда планеты Коридора Медины расположены необходимым образом? --- спросил Росс.

Маглен пожала плечами в защитном костюме.

--- Я могу только немного. Когда геодезические линии совпадают, это вызывает изменение магнитного поля планет. Звезда переходит в состояние расширения, и ее масса становится менее плотной. Достаточно легкой, чтобы ее транспортировать.

--- Транспортировать и, возможно, вынудить из стазиса? --- сказал Росс, поточесав шею в защитном костюме, чтобы смахнуть пот. В склепе было холодно, но Росс сильно вспотел. Побочное действие избытка адреналина.

-- Верно. Когда состояние стазиса нарушено, звезда будет расширяться и расширяться.

-- Великому Врагу эта звезда нужна не для того, чтобы уничтожить Миры Медины. Это не даст ему ничего. Но когда стазис нарушен, они смогут транспортировать звезду куда угодно, даже к Терре или к Кадуанским Вратам. Лучшее здесь, чем где-то еще, -- капитан Сулат мыслил стратегически, как его учили.

Маглен не стала оспаривать это утверждение. Некоторое время все молчали. Внутри этого контейнера была звезда в стазисе. Один из Старых Королей, которым поклонялись мегинцы доимперской эпохи. Но эту звезду они сорвали с неба с помощью Древних Разумных. Это был разгневанный бог, чью ярость они хотели обрушить на тех, кто постел бы угрожать их цивилизации.

Тот самый, которого они пытались выгнать в Войну Освобождения. Звезда тогда не была в состоянии расширения, геодезические линии-проводники не были

созданы согласно точной схеме, завещанной
Древними Разумными. Звезда вернулась в
стазис, создав вспышку радиации,
вызвавшей эрозию атмосферы Аригуна и
массовое вымирание. Это был
разрушитель миров.

-- Я открою его.

Все повернулись к Россу.

-- Я открою его прямо сейчас, -- снова
заявил Росс.

Маглен открыла рот,
приготовившись заговорить, но Росс
жестом заставил ее затолчать.

-- Нет времени думать об этом.
Великий Враг захватит ее и использует
против Звезд Бастиона. Я не могу этого
допустить. Лучше я выпущу ее из стазиса
прямо здесь. Насколько большой может
быть звезда?

-- Вероятно, достаточно большой,
чтобы поглотить весь Коридор Медины.
Невозможно сказать точно, --
предположила Маглен.

-- Медине конец. Хаос захватил всю
систему.

Росс повернулся к контейнеру,

осторожно постучав по нему силовым кулаком. Одним быстрым движением он повалил контейнер. Сооружение рухнуло с тьедестала, как перезрелый плод, с грохотом, эхом раздавшимся в великоленной акустике кубического склепа.

— Удите. Или останьтесь, если считаете нужным. Я открою его сейчас.

Маглен собралась подойти к Россу, но капитан Силат остановил ее.

— Профессор де Медичи, ваша помощь была бесценной для меня, — сказал Росс.

Унквизитор стоял над опрокинутым колоколом. Он стянул перчатку защитного костюма с силового кулака, и включил его, позволив зарядиться. Последний раз он бросил взгляд на артефакт, стоявший ему так дорого. Старый Король, Древняя Звезда, небесное тело, которому поклонялись как тому, кем оно не имело права быть. Росс поднял силовой кулак и разбил контейнер одним мощным ударом.

Колокол Гробницы раскололся по центру. Внутри была звезда, теперь выпущенная из стазиса. Сначала она

существовала лишь на субатомном уровне, бесконечно малая частица, невидимая невооруженным глазом. Но скоро ее существование стало зримым, и она залила весь склеп зеленым сиянием. Это было словно микроскопическое солнце, освещающее Коридор Медины на звездной карте.

Росс чувствовал ее энергию, звенящую в воздухе, чувствовал ее жар на своей коже. Он смотрел в благоговейном молчании, как звезда продолжала расти. Сначала она стала размером с кулак, кипящая сфера излучающего газа. Обшивка контейнера начала гореть и плавиться, вскипая пузырями. Температура и радиация поднимались так быстро, что Росс не мог больше ждать. Без команды оперативная группа стала подниматься вверх, когда звезда начала пробуждаться.

В ШЕСТИДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ час
Последней Войны звезда вышла из стазиса.

В центре четырехсоткилометровой
стены Цепи Крепостей сияющий диск
света был виден даже с орбиты, с кораблей
9-го флота. Термоядерная энергия
выбрасывалась солнечными вспышками. Ее
всплески уже вызывали нарушения работы
систем связи на борту «Карфагена».

Последняя флотская баржа,
оставившая Аридун, эвакуировала столько
людей, сколько смогла забрать с места
раскопок. Бригадные и штабные генералы
заняли места в ее отсеках вместе с
контуженными рядовыми и сержантами.
Пилоты пытались забрать как можно

больше людей, прежде чем Броненосцы прорвут оборонительный периметр.

Унквизитор Росс — последний из оперативной группы Конклава — вместе с профессором Маглен де Медичи был эвакуирован с Аригуна одним из последних. Чтобы эвакуировать Росса был направлен бомбардировщик «Мародер». Унквизитора подняли на борт на носилках, гвардейцы расчищали путь в толпе, когда его несли к трапу. Некоторые сержанты поблизости приказывали солдатам дать дорогу «их генералу».

Кантиканцы все еще сражались, до последнего часа существования планеты. Но это было уже сопротивление отчаяния. Группы кантиканских гвардейцев, рассеянные во время наступления противника, продолжали сопротивляться. Скрываясь в дыму, гвардейцы обстреливали колонны Броненосцев. Многие, у кого закончились боеприпасы, выходили на улицу, прижимая к груди гранату с выдернутой чекой. Они уходили в ночь, чтобы лечь и умереть, в надежде, что они заснут и вынутят гранату, или враг

подойдет к ним. В любом случае, это была быстрая и достойная смерть.

К четвертому рассвету Последней Войны Кантиканской Колониальной Гвардии больше не существовало. Но к тому времени весь Коридор Медины был уже на пути к гибели. Звезда быстро расширялась, превращаясь в вихрь пыли и темной материи. Она сияла и светилась, как сердце алого урагана. От нее исходили вспышки контрастного зеленого цвета, а газовые тучи кипели вокруг нее дымными вихрями. Чудовищный жар и давление полностью уничтожили планету Аригун, постепенно расширяясь, звезда поглотила Кантику, Орфратис и Холпеш. К концу лунного цикла звезда превратилась в настоящее белое солнце.

К 999. М41 звезда под названием Старый Король стала одним из крупнейших небесных тел Восточной Окраины и навигационным ориентиром для маршрутов костических кораблей. Она находилась там, где раньше был Коридор Медины, поглотив большую часть его

планет, а самые дальние его планеты -- Нага и Синоп -- стали необитаемыми из-за близости к ней.

В анналах имперской истории осталось не слишком много информации об инквизиторе Ободайе Росссе, по крайней мере, не относящейся к кампании Медины.

Его доставили на борт «Карфагена» и проверили на признаки радиоактивного облучения. Он быстро поправлялся и большую часть времени проводил, наблюдая за гибелью Миров Медины из иллюминатора правого борта, пока звезда не стала слишком яркой, чтобы на нее смотреть. Она бы ослепила его, если бы он попытался. Позже Россс написал в своих мемуарах, что судьба Коридора Медины тяжким грузом легла на его плечи и преследовала его до самой смерти.

О своем последнем решении он написал:

«Отнюдь не удивительно, я никогда не был генералом в сияющей броне или апостолом воинских добродетелей. Для них есть место в истории, но я был просто толодым человеком, серьезно

относившимся к своему долгу. И все, чего я достиг до того, привело к этому [к гибели Миров Медины]. Целая звездная система была уничтожена по моей вине. Я часто думал на борту «Карфагена», что бы сделал Гურიон? Его не было там. А если бы он там был, он бы сделал то же самое? Я сожалею, что так и не обсудил с ним эту тему до самой его смерти. До сих пор я не уверен, была ли это моя блестящая победа, или напротив — самая позорная неудача. Великий Враг не добился своих целей. В военном отношении это можно считать победой. Но это трудный вопрос. Добившись этого, я потерял весь Коридор Медин, уничтожил его древнюю историю, миллиарды жизней, и потерял многих, многих грузей».

БАСТУЭЛЬ Сильверстайн запрыгнул на трап корабля. Броненосцы толпились вокруг, в бешеной гавке сражаясь за место на борту фрегата. В их отступлении не было никакого порядка. Они толкались и давили друг друга, некоторые даже убивали других, чтобы проложить путь на

корабль. Прямо перед ним эльтебер поднял картечный пистолет и выстрелил в воздух, пытаясь восстановить порядок. Кто-то ткнул его ножом в ребра, и военачальник рхнул в толпу.

Сильверстайн пригнул голову, плотнее натягивая на лицо зловонную металлическую маску. Изнутри она пахла медным запахом крови. Кольчужный табарг свободно висел на его худых плечах, жирно стазанные полосы металла свисали с плохо сидящих на нем доспехов, как бусы. Он никогда не думал, что сможет раздеть труп хаосита и взять его одежду. Возможно, несколько месяцев назад другой Сильверстайн постеялся бы над такой мыслью. Но сейчас все, что угодно было лучше, чем альтернатива.

Позади полусферой на горизонте сияла расширявшаяся звезда. Атмосфера горела красными и черными вспышками. Она плавилась, как фотопленка в кислоте, черные дыры зияли в ее поверхности. Земля содрогалась — планета начала терять атомную целостность. Впервые, насколько он себя помнил, Сильверстайн

был по-настоящему напуган. Корабли
Броненосцев наполняли темнеющее небо в
массовом исходе с планеты. Он успел
попасть на один из последних кораблей,
взлетающих с Аригүна.

Тран начал подниматься с
гидравлическим визгом. Охотник вместе с
солдатами Великого Врага побежал
глубже в трюм корабля. Они набились в
темный гүлкий трюм. Еще десятки
Броненосцев хлынули с трапа, когда он был
поднят. Некоторые цеплялись за него
пальцами, пока люк не закрылся.
Сильверстайн слышал приглушенные вопли
снаружи. Снаружи Броненосцы стучали по
корпусу в отчаянной металлической
какофонии.

В трюме царил крошечная тьма.
Сильверстайн решил не использовать
аугменты, чтобы видеть лучше. Он не
хотел это видеть. Он чувствовал
зловонную жаркую северную солдат Хаоса
вокруг. Корабль задрожал, когда
включились его двигатели, унося его с
поверхности, давление воздуха в отсеках
стало тяжелым и гнетущим. Прижимая

искореженный кусок железа к лицу,
Сильверстайн начал молиться
Императору, повторяя одну и ту же
молитву снова и снова.